

Новелла 1. «Мужчина»

Я коротаю жизнь мою.
Мою безликую, глухую:
Сегодня – трезво торжествую,
А завтра – плачу и пою...
/ А. Блок /

Все началось с той ночи, когда в окно залетела летучая мышь. Или толчком к неприятностям послужило путешествие в конце марта?..

О путешествии чуть позже. Сначала расскажу о заблудшей представительнице отряда рукокрылых...

В ту ночь я проснулся от странного писка, похожего на позывные сигналы неведомого разведчика, укрывшегося за моей шторой. Некоторое время лежал неподвижно и соображал, кто посмел проникнуть в квартиру через окно. Потом нормальное мышление стало, хотя и медленно, но возвращаться, и я вспомнил, что живу на двенадцатом этаже, а надо мной еще три. Поэтому попадание в мою берлогу с крыши я отменил: лунатику легче проникнуть на пятнадцатый этаж, чем мучиться и заниматься альпинистским спуском, преодолевая дополнительное расстояние.

А если это грабитель? - всплыла в мою голову осторожная мыслишка. И сразу стал оценивать мое благосостояние по сравнению с соседями сверху, упустив из вида тот факт, что грабитель не станет оповещать о своем приходе.

Если сравнивать движимое имущество, то моя тачка круче, чем автомобили соседей, - решил я, - но... они могут быть гражданами Корейко, не желающими выпячивать собственные миллионы. Одеваться в ширпотреб, обуваться в сандалии, позаимствованные у прабабушки, которая слыла аккуратисткой, ездить на ушастом «Запорожце». Это я утрирую, относя соседские авто к российскому автопрому, хотя, «Запор» приехал в Россию из Украины, считай иностранец. Но в то время все было общее, как и государство. Мне повезло, я родился в эпоху загнивающего социализма, когда в универсамах полки радовали стерильной чистотой, а люди светились от счастья. И от уверенности в завтрашнем дне. У всех все было поровну, поэтому не было зависти. Не то, что сейчас...

Но я отвлекся. Зашторные звуки призывали к действию.

Черт меня дернул распахнуть настежь окно. Захотелось окунуться в аромат майских запахов! Окунулся? Теперь расхлебывай!

Я опустил ноги с кровати, полюбовался повышенной волосатостью, свидетельствующей об экстремальности (так говорит моя помощница Зоя Серба о «мохнатых» мужчинах), пошевелил толстыми пальцами, вспомнил, что неплохо бы подстричь ногти, и вздрогнул от нового перелива странных звуков.

Я скользнул взглядом по шевелящейся в районе подоконника занавеске и посмотрел на светящиеся электронные часы. Они показывали 02:32.

Спал я чуть больше двух часов. И за это время кто-то пробрался ко мне в спальню через окно и... начал дурачиться.

Верка, - мысленно выдал я. - Везде меня достанет! Я, как человек тактичный, сразу дал ей понять, что я живу на одном берегу, а она на другом, а парома между берегами нет! И не предвидится... Интересно, занималась она скалолазанием? Сразу вспомнилась песня Высоцкого, и захотелось затянуть с надрывом: Альпинистка моя, скалолазка моя. Но я взял себя в руки, тем более близкой и ласковой Верка не была. Бизнесменша новоявленная. Товары из Парижа в третьем контейнера во втором ряду, как гласила ее рекламная визитка.

Где я, а где она?! Я известный в городе стоматолог! Ко мне на прием записываются за месяц вперед, а она... ПТУшница, переqualificировавшаяся в бизнес-вумен, но оставившая при себе задатки прошлой жизни. Один раз пригласил ее отобедать в ресторане. Настроение было прекрасное, светило мартовское солнце, хотелось декламировать стихи и получать в ответ овации. И тут она – Вера Снегирева. Метет раскисший тротуар норковой шубой и взирает на мир сквозь очки за пятьсот долларов. На голове война в Испании, охваченная пожаром, в том смысле, что беспорядочные космы окрашены в буйно-красный цвет, а вампирские губы выискивают очередную жертву. Жертва сама приплыла вампирше в руки. Я позабыл, что посещение стоматолога, то есть меня, пару раз, это не повод соединить наши сердца. И не повод приглашать в ресторан. Но я был во хмелю весны! Отдался теплему солнечному потоку, растаял, расчувствовался и решил разбавить свое одиночество. У меня так бывает. Редко, но метко, потом не отвяжешься.

Полный идиот! Нашел, кого пригласить! Женщину, которой нельзя подмигнуть, проезжая мимо в бронированном танке! Подглядывая в узенькую щель и медленно наживая педаль газа, рискуя в скором времени утопить ее в пол, чтобы восприимчивая особа не успела ухватиться за любой выступающий предмет танка... Такой дай палец, она на него мгновенно напялит обручальное кольцо, которое носит всегда с собой. На случай появления зазевавшегося кавалера любой наружности и любой возрастной категории. Лишь бы был сносно одет и холост. Или состоял в браке, но постепенно в нем разочаровывался, о чем свидетельствовал ищущий взгляд усталых глаз. Передвигается мужчина на своих двоих или на четырехколесной машинке – значения не имеет. Веруня дама состоятельная, может жениху взрослому игрушку подарить. Только желающих пока не находилось. Отпугивало неумное желание сменить статус – из одинокой женщины со средствами стать замужней дамой с ополовиненными средствами. Деньги значения не имеют. Но ежели у жениха есть свой немалый доход, это приветствуется – копеечка к копеечке, это две копейки, а две всегда лучше, чем одна...

За шторой снова напомнили о себе.

Может, это такой рингтон на телефоне? – подумал я.

Представляю себе: сидит крупногабаритная Веруня на металлопластиковом подоконнике, тербит ножками сорок второго размера в основании, и докладывает о проведенной операции своей подруге каждые пятнадцать минут, используя мобильник, как рацию. Точка – тире, точка... Вдруг сеанс связи не состоялся в условленное время, контролер сложной альпинистской операции не выдержал и нарушил инструкцию – сам позвонил на мобильный телефон Веры. А установленный на этот звонок рингтон полностью соответствует звуковым сигналам азбуки Морзе.

Версия интересная!

Я пригладил свои каштановые волосы, всегда аккуратно уложенные на правильный ровный пробор, а сейчас находящиеся в замешательстве после прерванного сна, и вторично призвал себя к действию.

Со спящей улицы доносилось шуршание шин редких автомобилей. За шторой невидимый моему глазу легкий ветерок играл свежей зеленой листвой на деревьях. Занавеска вздулась под действием ночного шалуна и снова опустилась, не дав мне возможности рассмотреть живое существо, издающее звуковые сигналы.

А может, это инопланетянин, совершивший вынужденную посадку на моем подоконнике? И сейчас он просит помощи у своих собратьев?

Прославиться я никогда не стремился. Взберешься высоко, падать будешь долго и чувствительно. Расшибешься не на шутку. Но при всем нежелании к славе быстро представил себе развороты центральных газет, где я изображен рядом с неким серозеленым существом с раскосыми глазами, носом-кнопкой, растянутым жабым ртом, в серебристом скафандре с двумя антеннами на голове, с помощью которых он принимает

и посылает сигналы своим сородичам. Про свой фривольный наряд, состоящий из белых трусов в клубничку, отдаленно напоминающих короткие шорты, я умолчу.

Меня зазнобило. Майская погода была переменчивой, ласковое тепло сменялось зловредным ненастьем, а утренние температуры заставляли модниц, настроенных на лето, облачаться в джемпера и пиджаки.

Я не заметил, как пролетело два с половиной часа. За окном забрезжил рассвет. Осторожный и испуганный. Как и я, сидящий на кровати и кутающийся в легкое покрывало. Когда ночь поддалась натиску утра, я различил за шторой силуэт птицы, влетевшей в мое окно несколько часов назад. Она забилась в угол, не сообразив, что выход совсем рядом. Надо только сместиться влево и взлететь в небо.

По очертаниям я догадался, что это летучая мышь. Ни Верка, ни инопланетянин. Но это меня не успокоило. Я с детства боюсь мышей: и перебирающих лапками, и летучих. Но надо как-то избавляться от заплутавшего ночного существа с перепончатыми крыльями, которое вскоре не найдет дорогу в свой дом.

Я решительно сбросил накидку, как рыцарь перед поединком, и двинулся к окну. Быстро свернул штору в виде мешка, в который попала летучая мышь, издавшая жалобный писк, потянул своеобразную ловушку к распахнутой створке окна, перекинул конец шторы за карниз, пытаясь обезопасить себя от проникновения представительницы отряда рукокрылых внутрь комнаты, и выпустил ее на волю, поддав напоследок ладонью, будто шлепнул, как капризного ребенка. Птаха – мышь заметалась, потом резко взмыла вверх и исчезла из поля видимости...

Мне удалось соснуть пару часов до начала работы, но лучше бы я этого не делал. Поутру голова была свинцовой, тело вялым, движения заторможенными. Я принял контрастный душ, выпил две чашки крепкого кофе, заел их яичницей из трех яиц и двумя ломтями белого хлеба с маслом.

Настроение медленно поползло вверх. Я полюбовался своим отражением в зеркале. На меня смотрел успешный мужчина едва за тридцать, с темно-карими чувственными глазами, словно промытыми крепким чайным раствором, с лихо зачесанными на бок каштановыми волосами, орлиным носом, жесткими губами, волевым подбородком с едва заметной ямочкой, крепкой, но не бычьей, шеей и широкими рельефными плечами, спрятанными под тонкую ткань дорогого пиджака. Я сделал шаг назад, чтобы оценить фигуру в целом, нашел ее потрясающей – скромность не мой конек. А как можно еще охарактеризовать мужчину ростом метр восемьдесят восемь сантиметров с длинными ногами средней толщины, искусно упакованными в элегантные брюки?

Пижон, – ласково обозвал я себя, добавил «самовлюбленный тип», и вышел из квартиры...

Ночное происшествие мне казалось далеким и несущественным. Даже немного увлекательно-увеселительным. В моей жизни все было четким и однообразным. Но меня это устраивало. Женитьба в мои планы не входила, работа меня устраивала, машина и квартира тоже, наличие большого числа приятелей и существование одного закадычного друга радовали, способность завязывать короткие не обязывающие ни к чему знакомства с девушками подтверждала мою уверенность в успехе у особ противоположного пола и развивала умение не попасть в сети. Вера не в счет. Ошибки бывают у каждого. Даже у разработчиков космических устройств, обломки которых стали падать с неба подобно январскому снегу. И все норвят обрушиться на дома мирных граждан...

Зоя встретила меня приветливой улыбкой. Мы привычно обменялись новостями. Моя миниатюрная помощница с восторгом описывала качества своего гориллообразного мужа, которыми он обрстал с каждым днем, как снежный ком, приготовленный для лепки снеговика. Свадьба состоялась месяц назад, и я там был, коньяк глушил, невесту воровал. Хотя, условности и традиции не выношу. Но иногда на меня накатывает. Как с Веркой. В тот субботний апрельский день я запал на подружку невесты, а после влитых в

себя двести граммов коньяка окончательно потерял голову. До утра. Около полудня мы нежно простились с девушкой Ликой. Или Милой. Точно не помню. А зачем мне ее имя, если я ее больше никогда не увижу? Зоя один раз передала мне привет от подруги, но я наградил ее таким пронзительно-внушительным взглядом, что охота на передачи пропала. Как пропала сама Лика ими Мила, которая решила усердно грызть гранит науки, тем более не за горами защита диплома. Об этом между прочим сказала моя помощница, желая успокоить свое непосредственное руководство. Но руководство было спокойно, как уснувший навечно вулкан.

Сегодня я решил поделиться с Зоей событиями прошедшей ночи. Девушка слушала меня, сведя брови на переносице и сцепив пальцы в замок перед собой.

- Нил Петрович, - обратилась она ко мне, когда рассказ продолжительностью в пять минут подошел к логическому завершению. – Залетевшая в окно птица это плохая примета!

Серба походила на пионера-героя, который готов выложить всю правду о предках вплоть до десятого поколения, но испытывала при этом сожаление и угрызения совести, отчего на ее впалых щеках зарделись два круга.

- Ерунда, - отмахнулся я, пока не догадываясь, к чему приведет беспечность и неподготовленность к отражению атаки противника, который уже притаился в окопе.

- Я точно говорю! – продолжала вещать «пионерка», сместив цепи рук к подбородку. - Если птица залетит в окно – жди беды! – И поплевала при этом через левое плечо, словно отгоняла подгребающую сзади хромую бабку-беду с заостренной косой в руке.

Я решил разрядить обстановку и выдал.

- Плюешь, чтобы не сглазить?! Хочешь избавиться от ворчуна-начальника?

- Что Вы, что Вы, Нил Петрович, - кокетливо замахала руками Зоя, превратившись из пионерки в ласковую кошечку, играющую с бантиком, привязанным к нити. – Да я за Вас... в огонь и в воду! Только скажите!

- Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет! – задумчиво процитировал я.

- Ой, Вы сегодня на Некрасова перешли! – удивилась Серба. – Изменили своему любимому Блоку?..

А, может, все неприятности начались после мартовской поездки в село Тараканово, где находится полуразвалившийся храм Михаила Архангела, в котором в начале прошлого века венчался Александр Блок с Любовью Менделеевой?..

Я бредил стихами поэта еще со школьной скамьи. Поражал поклонниц декламацией и зарабатывал себе очки с помощью гениальности Блока еще в те времена, когда ничем иным привлечь не мог. Не было теперешней стати, материальной независимости и уверенности в себе. Были лишь прыщи на лице и юношеская угловатость. Поэт помогал мне выбираться из ямы неопытности.

Теперь я решил отплатить ему за поддержку. Поехать в Шахматово, в его имение, где он написал свои лучшие произведения, посетить храм Михаила Архангела и пожертвовать деньги на его реставрацию. Капля в море, но все же. Капля к капле – уже лужа.

Музей меня не вдохновил. Экскурсовод уверяла, что все вещи принадлежали Блоку и переехали в наше время из начала прошлого века, но я в это поверил с трудом. Уж, слишком все напыщенное, вычищенное и вылизанное. Я понимаю, что в музее не может быть бедлама, но стерильность музейной операционной заставляет усомниться, что здесь поэт отстранился от мирской суеты и написал свое «Поле Куликово».

А состояние храма меня просто убило. Как можно относиться к своим достояниям таким наплевательским образом?

В ушах стучали стихи Блока:

Люблю вечернее моление
У белой церкви над рекой

Передзакатное селенье
И сумрак мутно-голубой...

Я увидел ветхое строение, доживающее свой век, которому в насмешку нахлобучили новую крышу. А чтобы не резала глаз убогость, все скрыли за высоким забором. Нарышкинское борокко, вспомнил не к месту я.

- Нет средств, - развел руками уставший от хождений с протянутой рукой директор музея – заповедника Александра Блока, в который вошел и разрушенный храм. Мой вклад он принял с благодарностью, но это была такая малая толика, что на нее дыру в заборе не залатаешь.

Неужели у государства нет средств, чтобы восстановить памятник архитектуры, возведенный еще в конце семнадцатого века?

Блок утверждал, что храм хранит в себе тайны. Поэт был по натуре мистиком и, вообще, человеком со странностями, как все гении, но на пустом месте он выводы бы не делал.

Всю дорогу домой я размышлял и представлял, как молодой поэт стоит у алтаря с высокой рыжеволосой Любовью Менделеевой, которая не догадывается, какая несчастная жизнь ждет ее впереди. И нельзя осуждать ее за многочисленные романы на стороне. Кому понравится жить с любимым мужчиной в платоническом браке?

Я не заметил, как заснул под стук колес. Проснулся, когда заскрипела отодвигаемая дверь купе. Я не поверил своим заспанным глазам. Передо мной стояла она – Любовь Дмитриевна Менделеева, дочь известного химика. Только в современном платье. Но с такими же длинными густыми волосами, статная, с узкими синими озорными глазами и безмерно привлекательная. Она загородила своим пышным телом весь проход и выжидательно смотрела на меня.

Я потряс головой, отгоняя остатки сна, провел рукой по лицу, будто стирал помятость от плоской подушки, принял сидячее положение и глупо улыбнулся.

- Прошу, - пригласил я ее в купе, словно оно принадлежало мне полностью.

Девушка замылась и повела головой за спину, где притаился чемодан, за ручку которого она все время держалась. Я подхватился, полавировал туда-сюда, не зная, как протиснуться к поклаже, девушка мне помогла, уступив свое место багажу. Я уложил чемодан в багажный отсек и снова пригласил ее в купе.

Она сняла с себя легкое пальто сиреневого цвета, и осталась в сером платье без изысков. В таких ходят училки на работу. По крайней в наше время ходили в мышинных нарядах и наглухо застегнутыми.

- Нил, - представился я, учтиво склонив голову в легком поклоне.

- Любовь, - сказала она с милой улыбкой, отпечатав на пухлых щеках глубокие ямочки.

- Менделеева? – ляпнул я, растеряв по дороге остатки разума.

- Фирсова, - недоуменно передернула плечами девушка рубенсовских форм.

И мне вдруг захотелось сделать ей предложение руки и сердца. И получить согласие. И стоять у алтаря в отреставрированном храме Михаила Архангела рядом с Любой Фирсовой и вникать в смысл речи бородатого священника, который еще венчал Блока и Менделееву...

Попутчица оказалась неразговорчивой, но благодарной слушательницей, что мне было на руку. Я разбрасывал комплименты в ее адрес, как трудолюбивый крестьянин семена в благодатную землю, читал стихи, естественно из Блока, рассказывал о нелепых случаях из моей практики. Люба мягко улыбалась в ответ. Мне показалось, что она не со мной в купе поезда, а где-то далеко, на той станции, где остался ее провожатый. А был ли он на самом деле? Тогда откуда отстраненность? Или ей неинтересен мой красочный монолог?

Я сразу заметил, что кольцо на безымянном пальце отсутствует, но это ничего не значит. На ее пальцах, вообще, не было изделий из драгоценных металлов, на шее не

болтались цепи или бусы, что натолкнуло на мысль, что девушка равнодушна к украшениям.

Оборвав фразу на полуслове, я спросил напрямую:

- Люба, Вы замужем?

Она дернулась, словно я вознамерился нанести ей оскорбление в виде пощечного рукоприкладства, а она по-боксерски от него уходила.

- Нет, - после раздумий заявила она.

Я решил, что девушка сама сомневается. Или является соломенной вдовой, что более вероятно. Был муж, да сплыл. Унесло течением в неизвестном направлении. А там, глядишь, прибился к чужому берегу, позабыв про старую пристань...

«Пристань» старой не выглядела, не более двадцати восьми, а то и меньше. Года прибавляло упитанное телосложение. Упитанное, но чрезвычайно аппетитное. Люба походила на сдобную булочку – такая же пышная и вкусная... на вид. Мне захотелось попробовать, но я не рискнул. Помешала повышенная серьезность и способность отразить нападение. Было видно, что Фирсова способна за себя постоять. Получать фингал под глазом в мои планы не входило. Как не входило разочаровываться в себе, как в практикующем донжуане. В том смысле, что я проверял на практике усвоенные теоретические принципы поведения человека - обольстителя и искателя любовных приключений. Но действовал выборочно, отсекая непривлекательных, навязчивых, целеустремленных, мечтательных, злоупотребляющих моим терпением и женщин без изюминки. Верка не счет, у каждого бывает съезд с заданной траектории.

Я не сдержался и сказал.

- Никогда не поверю, что такая девушка не замужем. – фраза не понравилась мне самому. Была в ней непривычная для меня избитость и ограниченность в мышлении.

Любовь пожала плечами, что говорило о праве собеседника строить предположения, ей до этого нет никакого дела. И отвернулась к окну, где со скоростью пассажирского поезда пробегала природа средней полосы России.

-Ну-у-у, если Вы не связаны узами брака, - протянул я и замер, как шоумен, готовый провозгласить разгадку ребуса сидящей перед ним несообразительной аудитории, - то... то, - застопорился я, взял себя в руки и выпалил на дном дыхании, - то выходите за меня замуж!

Фирсова внимательно изучила мое правдивое лицо с вытаращенными влажно-карими глазами, хмыкнула и спросила.

- А вдруг я соглашусь? – в голосе чувствовалась угроза. Она посчитала мое предложение розыгрышем. Прилепилось к словцу предложение руки и сердца во время скучного пути, чтобы время скоротать.

Так думала она, а о чем думал я, когда бросался призывами к браку, пока не знал. Захотелось перед алтарем постоять, вообразил себя Блоком. Рассудок временно помутился, затем серое вещество в моем мозгу опомнилось, обработало поступившую информацию, и поинтересовалось, в своем ли я уме? – В чужом! - сразу нашелся ответ, но отступить было поздно.

- Я буду счастлив, если вы ответите согласием, - пролепетал я, пряча глаза. Но проделал это мастерски, показывая всем видом, что испытываю стеснение от впервые произнесенного вслух серьезного предложения. Сейчас она скажет, что почти меня не знает и попросит рассказать о себе. Будто принимает меня в партию власти и желает услышать подтверждение в моей лояльности и понимании момента. Это окончательно отрезвит меня и заставит унести ноги. И куда я их унесу? Спрыгну с мчащегося поезда?

Но Люба не стала требовать четкого пересказа моей биографии и прочей лабуды, она перешла на себя.

- Вы меня совсем не знаете. Вероятнее всего, Вы передумаете, когда познакомитесь со мной поближе.

Я обреченно поводит головой из стороны в сторону, будто рядом со мной сидел отец-деспот, самолично подобравший мне невесту, а в случае отказа предупредил о лишении наследства.

- Я - Любовь Григорьевна Фирсова. Двадцать семь лет, не замужем, - на этом слове она споткнулась, будто получила удар под дых. Отдышалась и едва слышно сказала: – Если быть честной, то жених исчез на пороге ЗАГСа...

- Это как?

- Не пришел на бракосочетание. Я не хотела, чтобы он заезжал за мной, ненавижу все эти купли-продажи, проводы, возгласы соседей, украшенные похоронными цветами автомобили, и тому подобное. На мне было новое приличное платье, без блесток и подъюбочных колец, туфли на высоком каблуке, сумочка и букет цветов. Из гостей были родители и две моих близких подруги... И благодаря узкому кругу я не сгорела от стыда. Только стыд сменился гневом, а гнев самобичеванием.

- Ругала себя последними словами, что не разгадала намерений парня? – перешел на дружеский тон я.

- Ругала и рыдала. Пока мама не уговорила меня позвонить Антону. Он недавно в наш город приехал, сам детдомовский, отслужил Армию, окончил заочно институт, в своем заштатном городишке работу по специальности найти не мог, вот и переехал в промышленный центр. Устроился к нам на завод, я сама в отделе кадров работаю...

- Сразу попал в твои руки, - догадался я.

- И в сердце проник, - мечтательно заметила Фирсова.

И я сделал вывод, что оттуда парень пока не выбрался, а вслух поинтересовался.

- И ты позвонила?

- Позвонила на следующий день, но его мобильник был отключен. А на съемной квартире стационарного телефона не было... Идти к нему домой я не решилась... В понедельник пришла на работу, хотя, оформила отпуск. Собиралась в свадебное путешествие, - с горечью произнесла девушка. – Все удивились, бросились поздравлять, но быстро смолкли, увидев мою распухшую от слез физиономию. Мой начальник взялся выяснить все до конца. Пошел в цех, где трудился мой несостоявшийся муж, а руководство лишь руками развело: нет Антона Хомякова, в отпуске! Отправились мы к нему домой. Никого. У соседей поспрашивали, говорят, вышел в субботу при параде и с букетом. Вышел, а до ЗАГСа не дошел. – Тяжело вздохнула она, колыхнув высокой грудью.

- В полицию заявили?

- У меня не хотели принимать заявление, кто я Антону? Никто! Еще поухмылялись нагло, дескать, совсем девицы обнаглели, женихи от них сбегают, а они их стараются с милицией вернуть. Но снова вмешался мой начальник и заявление приняли... Не мог Антон сбежать! – с чувством сказала она. Но мне показалось, что Люба себя убеждает в порядочности молодого человека.

- Может, несчастный случай? Переходил через дорогу и... бац! Документов нет, лицо обезображено до неузнаваемости...

- Да, что Вы такое говорите?! – вскинулась Фирсова.

- Это всего лишь версия.

- Не нужны мне Ваши версии, - скривилась она.- Пусть лучше будет живым предателем!

Я повторил про себя странное словосочетание и хмыкнул. Но Люба не обратила на звуковой выпад в ее сторону внимания, снова углубившись в изучение пейзажа, который поплыл медленнее – поезд подходил к станции.

Я набросил куртку и пошел по вагону, непроизвольно заглядывая в распахнутые двери чужих купе. Людей было мало, в каждом отсеке по одному-два человека, в основном пенсионеры и дети, только в одном купе сидел молодой мужчина и читал газету, отгородившись ею от всех. При этом он напоминал незадачливого шпиона, отчаявшегося получить сведения от связника.

Не хочешь, чтобы тебя рассматривали, закройся на замок и сиди, - подумал я, застегивая на молнию куртку. За окном моросил дождь и давила небесная серая тяжесть.

Молодая проводница до прихода Фирсовой навязчиво кокетничала со мной, а теперь не удостоила взглядом, сосредоточившись на своих обязанностях. Я промурлыкал песню про кису Ларису, девушка снизошла и улыбнулась.

- Лара – Вы прелесть! – с вдохновением поэта произнес я, спускаясь на перрон.

- Я знаю, - зыркнула она глазами и одернула форменный жилет.

Фигура – блеск, - подумал я, оценивая стройные ноги, выглядывающие из-под короткой юбки, и непроизвольно причмокнул губами, что окончательно задобрило ревнивую особу.

Я прошел вдоль вереницы бабулек, торгующий снедью, и огорчился, не увидев необходимого атрибута любого завоевателя чужого интереса - букетика цветов. Все равно, каких. Пусть полевых, пусть нагло - откровенных, коими я считаю розы всех оттенков. Или цветов с намеком, как георгины, которые положено дарить недругу. Но кто об этих тонкостях знает? В основном мужчины предпочитают веники поувесистей, с длинными стеблями и упакованными в жуткую скрипучую бумагу, будто прячут преподносимый букет от ревнивой жены. Но почему не взять в этом случае «карманные» цветочки-лютики? И для постороннего глаза незаметно, и сюрприз для дамы обеспечит вам высокий рейтинг.

Облом, - решил я и огляделся, надеясь усмотреть пробивающиеся из-под земли подснежники. Но то ли год был неурожайным на весенние первоцветы, то ли время не пришло, но кроме неприглядной глазу темной влажной земли я ничего не заметил.

- Чаво ищешь, милоч? – прошамкала крайняя бабуля со слезящими глазами, в клетчатом платке, стареньком пуховике и грозных резиновых сапогах.

- Цветы ищу, бабушка. Хочу невесте подарить.

Старушка опустила глаза, выискивая среди продуктов затерявшийся букетик, не нашла и снова воззрилась на меня.

- А капустки квашеной не хочешь? Али картошечки горячей? Вкусная –я - я! Лучше всех цветов!

Я непроизвольно сглотнул слюну и подумал: Почему я должен идти тропинкой, которую до меня протоптали миллионы мужчины? Надо искать свою дорожку к сердцу дамы!

И купил вареной картошки, квашеной капусты, четыре крупных соленых огурца, покосился на головку репчатого лука, но сразу выкинул из головы неподходящий моменту продукт. Сгреб все в охапку и потрусил к вагону, по привычке проводя взглядом по выложенным на своеобразных прилавках съестным припасам. У одной торговки я увидел пучок парниковой петрушки и так обрадовался, словно это был невиданный деликатес. Я быстро расплатился и побежал к запыхтевшему поезду.

Когда я шел по вагону, он успел тронуться, а в дверном проеме нашего купе показалось обеспокоенное лицо Любы.

- Я думала, Вы отстали.

- Я здесь, и я у Ваших ног! – я преклонил колени и преподнес девушке букет петрушки. И едва не выронил бабушки разносолы.

Фирсова кинулась мне помогать, мы стукнулись лбами и рассмеялись. У Любы была очень милая улыбка. Искренняя и заразительная.

Вскоре мы сидели за накрытым столом. Я достал дорожную фляжку с водкой, девушка для вида поломалась, но затем согласилась «пригубить». Я произнес тост за наше дорожное знакомство, которое должно перерасти в нечто большее. Любовь смущенно зарделась и опрокинула в себя стопку одним махом.

Однако, - подумал я и снова наполнил крошечный сосуд.

Через некоторое время она переместилась ко мне на полку, заглянула в глаза и задала вопрос, который ее терзал с момента моей неводержанности.

- Ты, правда, хочешь на мне жениться? – и при этом обняла меня за плечи. В данном случае больше подошел вопрос: «Ты меня уважаешь?»

Помогла выпутаться из сложной ситуации проводница Лариса.

- Чай пить будете? – с вызовом спросила она, заранее не принимая отрицательного ответа.

При виде третьего лишнего Фирсова подобралась, сложила кисти рук на коленях и облизала губы.

Лара расценила поведение девушки по-своему, решив, что мы перешли от разговоров к жарким поцелуям.

- Ну? – продолжила проводница порицание, уперев кулаки в тонкую талию, желая подчеркнуть разницу в объеме данного места с объемом соперницы.

Сейчас я любил обеих, невзирая на модельные показатели одной и схожесть с Любовью Менделеевой другой.

- Будем, если Вы, Ларочка, к нам присоединитесь!

Девушка в униформе с вызовом посмотрела на пассажирку сверху вниз. Та, в свою очередь, оторопело уставилась на меня, не понимая, зачем нам третий лишний.

- С лимоном? – поинтересовалась проводница.

- Главное, с Вами вместе, - расплылся я в крокодильей улыбке, которая не сулила в будущем ничего хорошего.

Лара мигом исчезла. Я наклонился к Любе и пояснил.

- Дочь моей троюродной тетки, вдовы моего любимого дядюшки. Совсем девчонка от рук отбилась. Нужен глаз, да глаз!

- А почему ты с ней на Вы? – скумекала не совсем протрезвевшая Фирсова.

- Так... она же на службе! Панибратство на железной дороге не приветствуется! – со знанием дела заметил я и выбрался из купе, предупредив попутчицу о моем недолгом отсутствии. Не дошел до туалета, свернув к Ларисе, которая выставляла стаканы с чаем на подносе, присовокупив к ним печенье и конфеты. Под мышкой прорисовывались очертания бутылки, завернутой в газету.

Дальнейшие события я помню с трудом. Сначала я пил на брудершафт с Ларой, затем с Любой, признавался обеим в любви, за нее, родимую, мы и пили, а также за дружбу и исполнения желаний.

Фирсова кричала, что она согласна, я не мог сообразить, на что она согласна, но уверенно кивал и утверждал, что слов на ветер не бросаю. Ларка было обиделась, но потом стала расспрашивать, есть ли у меня брат? Я задумался, хотя, всегда был единственный любимым чадом в обеспеченной семье, и брякнул, что имею брата-близнеца. Проводница сразу прильнула ко мне и попросила об услуге – я должен познакомить ее с братом! Иначе она отобьет меня у Любы. Та, в свою очередь, облобызала мои губы, и присоединилась к просьбе, заявив, что еще одной потери не переживет...

Утром поезд подкатил к моей станции. Я впопыхах распрощался с Фирсовой, которой предстояло провести в вагоне еще пару часов.

- Желаю удачи в поисках Антона Хомякова.

И этой фразой дал понять, что забыл о вчерашнем предложении, а через минуту забуду о существовании девушки по имени Любовь, копией супруги любимого поэта Александра Блока.

На перроне нежно коснулся руки Ларисы. Та открыла рот, чтобы задать повисший на языке вопрос, но я быстро развернулся и зашагал навстречу привычной жизни, вращающейся по привычной траектории.

Так я думал в тот момент.

Но глубоко ошибался...

Я вышел из здания стоматологической клиники «Грант» и залюбовался своим блестящим автомобилем – большим, темно-синим, с допустимыми по норме затемненными окнами, за которыми... отчетливо виднелся женский силуэт, нагло восседавший на пассажирском месте. Я резко затормозил, будто уперся в невидимую преграду, но потом успешно ее преодолел, да так притомился, что следующие несколько метров медленно полз на ватных ногах, приближаясь к своей массивной игрушке. С нахмуренным видом изучил неподвижный женский профиль, который не удосужился сменить положение, и рванул на себя дверь. Я надеялся, что дверь заблокирована, а у меня видения на почве трудного рабочего дня продолжительностью в двенадцать часов. Но дверь легко открылась, оставив без надобности ключи-брелок, зажатые в моей руке. Сидевшая девушка сначала держала равновесие, потом стала клониться на бок, как в замедленной съемке, и сползла вниз, к моим ногам, выпадая из автомобиля, в салон которого непрошенная гостья попала непонятным способом, где приняла на грудь и заснула крепким мертвецким сном. Я был так заморожен стеканием девушки на тротуар, что не сообразил прийти ей на помощь, опомнился в том момент, когда она улеглась между машиной и мною, прикорнув на боку и создав полукольцо вокруг моих ног.

Я автоматически отступил на шаг.

- Э-э-э... Вы... чего?

- Нил Петрович, у Вас проблемы? – услышал я за спиной взволнованный голос Зои.

- Проблемы, - промямлил я, обалдело смотря на труп незнакомки, оказавшийся в салоне моего автомобиля.

То, что это труп, а не подвыпившая девица, я понял только сейчас, сделав шаг назад и заметив торчавший в ее шее медицинский скальпель и запекшуюся вокруг раны кровь, что свидетельствовало об убийстве, совершенном, по меньшей мере, несколько часов назад. Потому она и лежала скрюченная – тело успело окоченеть в сидячем положении...

Я терпеливо рассказывал приехавшему старшему следователю следственного комитета майору юстиции Ивану Ивановичу Проскурину (удивительно, что запомнил его имя в этом состоянии), что оставил машину на стоянке у стоматологической клиники без десяти восемь. Окна моего кабинета выходят на противоположную сторону, весь день был расписан по часам, поэтому за своим железным конем не следил, на улицу для проверки и визуального наслаждения не выходил. И зачем? Если установлена отличная сигнализация, а в случае, если бы она сработала, администратор, восседающая за стойкой, отреагировала и сообщила мне. Убитую девушку первый раз вижу. И не желаю лишний раз глядываться в ее застывшее лицо, чтобы убедиться в этом.

- Вы оставили автомобиль на этом месте?

- Думаете, его угнали, покатались по городу, пока хозяин лечит зубы пациентов, после чего угонщик устранил свидетельницу, с которой вместе мотался с ветерком по улицам, чтобы та не выболтала, кто посягнул на мою собственность? И не удосужился спрятать тело! Зачем? Когда можно оставить его в салоне. И мороки меньше и владельцу – толстосуму больше проблем.

- Вы, гражданин Железко, не умничайте, а отвечайте на вопросы, - нахмурился Проскурин. – И не забывайте, что в первую очередь подозрение падает на Вас!

- А зачем мне убивать незнакомую девушку и прятать ее в своей машине? – пожал я плечами.

- У Нила Петровича есть алиби! – встряла в разговор Зоя. – Он все время был рядом со мной. Вернее, я была с ним рядом. Даже чай вместе пили! – С оттенком гордости заявила она.

- И в туалет Ваш Нил Петрович не отлучался? - ехидно поинтересовался следователь.

Моя помощница смутилась, будто мужчина высказал непристойность.

- Отлучался, но на улицу не выходил! Можете у Лиды администратора спросить.

- А Лиду к стулу на двенадцать часов приклеили? – поерничал Проскурин, но было заметно, что заступничество Сербы его подкупает. Не каждый подчиненный будет идти на амбразуру за своего начальника.

- Лидочка покидает свой пост, но ненадолго. И просит тетю Пашу, уборщицу, ее заменить.

Проскурин позвал своего помощника и приказал найти свободный кабинет в стоматологии и допросить меня по всей форме. Сам он не желал покинуть место, где работала следственно-оперативная группа. И где находилась моя помощница, из которой при особом подходе можно выкачать необходимые сведения о начальнике. Мы вернулись в здание, оставив на улице несколько мужчин, обступивших автомобиль, и расстроенную Зою Сербу, успевшую мне шепнуть, что позвонит Потапу Анатольевичу.

Потап Анатольевич Мартынов мой закадычный друг еще со школьной скамьи. Ныне директор автосалона «Audi», где была приобретена моя тачка, преподнесшая мне такой неприятный сюрприз. Хотя, машина здесь не причем. Девицу убили ударом скальпеля в шею и подбросили в автомобиль, оказавшийся... открытым. Мог я позабыть закрыть машину? Надо восстановить в памяти время, когда подъехал к клинике? Тем более, об этом настойчиво требует поведать помощник Проскурина, представившийся капитаном полиции Трубкиным, который походил на состарившегося раньше времени подростка. Главную роль в этом играл тусклый безучастный взгляд, вопивший о всезнайстве и умении вскрывать нарывы общества одним щелчком. И видит он меня насквозь. Такого сытого, богатого и безжалостного.

- Я подъехал к «Гранту» в семь пятьдесят, - устало начал я в сотый раз. Капитан недоверчиво на меня посмотрел. - Над входной дверью стоматологической клиники висят электронные часы, я всегда непроизвольно бросаю на них взгляд, фиксируя время прибытия.

- Продолжайте, - прервал лирическое отступление Трубкин и сделал вид, что ничего нового не услышит. Но есть правила, по которым он вынужден играть.

- Подъехал, вышел из машины...

- В эту минуту Вы не встретили знакомого? Может, отвлеклись и забыли поставить автомобиль на сигнализацию?

- Отвлекся, - кивнул я, восстанавливая в памяти утро сегодняшнего вторника. – Мне позвонила одна женщина и сообщила... новость, которая повергла меня в шок.

- И что же она Вам сказала? – подобрался капитан, желая услышать угрозы телефонной собеседницы, после чего в салоне появился труп девушки. Как первое предупреждение. Глаза оперуполномоченного засветились подобно внезапно вспыхнувшему огоньку на новогодней елке. Но в глубине глаз отчетливо читалось недоверие: давай, парень, «неси пургу», заметай меня снегом. Но я не лыком шит, в два счета тебя «выведу на чистую воду».

- Она сказала, что... ждет от меня ребенка.

- Поздравляю! – с издевкой сказал он.

- Не с чем. Я с этой женщиной в связь не вступал.

- А она иного мнения? Потому и поспешила сообщить Вам радостную новость?

- Я не люблю делиться своей глубоко личной жизнью, - нахмурился я.

- Ладно, - кивнул головой капитан. – Предположим, Вы опешили от новости и забыли об автомобиле. Или все же автоматически поставили «Audi» на сигнализацию?

Я закрыл лицо ладонями, словно отгородился от Трубкина, мешающего мне восстановить события утра.

Итак, я подъехал, выключил зажигание, услышал звонок мобильного, который лежал на панели, увидел, что звонит Вера и хотел проигнорировать... Но потом поразмыслил, решил, что та заявится в клинику с недружественным визитом, и ответил. Она сразу огорошила меня новостью. Я в это время успел открыть дверь машины, выбрался и встал,

как вкопанный. От такой новости легко окаменеешь и забудешь собственное имя. Ладно бы, если инцидент присутствовал, а то все ограничилось одноразовым посещением ресторана. Но Верка утверждает, что однажды я завалился к ней среди ночи в непотребном виде и насильно овладел ею. Но... Во-первых, я не знаю, где навязчивая дамочка проживает, о чем успел ей сообщить. А она заявила, будто я узнал адрес в регистратуре. В ответ я тяжело вздохнул, приводя нервную систему в более-менее нормальное состояние и продолжил. Во-вторых, я никогда не беру женщин силой! Все происходит по согласию! И не нахрапом, а с предварительной увертюрой, которая может занять достаточно времени для того, чтобы момент соития был так же сладок, как запретный плод. У Веры снова нашелся ответ: она в тот вечер была в таком потрясающем неглиже, что я не устоял и прямо с порога набросился на нее. – Но я был пьян! – парировал я. – Как мог плохо фокусирующим зрением уловить сногшибательное неглиже? И заодно потребовал назвать число и месяц. У Верки был готов ответ. Оказалось, что ВСЕ произошло через неделю после необдуманного приглашения в ресторан, а именно, тридцатого марта. Быть этого не может, – рявкнул я и... очнулся у двери стоматологической клиники. Некоторое время помялся, размышляя, как попался на крючок хитроумной особы. Попытался успокоить себя поведением экспертизы на ДНК... Но врачи утверждают, что такая экспертиза на ранних сроках беременности может вредно сказаться на здоровье самой матери и малыша. Следовательно, надо ждать его появления на свет. За оставшиеся месяцы Вера меня изведет... Нерадостные мысли теснили друг друга в моей распухшей голове. В тот момент автомобиль занимал меня меньше всего. Я не повернул в его сторону головы и проследовал в кабинет. Уже на пороге я вдруг вспомнил, что не могу быть отцом ребенка Веры Снегиревой, потому что в этот день, тридцатого марта, ехал в поезде вместе с Любой Фирсовой. Да, я был пьян в тот вечер, но отчетливо помню, что Верки в вагоне не было. А доказательство в виде билета на поезд, я могу ей предъявить. Думаю, он до сих пор покоится в недрах моей дорожной сумки. Я не выдержал, позвонил Снегиревой и все выложил. Женщина внимательно выслушала и, не произнеся ни слова, отключилась. И так бедолага расстроилась от провала заранее подготовленной операции, что вышла на улицу, убила первую попавшуюся девицу, сунула в багажник своего «Пежо», доехала до клиники, перегрузила тело в «Audi», благо дверь не была заблокирована, и тем самым отомстила мне за непринятие идеи о своем материнстве и моем отцовстве.... Бредоватая идея, но другой нет... Но Верку я топить не собираюсь. Пусть полиция сама разбирается во всем.

- Вспомнили? – спросил меня Трубкин, считывая с моего лица ответ.

- Я автомобиль на сигнализацию не ставил! – уверенно заявил я. Хотя, сомнения не развеялись.

- Думаю, Вы знаете, что вскрыть замок навороченной иномарки весьма затруднительно даже специалисту, не говоря о дилетанте. «В полевых условиях» это невозможно. То ли дело, на станции технического обслуживания.

- Вы намекаете на то, что машину отогнали в сервис, там вскрыли, уложили труп и вернули на место?

- Я ни на что не намекаю, я рассуждаю вслух и пытаюсь узнать, как и почему в салоне ВАШЕГО автомобиля оказалась убитая медицинским скальпелем девушка.

Взгляд полицейского мне не понравился. В нем явно сквозил намек на родственную связь медицинского инструмента, который взял на себя роль орудия преступления, и моей специальности.

- Я лечащий врач, а не хирург. Это раз. Стоматологический скальпель имеет другую форму, более удобную для разрезания мягких тканей десны. Это два. – парировал я.

Трубкин усердно почесал макушку и недовольно нахмурился, не ожидая получить от меня уверенный ответ, разложенный на две полочки.

- Еще один вопрос, - после раздумий заявил он с таким видом, будто вот-вот готов уложить меня на обе лопатки. – Где второй комплект ключей от автомобиля?

А, правда, где второй комплект ключей? – задумался я и зыркнул на капитана, который, судя по торжествующему виду, ожидал услышать признание, что ключи я вручил сообщнику, который выполнил вторую часть операции – отвел от меня подозрение и усадил тело девушки на сиденье. Решил, что загнал этим вопросом меня в угол? Загнал бы, если я начал заверять, что ключи лежали в тумбочке в рабочем кабинете, где шныряют туда-сюда люди, или в надежном месте в собственной квартире, о котором не знает ни одна живая душа. Кроме меня. В первом варианте круг подозреваемых исчисляется несколькими десятками человек, при условии, что я видел запасной комплект не более недели назад. Во втором варианте – все указывает на меня, как на убийцу невинной девушки. При условии, что на квартирное имущество никто не посягал. Ежели я скажу, что кто-то посягал, то сразу рождается вопрос – где заявление о проникновении на чужую территорию?

В общем, обложил меня товарищ оперуполномоченный по всем фронтам. Но и мы не лаптем суп хлебаем.

Я знаю за собой грешок. Человек я забывчивый и увлекающийся, поэтому вручил второй комплект ключей своего другу – Потапу Мартынову, мысленно проведя ассоциативную связку между запасными ключами и приятелем. Как вбивали в память слова Маяковского «Мы говорил Ленин, подразумеваем партия, мы говорим партия, подразумеваем Ленин». Так и со мной, вернее с Потапом Анатольевичем: вспомнил про второй комплект ключей, рядом всплыл Мартынов.

Люблю проводить аналогии между предметами и людьми. Или между людьми. Удобно для тех, кто страдает провалами памяти.

Некоторые индивиды применяют ассоциативные цепочки, а я – ассоциативные связки. Для меня это проще. Есть буква «А» и буква «Я», а между ними еще тридцать одна буква, но мне о них помнить необязательно, дабы не загружать лишней информацией умную голову. Объясняю примитивно, но доходчиво. Но ассоциативные цепочки тоже плету, когда простота не позволяет соединить вместе несоединимое. Например, я забываю названия улиц. Одна моя знакомая живет на площади Карла Маркса. Мало ли улиц, которых нарекли именами основоположников марксизма-ленинизма. Я могу приплести сюда и того же Маркса, и Энгельса, и Ленина, и участников революционных движений. Взять Щорса или Буденного, Сталина или Молотова. Или всесоюзного старосту Калинина. В любом городе есть улицы, названные в их честь. Допустим, пригласит меня девушка в гости, а память дала сбой – забыл, где она живет, а переспрашивать неудобно. Сам вещал ей, что безмерно скучаю и жду встречи... Ведь называла мне улицу и дом. Умные люди заносят все в электронный справочник. Мне лень. Легче сплести связку, али цепочку из ассоциаций. Итак, при знакомстве девушка говорила, что живет на площади Карла Маркса. Включаю мозги и вспоминаю его творение «Капитал». Я стремлюсь скопить капитал, чтобы купить землю и построить дом. Это моя мечта. Теперь в обратном порядке: мечта – дом – капитал – Маркс. Едва произношу имя девушки, вспоминаю о мечте и понеслось. Кому-то сложно, мне нет. Тренировка ума! С цифрами проще, они осаждаются в памяти накрепко. Это я о нумерации дома и квартиры.

Но я отвлекся. Капитан устал ждать изворотливый ответ.

- Второй комплект ключей находится у директора автосалона «Audi» в сейфе. – констатировал я без особой обеспокоенности. Зажатость слетела с меня, как накидка тореро перед схваткой с быком.

- И мы можем это проверить?

- Хоть, сейчас! Позвоните господину Потапову и поинтересуйтесь... Или можете себя не утруждать. Думаю, он будет здесь с минуты на минуту.

- По какой же надобности он прибудет?

- Его Зоя Серба, моя помощница, известила о... происшествии. Должна была известить. – уверенно добавил я, откидываясь на спинку стула и покачивая ногой, обутой в элегантный туфель известной итальянской марки.

- А господин Потапов по совместительству Ваш адвокат?

- Мне адвокат не нужен, я законы не нарушаю. Тем более не убиваю невинных девушек ударом скальпеля!

- Ну-ну, - хмыкнул Трубкин, словно сомневался в моем уверенном заявлении и пытался найти опровержение. – Разговор с директором автосалона мы отложим на потом, сейчас меня интересует, есть ли из этого здания еще один выход? Аварийный или служебный, называйте, как хотите.

- Конечно, есть!

При этих словах Трубкин не сдержался и расплылся в гаденькой улыбочке, будто одним умным вопросом раскрыл преступление по горячим следам. Было алиби у гражданина Желязко, да мгновенно сплыло, махнув на прощание рукой. Лет, эдак, на пятнадцать. Или двадцать. В зависимости от опытности и изворотливости адвоката. Я легко читал мысли капитана, который представил, как стоматолог Желязко тайно покидает здание клиники через черный ход со скальпелем в кармане. С медицинским скальпелем, чтобы запутать следы. А в это время возле машины меня поджидает знакомая, чья участь уже предрешена. О причинах Трубкин задумается позже. Или я сам признаюсь. Под нажимом. Я пригласил девушку в салон, воткнул ей в шею хирургический инструмент и оставил дожидаться моего возвращения. А сам вернулся в здание тем же путем.

Капитан снисходительно уставился на меня, как на существо, которое не сможет пройти мимо крокодила с раззявленной пастью. При этом оперуполномоченный напряженно постукивал ручкой по столу, намекая на способность пишущего средства самостоятельно накапать за меня признание. Ручка не сделала привычного оборота на сто восемьдесят градусов и теперь тыкалась в исписанный лист бумаги, оставляя заметные точки. Произнеси: «На старт, внимание, марш», и шариковая ручка запрыгает слева направо, выводя незамысловатые каракули. Или справа налево, если задумает перейти на арабское изложение.

- Другой выход из здания существует, но формально. – медленно протянул я, не сводя взгляда с пишущего средства, словно был гипнотизером, призывающим его пройти пусть самостоятельно. Представляю себе, вдруг ручка каллиграфическим почерком выведет: Трубкин – дурак. Или не постесняется в выражениях и обзовет капитана в привычной для него манере общения. Со мной он сдерживался, притормаживая между словами, где должно стоять междометие матерного наклонения.

- Как это? – опешил мужчина, надеясь на победу.

- Все работники стоматологической клиники хорошо знают, что есть три комплекта ключей от аварийного выхода: одни находятся у главного врача Виктории Александровны Лепко, она же владелица «Гранта», другие - у администратора и третий комплект висит на пожарном стенде в коридоре под стеклом. Но эта версия для инспектора пожарной охраны. На самом деле все ключи сосредоточены в одних руках. Угадайте, в чьих?

- Виктории Александровны Лепко – владелицы стоматологической клиники «Грант». – пробурчал Трубкин, снимая с себя лавровый венок победителя.

- Угадали! – подтвердил я. – Она держит под неусыпным контролем работников клиники всех уровней и наказывает за малейшие нарушения.

- Стукачей уважает? – подобрался полицейский, прощупывая почву для заполнения «языка», который осведомлен о жизни обывателей клиники больше других.

- Понятия не имею!

- Ничего, разберемся, - облегченно вздохнул он. – А сейчас прочтите протокол и распишитесь на каждом листе.

- Я могу быть свободен? – спросил я, искусно справляясь с дрожью в голосе. Как мне казалось.

- Пока можете, - скривился Трубкин.

Мы вместе вышли из клиники. Июньские сумерки подступали на всех флангах. Хотя, на северо-западе еще краснели следы укатившегося за горизонт солнца.

Мой гордый автомобиль походил на огромного жука, готового сию минуту взмахнуть раскрытыми дверцами-крыльями и улететь. Вокруг него сновали люди, напоминая техническую службу, которая готовит летающее средство в полет.

Интересно, смогу я по-прежнему восхищаться своим автомобилем? Или каждый раз буду вспоминать, как на пассажирском месте сидел труп?..

Неподалеку от «Audi» стояла машина той же марки, но цвета металлик. Ее хозяин в этот момент пожимал руку Проскурина, улыбался и похлопывал того по плечу. Я всегда знал, что Потап Мартынов знаком с каждым вторым жителем нашего города, но не догадывался, что это знакомство распространяется на представителей следственного комитета, чьи доходы не позволяют посещать дорогие автосалоны. Я не намекаю на коррупцию в рядах сотрудников органов правопорядка, большинство служаек честные и порядочные люди, я удивляюсь общительности моего друга.

Тут Потапыч увидел меня и замахал рукой. Друг походил на родителя, которому успела пожаловаться учительница. Он ее выслушал, обещал принять меры и готов приступить к их выполнению незамедлительно.

Я посеменял в их сторону. Взгляд следователя успел потеплеть, как у человека, простившегося с чувством голода посредством чревоугодия. После чего он исполнил роль ябеды и препоручил нерадивое чадо грозному родителю, снял с себя все заботы и расслабился. Так выглядело со стороны. На самом деле майор неусыпно следил за следственной группой, завершающей осмотр места обнаружения трупа.

- Иван Иванович, - услышал я слова друга на подходе к мужчинам, - я за Нила ручаюсь, как за себя. Он и мухи не обидит. К нему женщины сами липнут. Вот одна из них и надумала свести счеты с соперницей!

- Потап, что ты несешь! Я убитую девушку в глаза не видел! – скривился я, не желая ставить под сомнение ранее озвученное отрицание знакомства. А заодно создавать неудобства женщинам, с которыми был когда-то близок или сталкивался в профессиональной сфере. Сейчас с меня потребуют огласить весь список, и я, как законопослушный гражданин, всех сдам, после чего дамы подвернутся жесточайшему допросу. Я решил сдвинуть внимание полиции с себя любимого и одновременно отплатить благодарностью за терпение моих женщин, оградив их забором от чужих глаз.

– Думаю, что все произошло спонтанно. Стоматологическая клиника находится на окраине города, неподалеку безлюдная роща, могу предположить, что убийца хотел спрятать в ней убитую девушку. Медленно следуя мимо стоянки у клиники, преступник передумал, заметив «Audi» без горящего глазка сигнализации. Спокойно перегрузил труп и уехал... Я понимаю, что риск велик – на дворе белый день. Но он мог обставить все таким образом, что проезжающие водители не обратили внимания на девушку, едва перебирающую ногами, которая воспользовалась услугами своего приятеля. Может, ей стало дурно после наркоза. Рядом стоматология – место, которое посещают после долгих сборов-уговоров.

- Мне кажется, что убийца неслучайно выбрал Ваш автомобиль. – заметил Проскурин, внимательно выслушав мою версию. – Зачем ему рисковать, если можно заехать в рощу и избавиться от трупа? Меня беспокоит странное стечение обстоятельств. Почему, именно, сегодня Вы забыли закрыть свой автомобиль? - майор намекал, что я дал «зеленый свет» убийце - давай, не мучайся, пересаживай тело ко мне в новый автомобильчик, я как-нибудь выкручусь.

Я не успел ничего произнести в свою защиту, как вмешался Мартынов. Он выудил из кармана светлых брюк второй комплект ключей от «Audi» и предъявил их следователю.

- Вот, - сказал он, - они хранились в моем сейфе. Нил мне сам ключи отдал.
- А Ваш комплект ключей, Нил Петрович, где лежал?
- В столе, в кабинете. Вместе с портмоне и документами на автомобиль.
- И никто не мог воспользоваться ключами во время Вашего отсутствия?
- У нас никогда не было краж. Коллектив стоматологии проверенный, люди все порядочные, на чужое добро не зарятся.
- Поверьте мне, многоопытному человеку, что внешность человека весьма обманчива.
- Иван Иванович, - снова вмешался Потап, - неужели можно убить обычным скальпелем? – при этом он показал пальцами смехотворный размер лезвия орудия преступления.
- Можно, если убийца имеет опыт в этом деле. В данном случае, судя по месту и по виду раны, он просто ткнул в шею...
- И удачно попал? – не дал закончить фразу Мартынов.
- Эксперт высказал кое-какие сомнения, но обещал после вскрытия выдать заключение.
- А если в двух словах? - заканючил приятель. – Мы сторона заинтересованная.
- Удивило, что смерть девушки наступила мгновенно. Объяснений этому пока нет.
- Эксперт установил, когда произошло убийство?
- От девяти до десяти утра.

Оба мужчины уставились на меня.

- Я в это время лечил зуб пациентке! – с готовностью доложил я.
- Ее имя? – спросил Проскурин приказным тоном, превращаясь в англичанина, который требовал у Миледи назвать виновника ее растления.

Я едва не ляпнул: «Бекингем», но вовремя опомнился. Однако, родилась еще одна странная ассоциативная связка. Надо запомнить...

Я сделал вид, что копаюсь в памяти. Выдавать одним махом информацию – это все равно, что расписываться в своей виновности. Следователь решит, что у меня заранее заготовлена пациентка, которая одновременно является моей союзницей и еще кое-кем, и всегда готова подтвердить мое алиби.

- Надежда Ивановна Плетнева. Она следит за своими зубами и раз в квартал посещает клинику. Подтверждение о сегодняшнем визите можете найти в компьютере администратора, времени на чеках оплаты и записи в истории болезни. Хотя, в последней часы не указаны, только день приема.

- Мне достаточно двух первых, - успокоил меня Проскурин.

К нам подошел капитан Трубкин с зажатой под мышкой папкой и обратился к старшему по званию.

- Товарищ майор, я не взял у господина Желязко подписку о невыезде.
- Думаю, подписка пока не понадобится.

Меня растревожило это «пока», но успокоило «не понадобится». Я постарался скрыть облегченный вздох и осмотрелся. Теперь мое зрение было готово оценивать окружающую действительность. Неподдалеку стояли Зоя с Лидой – администратором и перешептывались, не забывая строить глазки моему приятелю Мартынову, в честь которого Зоя не раз пела хвалебные оды. Из ее слов я узнал, что у друга синие глаза, а в пепельных волосах присутствует естественный редкий перламутровый отлив. О том, что помощница обожает крупных мужчин, я понял на ее свадьбе, когда познакомился с женихом. Что касается нас с приятелем, то Серба всегда уверяла, что вдвоем мы не просто убиваем женщин наповал, но и делаем контрольный выстрел.

Особое отношение к Потапу моей помощницы навеяло мысль, что она не только хотела защитить меня от полиции щитом-приятелем, но и лишний раз полюбоваться им и почувствовать себя девушкой без мужа, которая с удовольствием внимает комплиентам

приятного во всех отношениях мужчины. На это Мартынов был мастер, причем экстра-класса.

До комплиментов дело не дошло, к Зое подошел Трубкин и увел ее в здание. По дороге она повернулась в мою сторону и многозначительно кивнула, что я расценил, как заверение в преданности.

Проскурин заявил, что свой автомобиль я могу забрать только завтра у здания следственного комитета. Мы сели Потапом в его «Audi» и поехали по ночному городу. Обсуждать события сегодняшнего дня не было желания, приятель нахмуренно смотрел на дорогу, а я скользил взглядом по пешеходам, совершающим вечерний променады, и размышлял о странностях жизни. Еще утром я не мог предвидеть, как закончится обычный на первый взгляд день. Идешь широкой гладкой дорогой жизни и не думаешь, что она, жизнь, может преподнести сюрприз. Резко завернуть за угол, а там все иначе. Нет привычного покоя, установленных тобою законов и уверенности, что сюрпризы бывают лишь на Новый год или на день рождения, который ты не желаешь отмечать, но все твои близкие друзья дружным строем приходят без приглашения. Как и полагается. Но таковых становится все меньше. Не по причине ухода в мир иной или охлаждения отношений, мои приятели женятся и исчезают из поля видимости. Потап считает, что мужики боятся за своих благоверных, которые могут растаять рядом со мной и позабыть клятву верности. Но я с ним не согласен. И почему он так думает? Я никогда не участвовал в выращивании рогов на головах моих друзей. Хотя, был один случай. Я тогда был молод, глуп и... красив, как ангел. Это ОНА утверждала, причем на собственной свадьбе.

Я тогда учился в Медицинском университете на стоматологическом факультете и жил в общежитии вместе с двумя ребятами. Не скажу, что это была дружба «не разлей водой», но ходили мы везде вместе, вместе совершали по утрам пробежки, вместе качались в университетском спортзале, пили пиво, играли в преферанс, помогали друг другу в учебе. В общем, все, как положено между братьями-студентами, проводящими бок о бок по двадцать четыре часа в сутки. Но после четырех лет наше трио превратилось в дуэт – один из нас решил жениться на девушке, с которой случайно познакомился в автобусе. И так воспылал к ней любовью, что предложил сочетаться браком уже через неделю. Парень был положительным во всех отношениях, и девушка ответила ему согласием. На удивление ее родители не «встали в позу», а полюбили будущего зятя, как родного сына. Меня такой исход не удивил. Мы предвкушали грандиозную пьянку, подсчитывали деньги и прикидывали, что подарить. Наконец, день свадьбы наступил. После торжественной части мы помотались по городу, гудя клаксонами наряженных автомобилей, затем собрались в небольшом кафе.

Все началось во время танцев, когда невеста решила, что ее надо украсть. И роль похитителя она возложила на меня. Возбужденная толпа не заметила, как девушка с белом платье и в фате схватила меня за руку и потянула за собой. Мы проскользнули за дверь служебного входа, промчались по узкому коридору и зашли в последнюю дверь по левой стороне. Не знаю, для чего было предназначено это маленькое помещение, но подручных средств уборщицы в нем не было. Стоял допотопный стол, накрытый пожелтевшей бумагой, шаткий деревянный стул и старенькая тумбочка с приоткрытыми дверцами. Я не удержался, заглянул внутрь и увидел пустые полки, застеленные такой же бумагой, что и стол. Невеста взгромоздилась на стол, расправив платье, а мне указала на стул. Я упал на него, тяжело вздохнул после энергичных танцев и короткой пробежки, вытер пот и уставился на дверь, ожидая, что нас вот-вот хватятся и организуют погоню. Отыскать невесту и похитителя не составило бы труда. На улицу мы бы не сунулись - на дворе студеный февраль со всеми прилегающими попутчиками, остаются служебные помещения. Девушка в фате расценила мой взгляд по-своему. Быстро соскользнула со стола, дернула задвижку и приложила указательный палец к губам. Я утвердительно

кивнул и расслабился на стуле. Невеста изучала меня внимательным взглядом, поочередно наклоняя голову из стороны в сторону, словно собиралась писать мой портрет. Потом подтянула двумя руками длинное платье, села верхом на мои колени и впиалась в мои губы. Сначала я опешил и напрягся, потом расслабился и прижал ее к себе.

Когда мы позволили, чтобы нас нашли, жених странно посмотрел на меня, а невесту заключил в объятия, намекая, что данное тело принадлежит ему по праву, а кто посягнет, то...

Больше он в общежитии не появлялся, перебравшись в квартиру родителей жены. Учились мы на разных факультетах, встречались в коридорах, здоровались и шли дальше. Мне было стыдно и неловко, но я «переводил стрелки» на невесту, которая совратила меня - бедного несчастного неопытного мальчика за двадцать с копейкой лет. Она звонила мне несколько раз и предлагала встретиться, но я отнекивался. Затем я и вовсе забыл о бывшем приятеле и его невесте. Воспоминания вернулись, когда мой сосед по комнате сказал, что у них родился сын.

- Но со дня свадьбы прошло не более полугода?! – удивился я.

- Семь месяцев, - подсказал он, – ребенок родился недоношенным, но с ним все нормально.

У меня на душе заскребли кошки и скребли долго. Я даже хотел заявиться к ним в гости, чтобы полюбоваться младенцем и сличить его черты со своими, но не решился. Точку в переживаниях поставил случай, который свел меня на автобусной остановке в одной девицей, который была гостьей на той свадьбе. «Подруга» новоиспеченной мамы с горящим азартом выложила мне всю ее подноготную. Оказывается, до свадьбы девица вела свободный без меры образ жизни, «залетела» от случайного кавалера, который, естественно, исчез. Тут подвернулся влюбленный медик и его решили осчастливить.

Я успокоился, но в душе появился странный холодок. Мы, мужчины, думаем, что женщины в нашей власти и можем с ними делать все, что захотим – любить, предавать, обманывать, убеждать в обратном, задабривать подарками. А они верят. Или делают вид, что верят. А сами мстят нам разными способами.

И с этой минуты я решил быть начеку. Как постовой на ответственном посту.

Я имею право давать обещания и забирать их, добиваться благосклонности и уходить по-английски, при этом окружив себя стеной недоверия.

Я не хочу признаться даже себе, что боюсь быть обманутым. Боюсь любить, боюсь долгих отношений, которые могут затянуть меня в семейный омут. И даже, если я там окажусь по большой и светлой любви, я все равно стану подозревать супругу в... неблагоприятном поведении и каждое утро после ее корпоративной вечеринки ощупывать свою голову на предмет пробивающихся рогов...

Меня отвлек от грустных мыслей Мартынов, который самозабвенно изрек:

- Блаженна жизнь, пока живешь без дум!

- Не думай, что я поверю высоте твоего ума! Это сказал Вальтер Скотт.

- Я себе чужого не присваиваю! – констатировал Потап с блаженной улыбкой на лице.

- А я присваиваю, - обреченно вздохнул я и добавил, - чужие трупы.

- Странное сочетание – чужой труп. Труп всегда чужой, а если он твой, так ты не сможешь завить об этом во всеуслышание, - философски рассудил он.

- Я не понял – ты умничаешь или пудришь мне мозги, и без того засыпанные тальком?

- Уж, и порассуждать нельзя. Глянь, красотища какая – луна, звезды, девчонки в коротких юбочках...

- Про девчонок не надо! – вздрогнул я и зажал ладони между коленями, будто пытался урезонить свои шаловливые руки в полнолуние.

- Нилыч, а не махнуть ли тебе в монастырь? – задал животрепещущий вопрос приятель, отрываясь от дороги и впиваясь взглядом в мое побледневшее лицо.

- Еще один труп и точно уйду, - промямлил я.

- Так я не мужской имел в виду, а женский, - загоготал Потап, оглашая притихшие окрестности.

Я не удержался и улыбнулся.

- Вот так-то лучше! А то раскис, как невеста, брошенная у алтаря.

Лучше бы он этого не говорил. Я вспомнил поезд и Любовь Фирсову.

Жизнь долго собиралась с силами и нанесла мне удар. Ответный удар за мое неспортивное поведение.

Остановится ли она на этом?..

Утром я проснулся с тяжелой головой. Вес моего тела сравнился с ее весом. Голова лежала на подушке и не желала от нее отрываться. Плотные шторы отгораживали от меня солнечный день, мирно гудящая сплит-система создавала приятный комфорт, не хватало амазонки в бикини, которая преподнесет мне на маленьком подносе чашечку крепкого кофе, чтобы привести мою голову и организм в целом в слаженное взаимодействие.

Подняться с кровати не было сил, я порадовался выходному, логически последовавшему за двенадцатичасовым рабочим днем. В планах у меня стояла поездка к маме на дачу, но показаться ей в таком виде я не мог. Она сразу догадается о неприятностях (если убийство девушки можно назвать неприятностью) и станет докапываться до истины. Посвящать ее в свои проблемы я не привык. Беспокоюсь о ее здоровье и не хочу еще раз перемалывать на мясорубке события вчерашнего вторника. Списать все на посиделки с Мартыновым не удастся. Посиделки такого масштаба – это следствие, а причина кроется в чем-то существенном.

Я вспомнил, как вечером, точнее глубокой ночью, признался другу, что виновен в смерти девушки, забыв упомянуть «косвенно». Я стольким людям насолил, что теперь один из них решил отомстить, но нашел для мести странный способ. Хорошо, что Потапыч знает меня, как своего брата-близнеца...

На это сочетание имелась ассоциативная связка – проводница Лариса, которой я соврал. Как это проделывал неоднократно. Лгун, трус и бессердечный человек!

Навешивание ярлыков мне не понравилось. Я люблю маму, ей я никогда не вру. Или редко. Я люблю Потапыча... правильной любовью. Как брата, как близкого друга, который всегда прилетит на зов. Как вчера. Опять же он не смылся домой после утряски дел, а препроводил меня до квартиры, влил поллитра коньяка в качестве успокоительного средства, такую же часть употребил сам, потому как пребывал в «расстроенных чувствах». После «ухода за тяжелобольным», оказавшимся его усилиями в кровати, отбыл на такси, о чем не забыл меня осведомить. Его «Аудюха» осталась дожидаться хозяина во дворе моего дома.

- Мать честная, - подпрыгнул я, забыв о недомогании, - про мартыновскую машину забыл!

Я отдернул шторы и сразу ослеп от ярких солнечных лучей. Глаза заслезились, я по-детски растер их кулаками, распахнул окно и обозрел притихший двор. «Рослого» автомобиля цвета металлик нигде не было. На часы я взглянуть не удосужился, решив, что еще раннее утро. Я отправился на поиски мобильного телефона, желая тактично предупредить приятеля о потере, которая последовала после обоюдной забывчивости. Телефон лежал на кухонном столе в вазочке с печеньем. Я обтер его салфеткой, мысленно прорепетировал речь и набрал знакомый номер, бубня про себя «а в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо».

- Потап, такие вести, - ляпнул я, не перейдя со стихотворной лирики на нерадостную действительность. Благо, он не дал мне продолжить.

- О, брателло, - проорал Мартынов в трубку, будто пытался докричаться без средства связи с другого конца города. – Проснулся, наконец, убивец женщин!

- Ну, и шуточки у тебя, - скривился я. И этому человеку я хотел помягче сообщить об угоне.

- Извини, - сразу покаялся он. – Я хотел утром подняться к тебе, подать кофе в постель, но передумал. Думаю, пусть человек поспит в положенный выходной день.

Я непроизвольно перевел взгляд на часы, светящиеся четырьмя глазами на свч-печи и ахнул.

- Половина первого?!

- А ты думал, шестого? – поехидничал приятель.

- Так ты забрал свою машину?

- Естественно! Забрал и уже несколько часов тружусь на благо немецкого производителя. А ты давайся брейся-умывайся, завтракай, а через часик я за тобой заеду, и мы вместе двинем к Проскуруину. «Аудюху» твою заберем и перегоним ко мне в сервис. Пусть ее проверят на наличие сюрпризов, вымоют, вычистят и вернут законному владельцу. – он послушал мое молчание и проникновенно спросил, будто интересовался чувствами к девушке, с которой я познакомился недавно: - ты к ней успел охладеть? -

- Нет. Наверное, нет.

- А то можешь ее продать и купить другую. Без проблем. Я посодействую.

- «Audi» мой друг, а друзей не предают, если они занемогли. Или выкинули фортель.

- О как! – встрепенулся Мартынов. – Красиво излагаешь, отрок!..

Когда я вливал в себя третью чашку кофе, раздался звонок в дверь. Я решил, что прибыл Потап и распахнул дверь со словами:

- Ты ехал с Колымы? – и замер. На пороге стояла Вера Снегирева собственной персоной и имела покаянный вид, что навело меня на некоторые догадки.

Я загородил собой проход и поинтересовался.

- Ты тоже узнала мой адрес в регистратуре стоматологии?

- Нет... я... хотела извиниться за вчерашнее, - сбивчиво пояснила она.

- Вера, я не хочу... - и запнулся, будто выпал на время из разговора, а когда вернулся, то забыл, о чем шла речь.

Неужели жизнь намекает, что пора меняться. Нельзя одним махом рубить канат, который ты сам бросил потерпевшему. Сначала бросил, потом передумал. Тебе нет до него дела. Порезвился, посмотрел, как он карабкается, устал и рубанул топором. И что дальше? Дальше случилось то, что случилось – труп незнакомки в моем автомобиле. Это своеобразный указатель? Хватит идти прямой дорогой, заверни за угол! Та дорога завела бы тебя в непроходимые топи. Я послушал, завернул за угол жизни, получил нокаутирующий удар, пришел в себя и превратился в неврастеника, который крадется по улице и боится совершить опрометчивый поступок? Буду совершать только хорошие поступки! Не буду лгать, изворачиваться, и обязуюсь жениться на первой встречной, которая одарит меня вниманием и пожалуется на свое непроходимое одиночество. Потом мы возьмемся за руки и пойдем по улице жизни с надеждой, что уклонов, поворотов больше не предвидится. Светлый путь к общему счастью. И пусть я ее не люблю, главное – разбавил ее одиночество, помог человеку преодолеть сложный этап жизни.

А у меня кто-нибудь спросил, чего я хочу? Или думаете, я настолько впечатлился вчерашними событиями, что пожелаю... очиститься от скверны, полюблю бедную несчастную особу с кривыми ногами и горбатым носом? Сердце вмиг затрепещет, как российский флаг под резкими порывами ветра, а в голове надежно укрепится мысль о вечной посадке на ее аэродроме. Я уже трепещу от картины венчания... Вижу себя во фраке с цветком в петлице и ее в подвенечном платье у алтаря в отреставрированном храме Михаила Архангела, в ушах звучат стихи Блока, я люблю ее носатым профилем и чувствую, как... пробиваются молодые рога на голове. И что самое ужасное – чувствую себя абсолютно несчастным человеком, который принес себя в жертву.

Не желаю быть жертвой! Я всегда был охотником, но жизнь намекнула, неплохо бы сменить тактику жизни. Там, за углом, надо вести себя иначе... Нет! Нет и нет! Не выношу указаний извне! И не изменю свое мнение, что женщинам верить нельзя! Вот взять, Верку. Позвонила, наплела в три короба... Вспомнил!

- Вера, я не желаю тебя видеть! Никогда! – и захлопнул дверь перед ее распухшим носом.

Не удержался и прильнул к глазку. Снегирева постояла, изучая коврик на пороге, смахнула невидимую слезинку, развернулась и пошла к лифту, не позабыв несколько раз обернуться и пригладить взлохмаченную шевелюру под названием «война в Испании».

- Надеется, что я передумаю! Не надейтесь, уважаемая гражданка Снегирева! - свистящим шепотом взвыл я, не испытывая жалости и угрызений совести.

Способность ковать ассоциативные цепи присоединила к слову «гражданка» места заключения, следствие со всем следственным комитетом и полицией, прибавило товарища Проскурина, который не перестал меня подозревать. Боевой настрой испарился, уныние вернулось и надежно обосновалось в моей холостяцкой квартире.

Снова раздался звонок. Более требовательный.

- Что с лицом? – на ходу спросил Потап, выхватывая из моих рук четвертую по счету чашку кофе.

- Лицо, как лицо, - пробурчал я.

- А с настроением? – не унимался он.

- Прикажешь прыгать до потолка?

Мартынов оценил высоту комнатного прямоугольного параллелепипеда и заявил.

- Боюсь, соседи будут недовольны! – и для большего понимания ткнул пальцем в пол, намекая, о каких соседях идет речь. – Парень ты... увесистый, можешь проломить дыру и зайти без приглашения.

- При росте метр восемьдесят восемь я вешу девяносто килограммов, - напомнил я, расправив плечи и выпячивая грудь.

- Малявка, - дернул головой приятель. – Во мне на десять килограммов поболее будет. – Привстал при этом на носки и поскрипел полом, словно пытался продавить вертикальным телом бетонное перекрытие, сузив площадь проникновения.

Дурачество спрятало уныние в шкаф, но ключ в замочной скважине не провернуло.

- Ладно, поехали к Проскурину! – я обнял приятеля за плечи и повел к выходу...

Не знаю, о чем подумал майор, когда мы парой вошли в его кабинет, но неудовольствия не выказал. Сразу вернул мне ключи от «Audi», поинтересовался, не вспомнил ли я убитую девушку. Я уверенно отрицал, а Потап спросил, установили ли ее личность. Иван Иванович не стал прятать туз в рукаве.

- Поздно вечером в отделение полиции пришла некая Елена Карякина и заявила, что пропала ее подруга – Юнона Шиндрик. Вчера она не пришла ночевать, девушки вдвоем снимают квартиру и работают официантками в ресторане гостиницы «Якорь». В понедельник у Лены был выходной, а Юнона ушла в одиннадцать часов утра и вечером в работы не вернулась. Подруга не обеспокоилась, решила, что Шиндрик осталась ночевать в ресторане, такое иногда бывает, когда сил нет ехать на другой конец города, а в гостинице есть свободные места.

- Или понравившийся клиент предложит скоротать вместе приятный летний вечер, переходящий в ночь. – заявил Мартынов с таким загадочным видом, будто смена вечера на ночь открыта лично им только что. Ранее об этом явлении никто не догадывался.

- Капитан Трубкин повез Карякину на опознание в морг. Она подтвердила, что это Юнона Шиндрик. – Проскурин, проигнорировавший краткую речь Потапа, перевел взгляд на меня. – Вам это имя знакомо?

- Впервые слышу! Уверен, что подобное сочетание благозвучного имени и смешной фамилии я бы запомнил.

- В ресторане гостиницы «Якорь» вы когда-нибудь были?
Я покопался в своей памяти и недоуменно пожал плечами.
- Не помню.
Приятель уставился на меня, пытаясь внушить обратное.
- Ну, не помню! – взмолился я.
- Подсказка из зала, - пробубнил Мартынов. – День рождения Марка Фишмана.
- Так это когда было, еще зимой! – порадовался я, намекая на то, что прошедшие полгода дают мне право забыть о мужских посиделках в ресторане по поводу прибавки годков еще одного школьного друга.
- Точнее, в конце февраля, - напомнил Потап Анатольевич.
- Какого числа? – уточнил Проскурин.
- Двадцать седьмого, - сказал Потап. Я не оспаривал – у него все дни рождения знакомых разной значимости четко вбивались в голову. Он считал, что не поздравить человека с днем появления на свет – это знак полнейшего невнимания и равнодушия. – Вы хотите установить, работала ли в тот день убитая девушка?.. – Следователь молчал и следил за ними сквозь клубы сигаретного дыма. Это не смутило моего приятеля, он продолжил рассуждать. - Может, и работала, но наш столик не обслуживала. И внешность у нее... не особо впечатляющая, чтобы обратить внимание... И столько времени прошло...
Я подумал, как можно понять, какая внешность у нее была при жизни? Маска смерти никого пока не красила.
- У нас был сугубо мужской коллектив. – со значением заявил я, посчитав это уточнение необходимым про сложившихся обстоятельства. - Марик работает в Москве, в город детства приехал родителей навестить и встретиться со школьными друзьями. А тут как раз его день рождения. Он приглашал многих, но пришли только я и Потап, у остальных жены, дети, проблемы...
- А мы свободны, как ветер в поле, - закончил фразу Мартынов. – И как втроем пришли, так втроем и ушли. Сначала завезли домой Марика, потом Нилыча... - Мартынов дал понять, что я весь вечер был под надзором и официантку не охмурил для последующих развлечений.
- Елена Корякина не опознала Нила Желязко по фотографии, - выдал порционную информацию майор. – И на скальпеле его отпечатков не обнаружено. Смерть девушки наступила мгновенно от остановки сердца.
- Как от остановки сердца?! – опешили мы.
- Вы слышали об ЭГДН? Или полностью – этиленГликольДиНитрат.
- Это взрывчатое вещество, - вспомнил я. – Но какая связь?
- Сейчас поясню... Хотя, раскрывать карты перед человеком, который подозревается в убийстве...
- Иван Иваныч, - возмутился Потап.
- Ладно, - кивнул головой Проскурин, - сколько раскрытых дел за плечами, а с таким встречаюсь впервые... Короче, этим волшебным маслицем было обработано орудие убийства. ЭГДН обладает еще и токсичными свойствами. Разбрызгал в комнате – обеспечил недоброжелателю головную боль, смазал дверные ручки, капнул в обувь или в перчатки, оно проникло через кожу и стало медленно убивать человека. А если нанести на колюще-режущие предметы и слегка ткнуть жертву, то смерть наступает в считанные минуты от остановки сердца.
- О, как, - дернул бычьей шеей приятель. – И где ж такую адскую смесь берут?
- Кустарно изготавливают. Купил нужные ингредиенты, прочел инструкцию и химичь. Но не забывай, что на это статья имеется. А то дуриков-химиков в стране развелось, как муравьев в муравейнике.
- Уроды мамины, - коротко изложил свое мнение Потап.

- Но меня интересует сейчас другое, - снова перешел к моей персоне майор. – Я призываю, Нил Петрович, вспомнить, кому Вы перешли дорогу? И облегчить тем самым жизнь себе и следствию. Обманутые мужья, отвергнутые любовницы... Может, с соседями повздорили, или автомобиль припарковали на чужое место? Или любимого питомца едва не задавили?

- Питомцев не давил, автомобиль ставлю на платную стоянку, на свое законное место, - сразу ответил я на более легкие вопросы.

- А в каком временном промежутке про обманутых мужей и отвергнутых любовниц вспоминать? – заинтересовался мой приятель, переметнувшийся из лагеря защитников в лагерь обвинителей. А как расценивать вопрос, где содержится явный намек на мою беспорядочную и аморальную жизнь.

Я пронзил его укоризненным взглядом.

- А я что, я ничего... Уж, и спросить нельзя, - обиделся он, но вину поспешил загладить, - Иван Иванович, это я не к тому, что Нилыч мастак наставлять рога чужим мужьям или дам менять, как перчатки, просто... он... столько повидал на свои тридцать в таком лет, что всех не упомнишь по причине медленного отмирания серого вещества.

- Это у кого оно отмирает? – возмутился я, почувствовав, как заливаюсь краской. Щеки вспыхнули так ярко, словно к ним одновременно приложили два раскаленных утюга.

- Или улетает, - «смилоствился» друг, - говорят, что серое вещество у нас в голове напоминает по виду бабочку, вот она и... улетела... Устала сидеть на одном месте... без работы... Гы-гы...

- Не обращайтесь внимания, Иван Иванович, такое с Потапом бывает. Хочет обстановку разрядить. – я знал, что приятеля частенько заносит во время гуляний, когда он исполняет роль тамады, но сейчас было не время для заносов и подтруниваний.

- А обстановка у нас вполне дружеская, не напряженная. – удивленно протянул майор.

Я не разобрался, чему следак удивлен больше – моему заступничеству или поведению Мартынова. Мне захотелось поддержать тамаду-самозванца.

- Но в одном Потап прав, я должен знать, какой период надо охватить?

- Я не могу устанавливать рамки. Все зависит от степени обиды и характера человека.

- И способности прощать нанесенные обиды, - встрял неугомонный Мартынов. – Один может лелеять обиду десять лет, а потом пойти и застрелить обидчика, а другой – сразу дать в зубы и забыть. Один убьет за невысказанное извинение за случайно отдавленную ногу, другой побоится отомстить за поруганную честь сестры или дочери.

В этом Потап был прав. Я, не задумываясь, убил бы тварь, которая надругалась над моей женой или дочерью. И пусть меня осудят.

А связь с замужними дамами? Не посягал я этим на честь мужа? Сам боюсь оказаться на его месте, но выступаю против мужского братства. Но таких случаев в моей донжуанской практике было раз - два и обчелся...

Я пообещал Проскуруину вернуть «бабочку» на место и прибыть с докладом послезавтра, завтра у меня рабочий день...

Воспоминания перебивал вопрос, который бился в мою голову остроконечным копьём: почему для мести было выбрано вспомогательное звено, а не я сам? Неужели обида настолько велика, что расправу надо мной посчитали слишком легкой платой и решили временно отложить? И почему Юнона Шиндрик? Девушка, с которой я не был знаком? Или убийца был иного мнения? Проскурин обмолвился, что ее подруга меня по фотографии не опознала. И то, слава богу... Но не мешало бы съездить в этот «Якорь» и переговорить с Еленой Каряжиной.

Мы вереницей доехали до «Ауди-центра», я передал автомобиль мастеру-приемщику, а сам зашел в кабинет Мартынова.

- Неплохо бы поболтать с официанткой из «Якоря». – прочел мои мысли приятель.

- Я сам поеду, ты трудись, а то и так столько времени на меня потратил.
- Ты извини, если я сболтнул лишнее. Переживаю за тебя, ловеласа и сердцеда.
- Сам такой! – парировал я и протянул руку для прощания.
- Э-э-э, нет! Я тебя одного не отпущу! Ты посиди в кабинете, я быстро поруковожу и поедем в Якорь».

Я послушно опустил на стул и закрыл глаза, желая покопаться в своей прежней жизни, которая осталась за поворотом и которая была наполнена событиями, совершенно типичными для холостяка, с удовольствием вкушающего все прелести.

Не знаю, сколько времени я медитировал, но так и не вспомнил никого заслуживающего внимания Проскурина. Связи с женщинами были кратковременными, на всеобщий обзор я их не выставлял, а замужние дамы тем более не афишировали свои похождения на стороне. Мне совсем не хочется создавать женщинам проблемы. А это произойдет, если я расскажу о каждом любовном эпизоде.

И не верю, что мой автомобиль выбран специально для сокрытия в нем трупа. Все вышло случайно: проезжавший мимо убийца увидел, как я покинул салон «Audi», прочел вывеску над входом, быстро сообразил и перегрузил тело. В березовой роще могут заметить одинокий автомобиль и водителя, вытаскивающего труп из багажника. Там под каждым кустом может поджидать сюрприз в виде парочки, стремящейся к уединению. Чем меньше свидетелей, тем больше вероятность быть «пойманным за руку». Посреди белого дня мало кто задастся вопросом, что происходит? Убийца действовал нагло, а наглость, как известно, второе счастье.

Я остаюсь верен своим догадкам.

Но положи руку на сердце, могу признаться в утаивании сведений от следствия. Есть у меня одна... знакомая, имя которой лучше вслух не произносить. У стен есть уши, у нее есть муж, причем с расшатанной нервной системой. Неписанный красавец – один раз увидишь и про сон навечно забудешь! А почему та особа вышла замуж за такого мужчину, объясняется легко – у него денег, как звезд на небе. Одна звезда – одна пачка пятитысячных купюр. Я его банковский счет не проверял, могу только догадываться. Но кое о чем осведомлен. Например, о проблемах сексуального характера. Деньги в этом вопросе оказывают незначительную и кратковременную помощь. Перед свадьбой она думала, что любовь в браке так же неважна, как наличие репчатого лука в супе. Особенно для людей, избегающих употребление этого овоща. Будущий супруг ее обожает, она обожает его деньги. Этого достаточно. Постепенно женщина стала приходить к мнению, что с милым рай в шалаше, а не в загородном доме в четыре этажа. И физиономия мужа так осточертела, что хочется послать его подальше вместе с миллионами, домами, автомобилями, кругосветными путешествиями, брюлликами и шмотками. Но как? У кого деньги, у того и власть. Женщина слывет очень даже «гомо сапиенс», на настоятельные просьбы супруга сидеть во дворце подобно пустоголовой барышне с образованием ниже среднего отвечает категорическим отказом. Держать ум в узде ей не пристало. В ящике хранится красный диплом, а за плечами полуголодное детство в доме вредной тетки. С одной стороны устала от нищеты, с другой – душа горит в преддверии любви к постороннему мужчине. Во мне она нашла не только партнера, которому не нужны сексопатологи, но и человека «с подвешенным языком». Заявляю без ложной скромности. Хотите спросить почему, вопреки правилам, я тайком встречаюсь с ней почти год? Она мне нравится. Очень нравится. И нравится игра, которую мы ведем, когда встречаемся на людях...

До сих пор мне не приходилось ходить по лезвию ножа. Адреналин бурлит в крови, сердце намекает на свои скрытые возможности, а я... пока не думаю о будущем. Меня устраивает настоящее, которое осталось за углом. Хочу я быть рядом с этой женщиной? Способен вырвать ее из лап богатого зверя? Ответ один – не знаю! Но стал задумываться, строить планы и мечтать. Но мне это не мешает заводить шашни с другими девушками. И

она об этом догадывается. Но делает вид, что такое поведение любовника ее не смущает. Может, даже на руку. Кто подумает, что донжуанистый стоматолог способен на долгую любовную связь с дамой из высшего общества, которая в назидание за непослушание имеет на руках лишь доходы от собственного труда, пусть и немалые, но несоизмеримо заниженные с возможным материальным достатком. Супруг балует ее подарками, но стесняется в средствах. Боится альфонсов, способных клюнуть за красивую женщину с платиновой банковской картой в сумочке из крокодильей кожи?

А кого я боюсь больше? Ее саму с взрывными чувствами, которые она с трудом удерживает в себе? Или мужа с безграничными возможностями, который способен уничтожить меня одним ударом мухобойки? Допустим, он нанял частного детектива и раскрыл нашу связь. Что за этим последует? Быстрая расправа. Был Нил Желязко, а теперь покоится на дне реки с ногами, забетонированным в таз. Подобная картина заставила меня вздрогнуть. Обманутый супруг не станет «голову ломать», водить вокруг меня хороводы, убивая невинных девушек и одновременно сужать кольцо до тех пор, пока оно меня не задушит. У него разговор короткий: «Убрать!» Значит, мужа моей любовницы можно исключить. И все списать на случайность.

Но почему сделанный вывод не позволил мне расслабиться? Почему мысли все время возвращаются к вчерашнему происшествию?

Обмануть себя это все равно, что получить успокоительную таблетку. Я принял их три штуки и пока не подействовало...

- Ну, что едем? – вырвал меня из оцепенения Мартынов...

День клонился к закату. Вчера в это время я еще не знал, какой сюрприз поджидает меня в любимом автомобиле. Я был спокоен, как обьевший удав, и чувствовал себя абсолютно счастливым человеком, у которого все есть. Есть мама, которую я обожаю, надежный друг, квартира, в которую я с удовольствием возвращаюсь после работы, а когда-нибудь будет большой дом. Но это не цель всей жизни, и не критерий счастья. Я не собираюсь отказывать себе в удовольствиях ради достижения цели. И что это за приземленная цель?! Коробка на земельном участке... Мечта ограниченного человека...

В ресторане посетителей было мало. Для обеда время давно вышло, для ужина еще не пришло. Помещение было достаточно большим и уютным, как в ресторанах советского периода. Вкусом дизайнер, приложивший здесь мысли и руки, не отличался, не иначе хотел срубить больше бобла с хозяина и тянул сюда все без разбора, путая стили и времена. Я вспомнил тот вечер холодного февраля и указал Потапу на столик, за которым сидели вместе с ним и Мариком Фишманом. Не сговариваясь, мы сели за этот стол и уставились в окно. Немногочисленный люд прохаживался по набережной, по реке сновали прогулочные теплоходы, медленно пропыхтела нагруженная баржа, разрезая носом водные просторы и создавая волны, обиженно покотившие к берегу.

Скуластая официантка принесла нам меню, улыбнулась и ушла.

- Видел, у нее на бейджике написано «Елена», - загорошницким тоном произнес приятель.

- Что из этого? Самое распространенное имя... Закажем что-нибудь?

- Я голоден, как волк, переваривший семеро козлят еще в прошлом месяце и с тех пор никого не задравший.

- То-то я гляжу, зубами стучишь, не ровен час, меня проглотишь, - хмыкнул я.

- Свиной не питаюсь! – парировал ухмыляющийся Потап.

- Мастак на комплименты!

- Ты не девушка, чтобы комплименты тебе расточать, - задумчиво сказал он, вращая во все стороны головой, как флюгером. – Смотри, у них всего четыре официантки, две стоят у барной стойки, две по залу снуют. Какая из них Лена Карякина?

- Любая.

- Любая, - повторил Мартынов со значением, словно ждал от меня, именно, этого «конкретного» ответа.

Рядом выросла «наша» Лена с блокнотом в руках.

- Вы готовы сделать заказ?

Мы выглядели полными идиотами – сидели с раскрытыми меню в руках и пялились на невыдающуюся грудь девушки, где был приколот ее бейджик.

Она смутилась и подняла блокнот выше, словно пыталась прикрыться им, как щитом.

Я заметил, что мой друг готов перейти к допросу и прошептал, не отрывая взгляда от официантки.

- Надо сделать заказ.

Потап тут же назвал дежурные блюда, которые мы предпочитаем употреблять в каждом ресторане.

- Что-то еще?

- Две бутылки нарзана, - подсказал я.

Девушка кивнула и уже повернулась к нам спиной, когда мой приятель огорошил ее вопросом.

- Вы Карякина?

- Ка...ря...ки...на, - подтвердила она, стоя вполоборота. – А... что случилось? – Девушка вернулась в исходное положение и внимательно стала нас разглядывать. Если раньше, мы были просто клиенты ресторана, то теперь имели с ней пока не установленную связь. Поэтому мы подверглись тщательному визуальному осмотру, на что отреагировали одинаково выжидающе, будто играли в «А ну-ка, угадай». Насупленное лицо вмиг просветлело. – Ой, я Вас знаю. Точнее, не знаю, а видела. Сегодня на фотографии, у следователя.

При этом ее глаза загорелись, а губы растянулись в улыбке, придав еще больший объем скулам и сузив глаза.

- А раньше Вы с этим господином не встречались? – поинтересовался Мартынов начальственным тоном.

- Нет, - затрясла головой девушка, проникшись важностью момента и пряча улыбку. Решила, что перед ней генерал, не меньше, судя по стати, задумчивой серьезности и опытности во взгляде.

- Вы блокнотик–то держите, как положено, и ручкой водите, будто заказ принимаете, а я пока кое-какие вопросы задам,- внушительно попросил «генерал», быстро скользнув взглядом по незаполненному залу ресторана, словно вот-вот ожидал провала.

- Так я... все следователю рассказала. Проскуруину Ивану Ивановичу.

- Проскурин мне докладывал. Но я хочу, так сказать, из первых уст услышать, знала Юнона Шиндрик этого господина или нет?

- Она мне все, как на духу рассказывала. Не было у нее никого. Да, Юнка и не стремилась, хотела в институт поступить, образование получить. Надоело ей между столиками метаться. И замуж хотела, говорила, кто на официантке женится? Все считают, что они... вольного поведения. А мы не такие! И ресторан наш не забегаловка, а приличное место. Сюда солидные люди ходят... Вот, как Вы, например.

«Солидные» люди благосклонно кивнули, приглашая продолжить речь.

- Мы почти никуда не выбирались. Один выходной в неделю, все домашние дела на него наваливаешь, пока переделаешь, уже вечер. Перед телевизором посидишь и спать.

- Неужели у молодых симпатичных девушек не было кавалеров? – не поверил Мартынов.

- За Юнкой ухаживал один, но это было еще осенью, но они расстались.

- По обоюдному согласию? – спросил я, хотя, вступать в разговор «подозреваемому» не следовало.

Карякина без прежнего почтения зыркнула в мою сторону, давно разобравшись, «кто в доме хозяин», и выжидающе посмотрела на «главного».

- Вы, гражданин, не встревайте в расследование, - попенял он. – Конечно, мы Вас не подозреваем, иначе не пригласили бы в ресторан для приватной беседы со свидетелем, способным оказать следствию неоценимую помощь. – начальственно скривился и добавил, - знайте свое место!
- Слушаюсь! – неожиданно вылетело из меня. Я даже дернул головой, хорошо, не приложился рукой к пустой голове. Не в том смысле, что без мозгов, а без военного головного убора.
- То-то же, - великодушно кивнул Потап и обратился к Лене. – Мне повторить вопрос или Вы запомнили?
- Запомнила. – бойко отрапортовал важный свидетель. - Он ее бросил, мерзавец. Юнона так плакала, так плакала. А лицо распухло, будто осы покусали. Даже на работе отгул взяла.
- А что Вы можете рассказать об этом человеке?
- Почти ничего. Стремный он какой-то.
- Какой? – не понял Мартынов.
- Зачуханный. Одним словом командировочный, у которого жена и дети по лавкам скачут. Вырвался от супруги, покуролесил и назад вернулся.
- Это Ваши соображения или Шиндрик рассказывала?
- Соображения. Этот «кавалер на пенсии» к нам в город из Крыма приехал в командировку. Жил в этой гостинице, самый дешевый номер снимал, - с пренебрежением заметила Лена. – Всего один раз в ресторан спустился, в первый вечер по приезду, с Юноной познакомился и предложил прогуляться... Так роман и завязался. На пять дней, пока время командировки не закончилось. Поначалу говорил, что на две недели приехал, а сам в пятницу днем укатил, нам Федор Васильевич, швейцар, сказал.
- А про наличие жены, кто доложил? Администратор гостиницы, когда данные паспорта в карточку заносила? – поехидничал Потап, держа в уме чрезмерную сообразительность девушки, о которой было заявлено выше.
- С администраторами не общаемся, они нас ровней не считают, - пожаловалась Карякина. – Когда мне Юнка в первый вечер на этого мужика указала, и сказала, что предложил при луне по набережной прогуляться, я заинтересовалась и сделала крюк к ее столикам. Хотя, кем там было заинтересовываться?! Облезлый тип с наполовину лысой черепушкой!.. Когда я мимо столика проходила, он отбивную неумело ножом кромсал. Так извелся, что лысина капельками пота покрылась. Сразу видно, с этикетом не знаком, ему бы зацепить мясо вилкой, будто зонт на ручке, и откусывать с наслаждением. Я так засмотрелась на его волосатые пальцы, что заметила след от обручального кольца. Все пальца загорелые, а на безымянном – широкая светлая окантовка.
- Наблюдательная Вы, Елена, - похвалил «генерал». – Так Вы сказали, дело было осенью? А в каком месяце, не вспомните?
- Девушка задумалась, не желая подводить человека на солидной должности.
- В конце сентября! – с радостью доложила она, после усиленных раздумий.
- И больше этот человек ни в гостинице, ни рядом с Юноной Шиндрик не появлялся?
- Не по... - осеклась она и задумалась. Потом тихо спросила, будто разговаривала с собой, - или я ошибаюсь?
- Если Вы что-то вспомнили, то выкладывайте, - предложил Мартынов с осторожностью врача психиатрической клиники, который пытается уговорить подопечного признаться, сколько тот съел сосисок за один присест.
- Мне кажется, я видела этого человека, но выглядел он иначе. Будто нам ним поработал стилист и преобразил его до неузнаваемости... Или я ошибаюсь?
- Не вспомните, в каком он жил номере?
- В сто двадцатом. Это на первом этаже, в самом конце коридора.

Аппетит пропал, но обижать Елену мы не хотели, поковыряли в тарелках, выпили нарзан, оставили щедрые чаевые и вышли из ресторана.

В холле за полукруглой стойкой расположилась девушка - администратор со значимой миной на лице, более подходящей собственнику этой гостиницы.

- Постой здесь! – приказал «генерал», не вышедший из роли, и решительно двинул в ее сторону.

Не знаю, что он сказал девице при должности, но нужная информация была получена. На ходу Мартынов помахивал белым листком бумаги. Кивком головы он приказал мне двигаться за ним. Я хмыкнул и подчинился, но внутрь постепенно вползало неудовольствие. Было заметно, что для Потапа это простое развлечение. Человек устал от однообразия и решил поиграть в детектива. Я не могу утверждать, что его не заботит моя судьба, но на первом месте у него забава, не касающаяся его лично. Хотел бы я увидеть физиономию друга, когда к его ногам из собственного авто выпадает труп незнакомки. Ни в коем разе не желаю ему этого, но раздражает показное сочувствие, напоминающее мягкий плед, под которым удачно спрятаны истинные цели, не поддающиеся моему пониманию.

Или во мне говорит эгоизм? Почему все случилось со мной, а не с Мартыновым? Ведь, мы оба не отличаемся примерным поведением.

Так происходит с каждым. Случилась беда, мы спрашиваем, почему она пришла ко мне, а не к соседу? Выиграл коллега по работе в лотерею, снова неудовольствие – почему он, а не я? Независимо от собственного благосостояния. Моя бабушка утверждала, что много денег не бывает. Чем их больше, тем больше хочется. Но как купить на всю сумму счастье? Или уверенность в завтрашнем дне? Где продается такая страховка?..

Потап так резко затормозил, что я уперся ему в спину. Он с таким удивлением уставился в небольшой бумажный квадрат, что я сделал вывод: в короткой фразе кроется ключ к разгадке вчерашнего преступления. Вырвал листок из его рук и пробежал глазами. Потом медленно прочел по слогам. Перевернул на другую сторону, надеясь найти пояснение написанному. Обратная сторона сияла снежной белизной, подходящей на насмешку в жаркий июньский день.

- Что за бред? – не выдержал я и вернул записку другу.

- Может, совпадение? – засомневался Мартынов, с надеждой ожидая от меня пояснений.

- Совпадение, - ошалело хмыкнул я и засмотрелся на свое отражение в зеркально-синем оконном стекле гостиницы, желая убедиться, что я это я, и нахожусь в реальном мире.

- Что тебя удивляет?! Бывают и не такие невероятные совпадения!

- Ты сам в это веришь?

Потап в ответ неопределенно дернул головой и снова уставился в лист бумаги, где были выведены три слова, три имя собственных, приближающихся к нарицательным.

- А ты... - начал Мартынов и осекся. Затем внимательно изучил мое лицо, которое взросло у него на глазах на протяжении четверти века, приподнялся на цыпочки, полюбовался моей густозаселенной волосами макушкой и выдал звук, напоминающий короткое лошадиное ржание.

- Ты... меня разыгрываешь? – возмутился я.

- Да, ты чего, Нилыч?! Разве я на это способен? Это, - он ткнул пальцем в три слова на белой бумаге, - девушка-администратор нашла в базе данных гостиницы. Они хранят сведения о постояльцах в течение года.

- А на фига им это нужно?

- Может быть, у постоянных клиентов скидка. Или четвертое проживание бесплатно. – выдал он собственное предположение, показавшееся мне ужасно глупым.

- Ты не додумался спросить, как выглядел постоялец из сто двадцатого номера?

- Спросил, но вразумительного ответа не получил. Сначала она возмутилась и заявила, что «всех не упомнишь», но растаяла под взглядом моих синих глаз и поведала «исчерпывающую» информацию – мужчина не привлекал к себе внимание.
- Незаметный, невзрачный, лысый, командировочный пенсионер... Класные эпитеты и все про меня!
- Да, ты то здесь при чем? – закатил глаза Мартынов. – И что касается возраста, так ему в прошлом сентябре как раз стукнуло сорок два. А лысина от усердия в мыслительном процессе. – Он провел указательным пальцем круг над головой, словно рисовал нимб, а на самом деле обозначал размеры лысины командировочного субъекта.
- Как это при чем? – выделил я последнее слово, следуя взглядом за пальцем приятеля. – Что написано на этом листке? Железко Нил Петрович. Черным по белому!
- Подожди! – попытался успокоить меня Потап. – Елена Карякина тебя не опознала, хотя, у девчонки острый глаз. Администраторше я тебя показал, уж, прости за недоверие, она заявила, что ничего общего между вами нет! Тот Железко прибыл из Украины, из солнечного Судака. Что тебе еще надо?
- Что мне надо? – я почувствовал, как мои брови переходят положенную границу и сейчас скроются под короткой челкой. – Самое простое – вернуться на два дня назад, в прежнюю жизнь, где нет убитых девушек, хождений по следственным комитетам, полных тезок и опознаний! – выдохнул я.
- Ты... не нервничай. Возьми себя в руки, задумайся...
- Устал я задумываться! Никому дорогу не переходил, кошек не душил, жен не уводил! Что еще надо?
- Ты не думал, что кто-то хочет выбить почву у тебя из-под ног? Кого-то раздражает твоя беспечность, твоя вальяжность, твоя независимость, раздражает повышенный интерес, который ты вызываешь у противоположного пола. И ты сам, весь такой состоявшийся, самоуверенный.
- И он затеял против меня игру. Или решил отомстить. Причины этой мести я объяснить не могу... Начал игру или месть, называй, как хочешь, в конце сентября прошлого года, предъявив липовые документы на мое имя администратору гостиницы «Якорь». Потом неожиданно передумал или нестыковочка где-то вышла. Или план требовал доработки, затянувшейся на несколько месяцев, и, наконец, с удвоенной энергией приступил к раскачиванию почвы под моими ногами уже в начале лета. Может, он плохо соображает и ждал подсказчика? В этом случае действует целая шайка-лейка. Или он зимой впадает в спячку. Как медмедик-кleshаногий. – я внезапно перешел на украинский язык, который изучал в детстве на конфетных обертках. Были конфеты с таким названием, что в переводе на русский означает «косолапый медведь». И рисунок имелся – его содрали с картины Шишкина «Утро в сосновом лесу».
- Приятель от моего взрывного монолога слегка очумел и приоткрыл рот. Я испугался за его челюсть и вернул ее на место одним движением руки. Выйдя из транса, Потап выдал свою версию.
- Может, в прошлом сентябре он сжалился над тобой, потом зависть с обидой перевесили. Или собственные проблемы отвлекли.
- Надо дать объявление в газете «Все для вас»: Ищу завистливого человека, который по непонятным причинам сместил срок мести с сентября на июнь.
- Смешно! – криво усмехнулся Мартынов и ласково стукнул меня кулаком в плечо. – Не дрейф, друг, прорвемся!
- Слушай, Потыпыч, а мы у Лены Карякиной не спросили имя командировочного кавалера Юноны.
- Точно! Прямо из головы вон! Может, он ей назвался настоящим именем.
- Мы резко развернулись и поспешили обратно в ресторан.
- Карякина встретила нас настороженно, но на поставленный вопрос ответила легко.

- Никак! Юнка назвала его «Любимый», а мне его имечко было ни к чему: знала, что через неделю отчалит он от нашей тихой пристани и рукой не помашет...

На обратной дороге мы заехали в автосервис, я забрал машину и двинул домой. Выходной день пролетел до обидного быстро и безрезультатно. Если не сказать, что еще больше меня запутал. В одном я убедился – появление в моем автомобиле убитой девушки было неслучайным. Доказательство имелось на белом бумажном квадрате.

И что мне делать? Бояться каждого куста, как та пуганая ворона из известной пословицы?..

«Audi» заняла привычное место на платной стоянке, я удостоверился в блокировании дверей и потопал к дому. Для пуганой вороны я вел себя беспечно – по сторонам не озирался, расстояние не преодолевал мелкими перебежками от укрытия к укрытию. Если за мной велась слежка, то пусть наблюдатель знает: просто так меня из седла не выбьешь! Для более показательной независимости я увеличил ширину плеч, гордо задрал подбородок, придал взгляду карих глаз беспечную усталость покорителя женских сердец и легким поклоном головы поприветствовал молодых мам с колясками, бороздящих тротуарные просторы. Подъездная дверь с лязгом закрылась за моей спиной, и я облегченно вздохнул.

Этак можно умом двинуться.

Не хочу показаться нервическим женоподобным существом, но во дворе чужой взгляд проделал в моем затылке основательную дырищу. Хорошо, чужой палец не нажал на курок и не сделал в нем крохотное отверстие.

- Мне кажется, или у меня на самом деле начинается манечка преследования вместе с быстро развивающейся паранойей? – бубнил я под нос, поднимаясь в лифте на свой этаж. Рассуждения вслух в отсутствии собеседника перестали меня пугать. – Не хватало еще забаррикадировать входную дверь, установить на окна пуленепробиваемые стекла, запастись продуктами и сидеть до полного раскрытия дела об убийстве Юноны Шиндрик. Сколько? Год, два, бесконечность. Обрасти волосами по талии, бородой до груди, как граф Монте Кристо...

Но он был невольник поневоле, а я невольник по собственной глупости. А как можно назвать человека, который не может разобраться в событиях, крутящихся вокруг него подобно урагану?

Войдя в прихожую, я прислушался к звукам покинутого жилища. На кухне размеренно гудел холодильник, там же шуршали настенные часы, уличный гомон гасили металлопластиковые пакеты на окнах. Я разулся, зашел в ванну, тщательно вымыл руки, открыл настежь окна, разбавляя комнатное звуковое однообразие, полюбовался полетом стрижей, совершающих вечерний моцион, и задумался об ужине, хотя, аппетит ушел, прихватив с собой привычную беспечность и бодрый настрой.

Я пошел в кухню, открыл разговорчивый холодильник и оценил наличие продуктов, которые пригодятся для короткой готовки. Мое созерцание прервал звонок в дверь. Я вздрогнул и выронил из рук мясистый сладкий перец. Неожиданно в голове зазвучали стихи Блока:

Пусть я и жил, не любя, пусть я клятву нарушу,

Все ты волнуешь мне душу, где бы не встретил тебя...

К чему это?

Я наклонился, подобрал перец и закинул его на полку, не позабыв тщательно закрыть холодильник, в котором решил спрятать свою трусость.

Звонок повторился. Я решительным шагом двинулся в прихожую и распахнул дверь.

На пороге стояла Она. Моя долгоиграющая любовница и супруга человека с расшатанной нервной системой.

- Привет, - привычно поприветствовала женщина и переступила порог.

Я не удивился приходу, несмотря на то, что ее визит в мой дом случился впервые. В основном мы встречались за городом, в небольших гостиницах, куда приезжали поодиночке, соблюдая конспирацию. Не стану утверждать, что я не скучал по ней. Как не могу уверять себя и ее в том, что думаю и мечтаю о чужой жене каждую минуту своей вольной жизни.

Но это было в прошлом. Теперь я со щенячьим восторгом радовался ее приходу, который разбавил мое пугающее одиночество, но упорно молчал – не хотел соревноваться с лирикой любимого поэта, звучащей в моей голове.

- Ты не рад? – спросила она, знакомо щурясь, отчего от глаз пошли морщинки-лучики, которые ее не старили, напротив, превращали в хитрую девчонку, готовую к проделкам.

Из меня полилась музыка стихов.

- Очарованье свое вносишь ты даже в разлуке.

- Мне уйти?

Стихотворного ответа я не нашел, поэтому переключился на ласкающую прозу.

- Когда ты рядом, я на вершине счастья!

- Сделаем вид, что ты говоришь чистую правду, а я тебе верю, - с улыбкой произнесла она и обвила мою шею руками.

Поцелуй унес из головы все мысли: и плохие, и хорошие, и умные.

Она оборвала наш непрозаический поцелуй на самом интересном месте, за которым должна последовать передислокация в спальню с одновременным освобождением от ненужных одежд. Я удивленно взглянул на нее сквозь пелену тумана чувств.

- У тебя мало времени?

- У меня никогда не бывает свободного времени в избытке, я нахожу его лишь для тебя.

- Обожаю деловых женщин, которым не нужны песнопения в их адрес.

- Ты не прав, любой женщине даже легкий комплимент служит глотком воздуха. И не делай вид, что впервые об этом слышишь. Можешь перед другими дамочками прикидываться любовником на час, который между делом вставляет пару лирических строк. И еще пару оставляет на расставание. Бедный Блок, - нарочито вздохнула женщина, - лежит и не знает, что его стихи используют в целых охмурения дамочек все возрастов.

- Каких дамочек? – я вскинул брови, сложив их домиком с покатою крышей. – Ты и только ты!

Она приложила указательный палец к моим губам. Я не удержался и поцеловал его, при этом моргнув глазами, показывая, что я нем, как человек с кляпом во рту. Ухоженный пальчик-замочек повернулся с ребра на подушечку и осторожно изучил мои распухшие после поцелуя губы.

- Нил, ты... образец сексуальности и мужской красоты, - аккуратно подобрала она определение. – Поэтому бабы на тебя и виснут... Одно меня удивляет, как тебе удастся подводить черту под отношениями? Или особо назойливых ты лишаешь жизни?

Я произвольно отпрянул и по-новому взглянул на свою любовницу. Естественно, как женщина высокого ума, не заходящего за разум (отношения со мной - исключение), она догадывается о коротких адюльтерах, но никогда не заявляет об этом вслух. Считает, что имеет на меня такие же права, как и все остальные. Или чуть больше. Или не имеет вообще. Она не жена, а любовница. Чужая жена, которая не может строить планы на дальнейшее развитие наших отношений. Нам хорошо вместе. Встретились, провели чудесно несколько часов без взаимных притязаний. Она не твердит каждую минуту: «Ах, как я тебя люблю!» При этом не заглядывает мне в глаза и вопрошает: «А ты меня любишь?» Ограниченная по времени связь с последующим расставанием не успевает обрасти мхом глупых вопросов. Долгоиграющая любовница ведет... вела до сих пор правильную игру, негласно установленную мною. Ни о чем не просила, ничего не требовала, отдавала себя без остатка пару раз в неделю, и я не скупился на плотскую

любовь. Физически обладал ею и не выворачивал душу наизнанку. Иногда мне казалось, что Она хочет большего. Я читал это по ее серым глазам, в которых плескался вулкан умело подавляемого чувства. Изредка оно переливалось через край, она ловко превращала его в животную страсть и набрасывалась на меня. Поначалу я принимал это за сексуальный голод. Но любые отношения, даже проходящие на высоком постельном уровне, со временем приедаются. Исчезает первоначальная новизна и желание познания. Время шло, график наших отношений не показывал резких падений вниз. Он полз горизонтально, иногда делая скачки вверх, когда разлука превышала семи дней. И как назвать такие отношения между мужчиной и женщиной? Ровными сексуально-партнерскими? Кто в это поверит, тот полный балбес! Или человек, который пудрит себе мозги, не желая докапываться до истины. Это я про себя... А Она? Я знаю, что эта умная деловая женщина может быть необузданной тигрицей, делающей вид, будто поддается дрессировке. Как следствие – ревность. Как следствие – косвенное перевоспитание. Любовница больше не желает делить меня с другими женщинами, поэтому нашла способ воздействия на мои мысли, хаотично блуждающие в взбалмошной мужской голове. Способ нетривиальный, но по ее мнению, способный дать быстрые результаты. Не надо вести наблюдение за мужчиной, увиливающим от настоящего крепкого чувства, носящего простое название – Любовь. Женщина нашла помощника, прошедшего школу жизни за высоким забором с колючей проволокой, снабдила авансом, поставила задачу и процесс пошел. На пути к выздоровлению от посторонней женской зависимости появилась первая галочка. Первый этап пройден – труп Юноны Шиндрик произвел на меня сногшибательное впечатление. Теперь заказчица, вопреки конспирации, пришла в мой дом, желая убедиться в эффекте, оказанном на меня первоначальным этапом воспитательного процесса, а заодно и решить, стоит ли продолжать?

- Почему ты молчишь и так странно на меня смотришь? – прервал цепь моих умозаключений игривый голос долгоиграющей любовницы.

- Задумался. – брякнул я.

- Не можешь решить, смог бы убить человека?

Желая оттянуть ответ на каверзный вопрос, я обнял ее за талию и увлек в кухню, посчитав спальню неподходящим местом для ведения искусно завуалированного допроса, который я намеревался ей устроить. Зная ее пристрастия, я сварил крепкий кофе непроглядной черноты, переместил его из турки в изящную чашку, положил две ложки сахара и придвинул к ней.

Все это время женщина с интересом наблюдала за моими ловкими движениями, подперев ладонью подбородок и покачивая перекинутой коромыслом ногой. Заполучив чашку, исходящую ароматным паром, она стала совершать вращательные движения ложкой, создавая круговерть. Не так в фарфоровой посудине, как в моей голове, распухающей от прибытия новых идей разного значения.

Теперь мне захотелось понять разницу между любовницей и любимой женщиной. Сравнить и высчитать расстояние между ними? Целая пропасть и невозможность возведения надежного моста? Или один шаг, если удалить недосказанность?

Любовница созвучна со взрывными эмоциями на ложе любви и уютным комфортом, которым она окружает уставшего мужчину. Она не переходит гласно или негласно установленных границ. Если девушка становится нарушительницей, то ей дают отставку, и на ее место берут другую, более понятливую. При этом на признания в любви накладывается табу, или они допускаются, но без ответных заверений. Для любовницы отводится спелдень, словно это не интимная встреча с желанной женщиной, а заседание совета директоров, проходящего по средам, или банный день в мужской компании, установленный на пятницу. Ты находишь простое объяснение, почему в такой-то день недели отсутствуешь вечером дома. Это для варианта, когда любовник связан узами брака. Если не связан, как и его любимая женщина, то отношения двух сторон

противоположного пола со временем переходят в более серьезные, с направлением на брак. Когда-нибудь, может быть, эти двое решатся на заполнение определенной страницы паспорта. Или устанут друг от друга и разбегутся в разные стороны.

В моем варианте все сложно – я холост, она замужем за чудовищем, нареченным так не только за внешний вид, но и за методы обращения с людьми, посягающими на его собственность. Все способы ему доступны, все способы ему подвластны. Но сейчас не об этом. Почему я вдруг задумался, кем является эта женщина для меня? Еще недавно я легко определял ее в любовницы. Она чужая жена, чужая любимая женщина, раз супруг в ней души не чает. И, наверное, в отличие от меня ежедневно напоминает о своем глубоком чувстве. Напоминать и любить по-настоящему, а не изводить, разные понятия. Любящий мужчина сразу улавливает охлаждение, пытается разобраться в причинах и старается измениться ради любимой женщины. Ее супругу глубоко плевать на мысли, чувства и желания любимой женщины. Любимой безответно. Она - вещь. Она - любимая тумбочка, которая должна стоять в отведенном ей углу и радовать глаз. Если тумбочка вдруг заговорит и выскажется супротив, но может ощутить на себе суровый нрав хозяина.

И это любовь? Пусть и односторонняя...

- Ты его любишь? - впервые вырвалось из меня.

Она поперхнулась кофе и закашлялась. Я ласково постучал ее по спине и подал стакан воды. Галантность всегда была моим коньком. Но сегодня к ней примешалась настоящая забота и внимание.

Умная женщина обладает легким чувством юмора, тактом и умением выкруливаться без потерь из запутанных ситуаций.

- Я не хочу обсуждать с тобой мои отношения с мужем! – спокойно констатировала Она, передернув плечиками. – Я понимаю, что любопытство – средство познания нового, но средство слишком мелкое для тебя. И порочное.

- И все же? – не ушел я с выбранной позиции, за которой должно последовать нападение.

- А почему ты требуешь от меня правдивого ответа, а сам ловко уваливаешь? – хмыкнула женщина.

- Ты про вчерашнее убийство?.. Так я не при делах... Или ты сомневаешься?

- Не знаю, - после недолгого раздумья заявила она, настойчиво пряча от меня глаза.

- Вот те раз, - выдохнул я. – Если даже ты...

- Даже я? – перебила Она. – Ты вознес меня над всеми остальными почитательницами твоей неземной красоты?

- Ты это ты, - глубокомысленно изрек я. – И все же...

- Нил Петрович, я Вас сегодня не узнаю! – восторженно сказала долгоиграющая любовница. – Задаете вопросы, желаете докопаться до понимания моих отношений с человеком, который живет со мной под одной крышей.

- Стоп! – поспешил вмешаться я. Для продолжения начатой фразы мне требовался глоток холодной воды, что я быстро воплотил в реальность. – Я все понял! Ты сама себя выдала, обозвав его человеком, живущим с тобой под одной крышей! Не супругом, к которому в твоём сердце еще теплится утасяющая любовь. Не назвала его по имени, что подтвердило бы твоё уважение к нему, к его чувству к тебе. Значит, ты его не любишь и никогда не любила, а он думает, что любит тебя, а на самом деле...

- А на самом деле ему приятно иметь рядом женщину, которую не стыдно вывести в свет. И которая может вести беседу на разные темы, а не только о длине ногтей и модных в этом сезоне тряпках. Это поднимает его престиж и подтверждает его умение разбираться в людях. – закончила она за меня. – Но почему у тебя это вызвало такую озадаченно-счастливую улыбку?

Я непроизвольно прикрыл рот ладонью.

- В этом ты весь! Не умеешь быть настоящим, открытым. Человек в железной маске, вот ты кто!

- Беру пример с тебя!.. Но кое- что начинает проясняться, - удовлетворенно заметил я.
- Касательно меня?
- Касательно тебя!
- Мне не нравится выражение твоего лица. Будто ты увидел огромную муху, севшую на твой бутерброд... Наверное, мне лучше уйти... - сказала она, но с места не сдвинулась.
- А зачем приходила? – спросил я беззаботно-напускным голосом.
- Хотела посочувствовать.
- Это я понял. Как понял, что ты... относишься ко мне гораздо сложнее, чем хочешь показать. Мужа ты презираешь, а меня... - я споткнулся. Зачем я сам подвожу ее к выяснению отношений? Хочу услышать в нелегкую минуту жизни, что рядом есть еще один человек, кроме Потапа, которому не безразлична моя судьба? Или пытаюсь выудить из нее признание в любви, которое служит доказательством ее собственной вины. Эта женщина устала ходить в любовницах и хочет стать любимой женщиной стоматолога Желязко... Мысли заметались в голове, как разбуженные посередине ночи птицы, и в результате смешения родилась новая идея. Неправоправные действия, назовем их мягко-корректно, направлены на другого человека. Целью является не перевоспитание любовника, а устранение нелюбимого мужа, как препятствия к настоящей любви. Женщина раньше меня догадалась о моем неравнодушии, захотела из искры получить пылающий костер, не только физический, но и душевный, и бодро пошла к намеченной цели. Она надеялась, что я выложу следователю о нашей связи, ее призовут для подтверждения, она тут же расскажет о и муже-садисте, готовом на все ради удержания жены. Раньше я задавался вопросом: почему под раздачу попал не я, а невинное дитя из ресторана? Теперь все стало на свои места – подозрение сразу падет на обманутого супруга. Зачем идти к цели окольными путями, а не расправиться с любовником одним махом, легко объяснимо. Убита молодая девушка, труп найден в моем автомобиле, каждый знакомый индивид знает о моей любвеобильности. Кто виноват и что делать? Виноват Нил Желязко, решивший отделаться от назойливой любовницы. А почему оставил труп в машине? Так это по неопытности или наглой самоуверенности, решил, что легко запутает следствие. Что делать? Сажать! Меня осудят, я исчезну из поля зрения предательницы -жены на много лет, но до этого она успеет разочароваться в бывшем любовнике, способном убить невинную девушку. Начнет искать утешение, не будет далеко ходить и сразу найдет его на груди дорогого супруга...
- Я не только классный специалист, красавец, поклонник поэзии Блока, но обладатель завидного ума. Иногда скромность берет отгул.
- Гостыя откинулась на спинку стула и заморожено смотрела на меня, будто готовилась к представлению, которое я вот-вот продемонстрирую.
- Не дождалась.
- Не прикидывайся идиотом! – в сердцах заявила Она. – Ты давно догадался о... моем отношении к тебе. Уверена, что маска безразличия, которую ты носишь, тебе порядком осточертела. Но боишься избавиться от нее! Боишься зависимости! И еще чего-то. – едва слышно добавила рассвирепевшая тигрица.
- Мне захотелось высказаться о больших ветвистых рогах, но передумал: моя теория может быть разбита ею, как крепость под натиском войск под руководством гениального военачальника. Убеждение – одно из ее качеств. И что потом? Я капитулирую, создам с ней коалицию по устранению супруга-монстра, расширю дорогу для слияния двух одиноких сердец, которые хотели, но не имели возможности соединиться в одно целое при его жизни.
- А хочу ли я этого слияния?
- Я его боюсь. Она права. Отсюда вывод – мне и так хорошо. Без любви, без выяснений, без глупых вопросов, на которые заранее известны ответы. И я прекрасно себя чувствую без рогов, которые обязательно вырастут после брака...

Она упомянула про зависимость. Да, я не желаю зависеть от женщины! Даже от той, которая не вызывает во мне привычного охлаждения после совместного времяпровождения.

Вот и решай, появился между нами хрустальный мост, или я успел его разрушить с помощью гениальной идеи-детонатора, забредшей в мою голову?

Или не было моста, а мы долгое время стояли в шаге друг от друга и боялись броситься в объятия.

Там, за углом, такое было возможно. Сейчас все иначе. Я обязан отсечь от себя все связи и заново выстраивать жизнь. Я не позволю манипулировать собой...

- Все-таки, мне лучше уйти, - снова сказала Она, тяжело оторвалась от стула, словно до этого успела смазать его некачественным клеем, который не выполнил поставленную перед ним задачу до конца.

Я не хотел смотреть на нее, поэтому быстро отвел глаза и уставился в темный оконный проем. Я не заметил, как пошли вторые сутки моей новой жизни. Проходя мимо, Она скользнула рукой по моим плечам и... вызвала в моем теле неуправляемый ураган. Я схватил ее ладонь и прижал к своей горячей щеке.

Я сидел за столом, Она стояла за моей спиной и не дышала. За ритмичным биением своего сердца, переместившегося в голову, я ничего не слышал. Она склонилась и приложилась губами к моей макушке. Сердце разлетелось на маленькие кусочки, выгнав остатки разума...

Дни потекли в наглядной расслабленности и завуалированной напряженности, которая медленно отступала. Любимая работа, визит к Проскурину, не продвинувший расследование, поездка к матери, встречи с друзьями – все вертелось в привычном ритме. Обещание, данное самому себе, испарялось, как лужа на асфальте в жаркий летний день.

Юнона Шиндрик не являлась мне в кошмарных снах, все постепенно забывалось. Любимый авто не вызывал отвращения.

Однажды ко мне на прием пришла пациентка по имени Клавдия. Если бы у всех людей были такие зубы, то мы, стоматологи, остались без средств к существованию. Девушка дорожила своей голливудской улыбкой и явилась для профилактического осмотра. В списке она значилась последней пациенткой. Для начала назвала имя своей подруги, которая лечила у меня зубы и рекомендовала, как опытного стоматолога. Ее имя мне ничего не говорило, но, судя по улыбке Клавдии, между нами случился роман длиной в один вечер, о котором она с удовольствием рассказала приятельнице. Я делал свою работу и любовался ее стройными ногами, выставленными напоказ из короткого летнего платья вызывающего красного цвета. Я, конечно, не бык, но на яркие цвета реагирую правильно, тем более, когда к броской одежде прилагается красивая фигура, длинные ноги, высокая грудь и ухоженные пальцы рук. Я обожаю ямочки на локтях и круглые коленки. Локти Клавды я рассмотреть не успел, а все остальное было на пять с плюсом. После осмотра она задала несколько вопросов об уходе за зубами, я с удовольствием на них ответил, замечая при этом, что девушка плохо воспринимает информацию и занята своими мыслями. Где она уже находилась, я догадывался, поэтому, не мудрствуя лукаво, предложил подвезти ее. Если она не приехала на автомобиле. Оказалось, что доставило Клавдию к стоматологии «Грант» такси, поэтому она ответила согласием, причем так быстро, будто приехала не на прием к врачу приятной наружности, а с самого начала преследовала иную цель – продолжить с ним общение на нейтральной территории.

Я попросил Клаву подождать меня на улице, она подхватила сумочку и удалилась. Локти были аппетитными, со складочкой...

Зоя Серба проводила девушку осуждающе-скептическим взглядом, затем перевела его на меня, теплоты в нем не появилось, я быстро ретировался и помчался в раздевалку.

По дороге мы заехали в уютный ресторанчик. Я думал, что девушки с такими формами питаются святым духом, но ошибался. Клавдия относилась к разряду людей, которым чревоугодие не наносило вреда. Она быстро расправилась с салатом, сдобренным калорийным соусом, легко запихнула в себя жареный картофель с куском мяса, с удовольствием выпила бокал «Мартини», согласилась на десерт, одолела фрукты со сливками, запила чашкой кофе американо и выжидающе уставилась на меня.

Не хватало еще услышать «я готова», и желание ушло бы безвозвратно. Я впервые столкнулся с девушкой, которая не скрывала своего здорового аппетита. Представляю, какие кренделя она выделывает в постели. Кто хорошо ест, тот хорошо... работает. Без усталости и перерыва.

Клавдия любезно поблагодарила меня за прекрасный вечер, я кивнул, мол, пожалуйста, приходите еще. Она стала напряженно разглядывать опустевший стол, словно хотела еще чем-то поживиться. А что более вероятно, не знала, как сдвинуть меня с мертвой точки. Я сидел напротив нее и не брал инициативу в свои руки. Решил проверить ее на сообразительность. Если девушка проявит себя деликатной и сдержанно-напористой, то я протяну ей руку помощи.

- Все хорошо, только кофе подкачал, - выдала она, отодвигая от себя чашку в форме раскрытого цветка.

Я неопределенно дернул головой. Знак мог быть расценен по-разному: согласен или имею на сей счет собственное мнение, отличное от ее высказывания.

- Меня подруга научила готовить кофе с корицей.

Я удивленно приподнял брови и опустил уголки губ.

- Сначала в турку насыпают кофе и корицу, прогревают над огнем, добавляют сахар и воду, доводят до кипения, сливают треть в чашку, снова ставят на огонь, снова сливают...

- В чем прикол? – без интереса спросил я, нервно постукивая пальцами по столу и показывая, что со временем большая проблема!

- Чтобы кофе был вкусный, ароматный и с пышной пенкой, - протараторила Клавдия, воззрившись на мои шаловливые пальцы. – Вы когда-нибудь пили кофе с корицей.

Чего я только не пил за свою жизнь, заполненную событиями до отказа, как шкаф-купе у девушки-шопингистки, - подумал я, скользнул взглядом по ее лебяжьей шее и красивому подбородку, и улыбнулся открытой призывной улыбкой.

- Я могла бы Вас угостить, но... сейчас уже поздно. И Вы, наверное, устали после работы, - проворковала она, получив молчаливый аванс. Но надавить на слово – сомнение «наверное» не позабыла.

Скрытый напор меня порадовал.

Я с показной деловитостью посмотрел на наручные часы, склонил на бок голову, выказывая глубочайшее раздумье, включившее математический расчет оставшегося до полуночи времени. В него должны уместиться проводы-расставания (если все закончится у подъездной двери ее дома), преодоление расстояния до собственной квартиры, водные процедуры и чтение художественной и специальной литературы для получения новых знаний по стоматологии. И согласно режиму дня – отбой не позднее двадцати четырех часов. Режим это святое...

Я постарался изобразить ход моих мыслей на лице. Прием был проверенный, но особы женского пола, с которыми переплетались наши пути, отличались разным уровнем ума и сообразительности. Однако всех связывало наползающее в такие минуты отчаяние на лице. Каждой приходила в голову мысль, что сейчас последует резкий отказ. Бывало и такое, но предшествующие манипуляции с часами и лицом, позволяли сгладить обиду. Мужчина не принадлежит себе, он не бонвиван какой-то, вот в следующий раз...

Я уронил на пол ложку, быстро нагнулся и полюбовался круглыми коленками, сведенными вместе, как прекрасные зубы в правильной челюсти, и длинными пальцами

ног, над которыми потрудился опытный мастер педикюра. Все увиденное развеяло сомнения окончательно.

- Да, кофе здесь готовят отвратительный, - согласно кивнул я и пронзил ее чувственным взглядом...

Начался июль. Знойный, как страстная женщина бальзаковского возраста, палящий, как горящий взгляд обворожительной красотки, и ветреный, как девушка в переходном возрасте.

В головах жителей мегаполиса засела мысль об отпуске. Или о поездке на лоно природы.

Я загорелся идеей собрать небольшую компанию и отправиться за город. Помощником в организации дикарского досуга я выбрал Потапа Мартынова, на которого захотел навесить роль снабженца. Но меня ждало разочарование – приятель был по горло занят в автосервисе даже в выходные дни. На голову бедного Потапа завтра сваливается гарантийный аудит, за ним сервисный аудит, потом приезжают представители импортера, и на все про все дается шесть дней, по истечении которых Мартынов берет два дня отдыха, которые посвящает всей честной компании.

Пикник без тамады – все равно, что свадьба без невесты.

Это я про Потапа Мартынова, без которого веселье не веселье.

Наверное, мой голос звучал в телефонной трубке, как голос малыша, получившего запрет на употребление сладкого. Друг сжалился и предложил свой вариант. На загородную прогулку он времени не выкроит, но для похода в кинотеатр готов на сегодняшний вечер отложить все дела. Пару часов хватит.

- В кино? – удивился я, представив, как два мужика закатываются в полутемный зал без женского сопровождения и усаживаются на последний ряд. – Может, пригласим... кого-нибудь, - неуверенно предложил я, - думаю, желающие найдутся.

- Я тебя не просто в кино приглашаю! Я тебя приглашаю на классный боевик, который... желающим будет неинтересен. Это тебе не мелодрама, где любовь-морковь, слезы – ахи, тарарахи.

- Смотря, какие желающие, - пробормотал я.

- Понимаю, ради тебя любая девушка высидит два с лишним часа, жмурясь от страха и зажимая уши от криков и взрывов, но имей сочувствие. К тому же, после кино мы обязаны развлечь дам по полной программе, а у меня на это нет сил.

- Старый ты стал, Потапыч, - поморщился я, но идеей Мартынова вдохновился. Мы сможем вернуться в детство золотое, вспомнить, как бегали в ближайший кинотеатр на «шпионские» фильмы.

- Какой есть, - озабоченно произнес друг. – Но покупку билетов ты берешь на себя.

Он назвал фильм, который ему рекомендовали посмотреть и отключился.

Я влез в интернет, изучил расписание сеансов в кинотеатре, который был снабжен хорошей системой кондиционирования, и стал выбирать удобное для занятого Потапа время. Не слишком поздно, чтобы он мог выспаться перед аудитом, и не слишком рано, чтобы успел закончить все дела в автосервисе. Потом позвонил и забронировал два билета, о чем доложил Мартынову.

За пятнадцать минут до начала сеанса я стоял у входа в кинотеатр «Чайка» и высматривал автомобиль приятеля. Не хватало еще одинокой розы в руке и мечтательной улыбки на устах, - подумал я и произвольно хмыкнул. Стоявшая неподалеку девушка вздрогнула, будто скептическое «высказывание» обращалось ей, и покосилась на меня. Я успокоил ее приветливой улыбкой и хотел заговорить - симпатичная мордашка и ладная фигурка позволяли отменить сегодняшний обет необщения с прекрасным полом, но у нее зазвонил мобильный телефон, зажатый в руке. Девушка отошла на несколько шагов и стала разговаривать приглушенным тоном. Мне нравились воспитанные особы, не вопящие на весь мир о своих неприятностях. Когда дама обсуждает громким визгливым

голосом свои проблемы с телефонным собеседником, до которого пытается докричаться без современного средства связи, мне хочется напомнить ей, что обладательнице такого зычного голоса не надо тратить на дорогие мобильники.

После разговора девушка скисла, как вчерашнее молоко без холодильника. Она хотела уйти, сделала несколько шагов, но передумала, круто развернулась и решительным шагом зашла в фойе кинотеатра.

Теперь у меня в кармане затрезвонил телефон. Каково же было мое разочарование, когда Потап заявил, что приехать не сможет по уважительной причине – едет в аэропорт встречать «дорогих» гостей. Думал, что они прилетят утром...

Я повел себя, как та девушка. Пометался-пометался, но решил не отменять намеченного культпохода. Времени для приглашения спутницы не оставалось. Пришлось идти одному. Впервые за всю жизнь.

Все, когда-то происходит впервые. Первый молочный зуб на воспаленных деснах, первая школьная линейка, первый поцелуй. Первый труп в новом автомобиле... Тьфу, тьфу, тьфу... Я мысленно поплевал через левое плечо, как меня учил Мартынов в пятом классе, когда я не выучил географию. При этом надо было приговаривать: хотя бы, не спросила, хотя бы, не спросила...

Я вошел в полутемный зал, окинул взглядом многочисленное собрание поклонников «важнейшего из всех искусств», нашел нужный ряд и стал высматривать свое место.

Рядом оказалась та самая обиженная отказом незнакомка. Мы сидели, как два гриба на полянке, вокруг которых образовались две пустоты, каждое размером в одно посадочное место. Мы улыбнулись друг другу и уставились на экран, запестревший рекламными роликами. Сначала я косился на девушку и представлял себе мужчину, ради которого она пришла на «неженский» фильм и который наглым образом отказался от приятного просмотра в ее компании. Я видел ее безукоризненный профиль, гордо поднятый подбородок, бросающий вызов обществу, разбитому на пары. Вопреки утверждению Потапа женщин в зале было много, как было много мальчишек, заполнивших первые ряды. Затем меня увлек сюжет, я замечал краем глаза, как она несколько раз доставала из сумки маленькую бутылку с водой и делала несколько глотков. Фильм мало занимал ее, девушка все чаще опускала голову, прикладывала ладонь к голове, будто проверяла температуру тела, касалась горла и передергивалась. Похоже, она страдала от ангины и озноба. Потом соседка сгребла сумку в объятия, я подумал, что чаша ее терпения переполнена, и она решила уйти, но нет, осталась на месте, даже расслабилась, приткнувшись плечом к моему плечу. Я не стал уклоняться от косвенного «общения» и дал ей подпорку. Ей так наскучили стрелялки-убивалки, что через некоторое время ее голова съехала на подушку-плечо. Я мысленно посочувствовал ей, попытался создать комфортные условия и снова заинтересовался событиями на большом экране.

Я смотрел, она спала. Каждому свое. Планов на развитие отношений я не строил.

Когда пошли титры, я «вернулся» к соседке. Громкие музыкальные набаты не трогали ее молодой здоровый сон. Я пошевелил затекшим телом и покосился в сторону беспробудно спящей девицы. Реакции мои телодвижения не вызвали. Вдруг на меня напал ненатуральный бронхитный кашель – залиvistый и затяжной. Я сотрясался всем телом, голова девушки слегка подпрыгивала, а глаза оставались плотно закрытыми. У меня родилась догадка – придуривается! Но очень натурально!

Основная часть зрителей успела покинуть зал. Мы сидели в самом центре и не мешали перемещению толпы. А зря, глядишь, кто-то крупногабаритный и плохо воспитанный зацепил ее ненароком и вернул к жизни. Мое воспитание не позволяло негалантно относиться к дамам, но сидеть истуканом и вращать головой в поиске подсказки или помощи, тоже не хотелось. Я не удержался и осторожно постучал указательным пальцем по ее лбу, подергать за ухо не решился. Девушка осталась в собственных грезах. Я

посмотрел на сумку в ее объятиях и пошел на «воровство»: потянул вместительную сопроводительницу каждой женщины к себе.

Сумка легко вырвалась их цепких рук и оказалась у похитителя. Теперь я был не только подушкой, но и хранителем тайных сокровищ, спрятанных в светлом саквояже. Руки девушки освободились от ответственной ноши, но расцепиться не пожелали. Я дотронулся до сцепки и потрепал. Раскачивание не возымело действия.

В пустой зал просочились мастера чистоты для наведения порядка перед следующим сеансом. В пререкания со мной они пока не вступали, но бросали на нас недовольные взгляды. Одна из работниц не удержалась и помянула нелегкую женскую долю. Другая вскользь заметила, что все беды от мужиков. Среди присутствующих я был один в поле воин, поэтому понял, кому была брошена реплика –перчатка.

Интеллигентное воспитание я решил заменить прямолинейной простотой.

- Эй, девушка, - громким шепотом сказал я ей, свернув губы на сторону, как покореженный рупор. При этом подергал затекшим плечом. Девушка не реагировала. – Э-э-э-й, - затравленно протянул я, будто боялся снегового обвала в горах, -де-вуш-ка, про-сы-пай-тесь! Солнце скроется, муравейник закроется, - вспомнил я фразу из мультфильма и отбил ногами ритмичную дробь, изображая стадо муравьев, наперегонки несущихся домой.

К озвученным насекомым спящая особа не принадлежала и в родные пенаты не торопилась.

Я не выдержал, просунул ладонь между ее головой и моим плечом, высвободил плечо и постарался удержать голову в положении оловянного солдата. Шея не держала ее и как результат, голова склонилась в другую от меня сторону, где должен был сидеть ее приятель, увильнувший в последний момент.

Я хотел элементарно смыться и пусть администрация кинотеатра сама с ней разбирается, но с ужасом увидел, как тело без опоры стало заваливаться на соседнее сидение, а потом скатываться на пол, к моим ногам.

Где-то я это уже видел... Только в предыдущем случае тело «обволокло» меня, а теперь повернулось ко мне задом.

Последнее, что отложилось в моей памяти, были слова уборщицы.

- Вот, до чего довел девочку, изувер!

Я пятился назад до тех пор, пока не нашел опору в виде стены. Не сводя взгляда с застрявшего между сидений недвижимого тела, я занемевшей рукой достал из кармана брюк мобильник и набрал знакомый номер. Мартынов почти сразу откликнулся.

- Потапыч, у меня... проблемы. – я пытался говорить спокойным тоном, но мне это не удалось. Голос противно вибрировал, словно я сидел на задних местах разбитого автобуса, лавирующего среди бездорожья.

- Ты где? - коротко спросил он.

- В кинотеатре, - ответил я и поозирался по сторонам, убеждаясь в сказанном.

- Скоро буду! – командным голосом рявкнул друг.

У меня появилась коварная мыслишка: А не ускользнуть ли из зала и одновременно от неприятностей? Но быстро сообразил, что побег усложнит мою и без того нелегкую жизнь.

Сдвинуться с места я не мог, поэтому стоял и смотрел на женские ноги, обутые в шлепанцы на танкетке, на светло-бежевые брюки, одна из штанин которых собралась гармошкой, на блузу более темного оттенка, съехавшую вверх и оголившую незагорелое тело. Потом понял, что чего-то не хватает и одновременно почувствовал тяжесть в руке, которую не ощущал по приходу в кинотеатр. Я с трудом отвернулся от девушки и с недоумением заметил ее сумку в собственном сжатом кулаке.

Мастера чистоты разделились: одна метнулась в фойе, а другая склонилась над телом. Вскоре первая вернулась в сопровождении молодого охранника. Он прошел мимо меня и

одарил откровенно-неприязненным взглядом. Его манипуляции мне были не видны, но проверка заняла мало времени, после чего он отогнал подальше женщин и произнес несколько слов по рации.

- У нас труп. Вызывай полицию.

Причем сказано было так обыденно, будто трупы в этом кинотеатре были обычным делом.

Затем охранник обратился ко мне.

- Вы знаете эту девушку?.. Были с ней знакомы? - поправился он.

Я отрицательно замотал головой. С таким усердием, что в шее что-то хрустнуло, а в голове зашумело.

- Понятно, - многозначительно заявил он, постукивая рацией по руке и сверля взглядом женскую сумку, зажатую в моей руке.

- Она... сумка упала с ее колен, а я поднял, - сбивчиво пояснил я, кивая в сторону лежащей на полу девушки.

- Понятно, - повторил парень в белой рубашке и черных брюках, добавив щепотку угрозы. Но, заметив мой расстроенный вид, сжалился, - Вы пока присядьте.

Я хотел сесть на крайнее сидение ряда, где провел последние часы, но передумал и сместился вперед, не желая созерцать тело, от вида которого мне становилось невмоготу. Во рту пересохло, язык увеличился в несколько раз и с трудом помещался в положенном ему месте. Я вспомнил про бутылку воды в сумке девушки и, не отдавая отчета, сунул руку внутрь. Особо не затрудняясь при этом – молния на сумке была расстегнута.

- Нельзя ничего трогать! – остановил меня грозным рыком охранник, стоявший наподобие телохранителя за моей спиной.

От испуга я отдернул руку, не успев коснуться бутылки с остатками воды.

- Жажда одолела, - вздохнул я и облизал сухие губы. – А в сумке есть бутылка воды.

Парень удалился, но через минуту вернулся со стаканом кока-колы. Я не люблю этот напиток, но дареному коню в зубы не смотрят. Я осушил стакан одним вдохом, втягивая жидкость через трубочку.

Вскоре появился Мартынов. В который раз я удивился его умению обаять всех без разбора в сочетании с начальственной напористостью. Друг легко преодолел выставленную у входа преграду из нескольких человеческих упитанных тел, просочился через дверь, отсекая нестройный шум голосов.

В зале снова повисла тягостная тишина. Потап издали изучил место преступления, не переставая похлопывать меня по плечу, словно хотел вбить в кресло и спрятать от полиции, которая должна вот-вот появиться.

Только я о ней подумал, как в зал вошел Проскурин со свитой. Я удивился его приходу, но быстро сообразил, что стоматология «Грант» и кинотеатр находятся в одном районе. Иван Иванович пожал протянутую руку Мартынова, проткнул меня недовольным взглядом и выслушал доклад охранника. Передача информации шла тихо и на некотором расстоянии от нас с Потапом. Но оба переговорщика несколько раз оборачивались на меня. Проскурин при этом покачивал головой, а парень с рацией походил выправкой и четкостью изложения на эсесовца, докладывающего о взятии в плен «важной птицы». Иван Иванович отпустил его на все четыре стороны, чем расстроил охранника, желающего пребывать в «гуще событий». Я догадался об этом по скошенным коромыслом вниз губам. Захотелось предложить ему поменяться местами, но думаю, на это он вряд ли пошел – кому охота ходить в подозреваемых, или еще хуже, поселиться в следственном изоляторе.

Майор вернулся к нам. Я опередил его вопрос и сказал.

- Я с ней не знаком.

- Кто бы сомневался, - прошептал он, стал копаться в папке и смещаться по проходу в сторону трупа девушки.

- Вот ее сумка, - проговорил я в спину следователя и добавил пояснения, как она оказалась в моих руках.

Он позвал какого-то Ваню, по всей видимости, криминалиста, который с превеликой осторожностью забрал из моих рук предмет женского туалета. Я заметил на нем перчатки и подумал о собственных отпечатках, оставленных на сумке, с которой сроднился за последние полчаса. Хорошо, что охранник позаботился и вставил мозги в мою пустую голову.

Из недр светлого саквояжа появился паспорт и переместился в руки Проскурина. Он открыл документ и вслух прочел:

- Елизавета Викторовна Веселкина, родилась третьего мая тысяча девятьсот восемьдесят первого года в городе Солнечногорске Московской области. – затем перекинул несколько страниц и заявил, - проживает там же. – И назвал улицу, дом и квартиру. Снова пошуршал страницами и с нажимом добавил. – Не замужем.

- В Солнечногорске? – удивился я.

- Ты там был? – встрепнулся Потап.

- Проезжал через этот город, когда ездил в Шахматово, в музей-усадьбу Блока. – про то, что я останавливался в местной гостинице, я умолчал.

- Ты говорил, что ездил в Тараканово.

- И в Тараканово тоже. Они вместе относятся к музею-заповеднику Александра Блока. И совсем близко от Солнечногорска.

- Ну-ну, - не выдержал майор и подозвал старого знакомого капитана Трубкина, которого я сначала не заметил.

Тот явился на зов с такой «приветливой» улыбкой, что я сразу догадался – два уголовных дела будут закрыты в кратчайший срок и переданы в суд.

Я уже представлял себя на скамье подсудимых, в зале плачущую мать и успокаивающего ее Потапа. И больше ни одного сочувствующего взгляда. Одни чужие безразличные лица. У кого, кроме матери и надежного друга, появится жалость к убийце невинных девушек. И пусть он не признает своей вины... Жалкий, облезший тип некогда приятной наружности...

Мать не выдержит потрясения и умрет, а я не смогу проводить ее в последний путь. Не принесу цветы на ее могилу...

Что я видел в этой жизни? Что ценил и кого?..

Краем глаза я увидел, как Проскурин передает паспорт девушки Трубкину.

- Свяжись с коллегами из Солнечногорска и все выясни о Елизавете Викторовне Веселкиной. С какой целью приехала в наш город, кем работает, потом прозвони по гостиницам...

- Есть! – кивнул капитан и испарился.

Следователь направился к трупу, над которым кружил судебный медик.

- Андреич, что у тебя?

- Судя по температуре тела, смерть наступила пару часов назад... Похоже на отравление...

- У нее в сумке бутылка с остатками воды, - вставил Проскурин. – Надо провести экспертизу.

Мы покосились на мужчин. Человек в белом нечистом халате отвинтил пробку с бутылки и осторожно принялся.

- Без запаха, - удовлетворенно заметил он. - Окончательную причину смерти я скажу после вскрытия, но сейчас могу предположить, что девушку отравили едким натром.

- Каустиком? – переспросил майор.

- Да, обычным каустиком, что продается в любом хозяйственном магазине. Тот же самый «Крот», который служит для чистки канализаций. Он хорошо растворяется в воде и не

имеет запаха. Во рту потерпевшей я заметил ожоги, следовательно, концентрация едкого натра в бутылке с водой была более сорока процентов.

- Но почему девушка ничего не почувствовала, не пожаловалась ближайшим соседям? Или пожаловалась, но те сделали все, чтобы ее недомогание осталось незамеченным окружающим.

Я почувствовал на своем затылке взгляд-буравчик.

- Щелочь сразу проникает вглубь тканей организма и вызывает колликвационный шок. Достаточно сделать два-три глотка, в гортани развивается ожоговый шок, как следствие отек, и человек умирает от удушья. Если концентрация едкого натра ниже сорока процентов, то последние сутки своей жизни пострадавший проводит в ужасных мучениях. Начинается реактивный перитонит, деформация желудка, воспаление легких и еще много чего интересного. – рассудил «добрый» дядя Айболит.

- Значит, убийца был сердобольным, оградил девушку от страшных мучений и приблизил конец, - стиснув зубы, произнес Проскурин.

По моему телу прошла волной дрожь. Мартынов заметил мое состояние, но никаких действий не предпринял. Так мы и сидели на своих местах, как два тополя на Плющихе, которых отсадили от основной рощи без их согласия.

Я не выдержал и тихо пробормотал.

- Ну, почему ты отказался идти в кино?! Заразил меня идеей, а сам в кусты...

- Не вали с больной головы на здоровую, - поспешил урезонить меня друг.

Я пропустил его фразу мимо ушей.

- Когда нашли труп в моей машине, все могли списать на случайность, но теперь... Две случайности это уже намеренность.

- Еще скажи, что ты маньяк, который убивает свои жертвы в бессознательном состоянии, затем приходит в себя и ничего не помнит.

- Я не с... сумасшедший, - с легким заиканием сказал я, словно сам сомневался в этом.

- Кто бы оспаривал это утверждение! – парировал он шепотом.

- Ты так спокоен, что мне... даже обидно. Друг, называется...

- Интересное дело, я лечу по первому зову, сижу с ним рядом, как нянька, пытаюсь успокоить, а он... обижается. – Мартынов скривился, будто съел незрелый абрикос, внутри которого засела белая мягкая косточка.

Однажды мы с Потапычем объелись подобных молодых фруктов и несколько дней провалялись с дизентерией. После выздоровления вышли во двор и с завистью смотрели на сверстников, гоняющих мяч. У нас не было сил на игру в футбол, мы едва ноги переставляли, но старались поддержать друг друга. Наперебой представляли, как через пару дней можно расширить рацион и быстро вернуть вес и силу. Каждый рассказывал, что любит больше всего. К удивлению обоих, никто из нас не вспомнил о конфетах или мороженом, мы мысленно смаковали жареную картошку с большим ломтем хлеба с маслом...

Между тем криминалист Ваня обнаружил в сумке отравленной девушки билет до Москвы на завтрашний день, два отделенных друг от друга билета в кинотеатр, над одним из которых поорудовал контролер. Такое же сочетание лежало в нагрудном кармане моей супермодной рубашки. Не сговариваясь, мы разъединили билеты, чтобы не вызывать недоумение у обслуживающего персонала кинотеатра.

Теперь Проскурин стоял у импровизированного раскладного стола –рабочего места Ивана, который ему предоставили работники кинотеатра, и вертел в руках разъединенные билеты. После чего обронил назад фразу.

- Сергей, походи к кассиру и поинтересуйся, помнит ли она, кто покупал эти билеты?

Щуплый Сергей вырос рядом с майором, поджал губы и недовольно окинул зал, намекая начальству на большое прохождение зрителей. По всему было видно, что парень

ленив и неисполнителен. Но боязнь или уважение вышестоящего по званию дали легкий пинок, молодой человек развернулся и пошел исполнять приказ.

Я каждый раз сжимался под зорким взглядом следователя и ждал своей очереди. Майор был хитрецом и выжидал момент, когда я дойду до точки изнеможения и признаюсь в содеянном. Он не отправлял меня в следственный отдел в сопровождении двух головорезов в форме, наслаждался расследованием, идущим семимильными шагами к конечному результату и ждал выброса белого флага.

Вскоре вернулся Сергей и доложил, что кассир вспомнила погибшую девушку. Та долго не могла разобраться в изображении на экране, где указаны разными цветами проданные и свободные места, и этим совершенно извела нетерпеливую кассиршу, обзвавшую ее про себя «тупоголовой деревенщиной». Лиза Веселкина была без сопровождающего, но взяла два билета.

Наконец, очередь дошла до меня. Проскурин отвел меня на первый ряд и начал засыпать вопросами. Я спокойно рассказал обо всем по порядку. Майор все зафиксировал в протоколе, предложил поставить роспись и разрешил удалиться. Я опешил и переспросил, на что получил отрезвляющий ответ.

- Да, иди ты уже, донжуан хренов!

Я не стал себя упрашивать, подошел к Мартынову и кивнул на входную дверь, намекая на включение скорости.

- Подожди меня на улице, - прошептал он и направился к следаку.

По улицам шли беззаботные люди, которые не обнаруживали трупы в своих автомобилях и не смотрели фильмы в темных залах кинотеатров рядом с отравленными девицами, головы которых покоятся у них на плечах.

Вот оно счастье, - обреченно подумал я. – Почему вспоминаешь о маленьких радостях жизни, когда беда подкрадется к двери?

Больше в голове мыслей не появилось. Очередное размышление окончательно свернуло мозги в тугой узел. Не хватало придумать нового врага, способного подвести меня под монастырь...

Что там вещал о монастыре Потап?.. Конечно, он шутил и направлял в женскую обитель, но мысль неплохая...

Я представил себя в одинокой келье с крохотным оконцем и поежился.

И почему сразу монастырь? Лучше пойти и взять на себя вину за несовершенное преступление, тебя упрячут в тюрьму, все едино... Отречение от мирской суеты без собственного волеизъявления. Начну слагать стихи не хуже Блока. Но у него рядом была Муза - жена Люба, к которой он питал платонические чувства.

У меня Муза будет жить в мыслях. И кто сгодиться на эту роль? Только долгоиграющая любовница...

Рядом выросла завидная фигура Мартынова.

- Странные дела творятся вокруг тебя, - сразу перешел он к «утешению». – Честно говоря, до сегодняшнего случая я все серьезно не воспринимал, соглашался с твоей теорией о случайности. Но теперь...

- Потапыч, мне не верить, что девушку отравили. Слышал, медик сказал, что у нее обожжен каустиком рот, значит, она должна была мучительно страдать и стонать при этом, а она не издала ни звука. Допустим, Лиза не могла говорить, случился ожоговый шок, но могла знаками показать, что ей плохо. Любыми способами попросила бы о помощи.

- Я задал Проскурину тот же вопрос, он переадресовал его эскулапу, тот с большим процентом уверенности сказал, что в воду могли подмешать лекарство, парализующее человека и вводящее его в транс. Человек престаёт мучиться от страшных болей, и последние минуты жизни находится в полубессознательном состоянии.

- Какой ужас, - вздохнул я, представив страдания своей соседки.

- Кстати, Проскуруину отзвонился твой друг Трубкин. Он доложил, что девушка останавливалась...

- В гостинице «Якорь», - быстро досказал я.

- Как ты догадался? – с недоверием спросил приятель.

- У меня складывается такое чувство, что все события замкнуты в один круг: стоматологическая клиника, гостиница «Якорь», теперь кинотеатр «Чайка», снова гостиница «Якорь»...

- Снова стоматологическая клиника, - закончил за меня Мартынов.

- Думаешь, там находится голова всей операции?

- А тебе такие мысли не приходили? – вопросом на вопрос ответил Потап.

- Может, мне взять отпуск? – продолжил я обмен вопросительными предложениями.

- С тебя не взяли подписку о невыезде?

- Нет, - уверено покачал я головой, удивляясь вкрадчивости голоса Мартынова, в котором явно проскальзывали нотки неудовольствия. Волосы на голове пришли в движение, несмотря на безветренную погоду.

Как это понимать? Зависть гложет друга, на счету которого меньше боевых подвигов? Я мешаю ему покорять женщин, стою на его пути и лишая звания всенародного завоевателя сердец. Недаром я сразу почувствовал удовольствие, которое он искусно прятал за желанием помочь.

Но неужели мой проверенный друг способен на убийство ради устранения меня, как преграды на пути к олимпу всеобожания?

Или я тронулся умом, или совершенно не знаю Потапа? Создал себе образ компанейского парня, способного решить все чужие проблемы, и с этим образом существую четверть века.

До меня стало доходить, что Мартынов весьма редко распространяется о своей личной жизни, да и то, о романах с женщинами упоминает вскользь, делая вид, будто отношения ничего для него не значат. Я не слышал имен его любовниц, в наш сплоченный коллектив он никого не приводил и с друзьями не знакомил. По причине отсутствия любимой женщины? Или по причине ее несвободности? Я тоже держу за семью печатями свою личную жизнь, но кое - что выкладываю приятелю в душевной беседе за стаканом виски. Например, о Верке – интриганке, которую он в глаза не видел. Или расплывчато о долгоиграющей любовнице и ее ревнивом супруге, не называя имен. Личность обманутого мужа весьма известна в нашем городе, тем более известна приятелю. Чего я боялся, когда не называл имен? Его ненужных советов? Или зависимости от человека-всезнайки, который при случае может мной манипулировать?

Какой же я закомплексованный человек! А выгляжу таким раскрепощенным, свободным, сильным...

Нельзя видеть вокруг себя одних врагов. Раньше я об этом не задумывался, считал, что одни меня обожают, а другие завидуют. Два лагеря, каждый из которых мне по-своему дорог. Первый лагерь дает возможность почувствовать себя центром вселенной, второй – заряжает меня завистливыми взглядами подобно зарядке аккумуляторной батареи мобильного телефона от электрической сети.

Вот и зарядился. До макушки.

- Поедем снова в «Якорь» и попытаемся разузнать о Елизавете Викторовне Веселкиной? Или перенесем расследование на завтра? – встрял в мои невеселые думы Мартынов.

- Завтра я работаю. А у тебя аудиторская проверка.

- Точно, - вспомнил он и хлопнул ладонью себе по лбу.

- И я не хочу мешать следствию. Ко мне эти два убийства не имеют отношения. Пусть полиция сама во всем разбирается.

- Ну-ну, - недовольно высказался приятель.

Хочет, чтобы я увяз в этом дерьме по самые уши, - подумал я. – А я умней, я тебя перехитрю.

- Ладно, поезжай, а я пешком пройду, - улыбнулся я, пожал ему руку, быстро развернулся и потопал по тротуару, не обращая внимания на бросаемые мне вслед уговоры.

Теперь мы не будем ходить с Потапом парой. Я превращусь в одинокого волка. Не буду никому доверять.

По дороге домой я сопоставил факты и пришел к неутешительному выводу - Мартынов при делах. У него хранился дубликат ключей от «Audi», он убил девушку или кто-то это сделал по его указке, а затем усадил труп Юноны Шиндрик в салон автомобиля. Не думаю, что я забыл поставить машину на сигнализацию, даже при условии шокирующей новости Снегиревой. А может быть, она звонила по чужому науськиванию? Потап слышал о Вере, знает о моем расписании, как о своем, указал ей время звонка и тематику разговора, способного повергнуть меня в шок и отрубить память. Но я все делаю автоматически. Я не мог позабыть о сохранности моего новенького авто. Я действовал инстинктивно, так же, как двигаюсь в полной темноте от кровати до туалета в собственной квартире. Или не задумываюсь о местонахождении банки с кофе. Я робот в таких делах. К этому меня приучила мама, а добавила профессия, которая требует внимательного размеренного автоматизма.

Движемся далее. Мы поехали с Потапом в гостиницу «Якорь». Переговорили с Карякиной, которая не смогла четко описать командировочного из Судака, что весьма понравилось другу. Всего один раз он скорчил недовольную физиономию, когда Лена вдруг заявила, что видела в городе кавалера подруги, только в преображенном виде. На это он не рассчитывал, потому и приуныл. Надо еще раз расспросить Елену. В тот день я не уцепился за фразу официантки, Потап свернул разговор и повел меня к администратору. Но в последний момент решил отказаться от моего участия в разговоре. О чем Мартынов с ней беседовал, я знаю из его слов. А на самом деле, он мог спросить у нее любую нелепость. Или отпустить в ее адрес комплимент. Напоследок попросил записать на бумаге имя человека, которое боялся забыть, а бумаги при себе не имел. Мобильник не в счет. Друг не любит, как и я, пользоваться им в качестве органайзера. Девушка записала озвученные имя, отчество и фамилию, отдала лист бумаги приятному мужчине, тот вернулся ко мне и огорошил новостью.

Теперь о сегодняшнем дне. В мои планы не входил поход в кинотеатр. Это Потап предложил, а сам в последний момент отказался, не желая быть свидетелем. Мое утверждение, что впервые вижу Лизу Веселкину, жительницу Светлогорска, не убедительно. Но если бы ко мне присоединился занятый Мартынов, утверждение бы забетонировалось, и Проскурин не смотрел на меня с недоверием...

Надо позвонить в автосалон «Audi» и спросить, на самом ли деле к ним приехал «ревизор», или директор все выдумал?

И почему он загорелся желанием затащить меня в «Якорь»? Приготовил еще один сюрприз, готовый утопить меня окончательно?..

Но неужели Потап способен на такое? И зачем ему это?

У меня есть один выход – исчезнуть из города на некоторое время, а заодно проверить еще одно направление, откуда может исходить опасность.

Но как найти иголку в стоге сена? Я имею в виду Любовь Фирсову, которая зашла в поезд не помню на какой станции, а в разговоре не упоминала названия родного города.

Одна надежда на случай. Или на судьбу, которая протянет мне руку помощи. Хватит хлестать меня по щекам, не настолько я паршивый человечиска, чтобы получать одни затрещины и пинки, иногда нужно угостить пряником...

Двенадцать часов следующего дня я провел в клинике, весь сосредоточился на выполнении своих обязанностей, голову очередными идеями не забивал. Но в перерыве успел позвонить в автосалон одной знакомой по имени Зина, которая заведовала складом. Для начала я посетовал на занятость, но девушка сразу сказала, что собирается замуж за механика Петю. Кто такой Петя, мне было без разницы, но за нее я порадовался, а заодно и за себя – кладовщица Зина витает в облаках счастья и быстро забудет о нашем разговоре.

- Хочу поговорить с Потапом Анатольевичем, но боюсь помешать, - озабоченно заявил я.

- У вас там аудиторы набежали, ему не до меня.

- Пока не набежали, на следующей неделе приедут, - огорошила меня девушка. – А Потап Анатольевич минут десть, как уехал. Я сама видела, как он садился в свою машину вместе с одним типом.

- Типом? – удивленно протянул я.

- Ну, да, типом. Иначе его не назовешь. Очень неприятный мужчина и глаза колючие-колючие, мурашки по телу бегают от его взгляда.

- Так это Ветлухин, - презрительно констатировал я. Борька Ветлухин жил с Мартыновым в одном доме, пару лет назад получил небольшое наследство от бабушки, прикупил поддержанную «Audi» и теперь приезжал в салон по поводу и без повода. Неприязнь приятеля к зануде-соседу передалась и мне. Что касается его глаз, то они были скорее хитрыми, чем колючими.

- Нет, Ветлухина я хорошо знаю. Он низкорослый и вертлявый. А этот среднего роста, крепенький и ходит неспешно, как тяжелый ледокол. И Борису около тридцати, а этому за сорок.

- А у этого мужчины-ледокола есть лысина на голове? – тревожным голосом спросил я.

- Не знаю, он в бейсболке был. Я еще подумала, что немолодой мужчина старается скостить десяток лет при помощи молодежной одежды. Напялил сильно потертые джинсы, футболку с рисунком и ярко-желтые кроссовки.

- И бейсболку, чтобы скрыть лысину, - задумчиво добавил я.

- Утверждать не берусь, я его на улице видела, на солнцепеке. Но думаю, в помещении он свою кепчонку снимал... Надо у директорской секретарши спросить. Если для Вас это важно.

- Не важно, но интересно. На днях должен приехать в отпуск один наш с Мартыновым общий знакомый. Вот я подумал...

- Так если это он, но ждите вечером гостей, - порадовалась за меня Зина.

- Потап знает, что я сегодня на работе, потому не хочет меня тревожить, - выдал я придуманную на ходу версию.

- Завидую я вашим отношениям с Потапом Анатольевичем. Дружба на века, - с чувством сказала она.

- На века, - согласился я и совсем загрустил.

- Так мне спрашивать у секретаря? – напомнила кладовщица.

- Будет желание, спроси, я позже перезвоню.

После телефонного разговора я с трудом взял себя в руки и попытался забыть. Для любого врача главное – отключиться от собственных проблем и сосредоточиться на проблемах пациента.

Я перезвонил Зинаиде уже в конце рабочего дня. Девушка явно была занята своим Петей, поэтому не могла сразу сообразить, кто звонит, и что ему надо? Но потом шикнула на жениха и уверенно заявила в трубку, что долгожданный друг с лысиной прибыл. Я попросил девушку оставить мою осведомленность в тайне. Раз Потап готовит мне сюрприз, то не хочу мешать его планам. Она опять помянула нашу надежную крепкую мужскую дружбу и пообещала держать язык за зубами.

Привычная приятная усталость после окончания рабочего дня сменилась полнейшим опустошением. Я совсем упустил из вида, что мне назначена аудиенция в кабинете директора, которого я утром просил о предоставлении мне недельного отпуска. Начальство выказало недовольство, но обещало подумать до вечера. Без особой надежды я зашел в кабинет, но вышел окрыленный пониманием. Виктория Александровна Лепко вошла в мое положение и подписала заявление.

Завтра я могу отправляться в путь. Поеду туда, не знаю куда, и попытаюсь найти двух женщин, от которых может исходить опасность.

Когда плохо знаешь человека, то не догадываешься, чего от него ожидать. Я имею в виду Любу Фирсову и проводницу Ларису. Хочу убедиться, что женщины не участвуют в афере по обложению меня трупами и постепенному сведению с ума. В противном случае все дороги приведут к Потапу.

Или я себя обманываю? Хочу временно уйти от давления друга, самостоятельно найти подтверждение его невиновности и успокоиться. Пусть кто угодно, только не он. Чем дальше от круга друзей недоброжелатель, тем удар будет менее болезненным.

- Только не Мартынов, только не Мартынов, - бубнил я себе под нос, усаживаясь в автомобиль, при этом с особым усердием три раза поплевал через левое плечо. Как учил меня Потап. – Закомплексованный тип с массой предрассудков, – поставил я диагноз и вырулил со стоянки.

Я ехал по вечернему городу, не задумываясь, куда причалит мой величественный корабль.

Он довез меня до набережной и замер у гостиницы «Якорь».

Я не сразу покинул салон, для начала поискал глазами автомобиль приятеля, не нашел и порадовался тому, что разговор с Карякиной отменять не нужно.

В холле за стойкой администратора стояла та же девица, которая выдала информацию о командировочном из Крыма. Необходимость наведения справки о Елизавете Викторовне Веселкиной отпала сама собой: я считал эту девушку соучастницей Потапа. Если она не имеет к нему отношения, то все равно не поделится информацией с неизвестным мужчиной без соответствующей корочки, который задает странные вопросы о постоялице. Об убийстве Лизы здесь осведомлены, лишняя заинтересованность в этом деле может быть воспринята неоднозначно.

Зал ресторан был заполнен наполовину, «наш» столик был свободен, недалеко порхала знакомая скуластая официантка. Она подошла ко мне и натянуто улыбнулась. У меня мелькнула мысль, что доверительного разговора не получится. Неужели я растерял за несколько недель свое обаяние и умение находить общий язык с любой девушкой?

- Здравствуйте, Леночка, - ответил я на сдержанное приветствие, ответно не расплываясь от счастья и не заискивая.

Для начала она удивилась моей холодности, потом взглянула с пробуждающимся интересом.

Я не стал раскрывать папку с меню и доверительно произнес.

- Устал, как бобик. Двенадцать часов в чужих зубах ковырялся.

- Так Вы зубной врач?! – с нарастающим восторгом протянула она.

- Стоматолог, - поправил я, обреченно кивнув головой, а про себя подумал: она решила, что я маньяк, которого никак не могут упечь в тюрьму. А почему стоматолог не может быть маньяком? Допустим, он не выносит ноющих дамочек. Приходит этакая «конвульсия» на прием и начинает зудеть: Этого боюсь, от этого трясусь, ой, дайте мне успокоительное.- Да! – отвечает сердобольный стоматолог и вкалывает навечноуспокоительное с замедленным действием, которое не оставляет следа в организме...

Я вздрогнул от пришедших в голову нехороших мыслей.

- Стоматолог, - с совершенно счастливой улыбкой повторила Карякина и пересчитала языком имеющиеся зубы.

- Если у Вас проблемы, то можете прийти на прием. Я работаю в клинике «Грант».

- Там, наверное, цены запредельные, - вздохнула она и проверила языком клык, вызывающий у нее неприятные ощущения.

- Я сделаю Вам скидку.

- Вот спасибо, - расцвела девушка, словно уже выходила из моего кабинета с восстановленным зубом и талоном на оплату, в котором имелась десятипроцентная скидка. Потом опомнилась и спросила, - что будете заказывать?

- На Ваше усмотрение.

- А пить?

- Прасковейский виски есть? – я не хотел выглядеть вельможей, вознесшимся над головами простолудинов, как не хотел выглядеть одиноким алконавтом, забредшим в приличное, по утверждению самой Лены, заведение, который хлещет водку графинами. Поэтому сосредоточился на интеллигентном напитке отечественного производства.

- Есть! – браво отрапортовала Карякина. – Вам со льдом?

- Со льдом, без содовой.

Сразу видно, свой парень, а не шотландец какой-то, - явно читалось у нее на лице.

Девушка исчезла, а я задумался, как вызвать ее на откровенность. Щедрые чаевые это благодарность за информацию. Витиеватый комплимент может произвести обратное действие, она обидится и закроется, как напуганный еж. Разговоры о жизни займут много времени, а она на работе. Надо сразу брать быка за рога и заговорить о ее погибшей подруге.

Пока Елена расставляла тарелки с едой на столе, я сообщил, что вчера виделся с Проскуриным, что было абсолютной правдой, и интересовался делом Юоны Шиндрик, что было абсолютным враньем.

- Да? И что он сказал? Нашли убийцу? – забросала она вопросами.

- Иван Иванович заявил, что дело скоро будет раскрыто. Но я верю в это с трудом. Я кое-что разузнал по своим каналам и мне показалось, что они идут в неправильном направлении. – я придвинулся к официанте и прошептал, - мне кажется, - при этом осмотрелся, придал значимость моменту и дал понять, что полностью доверяю Карякиной, даже беру ее в группу по частному расследованию и жду ее умных замечаний, - мне кажется, что Юону убил командировочный из Судака, который на самом деле не командировочный, а житель нашего города. Вы сами упоминали в разговоре, что видели его и едва узнали. Предположим, он устроился в сентябре в гостиницу, познакомился с Шиндрик, вскружил ей голову, наплел что-нибудь, типа работает на вражескую разведку и скоро собирается вернуться на Родину, где у него вилла на морском побережье и т.д и т.п. И просил держать в тайне их встречи. А когда настанет время покинуть Россию, он возьмет с собой Юону, потому как полюбил ее с первого взгляда и не мыслит жизни без нее. Он мог использовать ее в своих делишках... Использовал, а потом избавился от свидетеля. – Никогда не думал, что мастерски владею словом. Собравшись с силами и сделав глоток виски, я продолжил. – Елена, Вы не замечали в последнее время за подругой странностей? Может быть, она пыталась отделаться от Вашего общества? Или не ночевала дома? Или выглядела счастливой, но не объясняла причины? Или веселье внезапно сменялось грустью?

Карякина призадумалась, но из своей роли не выходила, боясь получить нагоняй от начальства. За все время моего проникновенного монолога она держала в руках блокнот, иногда опускала на него глаза и водила ручкой. Потом вновь поднимала глаза и внимательно выслушивала «очередной» заказ. Теперь настала ее очередь «советовать» клиенту.

- А ведь Вы правы, - едва слышно произнесла девушка и закусила от усердия губу. Воспоминания давались ей с трудом. – После новогодних праздников я свалилась с температурой. Работы было много, народ проводил корпоративные вечеринки, веселился, открывал окна, вот меня и продуло. Мои столики стоят вдоль окон. – пояснила она причину своего недомогания и перешла к описанию последующих событий, при этом округлив глаза. – Дело было перед самым Рождеством. Лежу я на кровати под двумя одеялами, а Юнка на кухне возится. Я на больничном, а у нее выходной выпал. Слышу, ее мобильник разрывается. Она его раньше бросала, где попало, а после знакомства с командировочным пенсионером всегда в кармане носила, словно все время звонка ждала. Мне стало интересно, я ухо высвободила из-под одеяла и прислушалась. Стены в доме картонные, все слышно, даже переговоры шепотом. А шепот у нее был такой радостный, будто ей сообщили о назначении директором ресторана. Не хватало еще прыжков до потолка.

- А что она говорила, Вы разобрали? – устал я от лирических отступлений. – Имена называла?

- Имен не называла, а сказала всего несколько слов... Поздоровалась, затем заявила, что рада звонку и готова встретиться... И все. – закончила Лена и извиняющееся приподняла и опустила плечики.

- А потом?

- Потом вернулась ко мне в комнату, глазки сияют, щечки горят, и стала переодеваться. Я спрашиваю: Ты куда? А она: На работу вызвали, Светка Урутюнова заболела. Но я поняла, что Юнка врет! С таким радостным выражением лица только на свиданку бегают к любимому мужчине, который сначала бросил, а потом передумал.

- Или уезжал куда-то, вернулся и сразу позвонил... А Светка Урутюнова и правда болела?

- В том-то и дело, что не болела. Я с больничного вышла и спросила ее. Она удивилась и сослалась на мое бредовое состояние. Тогда я накинулась на подругу, а она заявила, что я перепутала, не Светка заболела, а Инка... А Инка точно болела, на нашей кухне отравилась, ее на десять дней в больницу упекли, но это случилось после того звонка.

Я настороженно покосился на еду, красиво разложенную на тарелке.

- Ой, Вы не волнуйтесь, у нас все по высшему разряду, а Инка сама виновата, позарилась на рыбу, которую хотели в мусор выбросить...

- После звонка незнакомца Шиндрик изменилась?

- Вроде бы вела себя обычно, ночевала дома, с работы не отпрашивалась. Но что делала в законный выходной, не знаю, у нас с ней дни отдыха не совпадали.

- Не заметили, деньги у Юноны не завелись? Может, дорогие покупки делала?

- Точно! Завелись денежки! Она себе полушубок из лисы купила, сапожки и сумочку. Я еще удивилась и намекнула на спонсора, а Юнка ответила, что полгода откладывала чаевые. Врала, конечно.

- А почему не поверили?

- Потому что до этого она ходила по морозу в дырявых сапогах и все время жаловалась. Вы бы ходили в обуви, которая «каши просит»?

Я уверенно замотал головой.

- И я бы не ходила, когда деньги есть! Купила бы сапоги, потом подсобрала денег, приобрела бы шубку, потом сумку. А то все сразу. Такое чувство, что кто-то отвалил ей премию.

- Скажите, Лена, а в прошлом году, в сентябре, когда на горизонте замаячил кавалер, Ваша подруга случайно не разбогатела?

- В сентябре? – эхом повторила за мной Карякина. – В начале октября сильно похолодало. Я точно помню. Утром ушла на работу в плаще и туфельках, а вечером можно было теплое пальто надевать и обувать ботинки. Думаю, вот черт, не рассчитала, от матери из деревни теплую одежду не привезла. А до очередного выходного еще несколько дней.

Одно успокаивало – Юнона в том же положении. Будем бегать рысцой от дома до автобусной остановки, от остановки до гостиницы. До какого было мое удивление, когда я увидела на подруге обновы: курточку с пушистым воротником и ботиночки с меховой оторочкой. Мечта всех женщин! – Карякина закатила глаза.

- И как она объяснила покупки?

- Сказала, что перевод от матери получила. Никогда не получала, а то вдруг получила. Откуда у ее матери деньги?! Юнка была самой младшей в семье, все разъехались, мать одна осталась. У старших свои семьи, не до матери, одна Юнона ей и помогала материально. Немного, но ежемесячно.

- Значит, осеннюю одежду прикупила, а потом стала собирать на зимнюю.

- С чего собирать? С тех крох, что нам отстегивают клиенты? Или на смешную зарплату? На нее не разгуляешься! За квартиру заплати, матери пошли. На еду мы мало тратились, но все же, кое-чем себя баловали. Надоедает ресторанный пища. Да, мало ли еще расходов.

- А где Юнону похоронили?

- Я на похоронах не была. Все как-то быстро произошло. Полиция сама родственникам сообщила, приехал брат, забрал тело, меня с собой не позвал, а я не напрашивалась.

- А брата Вы видели?

- Конечно, видела, он вещи Юноны забирал. Совсем на нее не похож.

- Странное имя у деревенской девушки, - заметил я.

- Это ее брат назвал, он старше ее лет на двадцать. Когда уехал в город, поступил в институт, купил пластинку с музыкой из спектакля «Юнона и Авось», вскоре сестричка родилась, он и настоял на странном имени.

- Глупее не придумаешь – Юнона Шиндрик... Не подскажите, из какой деревни она приехала?

- Из Аляповки. Сто двадцать километров отсюда... Вы меня извините, но мне надо работать.

- Это вы меня извините, заболтал Вас совсем, еще начальство заругает.

- Что вы, у нас администратор очень хороший человек.

- Лена, еще один последний вопрос. Вы говорили, что видели человека, похожего на командировочного из Судака, только выглядел он несколько иначе. Случайно не запомнили, где его встретили?

- Запомнила. Дело было в начале весны, возле кинотеатра «Чайка». Я хотела интересный фильм посмотреть, но опоздала на сеанс, а следующий только через три часа. Не хотелось шататься по улицам. Уже перешла через дорогу, но обернулась... Смотрю возле кинотеатра останавливается автомобиль, из него выходит... Юнкин кавалер. Даже сразу его не признала в дорогом пальто. Выдала лысая черепушка.

- Он был один?

- Какой один, он сидел на пассажирском месте, а за рулем еще один мужчина. Но я его не разглядела, он из машины не выходил.

- Это было такси? – предположил я.

- Такие автомобили в такси не превращают! – глубокомысленно изрекла девушка. - Она такая... - она развела в стороны руки, собираясь объять необъятное. – Большая и красивая. Дорогая, наверное...

- Какого цвета?

- Не помню, но точно светлая. Я еще удивилась, что на улице грязи по колено, а она чистенькая, словно только из автомойки выехала.

У Мартынова автомобиль всегда выглядит блестяще-вылизанным, на зависть всем автолюбителям, которые не руководят автосалонами, оснащенными моечными камерами...

Информация, выданная Леной Карякиной, внесла коррективы в мои планы. Я решил отодвинуть на день поиски Любви Фирсовой, и на следующее утро, спозаранку, отправиться в деревню Аляповка, где проживает мать Юноны Шиндрик.

Поздно вечером позвонил Мартынов. Поинтересовался, как мои дела, пожаловался на копателей-аудиторов, чем вызвал во мне нервический смех пополам с глухим рыданием, и расспросил о планах на завтрашний день. Я не стал скрывать, что взял недельный отпуск и хочу провести его в бревенчатом состоянии. Буду лежать недвижимо на диване и плевать в потолок. Не хочу бросать вызов недоброжелателю, который найдет способ приклеить ко мне очередной труп.

- Может, ты прав, - согласился со мной приятель. – Иногда стоит замкнуться в себе и подумать о жизни.

На что он намекал, я не понял...

На рассвете я вышел из подъезда с увесистой сумкой в руке и потопал на стоянку. Город спал, надеюсь, сладко почивал мой враг, уже приготовивший мне очередное испытание. Он не догадывался, что найти меня в огромной стране не так уж легко. Можно отследить по мобильному телефону, но еще вчера я купил себе новую sim-карту, а сегодня вставил ее в телефон. Старая осталась лежать в верхнем ящике стола, среди исписанных блокнотов с адресами друзей, в одном из которых детским почерком было выведено – Потап Анатольевич Мартынов, улица..., квартира..., домашний телефон... Будто я не знал, где живет мой самый близкий, мой самый надежный друг. Но это было так повзрослому иметь исписанный блокнот с адресами и телефонами знакомых...

С помощью навигатора я проложил маршрут к нужному населенному пункту и двинулся в путь.

Признаться, мне не хватало Потапа. Он всегда был рядом в сложные минуты жизни. Теперь я мог рассчитывать только на себя.

- Учись, милый друг, быть самостоятельным, - призвал я себя, медленно проезжая мимо поста ДПС на выезде из города.

Полицейский проводил меня заинтересованным взглядом, но остановить не решился.

Я долго смотрел в зеркало заднего вида, ожидая, что сотрудник с жезлом в руках вытащит из кармана рацию и доложит невидимому начальнику: «ОН выехал из города!» И так меня будут «передавать» от поста к посту.

Мне кажется, или у меня паранойя? Очередной раз убеждаюсь в ее наличии. Так же, как и в манечке преследования. Возомнил о себе невесть кого, чуть ли ни главу мафиозной братии, за содействие в розыске которого объявлена награда в миллион баксов. И теперь каждый встречный поперечный будет лезть из кожи вон, чтобы получить деньги.

Надо отвлечься и переключиться на что-нибудь приятное.

Я покопался в голове, кроме мамы, работы, долгоиграющей любовницы ничего положительного не нашел. Потап перескочил в разряд неприятных личностей, воспоминания о которых портят аппетит. Мечта в виде собственно дома-крепости маячила где-то миражом, медленно уплывая за горизонт. Я не расстался с мечтой, но сейчас это желание было каким-то мелким и несерьезным. Мечта посреди навоза, в котором я увяз...

Дорога до Аляповки заняла чуть более часа. Дома в деревне походили на отряд пенсионеров разной возрастной категории. Одни едва вышли на пенсию, другие имели за плечами большой пенсионный стаж. В том смысле, что первые были старыми, но прилично отремонтированными, а вторые, как построили полвека назад, так они и стояли с наклоном на бок, как Эйфелева башня. Старые деревянные заборчики походили на щербатые рты и все, как один были выкрашены зеленой краской. Видно, нашелся спонсор с ближайшего завода лакокрасочных материалов. За заборами щедро росли овощи, высились вершки картофеля, на белых ножках стояли плодовые деревья.

Я проехал по длинной ухабистой улице, представляя, что здесь делается в осеннюю непогоду, и уперся в зеленый луг, по которому бродили разномастные коровы и несколько коз. Неподалеку на пригорке сидел старик и дымил сигаркой.

Как я успел догадаться, деревня состояла из одной улицы, на которой уместилось не более четырех десятков домов.

Хочешь познать Россию - сверни с трассы, - философски заметил я и вылез из машины.

Дед покосился на меня, но быстро вернулся к коровам, выказывая пренебрежение. Он был одет в потрепанный ватник, под которым виднелась фланелевая рубашка в клетку, и синие шерстяные спортивные штаны с белыми лампасами, заправленные в сапоги. На голове старика красовалась летняя хлопчатобумажная кепка с пластиковым козырьком - прародительница бейсболки, пришедшая из восьмидесятых годов. По моему мнению, дедуле больше подошла бы шапка ушанка, а его выбор вызывал усмешку своим несоответствием.

Я вдохнул в себя кислород с примесью навоза, о котором вспоминал по дороге, ассоциируя с собственной жизнью, хрустко потянулся и направился к местному жителю.

- Здравствуйте, дедушка, - поприветствовал я пастуха.

- И тебе не хворать, мил человек, - ответил он, прищурив один глаз.

- Тихо у вас тут. Спокойно. – не кривя душой, сказал я.

- Тихо, - согласился «дымоход». – И скучно, особенно зимой. Одни старухи, да несколько стариков. Старухи еще ничего, бойкие, огороды обихаживают, а старики сидят на завалинках и конца ждут.

- А себя Вы к молодцам относите?

- Почему к молодцам, мне восемьдесят годов стукнуло. По весне. Дочки с зятьями приезжали, подарки дарили, к себе звали, но я отказался. Наотрез! Так и заявил: Зачем я Вам? Только в тягость. Будете ждать, когда я окочурюсь. А здесь я сам себе хозяин. Бабку свою схоронил три года назад, приболел поначалу, думал, за ней вскорости к богу отправлюсь. Но нет, разрешил мне бог еще землю потоптать. И как здешние старухи без меня? Кто за скотиной будет ходить?

- Да, стариков нельзя отрывать от насиженных мест.

- Это ты правильно сказал... А сам ты кто такой будешь?

- Писатель. Пишу рассказы о деревенской жизни.

- Невжель это кому интересно? – спросил он, заглядывая за мою спину, где стоял мой железный конь.

А дед не лыком шит, - подумал я, проникаясь к нему симпатией.

- Я еще переводами занимаюсь. С английского. Это приносит основной доход. А рассказы пишу для души. Путешествую, общаюсь с интересными людьми. Мудрость она в заброшенных деревеньках осела...

- В нашей не осела. Здесь все больше... старческий маразм. – с трудом выговорил он услышанное где-то словосочетание.

- Неужели все такие дряхлые? Судя по вам, есть еще порох в пороховницах!

- А то! – старик гордо вздернул подбородок. - Даже хотел поджениться. Да дети... встали на дыбы: или живешь бобылем или поедешь в город, если одному трудно.

- Это они зря. Не угодила им Ваша избранница?

- Она на пятнадцать годов меня моложе. Девчонка совсем.

Я мысленно подсчитал возраст девчонки и усмехнулся.

- Катерина Шиндрик. Вон в том доме живет, - он указал искривленным пальцем на ладную избушку, выделяющуюся среди всех. Бой-баба. Одна вырастила пятерых детей, всем дала уму-разуму.

- Дети помогают? Все живы-здоровы? - торопливо спросил я, будто прибыл в Аляповку с одной целью – узнать о самочувствии детей Катерины.

- Живы, здоровы, а помогать ей не надо. У нее столько яблонь плодоносящих, она такую выручку имеет! Сама возит на велосипеде ведра на трассу, и там торгует.

Я окончательно запутался. Все же денежный поток тек к Юноне от матери? Но почему Карякина сказала об обратном процессе?

- Шиндрик – интересная фамилия. Надо в рассказ внести. А детей ее, как зовут.

- Васька, Валька, Иван, Сашка и Юнона. Что за имя? Придумали тоже, – возмутился дед.

- И где живет эта Юнона?

- В городе. Официанткой в ресторане работает. Но ты не подумай чего плохого, она девчонка серьезная.

- Давно у матери была?

- В начале лета.

- Память у вас хорошая, - похвалил я.

- У Катерины был день рождения. Вся родня собиралась. Всей деревней гуляли.

- И больше младшая дочь в деревне не появлялась?

- Катька говорила, будто отпуск ей дали. Поехала отдыхать. Даже позвонить не успела, брата Ваську попросила матери передать.

- Понятно, - вздохнул я.

Дети мать поберегли, скрыли про смерть Юноны. Но дальше будет сложнее сказать правду. И Катерина не простит детей за то, что не дали проститься с погибшей дочерью, - мысленно проанализировал я.

Больше мне в деревне было делать нечего. Встретаться с Катериной Шиндрик расхотелось.

Я попрощался с разговорчивым дедом, снова проехал по одинокой улице, бросив прощальный взгляд на дом «бой-бабы», к которому вплотную подобралась беда.

Возвращаться в город было рановато, я выехал на трассу и свернул в противоположную сторону.

Вдали блеснул на солнце водоем, больше напоминающий блюдце с зеленым чаем. Я нашел к нему спуск, преодолел накатанную колею, и остановил машину в небольшой рощице. Для начала подкрепился бутербродами, потом погулял по берегу, удивляясь отсутствию отдыхающих. Вода в пруду была прозрачной и чистой. Чуть левее виднелись камыши, среди которых вели «разборки» голосистые лягушки. Я не удержался, снял одежду и бросился в объятия теплой воды. Она ласково приняла меня и понесла на середину. Я долго плескался, как в далеком детстве, нырял с открытыми глазами, высматривая на дне невиданные клады. Но кроме отслуживших свое предметов домашней утвари, ничего не увидел. Потом растянулся на берегу, раскинув в сторону руки и ноги. Солнце просвечивало сквозь закрытые глаза, создавая иллюзию красного цвета.

Я не заметил, как задремал, а проснулся от «покусывания» солнечных лучей. Мое тело успело «свариться». Я снова плюхнулся в воду и почувствовал приятное покалывание.

Приободренный общением с природой, я двинулся в обратный путь...

Я решил не возвращаться домой, чтобы не посадить себе на хвост наблюдателя. В гостинице я остановиться не мог, для этого нужно предъявить паспорт.

Ушел в подполье, сиди там до конца операции.

Я выбрал место, где меня не станут искать. Если человек, у которого я найду пристанище на ночь, связан с враждебным лагерем, я попытаюсь перетянуть его на свою сторону.

Еще вчера я навел справки и узнал его адрес. Вернее, ее. Она сама мне подсказала, как это сделать.

Вера Снегирева. Бизнес-вумен с прической под названием «война в Испании».

Мне открыли сразу, будто ждали моего прихода.

Она не задала банального вопроса: «Ты?» Не удивилась, не бросилась мне на грудь. Она пропустила меня внутрь и спросила:

- Ужинать будешь?

- Буду? – без раздумий ответил я, только сейчас сообразив, что за весь день съел два бутерброда.

- Почему ты такой красный? Ты заболел?

- Наоборот, я выздоравливаю.

- Извини, у меня все по-простому, - впервые забеспокоилась хозяйка и выставила на стол жареную рыбу, вареный молодой картофель и тарелку с салатом из помидоров и огурцов, сдобренный пахучим подсолнечным маслом из детства.

Ничего вкуснее я никогда не ел. Даже мурчал, как оголодавший кот, когда расправлялся с жареным сазаном.

После ужина я выложил ей все. Реакция Веры меня удивила. По мере изложения подробностей ее глаза все округлялись и округлялись, голова раскачивалась из стороны в сторону, как маятник, а ладони закрыли рот, чтобы из него не вырвалось возмущенное восклицание.

Снегирева не слыла актрисой, притворяться не умела, все выкладывала напрямую. Поэтому свою выдумку с беременностью поведала по телефону, чтобы я не видел ее пунцового лица и надписи на лбу – «я лгу!»

- Ты не способен убить человека. – выпалила она на одном дыхании, когда рассказ о двух погибших девушках подошел к завершению. Я расслабился – наконец, нашел понимающую душу. Но «душа» сразу меня огорошила свойственной ей прямолинейностью. – Ты слишком любишь себя, чтобы лишаться привычных удовольствий. Твое оружие – слово, которым ты, как острым кинжалом, ранишь женщину. Иногда, это страшнее, чем физическая расправа.

- Извини, если я виноват. – с трудом выдавил я из себя простые на вид слова. Надеюсь, что эта фраза не заденет ее душу. Но ошибался.

- Если, - горько усмехнулась Снегирева. – Ты даже не осознаешь, когда наносишь обиду. Если тебе кажется, что я виноват, то прости, но у меня на это иное мнение. Так можно расценивать твоё «расшаркивание».

- Но я не могу любить всех, кто любит меня. Не могу все время молчать, чтобы не дать повода к любви. Не могу ходить по улицам с закрытым забралом, чтобы женщины не видели моего лица. Или еще лучше – измазать его сажей, натянуть обноски и босиком разгуливать по городу, заглядывая по ходу в мусорные контейнеры.

- Ты утрируешь. Конечно, и женщины, и мужчины встречают по одежке, оценивают внешние данные, а провожают по интеллекту. Но некоторых провожают и забывают, а другие – незаурядные личности - оставляют о себе след, словно бороной проезжают по сердцу. Оброненной неизбитой фразой, высказанной проникновенным голосом, пронзительным взглядом необыкновенных глаз, легким прикосновением ласковой руки, которую хочется схватить и не выпускать. И ты вдруг понимаешь, что все это ОСОБЕННОЕ адресовано тебе. Тебе одной! К другим этот необыкновенный человек не может ТАК относиться. Он влез в твоё нутро, занял все уголки. Ты не просто его любишь, ты его боготворишь. С ним встаешь по утрам, с ним идешь на работу, с ним ложишься спать. Он внутри. – Вера приложила сжатый кулачок к груди, закрыла глаза и глубоко вздохнула.

Я был заворочен ее речью. Молчал и смотрел на эту женщину с огненной гривой волос, которая оказалась такой мудрой и глубокой.

- Я тебя не виню, - перешла она на трагический шепот. Резко открыла глаза и внимательно посмотрела на меня мутным взором. - В детстве всех девочек родители убеждали: Если чужой дядя даст тебе конфету и позовет с собой, ты не соглашайся, и конфету не бери... Так вот, ты тот самый дядя, который протягивает леденец и

гипнотизирует взглядом. Ты берешь конфетку, а он... разворачивается и уходит. А тебе очень хочется пойти с ним...

- Вера, я не виноват, что не научился любить, - откликнулся я сдавленным голосом, изучая обои за ее спиной. Смотреть в ее глаза мне было невыносимо. В ее лице я видел всех отвергнутых женщин. – Понимаешь, я часто совершал поступки, не задумываясь о последствиях. Это у вас, у женщин, все сложно. Недаром Эрих Мария Ремарк говорил: «Любовь – история в жизни женщины и эпизод в жизни мужчины». Вы сразу выстраиваете жизненную цепочку: встретились, полюбили, поженились, дождалась прибавления, вырастили, выучили, женили, помогли, повернулись – пенсия. И не надо убеждать меня, что любовь с первого взгляда живет и здравствует. Может быть, она существует, как внеземная цивилизация. Но я в нее не верю. И не верю, что, увидев меня, девушка не начинает расставлять сети, объясняя свои действия вулканической любовью. Допустим, я не урод, но представь себе, что у меня нет работы, нет жилья, нет машины. Я живу с мамой – инвалидом в двухкомнатной хрущевке и перебиваюсь случайными заработками. Вопрос на засыпку: с какой скоростью она будет уносить ноги, когда узнает всю мою подноготную?

- Ты опять утрируешь, - скривилась Снегирева.

- Почему? Я рассуждаю.

- Честно говоря, не могу представить тебя в хрущевке... Ты целеустремленный человек. Волевой. Ты никогда не будешь ждать милостей от природы. Сам сделаешь грозу, разведешь руками тучи, а когда загрохочет гром, а потом разбегутся тучи, тебе станет скучно. Главное для тебя – разнообразие. Поэтому ты не можешь находиться рядом с одной женщиной. И причина не только в скуке... Ты боишься, что следующее свидание даст ей право взять над тобой безграничную власть.

- Ты... ты меня понимаешь.

- Нил, ты одинок, я хочу стать тебе другом.

- Верочка, ты веришь в дружбу между мужчиной и женщиной?

- Я верю во многое, а ты никому и ни во что.

- Я боюсь быть обманутым.

- Поэтому обманываешь других?

- Я не обманываю, я никого не подпускаю к себе близко. – сказал я, а про себя подумал о Мартынове, который был ближе всех и ударил больнее всех.

- Но меня ты подпустил к себе на опасное расстояние!? Не боишься, что я потребую сатисфакции?.. Можешь не отвечать. Сегодня ты понял, что людей вокруг много, а обратиться за помощью не к кому, потому что ты сам не привык помогать. Подобно тебе хочу похвастать своей эрудицией и вспомнить изречение Джека Лондона: «Я прожил пятьдесят лет, но если из них вычесть те часы, что я жил для других, а не для себя, то окажется, что я еще в пеленках».

- А почему я, эгоистичный женоненавистник, пришел к тебе?

- За мной должок. Меня занесло, я напридумала себе черт знает что. Даже беременность. Нарушила твой покой, теперь обязана загладить вину.

- Это я пришел повиниться. Раз ты повела себя так, значит, я дал повод.

- Не обманывай себя. Ты всегда думал иначе.

- Ты догадывалась о моем отношении к тебе, но продолжала осаждать меня?

- Снесло от любви башню, - просто объяснила Вера Снегирева. – Думала, что завоюю тебя, если обложу со всех сторон.

- Это называется – возьму измором. В этом случай роль убийцы подходит тебе больше, чем другим.

- Я впервые услышала сегодня о творящихся вокруг тебя безобразиях.

- Верю.

- Я могу тебе помочь?

- Подскажи, где можно спрятать автомобиль, чтобы его не нашли? На своей стоянке я оставить не могу, пусть думают, что я уехал на «Audi». Мне нужна неделя, чтобы попытаться во всем разобраться.
- Можешь поставить ее в мой гараж, а я свой «Пыжик» припаркую у дома.
- И еще... Если к тебе обратиться мой друг Потап Мартынов, то не говори, где я. Даже, если он будет тебя умолять.
- Я тебя давно не видела, в последний раз мы расстались враждебно...

Снова я встретил рассвет на улице. Вера довезла меня до вокзала, дружески чмокнула в щеку и пожелала удачи.

Я проводил ее долгим взглядом и впервые почувствовал теплоту в душе при упоминании женского имени.

Оказывается, можно не ждать от женщины подвоха. Она может быть своим парнем. Умным советчиком и помощником.

Это не любовь, это зарождение дружбы, которая может зачахнуть на начальном этапе или буйно пойти в рост. Оба варианта зависят от нас обоих. Каждый должен знать свое место и не навязываться без надобности. Но на этом этапе я знаю, что на свете есть человек, с которым можно просто разговаривать. Не устраивать проверки, не тестировать, не бояться случайно оброненного слова, за которое женщина ухватиться, как за спасательный круг...

Вдали оказался нужный мне поезд. Он с пыхтением подкатывал к перрону, а я скользил глазами по проводницам, стоящим в тамбурных проемах. От напряжения глаза заслезились, в итоге я так и не понял, была ли одной из них Лара. Надежды на это было мало, но посылы судьбе я отправлял неоднократно. Надеюсь, что она перестанет быть прорухой и злодейкой.

Когда поезд окончательно замер, растянувшись скованной змеей, я медленно двинулся вдоль состава. Пассажиры меня не интересовали, а изучал лица девушек-проводниц. Каждая из них выполняла свои обязанности – проверяла билеты и документы, называла купе и пропускала навьюченных поклажей людей внутрь вагона.

Я отлично помнил, в каком вагоне ехал три месяца назад. Но сдержался и не помчался к нему сразу. Если Ларисы в нем нет, тонкая нить оборвется в начале разматывания клубка. А так у меня есть шанс оттянуть радость от встречи или отчаяние, которое туго спеленает меня, как младенца в «кусачее» одеяло.

Чем ближе я подходил к седьмому вагону, тем сильнее колотилось сердце. На ум пришла Любовь Фирсова, стоявшая у ЗАГСа в ожидании непутевого жениха. Представляю, как взволнованное сердце выпрыгивало из ее груди. Бедные женщины... Они, как дети. Такие же доверчивые и всепрощающие.

Я не заметил, как мое отношение к представительницам противоположного пола стало меняться. Раньше я считал их хищницами, теперь – мягкими кошечками, раньше – хитрыми бестиями, теперь – наивными детьми.

Вот он – седьмой вагон. Люди, люди, чемоданы, сумки, гомон, суета... И заливчатая пилотка посреди дорожной кутерьмы.

Пока я не вижу лица. Голова склонилась над билетами. Я подхожу ближе, вклиниваюсь в толпу. Вижу шевелящиеся губы, она вскидывает голову, замечая краем глаза напор, и уже хочет возмутиться, но замирает с приоткрытым ртом. На нем недоумение постепенно сменяется неосознанной радостью.

Меня узнали. На меня не таят обиду. Меня рады видеть вновь.

- Ой, Нил, - с чувством сказала Лара. – Неужели это ты?
- Я. Привет.
- Привет.

Пассажиры по команде повернулись в мою сторону, желая понять, что за субъект вмешался в процесс посадки.

- Я подожду, - сказал я и выбрался из толпы.

Скорость перемещения с перрона в вагон увеличилась. Минут через десять я смог подойти к проводнице.

- Ужасно рада тебя видеть. - девушка расплылась в искренней улыбке. Заметила мой багаж в руке и спросила, - ты уезжаешь? Или приехал и проходил мимо?

Я не выставил между нами ограждение из колючей проволоки. Я был открыт и спокоен.

- Хочу уехать в этом поезде, но билеты взять не успел.

- Без проблем! – сразу успокоила меня проводница. – Найду для тебя местечко. Долг платежом красен.

Последнее изречение сбilo меня с толка. Девушка решила поквитаться со мной за неоправданные ожидания? Напит чай с каустиком и прощай, новая жизнь!.. Или выведет в тамбур и сбросит с поезда?

Опять я рисую себе страшилки. Еще ничего не знаю, а уже жду удара.

Я изменился. Я другой. Прошлая жизнь осталась за углом. Сними доспехи и живи спокойно. С женщинами подписан мирный договор.

А они об этом догадываются?..

Когда все формальности с пассажирами были утрясены, мы смогли пообщаться с Ларой за стаканом чая.

Она расшифровала мне загадочную фразу.

В тот злополучный вечер после наших посиделок проводница ушла к себе. И такая на нее тоска накатила, что она расслабилась и затянула чувственный романс. Голосу Лары позавидует любой народный хор, поэтому пение привлекло к себе внимание одного пассажира.

- Помнишь, Нил, он один в купе ехал. Еще все время газету читал. Я вспомнила один старый фильм, не то румынский, не то итальянский, где шпион сидит на скамейке в парке, прикрываясь газетой, а в газете дырка, чтобы вести наблюдение.

- Я помню этого странного субъекта, - протянул я. – Когда на станции за продуктами выходил, еще подумал: не хочешь, чтобы тебя видели, закрой дверь.

- Представь, заходит он в служебное купе... с газетой под мышкой, - при упоминании печатного органа неизвестной принадлежности мы оба покатались со смеху, Когда отсмеялись, девушка продолжила. – Заходит и говорит: Какой у Вас чудесный голос. Поверьте, я в этом деле специалист. Я в Гнесинке преподаю. Присел рядом, мы разговорились. Не заметили, как утро наступило. Он оказался холостым. Рассказал, что едет в санаторий. У него почки больные... Но он не старый, - поспешила заверить меня Лара, - на восемь лет меня старше. Обрато снова попал в мой вагон. Может, случайно, может, специально все подстроил. Когда в Москве выходил, попросил номер моего телефона. Я дала, думала, повернется и забудет. А он позвонил в тот же день. Пригласил погулять по Москве. Но мне вечером надо было в обратный рейс. Он приехал на вокзал с цветами и коробкой конфет и попросил моей руки. Сейчас все привыкли кольца получать, а он оказался старомодным – пришел с цветами и конфетами. Меня это так растрогало. Но я сразу не дала согласия, обещала подумать. Надо признать, что его искренность, его детское восприятие жизни меня подкупило. Он всему радуется, всему удивляется, даже мелочи. В нем нет цинизма и хитрости. Рядом с таким человеком сам очищаешься от грязи.

- И давно решила на ответственный шаг? – спросил я, заметив на ее пальце новенькое обручальное кольцо. На душе заскребли кошки. Я был полной противоположностью избранника Ларисы. Что про меня могут сказать женщины? Он красив собой и материально независим. Или вспомнят о повышенной сексуальной активности. Но это так тривиально: все девушки говорят одно и то же, опуская понимание души мужчины.

Душа их мало интересуется, так же, как и интеллект. Складывает предложения и ладно, а если стихи читает, пусть и чужие, так это сверхэрудиция, о которой можно подруге рассказать. Или я подвожу всех женщин под одну гребенку? Сам не пытался влезть к ним в душу, не пытался понять, услышать, а имею наглость обвинять в ограниченности. От нападок в свой адрес и в адрес моих поклонниц меня оторвала проводница.

- Мы месяц назад свадьбу сыграли. Это у меня первый рейс после свадебного путешествия. – со счастливой улыбкой на лице поведала она.

- Мне повезло. Очень хотел тебя увидеть. Расстались мы... как-то нехорошо.

- Все нормально. Насильно мил не будешь.

- И про брата я соврал.

- Я догадалась. Но мы же шутили. С кем не бывает. – успокоила меня замужняя дама. – А я лето поработаю и уйду с железной дороги. Не дело жене мужа надолго оставлять. Не потому, что не доверяю ему, если бы не доверяла, никогда замуж за него не вышла. Только дураки считают, что любовь проверяется разлукой. Разлука охлаждает чувства.

Оказывается все женщины – тонкие психологи, – подумал я. – Надо только дать им себя проявить.

На душе было так умиротворенно, как у ребенка, который лежит рядом с матерью. Она читает его любимую книжку, а он прижался носом к руке и блаженствует.

Когда мы прощались на перроне Казанского вокзала, Лариса внезапно вспомнила.

- Нил, я забыла тебе передать привет и благодарность.

- От кого? – подобрался я.

- От Любы! Помнишь ее? Вы тогда в одном купе ехали.

- Люба Фирсова? Конечно, я ее помню! – внутри появилась льдинка, уколотившая расслабленное сердце. – Она еще рассказывала о пропавшем женихе.

- Он нашелся. Люба сама мне все рассказала, когда вместе с Антоном ехала в нашем поезде. В другом вагоне, но нашла меня, мы встретились, как добрые знакомые. Ты навел ее на мысль, что парень попал в аварию. Его, действительно, в день свадьбы сбил грузовик. Очнулся он в больнице. Документов нет, ничего не помнит. Нет, кое-что вспомнил – название города, в котором жил до переезда. Но ни своего имени, ни фамилии. Выборочная амнезия, как сказали врачи. Полиция послала туда запрос, знакомые опознали его по фотографии, и парня, как бандероль, переправили в родной город. И никто не обратил внимания, что этот человек объявлен в розыск. А Фирсова вняла твоему совету и терпеливо обошла все больницы города. Интересовалась молодым мужчиной, который попал в аварию такого-то числа. Настойчивость и уверенность города берет! В одной больнице вспомнили о странном пациенте. Каким образом он оказался за двести с лишним километров от родного города и как угодил под автомобиль, парень объяснить не смог. А опознавшие его знакомые не сочли нужным уведомить полицию о том, что Антон давно переехал в другой город. Что это? Безразличие? Всеобщее безразличие! Одним трудно было сказать, другим трудно было сличить разыскиваемого парня с покалеченным. Дальше своего носа люди ничего не видят! Как думаешь, наше общество заражается вирусом безразличия, как гриппом?

- Наверное, – помедлив, хмуро заметил я и подумал: я точно болен этим недугом. И мне кажется, неизлечимо. – И чем закончилась эта история?

- Люба рванула туда. Едва Антон ее увидел, сразу все вспомнил.

- Молодец Любовь! – похвалил я девушку и подумал, что судьба помогла за сутки решить две задачи, кажущиеся неразрешимыми...

Спасибо судьба, спасибо Лариса...

Через некоторое время я сидел в электричке, которая направлялась в сторону Солнечногорска...

Время в пути заняло менее полутора часов. Электропоезд медленно подтягивался к нужному мне месту назначения. Вокруг железной дороги зеленела трава, потом шла полоса кирпичных гаражей, служивших городской границей. За гаражами виднелись высотки и строительные краны. Город жил и развивался.

Я вышел на знакомой станции «Подсолнечная». Симпатичное веселенькое здание с зеленой крышей мне понравилось в предыдущий раз. Но тогда был март. Серо-черный, влажный, холодный. Сейчас лето, поэтому все воспринимается с большим восторгом. Даже щит с названием станции. Желтые буквы на синем фоне. Яркий подсолнух на ясном небе.

Я обогнул строение, спустился по лестнице и направил стопы к гостинице «Элис», в которой останавливался в марте.

Тихий зеленый городок радовал глаз: яркие клумбы, фонтаны, раскидистые деревья вдоль тротуаров, выложенных разноцветной плиткой. В одном месте «головастые» деревья сменились «многорукими стражами». По обеим сторонам пешеходной дорожки стояли тополя с обрезанными верхушками. Это «корявое» величие не походило на работу человеческих рук, вооруженных электропилой, а больше напоминало нашествие урагана, снабженного острой бритвой, с помощью которой он «уравнял» деревья. На тополях уже начали пробиваться новые молодые веточки с листочками, как подтверждение о возвращении к жизни.

У деревьев тоже жизнь свернула с накатанного пути. Свернула, но не закончилась.

Жизнь продолжается, если есть силы подняться после удара и пойти дальше...

Гостиница «Элис» располагалась на улице Красной. На этой же улице жила Елизавета Викторовна Веселкина. Я четко запомнил ее адрес, который озвучил в кинотеатре Проскурин. Но на всякий случай сложил ассоциативную цепочку, сравнив улицу с главной площадью столицы, местом пребывания вождя мирового пролетариата и самим вождем. Ленин, мавзолей, Красная площадь, Красная улица Солнечногорска.

Может, я встречался с Лизой в марте? Прошел мимо и не обратил внимания. Интересно, к кому она приехала в наш город? И зачем? Чтобы найти свою смерть? Но почему убийца в качестве жертвы мщения врагу выбрал жительницу Солнечногорска? Хотел направить следствие на гражданина Желязко? Он был здесь весной, от скуки познакомился с девушкой, развлекся, уехал и забыл о ее существовании. А она напомнила о себе неожиданным визитом. По мнению Проскурина, могла предъявить на меня права. Но кто к нам с требованиями придет, тот... без чувств падет ниц... До чего же я сегодня мысленно красноречив. Жаль вслух витиевато не выражаюсь. Не перед кем цену набавлять, да и ни к чему. Пора заканчивать с театральностью...

Я свернул с тенистой улицы, прошел через квадратную площадь перед гостиницей, предназначенную для стоянки автомобилей постояльцев, и вошел в прохладный холл.

Я выбрал тот же полулюкс, что и в марте. Цена за сутки была смешной, менее двух тысяч. Номер был не ахти какой, но мне в нем не жить веки вечные.

Еще в поезде я раздумывать, поехать в Шахматово или нет, но потом решил не возвращаться. Снова начнут мерещиться поэты, их жены, гениальные химики, обряды венчания...

Я принял душ, пообедал и пошел искать дом Веселкиной.

Я не знал, что скажу ее родным. А что я могу сказать? Ваша дочь уснула на моем плече вечным сном, испив из бутылки отравленной водицы? Вера сказала бы, что я снова ерничаю. Я не ерничаю, я не соображу, как себя вести. Я нервничаю. Ладно, ориентируюсь по месту...

Нужный мне дом был пятиэтажным, выложенным из бело-красного кирпича и приглашал четырьмя распахнутыми настежь подъездами. Я мысленно прикинул, в каком подъезде находится сорок вторая квартира, остановился на третьем и вошел в темное

нутро бетонной коробки, пропахшее жареным луком. Легко преодолел три пролета и остановился у нужной двери с номером сорок два.

Для начала прислушался. Тишина была неразборчивой. Из соседней квартиры слышалась перебранка и мешала моему подслушиванию. Оттягивать момент было нельзя. Еще немного и я скачусь с лестницы со скоростью сноубордиста.

Я решительно приложил палец к кнопке звонка.

Не услышав приближения шагов, я повторил действие. И сразу дверь распахнулась.

Передо мной стоял молодой парень лет двадцати и сладко зевал. Так заразительно, что я едва смог подавить ответное раззявливание рта для показа качественной работы стоматолога.

- Здравствуйте, - первым опомнился он и почесал вихрастую голову. Волосы цвета спелой пшеницы пришли в движение и еще бойчее заколосились. Потом он перешел на впалую грудь и поскреб по ней ногтями. При этом приподнял ногу и поводил стопой по голени другой ноги.

Парень был так занят, что не заметил моего замешательства. Я не мог сообразить, кем приходит Лизе этот молодой человек. Для жениха или гражданского мужа он был молод, про брата я не подумал, почему-то сразу решил, что девушка была единственным ребенком. А если брат? Согласно паспортным данным Веселкина родилась в восемьдесят первом году. Разница в возрасте с братом вполне допустимая...

- Здравствуйте, - наконец, опомнился я. – Скажите, здесь живет Елизавета Викторовна Веселкина?

- Здесь, но ее нет дома. Она уехала.

Что творит наша полиция?! Родным о смерти не сообщает, хотя, прошло трое суток...

- Не скажите, куда она уехала и к кому?

Я ожидал ответного вопроса: Кто я такой и почему интересуюсь? Но спросонок парень туго соображал, а все мысли были о кровати, на которой он желал продолжить просмотр сновидений.

- В Абхазию, в дом отдыха. Она путевку выиграла.

- Сейчас выигрывают путевки? – удивился я.

- Ну, да. Ей позвонили с радио, задали несколько легких вопросов и объявили ее победителем.

- И давно?

- Позвонили?

- Давно она уехала?

- Уже неделю. Через пять дней вернется. Закончится моя свобода! - сказал он и потянулся до хруста костей, растянув руки по сторонам.

- А вы вдвоем живете?

- Вдвоем. Отец ушел от нас, когда мне было четыре года.

- А мать?

- Так я же говорю, она в доме отдыха, в Абхазии, - четко выговорил молодой человек, посчитав меня одновременно тугоухим и тупым.

- А... Вам сколько лет? – поинтересовался я, упираясь взглядом ему в глаза, которые находились на одном уровне с моими. Ребенок-акселерат...

- Двадцать один.

- Быть такого не может.

- Вам паспорт показать?

- П... покажите, - совсем обалдел я.

- Вы проходите в квартиру, чего в дверях стоять.

Когда я зашел в комнату, то сразу понял, что взрослое дитяtko оставили без надзора на... год, судя по разрушениям. На столе рядом с грязной посудой стоял наполовину зашнурованный кроссовок, второй аккуратно покоился на стуле. В этом бедламе я не

заметил пустой стеклянной тары и сигаретных окурков, что говорило о правильном воспитании, пусть и одностороннем.

Паспорт подтвердил слова молодого человека. К тому же я узнал, что его зовут Федор Иванович.

- А на свидетельство о рождении можно взглянуть? – спросил я, удивляясь нелюбопытности хозяина.

В роли отца выступал некий Веселкин Иван Григорьевич, в роли матери – Веселкина Елизавета Викторовна.

Мне надоело «ходить кругами».

- Скажите, Федор, сколько лет Вашей матери?

- Вы, наверное, с той радиостанции, что путевку подарила, - «догадался» парень, позабыв про мое первоначальное удивление по поводу выигрыша. Я неопределенно кивнул, что можно было расценить по-разному, но парень поддержал собственную версию. – Мама не на все вопросы анкеты ответила? – Снова полуутверждение. – Но она паспорт с собой взяла... Как ехать без документов, тем более границу пересекать.

- Я вам на слово поверю.

- У нее в августе мини юбилей – срок пять. Она еще смеется, что скоро ягодкой станет.

- Сорок пять, - задумчиво повторил я. Не сдался и попросил, - можно мне фотографию вашей матери посмотреть?

- Пожалуйста, - сказал Федя и исчез в соседней комнате. Долго шурувал там дверцами, шелестел бумагой и вскоре появился с большим портретом. – Это ее на доску почета снимали. Мама на кондитерской фабрике работает,- с гордостью заявил он, протягивая мне снимок.

С фотографии на меня смотрела уставшая женщина с тщательно уложенными волосами, в темном пиджаке, под которым виднелась строгая блуза с маленьким воротником. На вид ей можно было дать все пятьдесят.

- Это Веселкина Елизавета Викторовна?

- Я не пойму, что происходит? Вы что, не того человека в Абхазию послали? Но мать мне вчера звонила...

- Нет-нет, все хорошо. Ваша мама путевку получила заслуженно. Но недавно к нам пришла еще одна Веселкина, полная тезка Вашей матери.

- И чего она хотела?

- Хотела отдохнуть на море за чужой счет. Но у нас сохранился номер телефона настоящей Елизаветы Викторовны. В тот день наш редактор действовала наобум, как говорится – методом тыка. Случайно набрала цифры и попала на Вашу мать. Она оказалась женщиной сообразительной и заслуженно получила приз. – продолжал заливать я.

- Еще одна Веселкина? – почесал затылок Федор. – Надо же... У нас городок маленький, никогда не слышал, что у матери есть полная тезка. Но можно навести справки.

- Что я и сделаю! – пообещал я и уже собрался покинуть разгромленную одним варваром квартиру, однако этот самый варвар предложил свои услуги.

- У меня отец в полиции работает. Сейчас я ему позвоню.

- Ты его не посвящай в это дело, только узнай о еще одной Елизавете Викторовне Веселкиной. – попросил я, когда парень уже взялся на трубку стационарного телефона.

Пока отец с сыном «обменивались любезностями», я думал о Проскурине, который выдал неверную информацию. Но почему все совпало – и фамилия с именем и отчеством, и улица, и дом, и квартира. И город Солнечногорск! Но женщины были полной противоположностью друг другу. Одна – убитая - была молодой и незамужней, другая – дамой среднего возраста и разведенной. И почему последняя так подозрительно выиграла путевку в Абхазию? Причем своевременно. Или Иван Иванович прочел все верно, но паспорт был липовым.

- Обещал перезвонить через десять минут, - доложил Федор после разговора с отцом.

Я боялся запутаться в ответах, которые последуют за вопросами хозяина. Должен же у него проснуться интерес! Чтобы увести его от непрофессионального допроса, я выбрал изучение домашнего альбома Веселкиных, как развлечение для ожидающих, которые не желают поддерживать светскую беседу.

Парень с удовольствием показывал мне свои детские фотографии. Сначала рядом с мальчиком и молодой женщиной был худощавый высокий мужчина, на которого сын был очень похож, потом мужчина исчез, но осталась мать. В те годы она была лучистой и веселой. Но с годами взгляд тускнел, между бровями пролегли две продольные борозды, под глазами залегла сеточка морщин, носогубные складки отчетливо проявились, из чего я заключил, что жизнь женщину не баловала.

Затем позвонил Веселкин-старший и сказал, что в Солнечногорске полных тезок бывшей жены нет. И не только в Солнечногорске, но и в прилегающих городах и поселках.

Я передал привет матери, попрощался с Федором и сбежал по ступенькам вниз. Ноги сами привели меня к озеру Сенеж. В последнее время я нахожу успокоение в природе, особенно рядом с водоемами.

В отличие от пруда, где я плескался совсем недавно, здесь был оборудован пляж, собравший несколько десятков отдыхающих. Чуть в стороне находилась лодочная станция, где можно взять лодку напрокат. Водную гладь бороздили несколько подобных плавающих средств и заразили меня. Я хотел почувствовать себя гребцом, но быстро передумал.

Нужно собраться с мыслями и понять, что происходит вокруг меня. Поездка так хорошо начиналась, я отмел двух подозреваемых, до этого заручился поддержкой Веры Снегиревой, которая тоже оказалась вне подозрений. Теперь в голове снова путаница.

Почему второй убитой оказалась женщина с поддельным паспортом? Все совпадает – фамилия, имя, отчество, прописка, кроме года рождения и личности. Кстати забыл спросить Федора, где родилась его мать? Но это не важно. Что мне это даст? Еще одно совпадение?

Могу с уверенностью заявить, что в числе подозреваемых остались трое – Мартынов, долгоиграющая любовница и ее муж. Больше некому. Причем Мартынов идет первым номером.

Для начала надо освежить голову. Я быстро разделся и бросился в воду, не обращая внимания на заинтересованные взгляды женщин.

Больше не буду давать повода для любви.

После водных процедур я ушел подальше от жарких тел и расположился в тени ивы. В ветвях веселились воробьи, а я вспомнил о несчастной летучей мыши, попавшей в оконную ловушку. Неизвестно, кто больше испугался? И жива ли она? Или умерла от разрыва сердца после перенесенных испытаний, не долетев до дома.

Бедная птица... Она не была вестником неприятностей, она хотела предупредить о подступающих несчастьях. Хотела подготовить, а я отмахнулся. Думал, что все и всегда будет так, как я хочу. Никто не имеет права направлять мою жизнь в русло испытаний. Но я не бог, лишь песчинка в море.

И теперь эта песчинка старается противостоять коварному врагу, затеявшему игру с неясным конечным результатом.

Почему этот тайный враг отравил девушку, в паспорте которой в качестве места жительства указан Солнечногорск? Хотел связать меня с убитой? Кто может подтвердить, что в марте я с ней не встречался? Никто! Один ответ на несколько вопросов.

И как узнать, кто она на самом деле? И в моих ли это силах?

Прямо, как у Высоцкого - «обложили меня, обложили...» И куда гонят? Еще за один угол? А там что? Бетонная стена, о которую я расшибу себе голову?

Я непроизвольно вздрогнул и позавидовал беззаботным отдыхающим. Картина перестала меня радовать. Я оделся и пошел в гостиницу, стараясь по пути отделаться от невеселых дум. Отделявайся, не отделявайся, а прошлого не вернешь, а будущее зыбко...

В номере я около часа изучал потолок, затем мне это занятие наскучило, я собрал вещи и покинул Солнечногорск. Захотелось шума-гама столицы, способного вернуть мне уверенность...

Два дня я пытался создавать ассоциативные связки, цепочки, способные натолкнуть меня на решение проблемы. Я рассчитывал, что еще немного и придет озарение. Не приходило. Даже не пыталось коснуться моего лба лучом надежды.

Надо было возвращаться домой, но я оттягивал этот момент. Я боялся новых трупов, которые обязательно последуют.

В последний вечер мне захотелось разбавить свое одиночество. Я долго раздумывал, но все же позвонил Марику Фишману. Он пригласил к себе домой, но я мягко отказался, и предложил перенести встречу в небольшой ресторанчик неподалеку от моей гостиницы.

Я сидел за столиком уютного итальянского ресторана и призывал себя к спокойствию. Нельзя во всех людях видеть врагов, тем более в Фишмане, который всегда был в стороне от разборок разной категории сложности. Он - ученый-физик и этим все сказано. Человек не от мира сего. Сверхумный рассеянный инопланетянин, парящий в облаках открытий. Удивительно, но пару раз он спустился на землю. Первый раз, чтобы влюбиться и жениться на очаровательной кнопке Марусе, а второй, чтобы встретить ее у дверей родильного дома и взять на руку свою копию – сына Владимира. Сейчас Вовке шел шестой год, и он с упоением читал книгу «Юный физик» для детей среднего школьного возраста, о чем нам поведал счастливый отец в феврале, когда мы отмечали его день рождения в пресловутом «Якоре».

Марк появился с опозданием в десять минут, что для него было подвигом. Для начала он снял очки, тщательно их протер изъятым из кармана отглаженным носовым платком (Маруся слыла чрезвычайной аккуратисткой), потом снова вернул окуляры на положенное место и оглядел помещение. Я помахал рукой, школьный приятель улыбнулся и двинулся ко мне.

- Нилыч, как я рад тебя видеть! – расчувствовался он, пожимая мою руку. – Какими судьбами в Москве?

- Я в отпуске, - коротко пояснил я.

- Все на юг, а ты на север.

- Каждому свое.

Мы сделали заказ. Едва я расслабился, как Марик меня огорошил.

- Вчера звонил Потап. Я очень удивился. Он редко звонит. – отрывистыми фразами доложил Фишман.

Сложными предложениями он изъяснялся на уроках физики, с тех пор я слышал лишь простые сочетания из трех – четырех слов, потому что о науке мы не разговаривали. Марк слыл человеком увлекающимся и знал об этом. В связи с чем, на «любимого конька» в разговорах с друзьями не садился, иначе окружение могло погрузиться в гипнотический сон. Гениальный физик мог между делом сказать об очередном звании или вспомнить о поездке на международный симпозиум, где он выступал в качестве докладчика. Приятель озвучивал тему, и нам этого хватало с лихвой.

- Потап звонил? – проямлил я.

- Вы поссорились?

- С чего ты взял?

- Он сказал, что ты пропал. Я решил, что вы разругались, ты обиделся и исчез.

- Мартынов МЕНЯ искал? – ошалел я.

- Тебя. Он беспокоится.

- А больше Потап тебе ничего не рассказывал?
- Что-то говорил о своей работе...
- Он тебе в институт звонил? – догадался я. Когда Марик «думу думает», то переселяется на свою планету, до которой не докричаться.
- Нет, я дома был. Готовлюсь к докладу, скоро пройдет конференция в Тбилиси по... Впрочем, тебе это неинтересно.
- Как Маруся, как Вовка?
- Все хорошо. Маруся работает, Вовка в этом году пойдет в школу.
- Коротко и ясно. Даже завидки берут, как говорил в детстве мой друг Потап Мартынов.
- А у тебя как дела?

Мне захотелось вывернуть ушат собственных неприятностей на голову ученого физика, но я не решился. Марик мне в этом деле не подсказчик, а услышать очередное заверение в моей невиновности мне без надобности. Я при памяти и в нормальном уме.

Единственно, чего мне хотелось, - вернуться за угол, отойти на значительное расстояние и оказаться в детстве. В том времени, когда Потапыч был мне близким надежным другом, когда мы подтрунивали над Мариком, а он снимал очки, моргал близорукими глазами и смеялся вместе с нами.

- У меня все отлично! С Мартыновым я не ссорился, просто устал. Взял отпуск и рванул в Москву, никого не предупредив. Захотелось искупаться в бушующем море мегаполиса. И с тобой повидаться.

Больше мы скользких тем не касались.

Как хорошо сидеть рядом с другом и не думать о затаившемся противнике, который обязательно выйдет на третью охоту.

Чья теперь очередь?..

Я стоял на привокзальной площади родного города и жмурился от солнца. Можно была затаиться в тени, но я специально выбрал открытое пространство, бросая вызов врагу.

Почему я решил, что он провел все дни в засаде у вокзала, и сам не знал. Но, вернувшись, снова чувствовал спиной и затылком сверлящий взгляд.

Вскоре подкатила Вера Снегирева на своем «Пыжике» и повезла меня домой. По дороге я пересказал ей последние новости.

- Дела, - протянула она, заворачивая к гаражу, где пряталась моя заскучавшая «Audi». – Может, зайдешь ко мне, я обед приготовила.

Я осторожно покосился на женщину, пытаюсь понять: за ее предложением притаилась надежда заполучить меня в мужья? Вера уловила мое замешательство.

- Нил, не бойся, я не стану вешаться тебе на шею. Твое дружеское отношение ко мне я очень ценю и не хочу его потерять. Лучше слышать твой спокойный голос, видеть добрый взгляд, чем шарахаться от пренебрежительного рыка и ловить презрение в глазах.

- Я таким бываю?

- Ой, посмотрите на него! Он удивлен! - напускно возмутилась она. – А то ты не знаешь, что твои глаза и слова живут параллельно. Сам говоришь комплимент, а в глазах читается: «Ей, девочка, куда ты с суконным рылом в калашный ряд! Ты в зеркало смотрелась?»

- И что же ты такая умная, осторожная и наблюдательная, поймалась на удочку недоброго рыбака?

- Я, конечно, не золотая рыбка, рассчитывать на возвращение в синее море не могу, но уж очень хотелось исполнить три его желания. Или... накормить вкусным обедом! – развеселилась Вера.

Я поддержал ее в этом порыве и согласился отведать блюда, добавив при этом.

- Надеюсь, моя очередь быть отравленным еще не дошла?

- Все запасы извела на других, - посокрушалась она, отъезжая от гаража, который так и остался не вскрытым.

После обеда хозяйка убрала со стола посуду, выставила чашки, достала торт, чем вызвала во мне тайную радость. Не потому, что я сластена, к сладкому я равнодушен, мне было приятно, что меня ждали. Обо мне думали не только как о любовнике (зачем себя обманывать – Вера не отказалась от желаний), но и хотели сделать мне приятное.

Когда она утверждает, что я эгоист, я не спорю, но в моей голове рождается ответное нападение – а любая женщина, которая добивается любви мужчины, не эгоистка? Ее интересует его жизнь? Может быть, в этой жизни есть человек, на котором сконцентрировался смысл существования? Но женщина видит цель и идет по головам! Это ли не эгоизм?

Вспомнив о женщинах, я встрепенулся. Забыл доложить любимой мамуле, что вернулся. Она знала, что я поехал развеяться в неизвестном направлении. Не более того. Я ей не звонил, чтобы «не светить» новый номер телефона. Если Потап искал меня у Марика, он обязательно позвонил матери. А она, в свою очередь, удовлетворила бы его просьбу, выложив всю правду. Если была в нее посвящена.

Вернусь домой, верну старую сим-карту на место и перезвоню, решил я.

Пока Снегирева хлопотала над столом, я включил телевизор и стал бездумно перебирать пультом каналы. На одном из них серьезный мужчина рассказывал о местных происшествиях. Я уже собрался двинуться далее, но замер.

- По факту вчерашнего взрыва на улице Твардовского, в результате которого погиб известный бизнесмен Леонид Иванович Лепко, возбуждено уголовное дело по статье...

Потом на экране пошли кадры вчерашней трагедии, разыгравшейся возле дома господина Лепко. Но я отстранился, новость так шарахнула меня по голове, что подкреплять услышанное увиденным не было желания.

К жизни меня вернула Вера, которая тоже заинтересовалась убийством бизнесмена.

- Нил, а у твоей «Audi» какие номера?

Я автоматически назвал.

- Журналист сказал, что взрывчатка находилась в припаркованном неподалеку автомобиле. И мне показалось, что... ее обгорелые останки похожи на твою «Audi». Номера от автомобиля валялись на дороге, камера наехала и я успела рассмотреть... А ты видел?

- Я отвлекся, - пробормотал я, с ужасом ожидая продолжения.

- Даже по обгорелому кузову можно понять, что это джип... И номера... Это номера с твоей «Аудиохи».

- Вер, когда ты в последний раз была в гараже? – мрачно уточнил я.

- С тех пор, как ты поставил в него свою машину, я там не была. Но мы можем выяснить все прямо сейчас. – Она уже кинулась в прихожую, на ходу приглаживая взлохмаченные волосы.

Я сидел истуканом и пялился в экран телевизора. Новости о смерти Лепко сменились другим сюжетом.

Снегирева вернулась в кухню.

- Чего ты сидишь?! Надо проверить гараж, если «Audi» нет, надо бежать в полицию и писать заявление об угоне. Иначе тебя станут подозревать в убийстве бизнесмена... Кстати, знакомая фамилия... Где-то я ее уже слышала. – озадачилась она.

- Ты слышала ее в стоматологической клинике «Грант». Виктория Александровна Лепко – ее собственница и супруга погибшего.

- А ты здесь при чем? Ты наемный работник. Зачем тебе взрывать ее мужа? Тем более про помощи собственного авто, которое стоит немалых денег.

Я молчал.

- К тому же тебя не было в городе! Я могу подтвердить.

- Ни в коем случае. Полиция тебя привлечет за соучастие. Они легко выяснят, что машина стояла в твоём гараже. Я уехал, чтобы создать себе алиби, а ты взяла на себя следующую часть операции.
- Какой операции, что за бред! – возмутилась Вера.
- Это для тебя бред, а для следствия – раскрытие преступления по горячим следам... Ты забыла, сколько на мне висит убийств?
- Нил, ты говоришь, как заправский преступник, - вздрогнула женщина. Села рядом со мной, тяжело вздохнула и тихо добавила. – Все равно я остаюсь при своём мнении – надо идти в полицию. В противном случае ты увязнешь в болоте.
- Я уже увяз.
- И что ты предлагаешь? Пуститься в бега?
- Пока не знаю... Но я должен поехать в «Грант» и поговорить с Викторией Александровной.
- Тебя подвезти?
- Если тебе не сложно.
- Не сложно. Мне хочется стать твоей тенью, пока эта чередка убийств не будет раскрыта. Свидетель может отпугнуть преступника. В первых двух случаях ты был один на один с жертвами, в третьем – тебя, вообще, в городе не было.
- Во втором случае, вокруг меня был целый зал зрителей, - напомнил я.
- При увлекательном сюжете фильма зрители не свидетели, - отрезала Снегирева.
- Вер, он маньяк?
- Все возможно. Но любого маньяка остановит одиночная камера...
Проверку гаража мы отложили – чем там любоваться? – и поехали в «Грант».

Я зашел в стоматологическую клинику, поздоровался с администратором Лидой, которая вскочила с места и сдавленным шепотом прожурчала.

- Нил Петрович, у нас тут тако-о-е...
- Я не стал слушать продолжения и направился в кабинет главного врача.
- Не постучавшись, открыл дверь и сразу натолкнулся на серые с прищуром глаза своей долгоиграющей любовницы.
- Я видела тебя в окно. – спокойно сказала она.
- Прими мои соболезнования.
- Если они искренние, то принимаю.
- Если ты искренне убита горем, то я удивлен.
- Добавь еще, что ты рад моей свободе.
- Это должно было произойти рано или поздно. Твой милый супруг стольким «хорошим» людям дорогу перешел.
- Ты один из них, - между прочим вставила она.
- Ты уверена, что я мог пойти на убийство, заложив взрывчатку в свой автомобиль?
- Я так не думаю, потому что хорошо знаю тебя. На втором месте после обожания себя у тебя стоит любовь к недавно приобретенному автомобилю. Как ты мог им пожертвовать ради мужа своей любовницы?! К тому же тебя устраивало такое положение вещей. Она замужем за монстром, не вырвется из темницы, не предъявит требований. Будет сидеть тихо – мирно и довольствоваться малым. Сразу два довода в твою пользу.
- Почему ты противоречишь сама себе?! Сначала обвиняешь, потом приводишь доводы против. По мне, так ты – самая подходящая кандидатура. Признайся, как ты узнала, где я оставил джип? – Вика молчала. Лишь удивленно смотрела на меня, как на сбрендившего в один момент субъекта, чье поведение вызывает опасения. Я не дождался признания и продолжил прокурорское обвинение. – Ты сказала своему сообщнику, он угнал «Audi», а дальше все пошло по схеме.

- Я? – опешила она. Поднялась со своего начальственного кресла, подошла к окну и встала ко мне спиной. – Я не способна убить человека.
- Речь идет не о человеке, а о монстре, который мучил тебя. Тем более, что ты была мозгом операции, а всю черновую работу проделал твой помощник.
- Со временем я бы нашла причину для развода, и никуда Леонид не делся. Удар по репутации бизнесмена это брешь, через которую может утечь все, что наживалось десятилетиями. Я не имею в виду только материальную сторону.
- Но он нанес бы тебе ответный болезненный удар.
- Нил, ты всегда утверждал, что я умна и хитра. Я бы все запутала так, что он никогда не догадался, чей кулак двинул ему под дых.
- Допустим... Допустим, я тебе верю. Но кто подставил меня в очередной раз?
- Откуда вдруг такое шаткое доверие?
- Ты хотела быть свободной, чтобы... - я не успел продолжить. Вика резко повернулась ко мне, и я увидел такое презрительное отвращение в ее глазах, что решил – я это не я, а некое зловонное чудовище. Отсюда и отвращение.
- Ты думал, что все ради тебя? Решил, что я хочу выти за тебя замуж?!
- А это не так? – выдавил я из себя.
- Я не полная дура, чтобы связывать жизнь с ненадежным человеком. Первый муж следил за мной, а во втором браке я займу его место – найму частного детектива, который будет везде следовать за тобой, а затем докладывать мне обо всех твоих любовных интрижках! Стану изводить себя ревностью, а тебя истериками. Кому это нужно?
- Почему ты решила, что я буду тебе изменять?
- Уверена! Ты ни одну юбку не пропустишь!
- Пропущу, - сказал я, не найдя более веских аргументов.
- Если бы любил меня, а так... Но я неправильно сказала о твоей безотказности. Ты избирателен, на всех не распыляешься.
- Значит, это все-таки ты! Одним взрывом уничтожила двух зайцев: и мужа отправила на тот свет, и меня подставила... А девушек тоже убила ты? Ударила скальпелем, обработанным ЭГДН, Юнону Шиндрик, потом отравила каустиком Лизу Веселкину. А как ее зовут на самом деле?
- У тебя шизофрения.
Этот диагноз мне еще не ставили.
- Ты не ответила на мой вопрос.
- Я ответила, только ты не понял.
- Я иду в полицию.
- И что ты скажешь? Что убил мужа своей любовницы?
- Я его не убивал, не сваливай с больной головы на здоровую.
- Это у тебя здоровая голова?! - хмыкнула Вика.
- Я сегодня окончательно убедился, что совершенно не разбираюсь в людях. Хотя, раньше считал себя классным психологом.
- Психолог, не забывайте о своей основной профессии. Прошу завтра выйти на работу.
Я ничего не ответил, развернулся и ушел.
Я знал, что завтра выйду на работу, и буду исполнять свои обязанности.
Как знал, что одним подозреваемым стало меньше. Остались двое – Вика и Потап. Или одна Вика?
- А почему бы не позвонить Мартынову и не договориться о встрече? Задать в лоб вопрос и проследить за его реакцией. Или я все равно ничего не пойму?
- Хороший стоматолог должен знать свое место и не пытаться занять два кресла. Или сразу несколько...
- Вера довезла меня до дома и уехала. Я зашел в квартиру и обошел ее по периметру, словно убеждался в истинных размерах.

Затем позвонил матери. Она забросала меня вопросами, главными из которых были: здоров ли я и все ли у меня в порядке? Я заверил, что все замечательно. Я здоров, полон сил и завтра выхожу на работу. Оказывается, Мартынов ей тоже звонил. Мама, подобно Марку Фишману, поинтересовалась, не поссорились ли мы, будто мы были детьми и не подели велосипед.

- Иногда человеку хочется побыть в одиночестве, но не в полном вакууме, а среди чужих людей, которым до тебя нет никакого дела. – философски заметил я.

Мамуля вернула меня на землю, беспокоясь о продуктовых запасах.

- Не волнуйся, меня сегодня накормили до отвала.

- Неужели, я доживу до того момента, когда ты женишься?! – она сразу соединила в одно целое хлебосольную хозяйку и мою будущую избранницу.

- Доживешь! – успокоил я ее, надеясь, что четверть века, у меня еще есть. Очень надеюсь...

Потом я долго стоял у окна и вертел в руках телефон. Когда он резко зазвонил, я от неожиданности уронил его на пол.

Это звонил Потап. Мне не надо было смотреть на светящееся окошко. На этого абонента стояла мелодия одной известной песни рок-группы Deep Purple.

Я не могу вечно скрываться от него.

- Да, - прохрипел я.

- Привет, Нилыч, ты куда пропал?

- Готовил операцию по устранению мужа своей любовницы, - ляпнул я совсем не то, что хотел сказать.

- Не понял, - обалдел Потап.

Я отчетливо представил приятеля. Сейчас он удивленно вскинул брови и выпятил губы.

- А что тут непонятного. Маньяк продолжает свое черное дело. Расправился с двумя особами женского пола и перешел на мужчин. Знаешь, однообразие наскучивает.

- Нилыч, у меня есть хороший... доктор...

- Скажи прямо – психиатр. А еще лучше – сразу вызови санитаров, которую упрячут буйно помешанного стоматолога в психиатрическую клинику... Как думаешь, психушка лучше тюремной камеры? Или это одно и то же?

Ответ Мартынова меня поразил. Было ясно, что моим монологом он не проникся, пребывая в собственных раздумьях.

- Ты говоришь о вчерашнем убийстве Лепко?.. Значит, его жена была твоей любовницей? – очистил он зерна от плевел.

- Была, причем очень долго.

- Это на тебя не похоже.

- Находить в автомобилях трупы, тоже не в моих привычках.

- Кстати, об автомобиле... С чего ты взял, что следствие выйдет на тебя? Если о связи с женой бизнесмена не знал даже я, то уверен, об этом не знал никто.

- Машина, в которую была заложена взрывчатка, принадлежит Желязко Нилу Петровичу. Полиция легко это установит.

- А почему воспользовались твоей «Audi»?

- Чтобы меня подставить. В третий раз, - устало добавил я.

- погоди! Не гони волну. Сядь, успокойся, а я позвоню, кому следует, и все выясню.

Я сел на любимый диван и попытался успокоиться. Рядом лежал горячий мобильник, успевший раскалиться от прикосновения моих рук.

Потап не стал испытывать мое терпение. Через несколько минут прозвучала знакомая мелодия.

- Нилыч, ты видел искореженный автомобиль?

- Честно говоря, не видел. Меня шокировала новость, я отвлекся. А Вера успела рассмотреть не только машину, но и номер, который отлетел при взрыве и почти не пострадал.

- У твоей Веры все джипы «на одно лицо», тем более их остовы. Могу тебя успокоить – это «Toyota Prado».

- А... номер? – проблеял я.

- Цифры и буквы совпадают, регион другой.

- Но Вера...

- Я, вообще, удивляюсь, как она смогла что-то увидеть. Наверное, ты ей рассказал о трупах? А у страха, как известно, глаза велики. – перебил меня Мартынов. – У тебя номер – м368хх161, а на автомобиле-убийце – м368хх16. Регион не наш. Вера не разобрала.

- Шестнадцатый регион, - вдумчиво повторил я.

- Шестнадцатый, - подтвердил Потап. – Это Татарстан. Машина числится в угоне уже два года. Год выпуска две тысячи второй, совсем не новехонькая, как у некоторых.

- А где в таком случае моя «Audi»? – совсем отупел я.

- Там, где ты ее оставил.

Я пообещал приятелю перезвонить, не раскланявшись в благодарностях. Меня занимало мое авто. Я набрал Снегиреву и попросил об услуге, предварительно пересказав разговор с Мартыновым. Верка помянула свою неумную впечатлительность вместе с дырявой головой, и помчалась в гараж. А я подумал: почему не послушал ее с самого начала и не заехал в гараж?

Все могло сложиться иначе. Я бы не поехал к Вике и не услышал ее откровений.

А может все к лучшему? Теперь я знаю, что она не имеет на меня виды. А кто убил ее супруга, меня не касается. Но для всех было бы лучше, если Виктория Александровна не замаралась в этом деле. Самому себе я могу признаться, что эгоизм и здесь берет верх. Что в этом случае будет с клиникой и ее работниками? Или меня тревожит судьба госпожи Лепко? Ведь, классный стоматолог всегда найдет себе тепленькое местечко.

Вскоре Вера перезвонила и запыхавшимся голосом объявила.

- «Audi» спокойно ждет своего хозяина! Ты прости меня, Нил, я совсем очумела после всех событий. Всюду враги мерещатся.

- Я рад, что не один, - усмехнулся я...

Жизнь потекла в обычном ритме, с той лишь разницей, что между мною и Викторией Лепко установились отношения подчиненный-начальник, не выходя из установленных рамок.

Она устроила супругу пышные похороны. Никто из сотрудников «Гранта» приглашен не был, однако инициативная группа в составе трех человек собрала деньги, купила венок и отправилась сопереживать начальнице, имея иную тайную цель – увидеть, как уходят в мир иной люди из высшего общества. Одно я знаю точно – покойнику все равно, из каких ценных пород дерева изготовлено его последнее пристанище, и какой памятник в скором будущем появится на могиле. На следующий день до меня дошли слухи, что Виктория Александровна «держалась молодцом» и проронила слезу только на поминках.

Радость все же вылилась наружу, - мысленно съязвил я.

Но как ни крути, надо искать новое место работы. Не люблю натянутость в отношениях с людьми, с которыми пересекаешься десять раз на дню. Чувствуешь себя струной, до которой вот-вот дотронется неопытная рука.

Я написал заявление по собственному желанию и пошел в кабинет Лепко. Вика прочла его, при этом недоуменно вскинула брови, повертела лист бумаги в руках и аккуратно положила его на край стола. Я ожидал театральности – медленного рвательства на мелкие кусочки, но ошибался.

- Нил Петрович, Вас что-то не устраивает? – спросила она, привычно щуря серые глаза. Они были холодными, как ноябрьское небо.

Меня этот факт задел. Я не привык к пренебрежительному отношению женщины, с которой у меня была связь. Она должна страдать. Страдать и мучиться, но пытаться скрывать эти чувства. А я буду ловить ее переживания, как радар, и ощущать привычное удовольствие. Все эти тайные вздохи, поиски глазами моего скользкого взгляда, вибрация голоса при приветствии – обращены в мой адрес. Но я успешно делаю вид, что ко мне эти вздохи-взгляды не имеют отношения. Мало ли, какие проблемы могут быть у впечатлительной особы? Вероятно, вдохновилась вчерашней мелодрамой или увидела на улице пренеприятный инцидент. Но на душу водопадом струится бальзам. И не дай мне бог улыбнуться или забыться и отпустить дежурный комплимент! Все – она вцепится в меня, как клещ! Вцепится и начнет искать сочувствия, призывать к порядочности и вешать на меня свою любовь, как ярмо на шею.

Я садист? Может быть...

С Викой все иначе. Она не страдает, не мучается. Я ей безразличен. И это самое неприятное. Разжигает ли во мне любовь ее пренебрежение? Отвечу правду – нет. Я не из тех людей, у которых любовь рождается от непривычного безразличия. Женщина должна меня зацепить. И часто меня «цепляют», но я быстро разочаровываюсь. Наверное, сцепка непохожа на вагонную, скорее она виртуальная.

Кроме злости к этой женщине – лгунье я ничего не испытывал.

- Просто захотелось сменить место работы. – сказал я, неотрывно следя за ее глазами, в которых должен появиться намек на переживание.

- Вы ценный работник, если Вас не устраивает зарплата, то я...

- Не все меряется деньгами. – отрубил я.

- На меня намекаешь? – «слезла» она с официального тона. Не дождалась ответа и проникновенно произнесла, - Нил, я не могу... пока афишировать наши отношения. Как бы я не относилась к Леониду, нужно выдержать паузу.

Это намек на продолжение, которое последует по истечении срока траура? Или она пытается обманом удержать возле себя хорошего работника и неплохого любовника, если ему не найдется достойная замена?

- Боишься, что тебя станут подозревать в убийстве собственного мужа? - вслух спросил я, оставив размышления при себе.

- Преступление раскрыто, так что мне нечего бояться, как ты выразился. Моего супруга убил конкурент по бизнесу. Сначала арестовали исполнителя, а потом он назвал имя заказчика.

- Все хорошо, что хорошо заканчивается, - заметил я с ехидцей в голосе. Кто еще, если не конкурент?

- Смотря для кого.

- Господина Лепко я не имел в виду. Может, я имел в виду себя? Глаза внезапно открылись: раньше был слепцом, а сейчас ясновидящим – вижу на несколько лет вперед. Ты никогда не свяжешь свою жизнь с моей.

- Не надо изображать из себя отвергнутого любовника, а мысленно радоваться стечению обстоятельств, которые дали тебе шанс отделаться от меня! Ты никогда не питал ко мне чувств. И никогда бы не женился на мне. Даже в новом статусе.

- Ты сама лгала все это время. Намекала на свои чувства, убеждала меня в равнодушии к тебе, а когда настал момент истины, раскрыла карты.

- Я не хотела быть брошенной. Теперь я свободна, а тебя это не устраивает. Сладок только запретный плод. Поэтому я всего лишь опередила тебя.

- А почему ты не подумала о корысти? Я могу польститься на твое богатство?

- Материальная сторона тебя мало интересует. Я уже говорила, ничего хорошего из этого брака не выйдет.

- А что меня интересует? И зачем кидать намеки на возможность продолжения нашего тайного романа? Чтобы удержать меня на привязи? Ты пока погуляй, мальчик, неподалеку, даже можешь попасться, потешить свое ЭГО, а потом я возьму тебя домой, обогрею, приласкаю, если не найду более подходящую кандидатуру. Но при любом раскладе ты мне можешь пригодиться... Где вероятность, что конкурент превзойдет тебя в искусстве любви?

- Мне хочется врезать тебе по твоей красивой физиономии?

- Опа-на, ты готова выразить свои чувства? Пусть не совсем подходящим способом?

- Нил, я устала от тебя!

- Подпиши заявление и больше ты меня не увидишь!

- Я не могу... Я давно болею тобой. Наше расставание эту болезнь не излечит. Только усугубит.

- Ты мазохистка? Зачем терзаться? Отпусти меня на все четыре стороны. С глаз долой – из сердца вон.

- Я бизнес-леди, поэтому в первую очередь думаю о доходах клиники. –подобралась она.

- А у нас, как в театре, все ходят на известного народного артиста, а не на спектакль, где задействован еще десяток неярких талантов.

- Кто привык ходить в «Грант», тот и будет ходить.

- У меня иная точка зрения, поэтому я прошу тебя все взвесить. Тем более, сейчас у тебя не лучший период для поиска работы.

- К чему ты клонишь?

- Я говорю о неприятностях, которые творятся вокруг тебя.

- Это нелепые случайности. Они позади. – без особой уверенности сказал я.

- Надеюсь, но все же... Нил, прошу тебя, подумай. Я обещаю... излечиться от любовной зависимости. И обещаю не докучать тебе. Все это время, ты ведь не догадывался о моих переживаниях.

- Такое возможно?

- Это в моих интересах...

После этого нелегкого разговора мне захотелось надраться до чертиков. В одиночку я это делать не привык, а с Мартыновым мне пить не хотелось. Но желание погасить злость и отключить уставшие мозги возобладало над привычками. К тому же я вспомнил про одинокого волка. Одинокий и свободный... И впервые почувствовал свою ущербность от этой свободы. Я с ней так ношусь, что успел устать от тяжести, однообразия и пустоты. Раньше пустоту заполнял Потап. Надежный верный весельчак, а по совместительству сотрудник МЧС. Случилась беда, набрал номер, вызвал спасателя, тот решил за тебя все вопросы, выслушал, дал совет и отбыл до следующего раза. Последнее время я стал ему в тягость. Бескровно оторвать от себя - нет сил, поэтому он нашел более хитроумный способ.

Все подозреваемые испарились, остался один Мартынов. Осознавать больно, а обманываться трудно.

Проскурин к себе не вызывал, словно забыл о моем существовании, я тоже избегал встреч с ним. Предвзятый интерес может быть истолкован по-разному. Я хотел покоя, пусть и зыбкого, пусть без уверенности в завтрашнем дне. Ограничивал себя работой – квартирой – дачей матери, чтобы не притягивать к себе неприятности.

Дал себе слово – быть прилежным мальчиком и с честью его держу. Держал до сегодняшнего вечера. Вика «выбила меня из седла».

У сильного всегда бессильный виноват, как говаривал баснописец Иван Крылов...

Я поставил «Audi» на стоянку, забежал домой, а затем пешком отправился в ресторан. Расстояние было совсем коротким, пешая прогулка заняла не более пятнадцати минут. Я выбрал это заведение не случайно, заранее просчитав свои возможности после чрезмерных возлияний.

Именно, сюда я по неосторожности пригласил Снегиреву в начале весны. Мысль о Вере, как о собутыльнице, мне в голову не пришла. Зародившаяся недавно дружба медленно угасала без подкидывания дров. Мне от нее помощь не требовалась, о ее желаниях и планах я не знал, ограничивая редкие телефонные переговоры несколькими ничего не значащими предложениями. Каждый раз я ссылаясь на занятость, в итоге звонки сократились до минимума. Надеюсь, в ближайшем будущем они сойдут на нет.

Мне показалось, что сегодня день всех влюбленных: за несколькими столиками сидели парочки и поедали друг друга жадными глазами. Мне стало стыдно за свое одиночество. Но не менять же планы! Я прошествовал в дальний угол с видом царственной особы, срывая взгляды девиц, которые успели сравнить своих кавалеров со мной. Перевес был на стороне царственной особы, о чем подтвердило неудовольствие на лицах кавалеров. День всех влюбленных превратился в день коронавания. Один парень не выдержал, грубо взял свою девушку за подбородок и повернул к себе. Она сказала ему что-то резкое, схватила сумочку и вылетела из ресторана. Молодой человек последовал за ней.

Я снова приношу людям неприятности, сам этого не желая.

Остальные пары взяли инцидент на заметку и сосредоточились друг на друге.

Для сегодняшней психологической разгрузки я выбрал свой любимый коньяк и сразу влил в себя пятьдесят граммов для раскрепощения.

Мысль о том, что я пай-мальчик, мгновенно испарилась. Я окинул зал свежим взором и окрылился присутствием двух миленьких девиц лет двадцати, которые озирались у входа.

Они были совершенной противоположностью: одна – пухленькая невысокая брюнетка, другая – высокая стройная блондинка. Первая при разговоре вскидывала голову, вторая – прижимала подбородок к груди. У меня сложилось несколько сравнений с этой милой парой, но я быстро выкинул их из головы: пренебрежение отрезвит желание. После принятия «лекарства» желание робко подползло ко мне, зачем его отпугивать?

Девушки были не в моем вкусе, но вспомнилась пословица о безрыбье, где рак выступает на чужих ролях, и я приступил к пристальному разглядыванию. Внимание мужчины, сидящего в гордом одиночестве, не осталось незамеченным. За это время девчонки успели расположиться неподалеку от входа и приступили к изучению меню. Брюнетка сидела ко мне лицом, зыркнула на меня и что-то прошептала подруге, прикрывшись папкой. Та выпрямила спину, но головы не повернула.

Они вели себя натянуто - скованно, что дало мне понять – девушки не частые гости в подобных заведениях.

Очередные сто граммов коньяка позволили передать за их столик бутылку шампанского. Официант выполнил поручение, девчонки ступевались, обе посмотрели на меня и улыбнулись. Я ответил им сдержанной улыбкой и кивнул.

Их скромный перекус не занял много времени. Бутылка шампанского осталась нетронутой. Я решил, что остался без озвученной благодарности, и теперь придется скучать в одиночестве и накачиваться коньяком, но подруги замешкались у своего стола, что-то шепотом обсудили и дружно направились ко мне.

- Здравствуйте, - первой поприветствовала меня более бойкая пигалица. Ее подруга слегка дернула головой, оставаясь за спиной.

- Привет, - сказал я, по-барски развалившись на стуле. Одна рука держала бокал с жидкостью, а другая покоилась на соседней спинке стула.

- Вы нас не знаете, а сделали презент, - недоуменно выговорила брюнетка.

- Захотелось сделать вам приятное.

- У Кати сегодня день рождения, - она повернулась к подруге, та подтвердила кивком, - вот мы зашли отметить.

- Уже уходите?

- Нам завтра рано вставать. – наконец, прорезался голос у именинницы.

- Думаю, полчаса у вас найдется, чтобы скрасить одиночество мужчины. – я не просил. Я предлагал внушительным тоном. Они сразу опустили на два стула напротив меня, выставив на стол презентованную бутылку шампанского. – Может, по коньячку? – предложил я. Обе неуверенно кивнули.

Зачем все это? – мысленно спросил я у самого себя. Такого избирательного, взыскательного, закрытого. – О чем я буду с ними разговаривать? И почему я решил, что две чужие мне девушки могут отвлечь от скуки? Вселенской скуки, заполнившей меня. Они мне совсем не нравятся. Я не хочу отпускать им комплименты, улыбаться и нести чушь. Я ничего не хочу.

Нет, я хочу! Я хочу разговаривать молча. Смотреть в ЕЕ глаза и искренне говорить, говорить, не открывая рта. А она мне будет отвечать и мягко улыбаться. Я накрою своей ладонью ее гладкую шелковистую руку и сторю от понимания: вот оно счастье! Я осознал, но не испил его до дна. До полного наслаждения. Не полного, я никогда не дойду до крайней точки. Всегда будет оставаться задел на новое непознанное счастье...

Я вернулся в этот обыкновенный мир, где не было ЕЕ.

Девушки сидели и ждали.

Я не сразу сообразил, кто они такие и откуда взялись? Вместо них должна находиться другая. Особая.

- Как вас зовут? – поинтересовалась брюнетка, считая за право задавать подобные вопросы первой.

Меня накрыло раздражение, которое окончательно вернуло в горькую действительность.

- Э-э-э, - протянул я, внутренне закипая. В такие моменты меня начинало уводить в сторону. – Позвольте представиться – Лапсердаков Леопольд Вальдемарович. Тридцать три года, женат, четверо детей.

- Четверо? – удивились разом девицы и поджали губки.

- Пока четверо, - расплылся в улыбке я. – Два часа назад отвез жену в роддом и заехал в ресторан снять напряжение. Предыдущие четыре раза так не волновался.

- Может, Вам лучше быть рядом с супругой? - заохала блондинка Катя.

- Она сама не хочет, чтобы я присутствовал при родах. В последний раз я потерял сознание.

- Вы очень впечатлительный! – восхитилась именинница, причислив это качество к важным мужским показателям.

Продолжить «сочинение на ходу» я не успел – затрезвонил мобильник, лежащий на краю стола. Ян Гиллан с надрывом пел о дыме над Женевским озером, а я смотрел на светящееся окно с именем приятеля.

- У Вас телефон звонит, - влезла выскочка брюнетка. Причем произнесла слово «звонит» с ударением на первом слоге, отчего у меня свело зубы, и я очередной раз убедился в ненужности зарождающегося знакомства.

Злость накрывала меня, как настойчивая туча робкое солнце. Захотелось накрыть кого-нибудь медным тазом, в прямом и переносном смысле этого выражения. Нужный человек сам шел мне в руки.

- Извините, - изрек я, прихватил мобильник и пошел к выходу. – Да! – рывкнул я в трубку, оказавшись на вечерней улице, походившей на распаренную сауну.

- Нилыч, ты где?

- А тебе какое дело? - заскрипел я зубами. – Ты меня контролировать вздумал?

- Успокойся, никто не посягает на твою свободу! – тоже разозлился Мартынов.

Я резко «сбавил обороты». Перед напором друга я тушуюсь. Ко всем эпитетам, прилипшим ко мне в последнее время, добавился слабак. Мысленно, конечно.

- Ладно, проехали. Чего тебе надобно, старче?

- Смилуйся, государыня рыбка, причаль к автосалону, дело есть.

- На завтра это дело перенести нельзя? Я подшофе, к серьезным разговорам не готов.
- Подшофе и без меня? – обиделся Потап. – Или ты себе очередную дамочку завел?
- Даже двух! – похвалился я, хотя, в голосе особой радости не прозвучало.
- И где Вы заседаете?
- Какая разница! Или за девушек волнуешься?.. Не волнуйся, им ничего не грозит! Преступник расправляется с теми, с кем моя жизнь не пересекалась.
- Можно подумать, ты всех помнишь, - монотонным голосом сказал приятель.
- К чему ты клонишь?
- Ни к чему, - отмахнулся Мартынов. – Разговор переносится на завтра. Весь день я буду занят, подъезжай часов в восемь. Это очень важно.
- Ты меня заинтриговал. Я могу все бросить и...
- Не надо? – отрезал Потап. – Ты мне нужен с ясным умом и трезвой головой... - И отключился, чтобы я не стал настаивать.
- С ясным умом и трезвой головой, - повторил я, поигрывая с телефоном, совершающим акробатические движения в моих пальцах.

Я собрался вернуться в прохладу ресторана, но замер с открытым ртом.

Интересно, как выглядят люди, ставшие свидетелями аномального явления? Таращатся на него, не мигая? Или достают мобильные телефоны и начинают фотографировать с разных ракурсов? И то, и другое имеет место быть, все зависит от степени очумения.

Я находился на самой верхней ступени. Забыл, где нахожусь и куда собирался идти. Забыл, кто я, сколько мне лет. Забыл о невероятных событиях, вихрем кружащих вокруг меня. Забыл, что жизнь повернула за угол, и я пока не разобрался, где мне было лучше – там или здесь. Наверное, все же здесь, потому что там не было подобных видений, вокруг которых существует ясно различимая аура. Туманный ореол, повторяющий рельефы фигуры. Милое желанное видение проплыло мимо меня, паря над землей.

Я заморожено проводил видение глазами, задержав при этом дыхание. От нехватки кислорода или от нахлынувших чувств окружающие предметы пришли в вальсирующее движение, а сердце решило выпрыгнуть из груди и присоединиться к танцу. Я перекрыл ему выход ледяной рукой, но оно продолжало брыкаться, как ребенок в чреве матери.

- Не может быть, - пошевелил я сухими губами и прикрыл глаза.

Мне показалось, я так стоял несколько секунд. Когда с трудом разлепил веки, видение исчезло.

Что это? Сказочная реальность? Сон наяву? Последствие стресса?

Я снова с силой сжал веки, пытаясь вернуть видение. Я не успел насладиться этим неземным образом. Но я точно знал, что, именно, о ней я недавно мечтал. Она не существует, она возникла посредством обратного действия на чувства. Глаза увидели снаружи то, что лепилось в глубине души. Сначала незаметно, затем скульптор явил мне ее, прикрыв прозрачным покрывалом, и предоставил возможность коснуться ее руки. А теперь он продемонстрировал свое гениальное творение на коротком показе.

Я схожу с ума. Постепенно. Но испытываю при этом блаженство...

Я долго не мог собраться с силами и вырвать себя из сказки. И зачем, если здесь нет этого божества...

По улицам ночного города текла жизнь. Она обходила меня стороной, иногда цепляла, но я этого не замечал. Я ждал возвращения. Я готов стоять на этом месте всю жизнь, пусть видение проскользнет мимо меня. Я жажду снова пережить ЭТО...

От напряжения заслезилась глаза, и заныло в затылке, что поспособствовало осознанию действительности. Я заметил, как из ресторана выглянул официант, желая убедиться, что клиент не исчез, не оплатив счет. Мне стало неловко, пришлось вернуться в зал.

Когда я сел за стол, Катя затараторила, как пулемет Максим, творивший чудеса еще во времена Гражданской войны.

- Родила? Наверное, родила, на вашем лице такая одухотворенность! А мы с Люсей поспорили, мальчик или девочка.

Я никак не мог спуститься на землю и понять, чего от меня хотят. Поэтому налил себе полный бокал темно - янтарной жидкости и с чувством влил в себя. Жидкость побежала по руслу и подействовала нужным образом: я расслабился и отупел. Но не желая выглядеть полным шизоидом, в ответ обнадеживающе кивнул.

- Двойня?! – подхватилась брюнетка Люся.

- У кого? – задал я умный вопрос. И своевременный, по моему разумению. Пока разговор не убежал от меня, надо ухватить его за хвост.

Девушки переглянулись. Инициативу по приведению отца пятерых или шестерых детей в чувство, взяла на себя более рассудительная Катя.

- Леопольд э-э-э Вальдемарович, Вы не волнуйтесь. В наше время не каждый решается на второго ребенка, где уж... на пятого...

- А где пятеро, там и шестеро, - вставила разумная Люся.

Я оглянулся назад, выискивая незнакомого мне Леопольда Вальдемаровича, к которому была обращена успокоительная речь.

Кроме оранжевой стены и картины с натюрмортом я никого не заметил.

Девчонки не удержались и тоже задвигали телами, вытягивая шеи.

- И как вы их... ее... его... назовете? – поинтересовалась Катя, едва не свалившись со стула.

- Кого их... ее... его? – заморожено спросил я, замечая за девушками странности.

- Детей! Или ребенка! – взвилась невоздержанная брюнетка.

Чтобы быстрее разобраться в ситуации, я опрокинул в горящее нутро соточку коньячку одним заправским махом, позабыв о приличиях. И какие теперь приличия, если серое вещество из одной большой бабочки распалось на кучу маленьких, выстроилось косяком и скрылось из вида. Буквально несколько минут назад.

- Ик, - вырвалось из переполненного нутра. Я подпер кулаком съезжающий подбородок. Он не удержался и соскользнул. Тогда я сложил ладони розочкой и уложил его, припечатав локти к столу. Правила хорошего тона у сумасшедших улетают вслед за бабочками.

- Может, пойдем? – донесся до меня тихий шепот.

Я попытался взбодриться и решительно замотал головой. Лучше бы я этого не делал: локти соскочили со стола, розочка из ладоней распалась, обнаглевший подбородок рухнул вниз и попал во что-то вязкое и холодное.

Возле меня захлопотали, стали вынимать тяжелый подбородок из тарелки, вытирать его салфеткой. Потом в меня вливали холодную воду с пузырьками, пузырьки ударили в нос, и мне было очень весело.

Потом у меня родилась идея, простая до гениальности – надо выпить за здоровье милого видения. Что я быстро осуществил.

- Допился до белой горячки на радостях, - высказалась Катя, чье лицо смутно виднелось сквозь пелену моего нефокусированного зрения. – Уже приведения мерещатся.

- Может, с горя, - выдвинула свою версию Люся.

Мне хотелось предложить девчонкам завалиться ко мне, но язык отказывался произносить приглашение. Я пыхтел, как паровоз, и почему-то все время страстно чмокал губами.

- Леопольд Вальдемарович, Вы помните свой адрес? – спросил чей-то голос у моего уха.

- Я... точно... не знаю, где живет... этот Вальдемарович, - разборчиво произнес я, делая значительные паузы для восстановления дыхания. – Я... его никогда... не видел, - доверчиво сообщил я и развел в стороны руки.

Лучше бы я этого не делал. Уехавшие опоры ослабили уставший остов.

С трудом помню, как расплатился, одарив щедрыми чаевыми. Когда оказался на улице в сопровождении двух девиц разного роста, включился автопилот. Я предложил Кате и Люсе себя в качестве сопровождающего, но они дружно отказались, и стали запихивать меня в припаркованное такси. Но я упирался и твердил, что пройду пешком. В итоге я сдался, пробубнил водителю адрес, он странно покосился на меня...

Больше я ничего не помню...

Я проснулся от холода.

Надо встать и выключить сплит-систему, - сработали мозги. Я провел рукой по постели, не открывая глаз, и подумал, откуда у меня такое пушистое покрывало?

Тяжелая голова не желала отрываться от щекочущей подушки, а веки за ночь успели срастись.

Я с трудом поднял руку и прикоснулся к макушке, где сосредоточилась боль, перевесившая все остальные. Моя голова видоизменилась: на черепе правильной формы образовался нарост, притом мокнувший, о чем засвидетельствовала влага на пальцах. Я приоткрыл один глаз и сфокусировал односторонне зрение. Грязные когда-то ухоженные пальцы были окрашены в красный цвет. От визуального изучения я перешел к обонянию. Запах походил на запах железа с примесью соли, из чего я заключил, что это кровь. У меня не было сил пугаться, как не было сил удивляться. Хотя, было чему. Я лежал на животе среди берез и птичьего гомона, на который поначалу не обратил внимания. Солнце медленно ползло с северо-востока, и я догадался, что еще нет и шести часов. Я с трудом сел на живом зеленом ковре и полюбовался своей светлой сорочкой с травяными отпечатками и капельками крови. Темные брюки пострадали меньше. Я порадовался своей предсказуемости. Вчера перед походом в ресторан я оставил дома наручные часы, банковскую карту, прихватив лишь нужную сумму денег. Не совсем скромную, но допустимую для загула. Для ключей от квартиры у меня имелся тайник. В некотором отдалении от левого верхнего угла двери был сделан выступ. Задумка архитектора осталась для меня загадкой, но однажды я воспользовался выступом, как полкой. Находилась она на достаточной высоте, я с трудом дотягивался до нее, надеюсь, никому не придет в голову, что почти на видном месте может прятаться что-то ценное. Пользоваться услугами тайника мне приходилось всего несколько раз, когда я знал, что попойка выйдет из-под контроля. Дубликат ключей находился у мамы, но до нее надо было еще добраться, а затем долго выслушивать нравоучения.

Среди материальных потерь был мобильный телефон, некоторая сумма денежных знаков, оставшаяся от вчерашних посиделок, и одежда, не поддающаяся чистке. Среди физических страданий – боль в голове от вчерашнего переусердия и шишка на макушке, которую я заработал при ударе тупым предметом, возможно битой. Общение с представителями следственного комитета не прошло даром.

Денег мне было не жаль, я даже посочувствовал таксисту, который решился на преступление, а поживился крохами, телефон я давно хотел поменять. Дома в ящике комода лежал недавно приобретенный мобильник, старый - похищенный – доживал последние дни. Хорошо я успел перекинуть на засекреченную сим-карту все номера с украденной, иначе восстанавливать их было весьма сложно. За удар по крепкой черепушке я выражаю таксисту благодарность – вероятнее всего, мне это было необходимо. Спасибо и за то, что рассчитал свои силы и оставил в живых. Кроме матери на моей могиле мало кто проронит слезу, но и одного искренне любящего человека достаточно. Если ты кому-нибудь нужен, это уже хорошо.

Чувствовал я себя вполне сносно, несмотря на вчерашний перебор, утренний стресс и ноющую разбитую голову. Не знаю, как ощущают себя новорожденные, но уверен - они рады оказаться на воле и рады глотку сладкого воздуха. Как и я. Они приветствуют мир громким криком, я не буду придумывать ничего нового.

- А-а-а-а, - огласил я округу. Птицы мгновенно смолкли, удивившись непривычному вмешательству, а потом загомонили вновь.

Я поднялся на ноги, подставил лицо лучам солнца, проникающим сквозь листву деревьев, и вкусил летнее утро со всей ее прелестью.

- Красотища-то какая, - расчувствовался я, раскинул руки и обнял всех: щебечущих птиц, белоствольные березы, небо, солнце, трудяг-муравьев под ногами...

Вы видели когда-нибудь совершенно счастливого человека?! Посмотрите – он перед вами! В помятой грязной сорочке, с косматыми волосами с запекшейся кровью, с вывернутыми карманами, но всеобъемлюще счастлив.

Здесь, в этом отгороженном от всех людей мире!

Но я должен его покинуть. Я должен вернуться, чтобы начать жить заново. За этим углом или за другим, но жить иначе. Пока не знаю, каким я буду и смогу ли изменить себя? Но осознание необходимости пришло и это важно. Я буду делать осторожные шаги, и радоваться, как невинное дитя. Буду с восторгом изучать новый мир, а он будет изучать меня и давать советы. Я не буду отмахиваться, как прежде, я научусь слушать и слышать. И постараюсь освободиться от палки-подпорки, научусь выходить из сложных ситуаций самостоятельно, на своих двоих, без чьей-либо помощи. Или еще лучше – не стану примагничивать к себе проблемы.

Я двинулся навстречу новой жизни. Когда роща осталась позади, я увидел вдали здание стоматологической клиники «Грант» и не удивился, будто знал, что окажусь в месте, которое связывал с именем Юноны Шиндрик.

У меня появилась мысль зайти в «Грант», привести себя в порядок, позвонить Мартынову с просьбой заехать за мной. Но так я бы поступил вчера. Сегодня я другой человек. Поэтому потопал по шоссе, а когда услышал за спиной шелест шин, поднял руку. Пожилой мужчина на лихой шестерке не стал задавать лишних вопросов, всю дорогу рассказывал о внуках, а я внимательно слушал и улыбался. Вскоре мы были у моего дома. Я быстро поднялся на лифте на свой этаж, достал из тайника ключи, взял деньги и поехал вниз.

Вырулив из подъезда с купюрами в руках, я удивился, что водитель-пенсионер махнул мне на прощание рукой и двинулся со двора.

- А деньги? – крикнул я ему вдогонку.

Он высунул голову из окна и заявил.

- Мне деньги не нужны, я проверял твою честность...

Перед тем, как заняться приведением себя в божеский вид, я позвонил матери, рассказал о потере телефона и посоветовал запомнить новый номер, высветившийся у нее. Она по-доброму пожурила меня и пригласила на обед, пообещав сварить мой любимый борщ. С раной на голове я не мог появиться пред ее очами, поэтому пришлось соврать. Я напел про знакомую, которая хочет видеть меня в качестве грузчика, мать удивления не выказала, любое упоминание о женщине льет бальзам на ее раны...

Я проснулся около шести вечера, и сразу позвонил Мартынову, с которым была назначена встреча на восемь часов.

- Я тебе весь день звоню! – закудаhtал он. – Уже хотел домой к тебе ехать, да дела не пустили.

- У меня все нормально, только мобильник где-то посеял, - бравурным тоном поведал я, осторожно прикасаясь к разбитой макушке. – Еще башкой в ванне треснулся.

Новая жизнь была заполнена ложью, но меня сей факт не смущал. Для матери это успокоительное средство, для Потапа – начало моей отчужденности, как родной сестры самостоятельности.

- Вечно у тебя все ни слава богу, - пробурчал он. – Надеюсь, ты не ищешь причину увильнуть от разговора?

- Буду, как штык, ровно в двадцать часов в автосалоне.

- Жду! – бухнул он в трубку.

Мне показалось или он облегченно вздохнул? И что или кто будет ждать меня в автосалоне после окончания рабочего дня? Очередной труп? Чей на этот раз? Изошренность врага продолжала меня удивлять...

Будучи человеком пунктуальным, я не стал петлять по городу, желая оттянуть встречу с приятелем, которая преподнесет очередной сюрприз, и без двух минут восемь подъезжал к современному зданию автосалона «Audi». Мой автомобиль, завидел собратов, радостно газанул и робко замер неподалеку от входа. Я сразу увидел Мартынова, в одиночестве поджидающего меня.

Не хватало еще хлебного карава и солонки, подумал я. Сейчас подойду, а Потап с поклоном заявит: «Добро пожаловать, дорогой Нил Петрович, на встречу с третьим трупом. На это раз Вы не отвертитесь».

Мне вспомнились вчерашние девчонки – Катя и Люся - наивные и доверчивые до невозможности. Им врешь, а они принимают все за чистую монету. Имена я вспомнил, а лица стерлись из моей памяти, будто кто-то намеренно воспользовался специальным кодом для удаления ненужных сведений.

Честно признаться, я был огорошен этим открытием. Где вероятность, что я не знал Юнону Шиндрик? Или ту, в кинотеатре, в чьей сумочке обнаружили паспорт на имя Веселкиной Елизаветы Викторовны? И Потап намекал на это. Я же пуп земли, все остальные мелкие насекомые, к чему укладывать их в память?

Мартынов не двигался с места, не шел мне навстречу. Он гордо стоял у входа, сцепив руки за спиной. Я почувствовал напряжение. Предстоящий разговор не сулил ничего хорошего нам обоим. Я ощущал это, как ощущают на лице дуновение легкого ветерка.

Я выполз из автомобиля, оттягивая момент разговора. Как бы мне хотелось, чтобы специальный код удалил не только лица девушек, с которыми меня соединяла и разводила жизнь, но и отрицательный негатив по отношению к Потапу, которым я себя перезагрузил.

Но чутье подсказывало – мой друг руководил всеми событиями и пытался их посредством мне что-то доказать.

Я автоматически щелкнул брелоком, «Audi» откликнулась, я не успел развернуться, как услышал громкий хлопок. Мне показалось, что лопнул воздушный шар. Но почему тогда Мартынов лежит на гладкой тротуарной плитке, а на его белой сорочке расплывается красное пятно, увеличиваясь все больше и больше?

Я стоял, как истукан, и непонимающе пялился на распластавшееся тело, походившее на поломанную куклу, которую выбросили за ненадобностью и в довершении полили красной краской, чтобы на нее никто не позарился. Из салона выбежал охранник, поозирался по сторонам, выискивая стрелку, потом склонился над директором, пощупал сонную артерию, радостно вскрикнул «Жив!» и стал звонить по телефону, не сводя с живого тела глаз, словно оно могло вскочить и смыться.

Чужие действия заставили меня сдвинуться с места, где я успел пустить корни. Я, наконец, смог прийти в себя и подбежать к другу.

Потап лежал с закрытыми глазами, одна рука покоилась на груди, прикрывая рану, другая была откинута в сторону, и все вместе походило на залихватский танец, который Мартынов решил исполнить в лежачем положении. Если бы не клякса на груди. Его рубашка была промокашкой, впитывающей красные чернила. По мере расплывания пятна с лица Потапа стирались все краски, оставляя одну – мрачно-серую. Я присел рядом, до боли закусив губу, чтобы не завывать от отчаяния.

Надо попытаться остановить кровь, - родилась мысль в моей голове и помогла взбодриться: еще не все потеряно? Надо действовать!

Я быстро стянул с себя рубашку, скомкал ее и прижал к ране. Рядом метался охранник.

- Сейчас приедут, - доложил он мне и отошел в сторону. То ли не мог видеть чужие страдания, то ли пошел встречать машину скорой помощи.

- Потапыч, держись! – пробормотал я. – Держись, дружище! Сейчас приедет неотложка, только потерпи немного. Совсем чуть-чуть. Ты сильный... Ты всегда был сильным... Ты... не можешь ... взять и умереть.

Вдали раздалась сирена скорой помощи. Она быстро приближалась. Вскоре засвистели тормоза, вокруг Мартынова засуетились люди, отодвинув меня в сторону.

- Быстро грузите на носилки! – скомандовал молодой врач.

- Есть надежда, доктор? – заискивающе спросил я, словно от моего почтения зависела жизнь друга.

- Огнестрельное ранение грудной клетки, - сказал он, поставив меня в тупик.

Это звучит, как приговор, или пространное заявление обнадеживает?

Я влез в салон машины скорой помощи вслед за носилками. Водитель включил сирену, и автомобиль сорвался с места. Всю дорогу я не сводил взгляда с лица Потапа. Один раз мне показалось, что его веки задрожали, я придвинулся к нему вплотную. Я ждал, что сейчас он откроет глаза, улыбнется своей заразительной улыбкой, подмигнет и скажет: «Все нормально, друг, все нормально!»

Но он не открыл глаза, судя по быстрым, но несуматошным, действиям врача, состояние больного ухудшалось. Меня очередной раз отодвинули, я забился в угол, и закрыл глаза.

Я пытался молиться, но у меня не складывались нужные слова. Я только мысленно твердил, как заговоренный: Это сон, сейчас я проснусь, позвоню Потапу, и мы вместе посмеемся... Это не может быть правдой... Потому что не может быть...

В больнице нас ждали, бледного бесчувственного Мартынова повезли на каталке, некоторое время я следовал за ним, потом перед моим носом закрыли очередную дверь.

Я поднял глаза и прочел – операционная.

Операционная! Как здорово! Значит, есть надежда!

Я сел на холодную кожаную скамью, вставал, мерил ногами длинный коридор. Снова сел, снова вставал, неотрывно следя за часами, висевшими над входом в операционную.

Я кутался в белый халат, меня бил озноб. Рядом выросла медсестра и протянула мне белую футболку. Я поблагодарил ее кивком головы, автоматически натянул на себя футболку и закутался в халат, как в бурку.

Сегодня я уже ничему не удивлялся. Как не удивился приходу Проскурина.

- Как он? – прошептал Иван Иванович.

- Идет операция. – голос не слушался меня. Слова вырывались с трудом.

- Как это произошло?

- Я ничего не понял. Сначала был хлопок, затем Потап упал... И пожалуйста, не надо вопросов.

Мы опустили на скамью и стали сверлить взглядом дверь операционной.

Когда она распахнулась, мое сердце спружинило вниз, оттолкнулось и рвануло вверх, замерев в горле.

Доктор не смотрел в мою сторону. На несколько секунд он успел коснуться взглядом всех и вся, кроме меня. Я был для него табу. Он приближался ко мне, а я чувствовал, как расплываюсь по холодному сиденью скамьи. Я больше не существовал, от меня осталась лужа слез.

Я знал, что услышу сию минуту. Обычная сухая фраза, за которой пустота.

- Мы сделали все, что могли...

Я все слышал, но ничего не понимал, будто со мной говорили на незнакомом наречии. Про какие соболезнования говорит хирург? Почему Проскурин положил свою горячую

ладонь на мое плечо и успокаивающе похлопывает, приговаривая: «Держись»? За кого держаться? Если друга больше нет.

Чей-то голос произнес:

- Я могу его увидеть? – я не сразу догадался, что это я прошу. Молю, требую, взываю.

- Ну, если Вы в силах...

Доктор завел меня в операционную, в которой разом погасло яркое освещение, оставив лишь тусклую лампу над входом.

Это все. Потапу не нужен свет.

Он лежал накрытый белой простыней. Очертания головы, носа, груди отчетливо вырисовывались под тканью. И ноги. Босые ноги с длинными головастыми пальцами. Ноги меня поразили больше всего. Они добились меня и поставили точку. Теперь я точно знал, что Потапа нет. Я сжал пальцами нос, в котором царапались полчища насекомых. Я перекрыл им кислород, чтобы они перестали изводить меня своим противным свербением. Я старался, как мог, справиться с водяным потоком, подступающим к глазам. Но со слезами, идущими от сердца, замершего в горле, не совладаешь. Я смахивал их ладонями, а они все бежали и бежали по лицу, накопившись за много лет.

Медсестра протянула мне стакан с водой, я сделал глоток, но он натолкнулся на рыдающее сердце и застопорился.

- Дайте ему успокоительное, - сказал доктор.

Девушка сунула мне в руку стакан с чем-то резко пахнущим, я опрокинул лекарство в себя и почувствовал, как оно настойчиво прокладывает путь по гортани. Я вздохнул полной грудью, голова закружилась, я пошатнулся и успел ухватиться за руку хирурга. Он подвел меня к стулу, который поставила заботливая медсестра.

Я сел рядом с лежащим Потапом.

- Оставим его одного, - тихо произнес врач.

Почему, одного? – подумал я. – Я не один, я с другом.

Слово «друг» резануло меня не хуже ножа, рукоятка которого глубоко вошла в грудь.

- Но как же это?.. Почему я есть, а тебя больше нет?.. И как мне жить дальше с таким грузом? Вина за твою смерть лежит на мне?.. Ты третья жертва этой сволочи! Я ни-че-го не могу изменить. Если бы была хоть маленькая надежда на твоё спасение, я сотворил бы невозможное. Чудо. В жизни иногда случаются чудеса. Помнишь, ты уверял меня в этом, когда мне было очень плохо... В последнее время ты твердил, что я неправильно живу, а я злился. Думал, откуда ты знаешь, как правильно, а как нет? Но со стороны виднее, я, действительно, катился в пропасть, а думал, что двигаюсь к вершине. Шел по головам, переступал через людей, а ты одергивал, уговаривал остановиться, задуматься... Я во всем виню только себя! Это раньше я сбрасывал вину за свои поступки на кого угодно. Теперь вина, как злокачественная опухоль, будет сидеть внутри и напоминать о себе постоянной ноющей болью. Опухоль невозможно удалить, она неоперабельна. С годами будет только расти и сильнее мучить меня... Потапыч, возможно это прозвучит поздно, но я хочу попросить у тебя прощение. Пока твоя душа еще здесь, пока ты слышишь меня. Прости меня за все. Если сможешь. Звучит кощунственно. Человека убили по твоей вине, а ты извиняешься... Сколько людей незаслуженно пострадали из-за меня: Ты, Юнона, Лиза. Кто следующий? Надо остановить этого убийцу единственным доступным мне способом. Может, он, именно, этого и добивался? Не хотел марать об меня руки?.. Что ж, я готов! Сейчас поеду домой, открою окно и сделаю шаг. Не думай, я найду в себе силы прервать череду этих преступлений.

У меня отлегло от сердца. Я видел выход, мерцающий слабым светом где-то впереди, и это меня взбодрило.

- Скоро встретимся, дружище! Ты даже не догадываешься, как скоро! – я поднялся со стула и дотронулся до тела, не успевшего остыть.

- Это ты не догадываешься, как скоро мы пожмем друг другу руки и обнимемся, - раздался бодрый голос из-под белой простыни.

Тут же покрывало театрально откинулось, и мне явилась улыбающаяся физиономия приятеля. Он уселся на операционном столе и стал покачать босыми ногами. Я отпрянул, уперся в стоящий сзади стул, он поехал вместе со мной, но в последнюю минуту я привоздил его к полу своей пятой точкой. Стул заходил подо мной, я широко расставил ноги, чтобы не упасть, хотя, мне хотелось подтянуть ноги к груди, обхватить их руками, прикрываясь, как защитным щитом. В довершении я ожесточенно потряс головой, будто хотел убедиться в своей вменяемости. Галлюцинация не ушла, она продолжала сидеть на столе, оценивая мое состояние. Теперь ноги ожившего Мартынова свернулись руликом, но продолжали качаться взад-вперед. Я уперся взглядом в его совершенно чистую грудь, без разрезов и повреждений, и задал уместный вопрос.

- Ты... жив?

- Живее всех живых! И счастлив, что жесткие методы моего перевоспитания дали такие поразительные результаты!

- Не понял, - протянул я с назревающей угрозой в голосе.

- А что здесь непонятного?! Тебя надо было лечить и как можно скорее, пока болезнь не перешла в завершающую стадию, и ты не превратился в морального инвалида. Чарльз Дарвин утверждал: «Подобно тому, как бывает болезнь тела, также бывает болезнь образа жизни».

- Это чем же тебе не нравился мой образ жизни? – я медленно закипал, как чайник на едва тлеющем огне. Я обязан выслушать приятеля до конца и понять, почему он решил изменить мой образ жизни, применяя садистские методы?

- Всем! Цинизмом, безразличием, безрадостностью! Откуда у тебя столько комплексов? Откуда ненависть к женщинам? Почему ты мстил им, причем всем подряд? Изощренно и жестоко! Делал вид, что плывешь по жизни легко и свободно, а сам страдал от однообразия, подавлял в себе робкие ростки чувств, отгораживался от всех каменной стеной, изредка допуская к себе мать и меня. Жил по принципу: Броня крепка и кони наши быстры. Меня никаким современным вооружением не пробьешь, не то, что любовью! И сделал дело, вскочил в седло и был таков! При этом можешь позабыть махнуть на прощание рукой. Попрыгунчик – стрекозел! Вот ты кто! Порхал – порхал, да позабыл, что зима не за горами.

- На себя посмотри! – рявкнул я, едва сдерживаясь, чтобы не врезать Мартынову по зубам.

- Вот - вот, ты даже ударить меня боишься! Я ведь не сдержусь – отвечу, нанесу тебе не так физическую, как моральную боль. Начнешь перемалывать в голове ситуацию: а как надо было поступить, а почему так не сделал? Одним словом, уваливаешь от проблемы, а удовлетворения от этого не испытываешь... И почему ты все время перескакиваешь на меня? Ты знаешь, что творится у меня в душе? Догадываешься о моих планах на будущее?.. В курсе, что я люблю, чем увлекаюсь, что читаю?.. А зачем тебе чужая жизнь, чужие проблемы? Вдруг ты спросишь, вдруг тебе пожалуются, вдруг попросят о помощи? Меньше знаешь, лучше спишь?.. И еще... Меня бесило это твое увлечение мистикой. Блок вселился в тебя, как бес. Я сначала подумал, что ты ищешь себе Любовь Менделееву. Думаю, пусть поедет в это Шахматово, проветрит мозги, вернется другим человеком, но нет... Болезнь только усугубилась.

- И поэтому ты затеял эту игру по... моему перевоспитанию? Голливудских фильмов насмотрелся?

- Ненавижу, когда нашу страну американизируют. Их фильмы не смотрю, предпочитаю отечественные со смыслом.

- Допустим, идея была твоя, но кто натолкнул тебя на мысль, окружить меня трупами?

- Совместная разработка с Проскуриным и одним частным детективом, который по совместительству сыграл роль командировочного из Крыма.

- Значит, Проскурин не следователь, он актер?
- Самый настоящий следователь... Ты все время спрашивал, почему все заварилось еще осенью, когда кавалер Юноны Шиндрик назвался твоим именем? Помелькал и исчез. Но всему виной стала проблема со здоровьем Иван Ивановича – ключевой фигуры, которого сначала услали в длительную командировку, откуда он вернулся с загипсованной рукой. Пришлось все сдвинуть до его выздоровления. Других знакомых следователей следственного комитета у меня не было. И не хотелось втягивать еще одного человека, посвящать его в операцию.
- Значит, в вашу шайку вошли Проскурин, капитан Трубкин, еще парочка сотрудников полиции, Юнона Шиндрик... Кстати, это ты отправил ее отдыхать?
- Откуда ты знаешь? – удивленно протянул Потап.
- В ее родной деревне доложили. Я думал, что от матери скрыли трагедию, произошедшую с ее дочерью, а оно вот в чем дело...
- Когда операция возобновилась, я позвонил Юноне, она быстро согласилась...
- Небось, на вознаграждение клюнула? Недаром, обновок себе прикупила.
- Это тебе Карякина наболтала?
- А чего же ты ее не предупредил, что мне можно говорить, а что надо скрыть.
- Лена Карякина не была посвящена в наши дела. Я тебе еще раз говорю, чем меньше посвященных, тем выше вероятность достижения цели... А ты пытался распутать клубок преступлений самостоятельно? – заинтересовался Мартынов. В его глазах промелькнуло уважение. – Ловко ты ушел из-под наблюдения детектива, он в своем деле мастер высшего класса.
- Недаром я все время чувствовал на своем затылке чей-то сверлящий взгляд, - поникшим голосом заявил я и ушел от ответа на вопрос. Если бы мое расследование дало положительные результаты, то можно было бахвалиться и гнуть пальцы, а так... Не хочется услышать еще одно неприятное мнение о себе, как о человеке, лишенном целеустремленности. Пытался разобраться в ситуации, но уперся в стену и ретировался. Но любопытство жгло мои внутренности. Мне хотелось узнать, кем на самом деле была Лиза Веселкина? – Немало денег ты потерял на этом деле, - покачал я головой. – Не думаю, что люди работали «за интерес». Тем более в одном лице выступало два человека, пришлось заплатить два гонорара.
- Мартынов взглянул на меня с хитрецей.
- Ну-ну, - хмыкнул Потап. – Успел посетить края далекие, знакомые, - на распев произнес он, принимая на себя роль сказочника – рассказчика. – Мы специально искали жительницу Светлогорска, чтобы запутать тебя. Нашли Елизавету Викторовну Веселкину, мать взрослого дитяти, уставшую от жизненных проблем, и не растерявшую доверие к людям. Отправили ее на всякий случай в санаторий. Подальше от родного дома.
- Сварганили липовые документы и вручили их еще одному участнику. – подсказал я.
- Мы изготовлением фальшивых документов не занимаемся. Проскурин держал в руках настоящие документы якобы отравленной девушки, а зачитывал тебе данные настоящей Елизаветы Веселкиной. Когда наша операция...
- Что за дурацкое слово – операция, - перебил его я, скривившись, будто хлебнул уксус, – прямо плановая войсковая операция наземного характера с привлечением незначительных сил и значительных материальных средств.
- Не войсковая, а хирургическая. Мы пытались тебе один орган вживить. Сердцем называется, ранее у тебя его не было. Что касается материального обеспечения, так я создал фонд. Особо не распространяясь, я рассказал друзьям о серьезном недуге, который у тебя нашли при обследовании. Прогноз неутешительный, но надежда есть. Никто не отказался поучаствовать. Но я предупредил, чтобы ободряющей поддержкой тебя не донимали. Когда все будет позади, ты сам выразишь им благодарность.
- Потап, ты... совсем обалдел?! – взвыл я. – Что обо мне люди подумают?

- Подумают, что ты волевой человек, способный победить болезнь! Я был уверен в благоприятном исходе... операции! – сказал он с радостной улыбкой, едва споткнувшись на нелюбимом мною слове. – А что касается девушки из кинотеатра «Чайка», то я скоро тебя с ней познакомлю. Это моя невеста Анечка Самойлова, она актриса, служит в местном драматическом театре. Правда, она великолепно исполнила свою роль?

- У тебя все участники великолепные артисты. Впрочем, как и ты, - процедил я.

Поднялся со стула, перевел взгляд на темный оконный проем, вернулся к Мартынову и... со всей силы врезал ему в челюсть.

- Молодец, - скривился он, прикладывая ладонь к ушибленному месту и потряхивая головой. – Что и требовалось доказать! Операция по вживлению недостающего органа успешно завершена! Только я понес урон в виде шатающегося зуба. Придется тебе, брателло, записать меня на прием.

- Приходи, приходи, - с угрозой в голосе заявил я, - я тебе остальные выбью.

Не оборачиваясь, я двинулся к двери...

Когда человеку очень плохо, он возвращается на то место, где ему было очень хорошо. Хорошо и спокойно.

В который раз за последнее время я встречаю рассвет. Небо просветлело в том момент, когда я проезжал указатель на деревню Аляповка. Я хотел свернуть, чтобы поболтать со знакомым пастухом, дети которого не разрешили ему жениться на Катерине Шиндрик. Но передумал: разговаривать ни с кем не хотелось.

Я должен подумать. Все взвесить и найти оправдания Мартынову. Хотя, сволочь он первостатейная. И методы перевоспитания у него эсесовские.

Операция без наркоза. Режь по живому, здоровей будет...

Я повел автомобиль к пруду. Над водой стояла предрассветная дымка. Она подобно одеялу заботливо накрыла пруд.

А Потап накрыл меня тазом проблем. Стукнул по голове, голова сначала закружилась, я упал, потом с трудом поднялся и начал анализировать. Переосмысливать создавшуюся ситуацию, свою жизнь, свое отношение к женщинам. Будил в себе чувство, которое однажды возникло в глубине души, когда мимо прошло видение. Или я снова впал в мистику?..

А может быть, это была обычная девушка, превратившаяся в неземное существо благодаря всплывшей во мне любви. Я ее обожествил...

Я подвергся серьезным испытаниям в последнее время, особенно в эту ночь, которая была затянуто-длинной и искрометно-короткой. Прогулявшись вдоль берега, я понял, что окончательно выбился из сил.

Я нашел в багажнике старое одеяло, накинул его на себя и опустился на землю возле клена. Его ствол стал моей опорой. Я любовался тяжелым красным кругом, выползающим из горизонта, чувствовал, как напряженное тело расслабляется, и понимал, что жизнь за углом гораздо интереснее. Глаза начали слипаться, я не стал бороться со сном. Солнце продолжало свой подъем, ласкало меня своими теплыми лучами и убаюкивало...

Меня разбудил громкий хлопок. Не раскрывая глаз, я вернулся во вчерашний вечер. После подобного хлопка Мартынов оказался на асфальте с красной краской на груди, которая струилась из пузыря с бычьей кровью, спрятанного под рубашку. Какую сложную работу провел Потап?! Просто диву даешься, как умело все спланировал, срежиссировал, пусть при помощи Проскурина и лысого частного детектива, засветившегося рядом с кинотеатром «Чайка», выходя из машины Мартынова.

Всех случайностей не просчитаешь и не учтешь...

Рванный сон медленно сменялся полуявью благодаря новому запаху. К природной головокружительной неповторимости примешался легкий аромат женской изысканности.

Я приоткрыл глаза, боясь спугнуть надежду.

Сначала я увидел небольшой игрушечный автомобильчик, а потом... свое неповторимое видение. Оно плыло над землей навстречу солнцу, которое успело сдернуть с пруда покрывало и потянуть за собой. Дневное светило тянулось к зениту, особо не торопясь.

Видение дошло до воды, сбросило обувь и, не раздеваясь, вошло в воду по щиколотку, не сбавляя темпа, до колен. Вот вода добралась до талии.

Я поднялся и двинулся вслед за видением, удивляясь, почему оно не парит над водой?..

Новелла 2. «Женщина»

Встречаются, чтоб разлучаться...

Влюбляются, чтоб разлюбить...

Мне хочется расхохотаться,

И разрыдаться и не жить.

/ Игорь Северянин /

Не знаю, как у вас, а у меня жизнь – зебра, причем цвета не меняются. Цвет изменился один раз, когда мне было двадцать лет. До этого возраста я шла по белой полосе, потом жизнь перескочила на черную полосу, повернула на девяносто градусов и потекла по руслу неудач.

Одинокая женщина заводит кота и навсегда остается одинокой. Я живу надеждой на встречу с настоящим мужчиной. Ненастоящие у меня уже были. Не мужчины, а предатели и злодеи.

Начну с предателя...

Как я говорила, до двадцати лет я была счастливым человеком, невзирая на четверку в школе по физкультуре. По всем остальным предметам я имела твердые пятерки. И не потому, что мой папочка был народным артистом России и обладателем разных премий и наград, я обладаю незаурядным умом, который не применяю в быту. Как все заумные люди, я в быту теряюсь и глупею. И совершенно не разбираюсь в людях. К тому же доверчивая до ужаса.

Когда мои родители возвращались с гастролей, то не ехали напрямик в Москву, где у них была квартира и работа, а делали крюк, чтобы увидеться с любимой дочерью, воспитанием которой занималась бабушка, мать моей мамы. Отец не единожды настаивал на нашем переезде в столицу, но бабушка упиралась. Она не разнообразила свою речь, приводила один и тот же довод, но он казался настолько убедительным, что родители откладывали уговоры до следующего визита. Пожилая женщина твердо заявляла:

- Девочка должна воспитываться вдали от славы отца, которая к ней не имеет никакого отношения. Ксана должна расти в обычной среде, а когда ее психика окрепнет, мы переберемся в Москву.

Я никогда не чувствовала себя ущемленной в родительской заботе и любви. Они не откупались от меня подарками, хотя, разным добром заваливали в неограниченном количестве. Мать или отец звонили каждый день. И не для галочки, а вели допрос с пристрастием. Что поела, чем занята, как успехи, с кем дружит? Требовали характеристику на друзей, поэтому бабушка не расслаблялась. Я всегда удивлялась ее энергии, замешанной на фантастической любви ко мне и к своей дочери. С моей мамы бабуля в ответ требовала подробный отчет прожитого дня. В связи с чем, телефонные переговоры занимали значительную часть суток.

Снабженные нужной информацией родители приезжали к нам и сразу переходили к доброму воспитательному процессу с ноткой извинения. Пожалуй, сначала они тискали меня, любовались мною, удивлялись скоротечности жизни, а уж потом пытались всадить

в мою голову житейскую мудрость. Мудрость мудростью, а сердцу не прикажешь. Еще в пятом классе я влюбилась в «неблагополучного» одноклассника: отца нет, мать работает уборщицей. У нас каждый труд в почете, не в почете злоупотребляющие спиртными напитками работники, которых выгоняют с одного места и принимают на другое в виду нехватки низко квалифицированных кадров. Такой была мать Петьки Демидова, моего одноклассника. По настоянию бабушки меня отдали в обычную школу, которая была ближе всех к дому.

- Ребенок должен познать жизнь! Окружающая среда должна быть разнообразной, чтобы ребенок научился отделять плохое от хорошего!

Девочек из хороших семей всегда тянет к мальчикам-хулиганам и двоечникам. Противоположные заряды, как известно, притягиваются. Я тянулась к Петьке, а Петька к диковинным подаркам, которые переходили из моих рук в его руки. Презенты, естественно, привозил отец из дальних стран. А я – добрая душа – подкупала ими одноклассника. Разжигала интерес.

Перед выпуском из школы родители всерьез обеспокоились нашей крепкой дружбой. Отец называл наш союз мезальянсом, и постоянно, когда был дома, читал мораль своим неповторимым басом-кантанто. Все заканчивалось одинаково – он сбивался на воспоминания, с восторгом рассказывал о Шаляпине, о своих любимых партиях – арии Кочубея в опере «Мазепа» и арии Фигаро в «Свадьбе Фигаро» Моцарта. И с грустью добавлял при этом: «Ах, молодость!» И театрально покачивал седовласой головой.

Надо сказать, что отцу в ту пору шел шестой десяток. Я была поздним ребенком, а разница в возрасте у родителей составляла пятнадцать лет.

Меня не пугали нотации, я с упоением слушала яркий голос отца, мало вникая в смысл. В уме вертелось выражение: его рабочий диапазон до соль первой октавы. Так утверждала мать, сама превосходная пианистка, и закатывала при этом глаза. Мне эта фраза ничего не говорила, но я умело вставляла ее, когда меня просили рассказать об отце на классных часах. Хорошая память позволяла мне повторять слово в слово рассказы папы об известных оперных певцах, сохраняя легкость изложения. Получалось, что я сама тесно общаюсь с гениями, и все выходные заняты перелетом в разные точки мира, где эти знаменитости в данный момент концертируют. Все было направлено на симпатичного одноклассника, который переставал задевать девчонок и слушал мою доходчиво-хвастливую речь.

У творческих людей с выдающимся слухом, не побоюсь громкого слова – гениальных, увы, родился ребенок, который без фальши не споет «В лесу родилась елочка». В пять лет меня отдали в музыкальную школу. Никаких особых способностей я не показывала в течение двух лет, как со мной не бились, желая угодить известному басу. Отец забрал меня из школы и нанял домашнего преподавателя, который издевался надо мной еще год. Или я над ним. Потом старенький профессор не выдержал и сообщил отцу трагическую новость – его дочь не имеет слуха и ей никогда не достигнуть славы родителя. И развить слух не представляется возможным. Сказал и поставил в разговоре точку, стукнув об пол палочкой. Бабушка, уставшая от брэнчания на клавишах одно и той же мелодии, окончание которой ей не удалось услышать, решительно поддержала предложение преподавателя оставить меня в покое.

- С годами у девочки обязательно выявится талант, возможно в другой сфере!

Он выявился, еще в первом классе, но на него никто не обратил внимания, кроме моей первой учительницы, не перестававшей твердить на всех родительских собраниях, что Ксана Загадочная, дочь известного баса Андрея Загадочного, будет второй Софьей Ковалевской. Отец так же знал Софью Ковалевскую, как я разницу между высоким басом – «басом – кантанто» и низким басом – «басом – профундо». Бас, он и есть бас – низкий голос. А профессиональные нюансы мне не ни к чему.

Нечастый гость в нашем городе – Андрей Загадочный – считал своим долгом при случае посетить родительское собрание, чтобы побыть в простой среде и «разобраться в ситуации». Что он подразумевал под ситуацией, мне до сих пор не понятно. Может, хотел увидеть родителей учеников обычной рядовой школы? Если увиденное его не обрадует, то у него появится довод против тещи: он настаивает на переезде в Москву. Но более вероятное предположение, что отец, как все талантливые люди, обожал подтверждение своей гениальности: восторженное внимание, шепот за спиной, раздача автографов – все это необходимо артисту, как воздух.

Поначалу гений оперного пения кривился при восторженных речах учительницы в мой адрес и недовольно барабанил по столу ухоженными пальцами. Но когда я покинула дружные ряды начинающих дарований, он пересмотрел свои взгляды. У известного отца должна быть известная дочь, пусть в другой области. Меня хотели отдать в школу при университете и даже задумались о взятии повышенных обязательств – закончить экстерном школу, охватывая за один учебный год сразу два или три, намекали, что в столице больше возможностей для реализации собственных амбиций, но я наотрез отказалась. Амбиции во мне спали, а любовь пробудилась давно. Естественно, причина была в Петьке Демидове, который, наконец, стал замечать во мне симпатичную девочку, а не источник заморских товаров. Симпатичной меня назовешь с натяжкой, хотя, бабушка уверяла, что я красавица. Но для любого родителя или прародителя его чадо самое необыкновенное на земле. Главное – не забывать уверять его в этом, тогда и комплексы зачахнут в начале развития. Будучи незакомплексованной и умной, я понимала, что мои шансы среди первых красавиц школы невелики, но брала изысканным вкусом, доставшимся мне от матери. Ведь, что-то дочь должна была перенять от красивых и талантливых родителей?! Заграничные одежды не просто надевала на себя без разбора, но умело сочетала их, добавляя изюминку в виде изысканной бижутерии, подходящей моему подростковому возрасту. Никогда не присоединялась к массовым увлечениям черным лаком и окрашенным в смоляной цвет волосам. В то время довершали образ современной молодой девушки, больше похожей на гота, черные одежды и темные губы. Забыла – еще девочки носили черные гетры, закрывающие колени. Одним светлым пятном – была часть ноги между юбкой и высокими гольфами.

Не скажу, что я была ярким пятном на общем фоне, но при своем невысоком росте и угловатой фигуре, которую можно назвать набором костей, выглядела с толикой эффектной изысканности, чем прибавляла к своему возрасту пару годков. Или может быть, на моем лице было больше ума и взрослой целеустремленности? И в этом все дело.

Одноклассники не считали меня белой вороной, не дразнили, не презирали, но и в друзья мне не навязывались. То ли благодаря известности отца, то ли дружбе с Петей Демидовым, который к выпускному классу был на две головы выше меня и отличался развитой мускулатурой благодаря занятиям современным пятиборьем, причем достиг в спорте определенных успехов на местном уровне, компенсируя ими низкую успеваемость.

После окончания школы я поступила в университет на математический факультет, а Демидов пошел служить в Армию, в десантные войска. Петр писал мне трогательные письма, чем приводил меня в умиление и недоумение одновременно: мой приятель не отличался красноречием, наоборот, был косноязычным, но знал за собой этот грешок и не пытался вступать в дискуссии и высказывать собственное мнение. Больше отмалчивался, но не вздыхал и не зевал, выслушивая чужие споры, погружался в себя, но делал вид, что присутствует при разговоре, пусть и сидячим истуканом.

Потом я догадалась – письма Петьки это чей-то шаблон. Нашелся один умный на всю роту, все дружно содрали у него письмо к девушке, заменив обращение. Но все равно мне было приятно несколько раз пробежать глазами по пляшущим буквам и трепетать от последних слов: люблю, скучаю, жду встречи, твой Петр...

Жизнь виделась мне длинной дорогой, вымощенной светлой плиткой, конца края которой не было видно. Рядом всегда будут любимые и любящие родители, дорогая бабуля и Петька. Я доставала фотографию широкоплечего парня в форме десантника и в лихо сдвинутом на бок синем берете, и считала дни до его возвращения.

Я ступила на черную черту, когда до наступления полного счастья оставалось около недели.

Мои родители отправились в отпуск. Они звали меня с собой, но у меня была сессия... Иначе я бы погибла вместе с ними. Их самолет упал в океан. Об этом мы узнали из новостей по радио, когда завтракали. Бабушка замерла с вилкой в руках, потом ее рот перекосило, и она упала без чувств. Через пять дней ее не стало. Она так и не пришла в себя. Все дни я просидела у ее постели, держала за прозрачную руку и молила бога, чтобы он оставил на земле мою любимую бабулечку.

Бог не услышал. Или решил подвергнуть меня испытаниям: слишком легко я шагала по жизни до сей поры.

Я не удивилась, когда на похоронах появился Демидов. Я знала, что он должен скоро демобилизоваться. В этом была скрыта причина моего отказа на просьбу родителей. Сессию я сдала досрочно, но делала вид, что хожу на консультации, на экзамены.

Я тогда решила, что Петька меня спас, но после мою голову посетила крамольная мысль – а не лучше ли было умереть вместе с родными и остаться на дне океана?..

Демидов поселился у меня, возвращаться в убогую каморку матери он не захотел. Сначала ночевал в гостевой комнате, затем незаметно перекочевал в мою спальню. Мне было все безразлично. Я не жила, я существовала. Моя оболочка ходила на занятия, готовила безвкусный обед, занималась любовью с мужчиной мечты, иногда смеялась, чаще плакала. Петр терпеливо выносил мои перепады настроения. Незаметно он стал хозяином в доме. Ключ от сейфа стал его собственностью, а я в сокровищницу бабули даже не заглядывала. Мне было все равно, есть там деньги, нет ли: родителей и бабушку не вернешь даже за все золото мира. Отец беспокоился, чтобы его единственный ребенок ни в чем не нуждался, поэтому ссужал нам ежемесячно немалую сумму денег, но бабушка не баловала ни себя, ни меня, держала в узде мои желания, и я привыкла довольствоваться малым.

Друг и адвокат отца – Семен Яковлевич Зильберг часто приезжал с контрольным визитом из Москвы и пытался встряхнуть меня, открыть глаза, но я лишь улыбалась в ответ. Одно успокаивало заботливого мужчину, что согласно завещанию моего родителя я не могу пользоваться вкладами в банках без разрешения дяди Сени, пока не достигну двадцати пяти лет. Отец считал, что к этому возрасту я приобрету жизненный опыт.

По моему настоянию Зильберг продал шикарную квартиру в Москве, как не пытался отговорить меня от этого шага, а деньги положил на мой счет в нашем городе. На него не распространялось повеление отца. Я тут же написала доверенность на имя своего мужа. К тому времени мы с Петей успели зарегистрировать наши отношения.

Муж был нежен и заботлив со мной. На его нежелание устроиться на работу я смотрела сквозь пальцы. Денег нам хватало.

Любые накопления имеют ужасное свойство заканчиваться, если они не лежат на депозите и не приносят постоянный дополнительный доход. А если все время брать из кубышки и ничего не класть в нее, но в один день ты сунешь туда руку, а там пусто.

Так случилось с нами. Огромная сумма, вырученная с продажи квартиры, испарилась за полгода. Сейф, спрятанный за картиной, был пуст. В нем не было коробки с украшениями матери, которую дядя Сеня привез мне после смерти родителей. Весь антиквариат, находившийся в московской квартире, отец еще при жизни завещал одному известному музею.

И тут я очнулась. Драгоценности матери мне были дороги, как память. Я произнесла длинный обличительный монолог, упомянула постоянные загулы и ночные попойки и указала мужу - тунеядцу на дверь.

Он пытался мне что-то доказать, потом взорвался, обозвал меня математической мымрой и ушел, хлопнув дверью.

Его скитания заняли три дня. Потом он явился, осторожно поскребся ключом в замочной скважине, я вышла в прихожую, воинственно уперев кулаки в тонкую талию, желая дать отпор мужу и заявить о грядущем разводе.

Сначала в щели появилась рука с роскошным букетом желтых тюльпанов и фиолетовых ирисов, а затем убитая горем физиономия Петра. Мое любящее сердце забыло об обиде...

В университете у меня была подруга – Регина Хомякова, девушка недурной внешности, но общее впечатление портил бегающий взгляд. Создавался эффект постоянного поиска чужого «плохолежащего» имущества, способного перекочевать в карман Хомяковой. Но Регина была честной девушкой, но затравленной, поэтому все время выискивала глазами опасность, чтобы вовремя среагировать. Причина крылась в отчине, изводившем девочку с малых лет. Когда Регина училась в старших классах, допившийся до цирроза печени мужчина умер, развязав руки жене и падчерице.

Не могу понять, как мать может терпеть издевательства над своим ребенком?! Но мать Регины не только терпела, но еще и подзуживала подвыпившего муженька, требуя провести воспитательную работу с дочерью, получившую четверку. Удивительно, но в этой «веселой» обстановке Регинка умудрялась быть круглой отличницей, что мать считала собственной заслугой (хоть, чем-то она могла похвалиться перед подругами). Отчим вмиг отзывался на жалобу и бил девчонку всем, что под руку попадало. После его смерти Регина облегченно вздохнула, но тут новая напасть – мать пошла по стопам пьяницы-мужа, и за несколько месяцев «дошла до ручки». С работы ее выгнали, на другую брать отказывались – на челе женщины лежала печать непроходимой алкоголички. Дочь училась в выпускном классе, мечтала о поступлении в университет, ходила на подготовительные курсы и успевала подрабатывать репетитором у соседских детей, родители которых проводили больше времени на работе, чем дома. Эта подработка была единственным доходом Хомяковых.

Перед самыми выпускными экзаменами, мать Регины сбил автомобиль. Она несколько дней пролежала без сознания, а потом умерла. Несмотря на все обиды, дочь достойно проводила ее в последний путь и долго плакала на могиле. Затем вытерла слезы и пошла к намеченной цели без внешних помех. Без протекций сдала единственный нужный экзамен на пятерку и была зачислена на математический факультет.

Моя бабушка не любила Регину, она утверждала, что от этой девочки можно ждать удара в спину. Я не представляла, как худосочная тихоня Хомякова с руками-веточками может нанести иносказательное физическое оскорбление, но бабуле не перечила: раз она призывает порвать отношения с Региной, то буду дружить с ней тайно. Ограничу наше общение стенами универа.

С каждым годом моя подруга расцветала, как цветок, до сей поры сидящий в подполе. Его подняли, поставили на подоконник, солнце обласкало его, и он пустился в бурный рост, нацепив на упругие ветки красочные красные цветы. Худоба девушки превращалась в стройное изящество, глаза, наконец, перестали метаться, короткие непослушные волосы отросли до талии и роскошными локонами струились по спине. В ней появилась уверенность и кокетство. Но внешние изменения не заставили поклонников толпами ходить за студенткой математического факультета. Но один поклонник все же нашелся – юное дарование с химического факультета, с параллельного курса – Леша Кукушкин,

вылитый ботаник. Оказывается ботаники в круглых очечках могут оторвать зубы от гранитного научного куска и пойти по пятам объекта вспыхнувшего интереса.

Алексей стал тенью Хомяковой. Мы тихо посмеивались над ним, а затем привыкли к его безмолвному присутствию. Так привыкли, что удивлялись, когда он отсутствовал. Лешка постепенно стал нашим общим другом. Он не признавался Регине в любви, но его взгляд был более красноречивым и не оставлял сомнений, кому он адресован.

По привычке друзья не приходили ко мне домой даже после смерти бабушки. Мы встречались на нейтральной территории, Петр к нам ни разу не присоединился, как я не настаивала. Думаю, не хотел в очередной раз убедиться в своем невысоком интеллекте. У него был свой круг знакомых, и в этом кругу его уважали не так за ум, как за щедрость.

Легко быть щедрым за чужой счет...

Когда наши отношения с Демидовым были на чувственном пике, он снизошел и согласился на встречу с моими друзьями, тем более был повод – у Регины приближался день рождения, который мы решили отметить в приличном месте. Неизвестно, в какие стороны разбросает нас судьба после окончания университета. Не за горами была защита диплома.

Отцовская рента позволила приобрести подруге дорогой подарок и купить приличный костюм Петру. О себе я не подумала – шкаф был забит платьями, пусть и устаревших фасонов.

Нас уже ждали. Петр виделся с Региной и Алексеем лишь однажды – на нашей скромной свадьбе. Мы преподнесли имениннице подарок, муж галантно поцеловал ей руку и сразил тонким комплиментом, чем вызвал удивление у меня и восторг у Хомяковой.

Вечер получился великолепным. Мы шутили, хохотали до слез, танцевали, дурачились. Я обожала своего мужа, который привычно не замкнулся в себе, а стал душой нашей компании. Он не уставал произносить короткие, но насыщенные содержанием, неизбитые тосты, приглашал поочередно дам на головокружительные танцы, во время которых страстно прижимал меня к себе и щекотал губами ухо. В этот вечер я впервые забыла о невозполнимой утрате. Пусть несколько часов, но я была счастлива.

Потом я погрузилась в предзащитную подготовку. Муж, общие проблемы, быт ушли на второй план. В последствие этим я оправдывала поведение Петра и ругала себя.

Прошел месяц с празднования дня рождения Регины, когда на площади перед зданием университета я заметила поникшего Лешку Кукушкина. Он сосредоточенно шел по прямой линии, сметая на пути зазевавшихся прохожих.

Наши траектории не пересекались, но в тот весенний день было невозможно уйти в себя даже таким рассеянным особам, как будущий ученый-математик: я любовалась робкой природой, наслаждалась жизнью, которая поначалу текла мимо, а затем включила меня в праздный хоровод. Среди всеобщего блаженства и хаотично-замедленного движения я легко уловила настойчивую обреченную целенаправленность и окликнула приятеля. Он не отреагировал, тогда я, позабыв о данном мне благородном воспитании, вложила в призыв всю силу своего голоса. Лешик замер и повертел головой. Когда моя застывшая фигура попала в его поле зрения, черты лица смягчились, но тут же лицо накрыла задумчивость. От усердия Кукушкин закусил губу и стал озираться по сторонам, будто готовился дать деру. Меня озадачило такое поведение ботаника, и я поспешила к нему.

- Привет, Лешка! Как дела? Как продвигается работа над дипломом? Успеваешь к сроку? – я забрасывала его вопросами, боясь прерваться. Я чувствовала, что сейчас могу услышать новость, которая сразит меня, как брошенная из-за угла граната. – У меня полная каша в голове! Представляешь... - Я тараторила, как заведенная. Сама плохо соображала, что говорю, пока Кукушкин не погладил меня по голове. Так заботливо и по-бабушкински, что я подавилась последним словом.

Он отвел меня в сторону, усадил на скамейку и сказал, упершись взглядом в свои полутуфли-полукеды.

- Я, как ни кто, понимаю, как тебе тяжело... Мы с тобой не просто друзья, мы друзья по несчастью.

Несчастье ассоциировалось с безвозвратной потерей, все остальное я относила к проблемам разного, но не губительного, характера.

-... Что-то случилось с... Региной? – сухими губами пошевелила я.

- Случилось. – вздохнул Алексей и отвел глаза.

- Что-то... страшное?

- Смотря для кого.

- Вырази свою мысль более доходчиво для несообразительных окружающих. - пробубнила я чужим голосом.

- Наша Хомякова влюбилась... в человека, который... В общем, она не имела права в него влюбляться.

Большей глупости я произнести не смогла.

- Сердцу не прикажешь.

- А надо бы, если этот мужчина... является мужем твоей подруги.

- Какой подруги? – я отодвигала от себя признание. Пусть на секунду или две я побуду на черной полосе с белыми вкраплениями, похожей на черную ткань в белый горох. Ты попадаешь то на белый кружок, то на черный, понимаешь, что все призрачно и обманчиво, ты стоишь на черной полосе жизни, а белые вкрапления лишь попытка самообмана. Сейчас тебя отрезвят одним словом и все станет черным-черно. Отгородят с обеих сторон высокими барьерами, лишат надежды на перемены, и ты пойдешь длинной однообразной дорогой без светлых пятен. Возможно, будешь пытаться пробиться на белую полосу, но быстро поймешь, что все напрасно. И смиришься.

- Ты, правда, ничего не замечаешь? Или не хочешь ничего замечать? Это разные вещи.

- Я... ничего... не замечаю. – отрывисто сказала я.

- Ну, ты даешь! – закатил глаза Лешка. – Ее муж не приходит домой ночевать, а она не замечает.

- Я... я замечаю, но не придаю этому значения. Может, с друзьями засиделся...

- С подругой по имени Регина. И не засиделся, а залежался. – безжалостно «ударил» он меня и светлые вкрапления исчезли.

- Это как? – я пыталась обмануться.

- Ты точно сбрендил, - покачал головой Кукушкин. – Хорошо, если наука твой разум с оси сдвинула, а если сдвиг на почве любви, то все пропало. Закончишь ты свою жизнь в райском саду психиатрической больницы.

Я начала медленно прозревать, желая опровергнуть нерадостный вердикт.

- Регина и Петр?

- Регина и Петр уже месяц, как любовники.

- Этого не может быть.

- Продолжай обманываться дальше, - с горькой усмешкой произнес он и, не прощаясь, поднялся и ушел.

Я смотрела ему вслед и думала: Почему люди считают своим долгом раскрыть глаза человеку, если он в этом не нуждается? У каждого свой выбор – один незрячий, другой любопытен и подозрителен, один слеп, другой видит то, что лучше бы не замечал. Не надо лезть в чужую жизнь и делиться несчастьем. Не сплетней, которая к тебе не имеет никакого отношения, а новостью, которая поставит твою жизнь с ног на голову. И ладно бы, если человек сболтнул случайно, а то бьет целенаправленно: я страдаю, так почему бы тебе не присоединиться? Забери часть боли от меня!..

Я появилась в прихожей, едва поздним вечером мой муж переступил порог квартиры. Зачем терзаться, когда можно сразу расставить все точки над «i»? Надежда на то, что Кукушкин соврал, была микроскопической. Я не ждала признаний, я ждала раскаяния.

Для начала закроюсь в спальне и объявлю бойкот. Помучаю и прощу. А как без прощения? В семейной жизни бывают заблуждения, размолвки, охлаждения чувств. Надо пережить их вместе, разобраться в ошибках и попытаться вернуть ускользающую любовь. При условии, что любовь не успела к тому времени испариться, как вода в пруду в засушливое лето.

По лицу супруга я поняла, что на месте пруда давно потрескавшаяся земля. Я впервые видела его таким счастливым. Или раньше не замечала, погрузившись в собственные проблемы? Говорят: он светится от счастья. Это про Петра. На его лице была отрешенность от меня, от моих проблем, от моей любви. Он остался в том доме, где жила другая женщина, запахом духов которой он пропитался. Я отлично знала этот запах с примесью ванили – «Vanila Noir». Запах на любителя, утверждала подруга. Я к таким любителям не относилась. У меня начиналась аллергическая реакция. Сейчас аллергия разыгралась не на шутку. Нос заложило, в горле стало першить, будто кто-то стал водить там ершиком. Я бросилась в кухню, сделала несколько глотков минеральной воды прямо из бутылки и хотела вернуться в прихожую, развернулась и уткнулась в мужа.

Это был он и не он.

К моей оболочке примкнула мужская оболочка, чтобы вместе существовать.

У меня вырвался совсем иной вопрос. Не тот, что весь вечер вертелся на языке.

- Ты ее любишь?

Он не спросил «Кого? Он все прочел по моим печальным глазам. Он слишком хорошо меня изучил за столько лет. А я его не знала. И не пыталась узнать. Придумала себе образ и полюбила.

Петр не ответил, наверное, в его душе еще жило уважение ко мне. Он просто собрал вещи и ушел.

Я села у распахнутой двери, поджав под себя ноги, и так просидела до рассвета. Без дум, без кровотокащей обиды. Пустая бесчувственная оболочка.

Благодарность к ушедшему без взаимных упреков мужу ненадолго поселилась в моем раненом сердце. Потом ей на смену пришло разочарование. Разочарование в нем и в себе. В нем за то, что он оказался не только предателем, но и гадким беспринципным человеком. А в себе за то, что не могла дать ему отпор. Терпела унижение без звука. Иногда не выдерживала и срывалась, но тогда он закрывал мне рот животным поцелуем и брал меня силой. И уходил. А я с дрожью ждала следующего визита.

Демидов требовал денег. Он привык жить на широкую ногу. Но просто выгрести все из моего кошелька, ему было мало. Он доставал из холодильника кастрюли, возмущался, если не находил запотевшую бутылку водки, с жадностью поглощал еду, не забывая делиться своей счастливой жизнью. А я сидела рядом и слушала. Почему?! Почему я терпела его хамство?! Из-за всепрощающей любви? Но на смену любви успела прийти ненависть. Или это очередной самообман?..

Однажды я заикнулась о разводе, но получила жесткий отпор.

- Я не собираюсь с тобой разводиться! Я не дурак! Посмотри на себя в зеркало, краше в гроб кладут. Того и гляди, в ящик сыграешь, а мне достанется все твое добро.

- От прежнего добра немного осталось, - напомнила я.

- Ой, только не надо мне вешать лапшу на уши! Я потратил сотую часть от того, что тебе завещал отец! – уверенно заявил он. – И я хочу, чтобы ты написала завещание в мою пользу! Или будет хуже, - с угрозой произнес он едва слышно, чем еще больше напугал меня. – Я знаю, что после твоей смерти адвокат сделает все, чтобы мне ничего не досталось. Ведь богатство исходит от твоего папаши, оно не нажито во время совместной жизни. Но мы пойдем к одному грамотному юристу, и он поможет правильно составить завещание... - Петька явно пел с чужих слов, и я догадывалась, с чьих.

- Я еще тебя переживу, - робко прошептала я.

- Ты не волнуйся, ускорять процесс я не стану, ты сама себя изведешь.

- Или ты меня своими издевательствами.

- Я обещаю, что после составления завещания в мою пользу, я верну тебе ключи и перестану приходить к тебе! – клятвенно пообещал Петр.

Но я ему не поверила. Я ругала себя на слабость: Почему я не могу сменить замки? Почему не пожалуюсь на него дяде Сене, который решит все мои проблемы? Неужели я надеюсь, что он устанет от любви в нищете и вернется ко мне?

Мой друг по несчастью – Алексей Кукушкин, человек не уставший быть невидимой тенью Хомяковой, и посвященный в жизнь возлюбленной, докладывал мне, что Демидов ради нее устроился охранником в супермаркет. Доход не абы какой, но жертва к ногам любимой принесена.

Я ненавидела подругу-разлучницу, предателя мужа, ябедника Кукушкина. Я всех ненавидела. И в первую очередь себя. Не женщина, а тряпка, об которую вытирают ноги все, кому ни лень.

Что будет дальше? Желание оградить себя от бывшего супруга и его постоянные уговоры в конечном счете дадут результат – я сдамся и напишу завещание. И стану жить на вулкане. Не думаю, что Петр пойдет на крайние меры. Как не думаю, что идея с завещанием пришла к нему в голову. Его подталкивает моя экс-подруга, которая осведомлена о наследстве отца. Я по глупости обмолвилась ей, когда Зильберг огорошил меня суммой с несколькими нулями.

Как мудрая бабушка была права, когда ограждала меня от Регины!

И что мне теперь предпринять?..

Выход один – надо опередить Демидова...

На следующий день выпало воскресенье. Я решила не откладывать затею в долгий ящик, взяла корзину и отправилась за город.

При имеющихся на банковском счете деньгах я скромно жила за зарплату научного сотрудника, к которой прикладывал руку Демидов. Поэтому передвигалась на общественном транспорте или, как в сегодняшнем случае – на электричке. Ежемесячное пособие, пересылаемое Семеном Зильбергом, я не трогала. Складывала деньги в большую вазу, стоящую на видном месте. О тайнике бывший муж не догадывался. Я специально выбрала ее в качестве хранилища денег, потому что выудить купюры из нее было не так просто. Чтобы «взять займы» надо приложить немало усилий. В итоге намаешься и откажешься от затеи. У меня был отработанный способ, на крайний случай, когда финансы начинали петь затяжные романсы, я переворачивала вазу, купюры «подъезжали» к горлышку, затем с помощью бабушкиного вязального крючка из белой пластмассы я осторожно вытягивала необходимую сумму. Крючок был толстый и длинный, им бабуля вязала узорные шали.

Эту медную вазу с вытянутым горлом, переходящим в конус, отец привез из Индии, когда я была еще ребенком. Вдохновившись фильмом о рабе лампы, я представляла себя царевной Будур, влюбленную в бедняка Алладина, сына Али-аль-Маруфа, – хозяина волшебной лампы, внутри которой сидел джинн, исполняющий любое желание. В школьные годы я часто брала в руки вазу, усердно терла ее рукой и шептала в ее нутро свое главное желание. Я очень хотела, чтобы мой одноклассник Петька Демидов влюбился в меня. Как Алладин в принцессу Будур.

О своих детских играх я вспомнила не к месту в электричке и поразилась догадке. Демидов был похож на актера, исполняющего роль хозяина лампы. Такой же смазливый обладатель темных влажных глаз. Почему я раньше об этом не догадалась? Вот и объяснение моей болезненной любви к «неподходящему» однокласснику. Вот и подтверждение моей мысли, что я влюбилась в некий образ. Образ с экрана. И перенесла его в жизнь...

Ноябрь в том году был на редкость сухим и солнечным. В связи с чем, надежды на полный кузовок было мало. Отсутствие дождей сказывалось на росте съедобных грибов, но моей целью была бледная поганка.

В смешанном лесу бродило много людей, каждый считал своим долгом при встрече поздороваться и заглянуть в корзину. Поэтому я постаралась зайти подальше, надела на руки резиновые перчатки, собрала нужное количество поганок в целлофановый пакет, сунула туда же перчатки, туго завязала, уложила заблокированную отраву на дно корзины, и с усердием стала выискивать любые съедобные грибы, которые должны скрыть поганки. Спросите, зачем такие сложности? Не легче ли прихватить хозяйственную непрозрачную сумку на молнии, быстро собрать поганки и вернуться домой? Не лучше! Я математик, у меня все просчитано! Любая собирательница грибов с хозяйственной сумкой, залетевшая в лес на пятнадцать минут, привлечет к себе внимание. А где вероятность, что среди блуждающего по лесу люда не попадется знакомый, который приметит мое странное поведение и не проявит гражданскую сознательность, когда придет время?

Мне сегодня фартило – скоро моя корзинка была до краев заполнена маслятами, груздями, лисичками, даже попало несколько смешных говорушек бокаловидных. Я с достоинством прогулялась среди грибников, с завистью провожающих мою тяжелую корзину, и пошла на станцию.

Я боялась одного, что мой бывший супруг заявится в гости в самый неподходящий момент. Но удача меня не покинула. Я спокойно занялась сначала съедобными грибами, перебрала их, тщательно вымыла, порезала и сложила на сковородку. Больше всего на свете я люблю жареные грибы, поэтому наелась до отвала, не удосужившись добавить к ним картошечки. Остатки сложила в банку и спрятала в холодильник.

Когда на город опустилась темная ночь, я занялась черным делом. Я представила себя бабой Ягой, готовящей отраву добрым людям. Это сказка, сон, что угодно, но не явь. Так думала я, чтобы оправдать себя. И чтобы не пойти в последний момент на попятную.

Я напевала песенку молодой бабы Яги из одного новогоднего фильма-сказки, изрядно коверкая мелодию. Она заверяла, что очень любит мальчиков и девочек, я вторила ей, делая ударение на мальчиках. В уме держала одного взрослого мальчика, для которого собственно готовила угощение.

Я мелко порезала бледные поганки и выделила чистый сок. Всего десять миллиграммов достаточно добавить в половину бутылки водки, которая ждала в холодильнике дорогого гостя, плотно закупорить и вернуть на место. После ответственной работы я сунула в мусорный пакет остатки выжатых грибов, нож, разделочную доску, перчатки, тщательно вымыла стол, оделась и пошла прогуляться. Прошла несколько кварталов и выбросила пакет в мусорный контейнер в чужом дворе. Я вела себя, как опытный преступник, заматающий следы.

Всю ночь я ворочалась, как змея подколотная на сковородке. Безвредным ужом себя назвать не рискнула. Угрызений совести не чувствовала – на чаше весов стояла моя жизнь. Главное не выдать себя и довести начатое дело до конца. В том смысле, что не выбить из рук предателя бокал с ядом. Последующего наказания я не боялась. Не думаю, что Петька докладывает своей пассии о визитах ко мне. Поэтому, где он выпил отравленной огненной водицы останется неразгаданной тайной. Ко всему, симптомы отравления проявятся не ранее восьми часов. Не думаю, что Демидов свяжет свое плохое самочувствие с обедом у меня. В успехе я не сомневалась. Известен случай, когда человек всего лишь подержал в руках бледную поганку, не вымыл руки и съел бутерброд – летальный исход обеспечен.

К утру я уснула. Мне приснилась поляна с островками бледных поганок. Они укрывались от дождя шляпками с бугорками посередине, стоя на тонкой невысокой

ножке, на которой виднелось белое провисающее кольцо. Ближе к земле ножка утолщалась для устойчивости, и создавалось впечатление, что это круглая стопа...

Два дня я делала вид, что ничего не происходит. Ходила на работу, работала над диссертацией, тема которой была, наконец, утверждена. Основным направлением моих научных исследований являлась аналитическая теория дифференциальных уравнений. Прибавкой к аспирантской стипендии служила преподавательская деятельность. У меня было несколько часов по высшей математике в родном университете и несколько часов в технологическом и машиностроительном колледжах. Студенты на моих занятиях вели себя прилично, над молодым преподавателем не подтрунивали. Я старалась разбавлять сухие цифры рассказами об известных математиках, беря пример с отца, не перегружавшего меня воспитательными нравоучениями. Я могла держать в руках аудиторию численностью более пятидесяти человек, но не могла справиться с узурпатором – супругом.

Но скоро его власти придет конец.

Я очень надеялась, что из сострадания не вылью адскую смесь из бутылки.

Возвращаясь домой, я открывала холодильник и косилась на отраву. На этикетке я сделала незаметную отметину черным карандашом, которая подскажет, был ли в мое отсутствие муж и прикладывался ли он к зелью. После чего можно отправить бутылку вслед за уликами, а потом ждать наступления свободы.

Неужели еще немного, и я освобожусь от этого ненавистного человека? Как я могла полюбить это чудовище? Благодаря его предательству я прозрела. Или благодаря болтливости Кукушкина.

Один сказал, другая, слепо-глухонемая, сначала не поверила, решила обмануться, но третий не стал опровергать, заверять в любви и верности, а собрал вещички и ушел к четвертому действующему лицу этой мелодрамы, к разлучнице. Все было бы чинно-благородно, если бы он не стал докучать визитами, изводить и грозить расправой. Слепо-глухонемая выздоровела окончательно и надумала обезопасить себя, не прибегая к помощи покровителя.

Вы прослушали краткое изложение начальной стадии сюжета, сейчас мы подошли к угнетающей главную героиню кульминации и ждем развязки.

Переживания поселились во мне и не собирались покидать насиженного места. Днем я отвлекалась, но вечером и ночью, оставшись наедине с собой и со своими мыслями, я то уговаривала себя одуматься, то радовалась появившейся гордости, следствием которой явилась потребность расправы над бывшим мужем.

- Ай да, Ксанка, ай да, тихоня! – приговаривала я, пытаюсь вытиснуть из головы намеки на возвращение в прошлую мягкотелость.

Я себя не узнавала: неужели девушка из интеллигентной семьи может пойти на убийство? Может! Если она доведена до крайности! До края обрыва! Сейчас эта благовоспитанная девушка рухнет со скалы или посторонится, когда враг захочет ее столкнуть. Пусть сам летит в пропасть, а у нее вся жизнь впереди.

Спросите, не будут ли меня терзать угрызения совести? Наверное, будут... Если тебе предлагают драку, а на кону стоит твоя жизнь, ты приложишь все силы, чтобы выйти победителем. Я хочу оправдать надежды родителей и стать второй Софьей Ковалевской. Или рядовым ученым-математиком, у которого есть семья – любящий муж и дети.

Я была уверена, что подначиваемый Региной Петр пойдет на крайние меры. Хомякова изобретательна, хитра и корыстна. Она горит желанием вылезти из грязи и стать богатой женщиной. Только не знаю, найдется в новой жизни место Демидову? Если чувства Регины к мужчине выше боязни быть разоблаченной, то преступление крепче свяжет их. Если Петька станет ей обузой, то он последует за мной.

Каждый новый день вносил коррективы в мой боевой настрой. Однажды поздним вечером я вышла из дома с сумкой, где лежала завернутая в газету пресловутая бутылка. По дороге я подумала, что надо было вылить содержимое, иначе любопытный бомж позарится на благородный напиток и отдаст богу душу. Я поозиралась по сторонам, вытащила бутылку, подержала в руках, прочла отрывистые заголовки на помятой газете и снова сунула ее в сумку. Прогулялась туда-сюда по пустой улице, кутаясь в пальто, все взвесила и вернулась домой.

Еще неделя и я превращусь в шизофреничку. В итоге налью себе стопочку и решу все проблемы...

Ночью мне приснились родители и бабушка. Они сидели за круглым столом, накрытым простой белой полотняной скатертью, и разговаривали. Над столом свисал абажур, создающий иллюзию круглого светового пятна, за пределами которого лежала тьма. Три человека попали в границу света, и один – это была я – стоял за этой границей во тьме. Я почувствовала себя маленькой девочкой, которая хочет подслушать разговор взрослых и узнать, как они относятся в ее затее: осуждают или оправдывают? Чтобы потом правильно себя повести – заранее подготовить слова извинения или расслабиться и забыть о проделке.

Отец осуждал меня, а мама и бабушка – оправдывали. Он говорил, что никогда не думал, что его дочь может пойти на ЭТО. Бабушка ругала себя за то, что не вживила в меня стержень. Мамуля заспорила:

- Женщина должна быть мягкой и доброй, а не железной леди.
- Мягкой, но не мягкотелой! – вставила бабушка.
- Это наша дочь мягкая и добрая?! – возмутился отец, - спокойно разработала план расправы над человеком, пусть никчемным, но человеком! Кто ей дал право распоряжаться чужой жизнью?!
- Это самозащита! – гордо сказала бабушка, - и я рада, что наша девочка нашла в себе силы бороться за жизнь.
- Но есть другие способы... борьбы за жизнь! – скривился отец. – Ксана обязана обратиться за помощью к Семену, он быстро избавит дочь от посягательств этого Демидова. Их быстро разведут, и девочка забудет, что в ее жизни был этот мужчина.
- А где вероятность, что он оставит ее в покое? - вмешалась мать.
- Она должна переехать в Москву и спрятаться под крылом Зильберга! – нашел ответ папа.
- Но Ксана не желает переезжать в столицу! – привела свой довод мамуля. – У нее здесь работа. Она привыкла жить в этом городе!
- Иногда надо чем-то жертвовать, чтобы избежать чудовищных последствий! – отрезал он.
- Ксана не может всю жизнь находится под чьим-то крылом, - констатировала бабушка, чье слово должно быть последним, - чтобы научиться бороться с трудностями, надо выйти из-под опеки и заработать пару шишек. Это ее закалит...

Я долго перекручивала в уме этот сон, пока не нашла ответ. Тот ответ, который меня устраивал: голоса родственников разделились два к одному. Большинство на моей стороне. Значит, я выбрала правильный путь.

Но куда он меня приведет?

Черная полоса жизни призывает совершать черные дела...

В субботу ко мне пришел Кукушкин. Я распахнула дверь, увидела долговязую фигуру в очках и сразу заявила.

- Если ты пришел ко мне жаловаться на свою несчастную жизнь, то уматывай! – и ткнула пальцем ему за спину, указывая направление движения.
- Я... хочу поговорить, - промямлил он, стянул с головы вязаную шапочку и стал мутузить ее в руках.

- О Регине и ее кавалере?! Какими еще новостями разжился и решил поделиться со мной, гражданин Передаточная инстанция?

- Я нашел простой выход из создавшейся сложной ситуации, - нахмурившись, произнес он, вплотную подбираясь к дверному проему, на страже которого стояла хрупкая пигалица с взлохмаченными короткими волосами каштанового оттенка.

Вчера вечером я долго изучала себя в зеркале, накручивала на палец посеченный локон серо-пепельных волос, подворачивала их, создавая имитацию каре, а наутро отправилась в рядовую парикмахерскую, располагавшуюся на первом этаже моего дома. Я не боялась ухудшения собственной внешности: хуже, чем есть, быть не может. Я жаждала перемен. Перемен образа, внешности, за которыми последует внутренняя перестановка, включающая любимый бабулей металлический стержень. Но в крайности я впадать не собираюсь: железная леди предназначалась для наглецов и хамов, для хороших людей – добрая и мягкая кошечка, способная иногда показывать коготки.

Внешнее преображение требовало материальных затрат. Получить необходимые средства можно, воспользовавшись бабушкиным крючком для вязания.

В парикмахерской молоденькая девушка изменила меня до неузнаваемости. Я предоставила ей все права на это, не высказав собственных требований. После работы мастера из зеркала на меня смотрела миловидная девица с круглыми синими задорными глазами. Раньше они казались бесцветно – серыми и грустными. И старыми, потому что в них жила безысходность. Короткая стрижка убавила мне возраст, а цвет волос сделал меня ярче и заметнее. Девушка пожурила меня за отсутствие макияжа и позвала визажиста, решив довести преображение до конца. Та дала мне несколько дельных советов, продемонстрировав теорию на практике. Я не могла оторвать от себя взгляд.

Вместе с внешними изменениями последовали внутренние. Я чувствовала себя боксером перед поединком, решившим во чтобы то ни стало отстоять свой титул, причем без применения запрещенных ударов. Поэтому вернулась в квартиру и, не взглянув на отметку на этикетке, вылила водку со смертельной добавкой в унитаз. Потом положила пустую тару в мусорный пакет и пошла к контейнеру.

После этих действий, я почувствовала за спиной крылья. Я летела по улице и впервые ловила на себе заинтересованные мужские взгляды. Моей очередной целью было приобретение нового платья, модного пальто и сногшибательных сапог. Ноябрьская непогода не портила мне настроения.

Как впоследствии не испортил его незваный гость Алексей Кукушкин.

Я впустила его в прихожую, но дальше пройти не предложила.

- Ну? – грозно спросила я, сложил колечком руки на груди.

- Дай воды, а то в горле пересохло, - прохрипел приятель.

Жаль, избавилась от отравы, а то предложила бы зануде Лешке, - весело подумала я. Налила стакан воды и вернулась в прихожую. Утолив жажду, Кукушкин перешел к изложению простого плана по выходу из создавшейся сложной ситуации.

- Только выслушай и не перебивай, - попросил он, при этом сунул в карман шапочку, которая теперь торчала подобно понурому цветку. Из чего я заключила, что речь будет пламенной и не лишенной жестикуляций.

Жаль, броневика нет, - мысленно раздосадовалась я.

Настроение плавно ползло вверх. Давно я не чувствовала себя свободной от тягостных мыслей. Раньше в душе была зима, а сейчас наступила весна. Она растопила холод, согрела, взбудоражила кровь, которая забегала бодро по вялому организму и пробудила его к жизни. И пусть за окном призывает к унынию дождь, грустят от потери наряда голые деревья, под ногами прохожих чавкает грязь! У меня свой календарь!

- Может, тебе табурет принести? – задумчиво поинтересовалась я, оценивая нескладную фигуру оратора.

- Да, ладно, я постою, - дернул плечом Лешка.

- Я тебе не сесть предлагаю, а встать на нее, - с умным видом пояснила я и поскребла ногтем щеку. – Твоя речь будет восприниматься более доходчиво.

Кукушкин исподлобья зыркнул на меня и обиженно поджал губы.

Подумаешь, какие мы восприимчивые, - мысленно решила я, не сожалея по поводу вырвавшейся издевки. – Пусть идет на все четыре стороны, мне же лучше.

- Не пойму, что происходит? - взъерепенился приятель, не услышав извинений в свой адрес. – Или твой благоверный вернулся, или ты ему замену нашла?

- Хорошую идейку ты мне подкинул! – подхватила я, опустив первую часть предположения, и сразу представила себе нового кавалера, имеющего разряд по самбо, карате и всем имеющимся единоборствам. Только Демидов сунет свой нос в мою квартиру, и сразу по носу получит. Это в лучшем случае. Расквашенный нюхательный аппарат Петьки меня впечатлил. Чтобы не рассмеяться без видимой причины, я удалилась в кухню и выпила воды.

Когда вернулась, Алексей копался в собственном кармане. У меня зародилась мысль, что там у него спрятан лист бумаги с тезисами, но ошибалась: явившаяся миру длань была пуста, но слегка подрагивала.

Волнуется, - подумала я и снова произнесла свое любимое «Ну!».

Кукушкин настороженно прислушался, будто был представителем комиссии по борьбе с грызунами и делал поквартирный обход для обнаружения оных.

- Не вернулся, - констатировал он, не услышав постороннего шороха и в подтверждении изучил стоящую в прихожей обувь.

Купленные несколько часов назад обалденные сапоги на высоченном каблуке покоились в коробке, а коробка стояла посередине комнаты, как главное украшение.

Жаль, не выставила ее напоказ, чтобы любой проходящий мог оценить мой вкус. Даже такой ненаблюдательный, как Кукушкин, который не заметил моего преображения. Перед самым его приходом я успела снять сапоги из черной замши, но новое платье продолжало обтягивать мою стройную фигуру, как лайковая перчатка кисть руки. Оно призывало гостя отпустить комплимент, но гость слыл ботаником по жизни, химиком по профессии и однолюбом по убеждению. В общем, был ограниченным и несчастным человеком, не желающим замечать очевидное.

- Только не говори, что ты не хочешь вернуть Демидова.

- Не хочу! – хмыкнула я.

- Я не верю!

- Твое право.

- Санька, ты сегодня какая-то не такая. На себя не похожа. – настороженно произнес Лешка, словно сомневался, не ошибся ли квартирой.

- Зато ты все такой же.

- Но спокойно выслушать ты меня можешь?

- Могу.

- Так вот... Я... Я хочу разлучить Регину с Петром. И ты должна мне помочь.

- С какой стати? - удивилась я.

- Ты мой друг, - просто пояснил Кукушкин.

- На правах друга ты вывалил на меня «приятную» новость?

- Наверное, было бы лучше, если ты сама обо всем узнала, но... Я тебя пожалел, открыл глаза на неверного мужа и на подругу.

- Ой, только не надо... - задыхнулась я от возмущения.

- Не буду, не буду, - испуганно сказал Алексей. – Ксана, ну, пожалуйста, помоги мне! – заканючил он. – Помоги вернуть Регину.

- А она тебе принадлежала? – задала я резонный вопрос.

Приятель задумался.

- Она не успела этого понять. – наконец, произнес он. – Я хочу вызвать у нее ревность. У тебя открылись глаза на Демидова, и ты его выгнала, почему у нее не могут открыться на меня? Регина поймет, что я именно тот мужчина, который ей нужен.
- Леша, извини за прямоту, но мне кажется, что Хомякова не поменяет Демидова на тебя. Ты пройденный этап, пусть и непознанный, но уже неинтересный. Все, что она хотела от тебя получить – восхищение, безумную любовь, поклонение – она получила. Сейчас Регина наслаждается другим мужчиной. И когда получит от него то, что хочет, с легкостью найдет ему замену.
- Но попытаться можно.
- После моих слов Алексей сразу сник. Мне стало жаль его.
- Хорошо, я постараюсь тебе помочь. Что от меня требуется?
- Давай купим торт и пойдем в гости к Регине.
- Зачем? – опешила я.
- Будем изображать влюбленную пару. Скажем, что пришли пригласить их на свадьбу.
- А ничего, что я пока не разведена?
- Об этом вспомнит твой неверный супруг. Вспомнит и задумается: а не лучше ли вернуться к спокойной женщине, чем ходить по минному полю.
- Вероятно, его устраивает такая жизнь. – безучастно предположила я. – А меня мое положение, уж, точно устраивает.
- Разве можно забыть первую любовь?
- Можно, если это была любовь с одной стороны и игра с чужими чувствами с другой. И потребительство все с той же второй стороны. Но я устала от унижений, глаза открылись, как ты успел заметить, и я поняла, что безответная любовь меня не устраивает. Намек прозрачен? Или нужны дополнительные разжевывания?
- Ясно, куда ты клонишь, - простонал Кукушкин, - если у тебя все так вышло, то это не значит, что не существует других вариантов развития событий.
- Я не нашла слов и лишь пожала плечами. И тут Лешка привел аргумент, который уложил меня на лопатки.
- Санька, ты стала такая красавица! Тебя обязательно должны увидеть Демидов и Хомякова. Она умрет от зависти, а он от злости! Докажи им обоим, что не страдаешь, что наслаждаешься новой жизнью на полную катушку.
- Ничего себе, - протянула я, - думала, что ты не заметил моего превращения из жабы в принцессу.
- Ты никогда не была жабой! Просто не знала себе цену.
- Допустим, я соглашусь, хотя, встречаться с Хомяковой мне совсем не хочется. – заколебалась я. Но желание увидеть ее перекошенное от злобы лицо явно перевешивало чашу весов в сторону согласия.
- Вот и отлично! – потер ладони Кукушкин.
- Но ты тоже обязан изменить свою внешность. Раз мы влюблены, то должно произойти чудо.
- Меня и чудо не изменит... – обреченно начал он.
- Подожди! – перебила я. – У меня родилась гениальная мысль! Я представлю им в качестве нового возлюбленного сногшибательного красавца! – от родившейся идеи у меня запрыгало в груди встревоженное сердце.
- А где ты его возьмешь? – озадаченно спросил приятель.
- Не переживай, эту часть плана я беру на себя. – загадочно произнесла я и поцокала языком.
- Зачем нам посвящать в наш план постороннего человека?
- Я поставлю перед ним задачу, и он сделает все, что я прикажу.
- Все-таки у тебя завелся кавалер, – вздохнул с обидой Леша.

- Заводятся тараканы у нерадивых хозяек, - сообщила я не к месту. – А умные девушки много знают, много читают, в общем, черпают везде информацию, чтобы ею воспользоваться в нужный момент, - пространно заметила я.

- Ладно, я тебе доверяю, - монотонным голосом сказал Кукушкин. – Но хочу предупредить, что этот мужчина может спутать нам все карты. Вдруг он заинтересуется Региной? Тебе –то хорошо, твой Демидов получит отставку и вернется домой, а что будет со мной?

- Я не хочу, чтобы Демидов возвращался ко мне! – грозно произнесла я, вбивая каждое слово в голову приятеля. – Сколько раз тебе это втолковывать?! А что касается моего якобы жениха, то не волнуйся, он не выйдет за рамки своей роли. Больше я тебе ничего не скажу.

- А если допустить такой вариант: Регина захочет отбить у тебя мужчину. Может, у нее болезнь такая – уводить кавалеров у подруг из зависти. Почему у них все – и женихи, и деньги, и любовь, а у нее ничего. Проснется у Хомяковой охотничий азарт, следствием которого станет волшебное превращение симпатичной девушки в неземную красавицу, перед которой не устоит даже отпетый холостяк. – пояснил Алексей с видом знатока женщин. - Твой «жених» не устоит против ее чар...

- А может, пусть не устоит, - задумчиво перебила я. – Мы доработаем наш план. Допустим, Хомякова надумает увести у меня кавалера. Он сначала сделает вид, что безумно влюблен в свою невесту, потом медленно сдаст позиции, будто бы загорится ответным желанием, они покурюлятся несколько дней, после чего мужчина жестко заявит о расставании. И Демидов уже получил отставку, и чужой жених уплывет из рук. Регина останется у разбитого корыта. Она в шоке, бьется в истерике, и тут появляешься ты! Такой понимающий, такой надежный, такой родной! Она прозревает, и ты в дамках!

- А вдруг он не захочет расставаться с ней?

- Леха, ты меня достал! – рявкнула я, - а вдруг, а если... Хватит нудить! Я беру на себя поиски жениха, а ты, как опытный следопыт, должен доложить, когда наша парочка будет дома. Мы нагрянем к ним без предварительной договоренности, чтобы произвести большой эффект. Эффект неожиданности работает не хуже эффекта разорвавшейся бомбы.

Я развернула Кукушкина на сто восемьдесят градусов и подпихнула к выходу. Он не сопротивлялся.

Закрела дверь и стала ее внимательно осматривать, словно выискивала изъяны. Остановила взгляд на двух имеющихся замках и обозвала себя тупицей. Быстрым шагом направилась в комнату, нашла газету с объявлениями, выискала нужное предложение и вызвала мастера для смены замков. Я должна обезопасить себя от непрошенного гостя. Решительный отпор на своей территории я дать пока не готова.

И почему раньше об этом не подумала? Да потому, что мысли ходили по замкнутому кругу!

На этом общение с печатными изданиями не закончилось. Я перешла к поискам объявления, которое еще недавно меня озадачило. Именно, о нем я вспомнила, как речь зашла о сопровождающем к Регине.

Некая фирма «Джентльмен на час» предлагала своих сотрудников одиноким дамам для сопровождения их на светский раут.

Визит к Хомяковой светским раутом можно назвать с большой натяжкой, но кто платит, тот и заказывает музыку.

Я не стала откладывать разговор с фирмой в долгий ящик, пока решительность не сбежала, сверкнув пятками, и не прихватила с собой спутницу - авантюру. Я особо не надеялась, что Регина в конечном итоге пустит слезу на груди Кукушкина, но чем предположение невероятнее, тем оно более возможно. Чем черт ни шутит! Я помогу несчастному влюбленному, а заодно утру нос бывшему супругу и его дамочке.

На мой звонок откликнулись сразу. Я заявила, что мне нужен спутник, но это не будет посещение светского раута, меня пригласили в гости, но идти туда одной мне неловко. Интим в услуги не включается, но мой сопровождающий должен изображать пылко влюбленного мужчину.

Я не сбивалась, а четко излагала требования. На том конце провода меня заверили, что все возможно, только надо подъехать в офис, обговорить с менеджером все тонкости, заключить договор и выбрать джентльмена.

Я представила ровную шеренгу красивых мужчин с холодными глазами: взгляд упирается в противоположную стену, ноги на ширине плеч, руки заключены в сцепку за спиной, а я хожу вдоль этой шеренги и визуально изучаю каждого. Приподнимаюсь на носки, принохиваюсь, мысленно прикладываю к себе – невысокой и худосочной девушке с детским лицом. Утверждение – здоровяки предпочитают кнопочек – мне подходит, только в здоровяке всего должно быть в меру, иначе я потеряюсь рядом с ним. И наше сочетание вызовет у нужных людей недоверие.

Определившись с габаритами, в мою голову пришла очередная неординарная мысль: интересно, а заказчицы зубы у будущих сопровождающих проверяют? Все-таки в джентльмене все должно быть прекрасно: и тело, и лицо, и зубы, и облачение. Про душу рассуждать не берусь, нам не нужно лезть во внутренний мир. Думаю, что сотрудники фирмы наделены интеллектом и памятью, чтобы беседу поддержать и запомнить данную заказчиком установку, но доказывать теорему Ферма их вряд ли попросят. В общем, точно знают, что голова нужна не только для того, чтобы «в нее есть», как говорится в одном анекдоте.

Фирма работала без выходных, поэтому мы договорились на завтра, на вторую половину дня. С десяти до двенадцати ко мне должен прийти слесарь.

Однообразная жизнь наполнилась развлечениями, последствия которых были пока туманны...

Праздное по обычаю воскресенье продолжительностью тридцать шесть часов сократилось втрое благодаря моей активности. Крылья после сна не отпали, а напротив, подросли и ускорили перемещение сначала по квартире, а затем донесли меня до фирмы «Джентльмен на час».

Но сначала был слесарь по имени Слава, который так вдохновился моей яркой внешностью и расположением к общению, что отказался брать деньги за установку, ограничился лишь оплатой за два новых замка. Я была польщена и предложила ему выпить чаю. Молодой парень, приблизительно моего возраста, не стал себя долго упрашивать, собрал в сумку инструмент, тщательно вымыл в ванной руки и зашел в кухню, приглаживая двумя руками взлохмаченные волосы.

За чаем мы мило поболтали, присущая мне скованность в общении с людьми, медленно отступала, ей на смену робко приходило желание вести непринужденный диалог, результатом которого никогда не станет осуждение за неловко оброненную фразу. Я не контролировала каждое слово, не потела, когда строила связное предложение, не мучилась от наступившей паузы, не съезжала на «заумность», тем самым не выказывала неравенство, причем делала это совершенно искренне, не зарабатывала очки перед нужным человеком. Я была обычным человеком, которому приятно разговаривать с симпатичным неограниченным парнем, способным поддержать беседу на разные темы. Я выплыла из научной среды и с удивлением поняла, что в современном мире есть нормальные мужчины, которые заинтересованно смотрят на меня. Тайно восхищаются, не требуя взамен ровным счетом ничего. Хотя, убранство жилища и мое одиночество позволяют вывести на первое место материальную сторону.

Слава не задал ни одного хитрого вопроса, который заставил бы меня закрыться. Он больше рассказывал о себе, об увлечении рыбалкой, о работе, не употребляя специфических терминов для поднятия своего рейтинга в глазах девушки. Я не была безмолвным слушателем, охотно делилась собственными воспоминаниями, одним из которых была покупка бабушкой на рынке живого карпа. Я уговорила бабулю не отправлять рыбину на сковороду, налила в таз водопроводной воды и выпустила туда карпа. Накрошила в ограниченный водоем хлеба и стала наблюдать, как некоторое время рыба лениво ловила ртом еду. Затем она опустилась на дно и затаилась. Я пыталась взбодрить ее рукой, крутила по тазу, а она билась хвостом и расплескивала воду. Бабушке надоело неразумное времяпровождение внучки, она всучила мне книгу и заставила читать вслух. В тот год я собиралась идти в первый класс. Вечером я вспомнила о рыночном улове, подошла к тазу и с горечью обнаружила лежащую на боку рыбину.

Вячеслав посочувствовал и мне, и карпу, вспомнил подобный случай из собственного детства, потом взглянул на наручные часы, извинился, что «загрузил меня болтовней» и стал прощаться. Мы расстались довольные друг другом. Напоследок он вручил мне номер своего телефона и просил обращаться по всем вопросам, сделав нажим на слове «всем».

Приятный во всех отношениях парень не мог стать моим кавалером на пару часов. А жаль. Это я не к тому, что решила деньги экономить, я боялась ходить вдоль шеренги джентльменов.

Пошуровав в вазе, я выудила купюры и отправилась по адресу, где находилась нужная фирма по найму джентльменов.

Она располагалась в торце жилого дома сталинской постройки. Проникновение любопытствующих ограничивал высокий забор из металлических прутьев, окрашенных в черный цвет, больше похожих на копья. Я нажала на кнопку звонка и, глядя в камеру наружного наблюдения, назвала себя. Дорожка, выложенная тротуарной плиткой, привела меня к входной двери. Кричащей вывески не было, сбоку висела черная табличка, заполненная золотыми вензелями, указывающая название и часы работы без праздников и выходных, на которые рассчитывался наплыв посетительниц. Едва я преодолела три ступени, дверь распахнулась. Передо мной появился охранник, пригласивший меня внутрь...

С миловидной женщиной – менеджером мы договорились обо всем, кроме даты, которую я пообещала сообщить дополнительно. Мне пошли навстречу, а когда все формальности были улажены, я поняла, что шествие перед шеренгой мужчин отменяется. Мне представили к изучению толстый альбом с фотографиями сотрудников фирмы, их именами и с указанием антропометрических данных каждого джентльмена. Предварительно мне сказали, что я могу назвать спутника по своему усмотрению. Я подумала, что меня устраивает любое имя, кроме имени Петр. Иначе Демидов решит, что я им грежу и выбираю мужчину - тезку, чтобы хоть, как-то успокоиться. «Жених» должен быть совершенной противоположностью бывшего мужа. Единственное допустимое сходство – высокий рост. Такие мужчины уже сами по себе привлекают внимание. Мой избранник обязан зацепить двух человек и вызвать, если не ревность, то жгучую зависть обязательно.

В основном в альбоме преобладали блондины, что затруднило мой выбор. Петька был шатеном с темно-кариыми глазами, поэтому мне нужен мужчина со светлым оттенком волос и светлыми глазами. Я несколько раз пролистала альбом, даже заложила в одном месте палец, чтобы вернуться и еще раз оценить избранника, который был приглушенно-рыжим. Мне показалось, что пепельный блондин с голубыми глазами будет выглядеть вызывающе-подозрительно. И может вызвать недоверие у Хомяковой и Демидова своей голливудской внешностью. И зачем обманываться – я не Софи Лорен, на меня секс-символ не клюнет. Нужен обаятельный симпатичный мужчина, скромно-

привлекательный. Для достоверности эксперимента. Все рыжие более одомашненные, более естественные и обладают чувством юмора. Поэтому он легко включится в игру и добавит недостающих красок.

Выбор был сделан. Мужчину, как и моего отца, звали Андреем. Без перебора мышечной массы, но и не сгорбленный скелет, высок, но не баскетбольного роста. Обладатель обворожительной улыбки и крохотных веснушек на лице. У него были необыкновенные изумрудные глаза, что натолкнуло на мысль о применении цветных линз. Но мне, как говорится, по барабану, лишь бы не были влажно - карими.

Затем меня отвели в небольшую комнату, где стояли друг напротив друга два небольших красных кожаных дивана, разделенных стеклянным столиком овальной формы. На окнах висели сетчатые портьеры бледно розового цвета. В углу маялась высокая трехрогая драцена, по стенам были развешены графические картинки в скромных рамках, изображающих бабочку на цветке, просеку в лесу, парусник на воде. И никаких фривольностей. Доверительно-деловая обстановка располагала к собранности и открытости. В этом месте должна была состояться встреча с джентльменом для обсуждения совместных действий. И только. Молоденькая девица принесла мне кофе и стакан минеральной воды и удалилась, оставив наедине со своими мыслями.

Если бы кто-нибудь рассказал два дня назад, как я проведу выходные дни, и какие грядут перемены, я бы не поверила. Это была совсем другая Ксана Загадочная. Не пластилиновая женщина, из которой можно слепить все, что угодно, не перепуганная черепаха в панцире, а женщина со стержнем. Пусть этот стержень пока не из твердых материалов, но жизнь подвергнет его закалке.

Дверь тихо отворилась, и зашел Андрей. Фотография мало отличалась от оригинала.

- Привет, - поздоровался он, сразу откидывая разделяющую нас границу.

Но сел не рядом, а напротив. По инструкции, как я догадалась. Он должен внимательно изучить заказчика.

У меня не было отвращения к мужчине, который зарабатывает деньги таким способом. Я считала его актером, который каждый раз играл роль в разных спектаклях с разными действующими лицами.

Менеджер мне сразу сказала, что работники их фирмы не мальчики по вызову. Если нужен сексуальный партнер, то здесь я его не найду. Но голос ее при этом дрогнул, из чего я заключила, что расставания заказчика и джентльмена не всегда заканчиваются на пороге дома первого. Еще женщина рассказала, что в их фирму обращаются женщины повторно и заказывают тех же джентльменов, не желая разрушать легенду.

То есть заказчица стойко держится за сочиненную историю, не открывает истины. Ей неловко признаться, что у нее в качестве сопровождающего кавалера «джентльмен на час». Это роняет ее женское достоинство...

- Привет, - сказала я, непроизвольно улыбаясь. Рыжики всегда вызывали у меня умиление.

- Андрей, - представился он.

- Ксана... Перейдем сразу к делу...

Вечером я позвонила Кукушкину и доложила о своей готовности. Лешка пообещал сообщить, когда Хомякова и Демидов будут дома.

Я надеялась на отсрочку, но все случилось через день...

Смутно помню, о чем мы говорили с Андреем, когда добирались на его автомобиле до дома Хомяковой. Он догадался о моем состоянии и попытался нести всякую ерунду, чтобы снять напряжение, но я была похожа на робота, который боится совершить неловкое движение и сломаться.

Когда мы оказались в подъезде, мужчина выудил из внутреннего кармана пальто металлическую фляжку и заставил меня приложиться. Я сначала скривилась, но потом

влила в себя лошадиную дозу. Андрей хмыкнул, спрятал фляжку, взял меня за плечи, внимательно изучил, рывком притянул к себе и впился губами в мои губы. Я так опешила, что не сразу оттолкнула его от себя. А когда оторвалась, то он меня опередил.

- Так надо! – уверенно заявил молодой человек, отменяя мое повисшее возмущение.

В лифте я слизала с губ его поцелуй и... захотела повторения. Мужчина исподтишка наблюдал за мной, но действий не предпринимал.

Так в состоянии легкого опьянения и застопорившегося возбуждения я явилась к бывшей подруге, укравшей у меня мужа.

Дверь открыл он сам. И я поначалу не признала в этом убожестве в трениках Демидова. Сдулся накачанный торс, кожа пошла рябью, щеки впали, а лицо было такого неприглядного мучнисто-зеленого цвета, что я подумала о серьезном заболевании.

Не доедает, - без сочувствия поставила я диагноз и зычно поздоровалась.

Предатель закатил глаза долу, выказывая недовольство. По всему видно, лицезреть супругу у него не было желания. Оценив потолок прихожей, он сфокусировал зрение на мне, а следом и на фигуре Андрея. Челюсть Петра медленно начала двигаться вниз. Я уже хотела остановить ее рукой, но из глубины комнаты раздался знакомый голос, отрезвивший новоявленного хозяина. Вскоре появилась сама Регинка в полуфутболке-полуночнущке с линялым изображением львенка из мультфильма. Ее вид меня также удивил. На лице повисло страдальческое выражение, глаза впали, а правая рука прижималась к животу.

- Привет, - бодро рывкнула я, не стала ждать приглашения, переступила порог и всучила ей в руки торт.

Кавалер замешкался, тогда я ухватила его за рукав пальто и втянула внутрь, сместив опешивших хозяев.

- Познакомьтесь, это Андрей, мой жених. – представила я мужчину «близким» людям, расстегнула пуговицы на новом синем пальто в больших черных горох и скинула его на руки джентльмена. Джентльмен был готов к такому исходу, услужливо принял верхнюю одежду, поозирался по сторонам и не нашел ничего лучше, как сунуть ее Демидову в руки, прибавив еще и свое пальто.

Тем временем я демонстрировала новые сапоги – медленно расстегивала молнию и стягивала с ноги. С первым управилась сама, а со вторым помог «жених», успевший погладить мою щиколотку. Я глупо хихикнула и тронула пальцем его нос. Получилось, на мой взгляд, забавно. И сдержанно-интимно.

Демидов, не сводя глаз с нашей игры, бросил пальто на стоящий рядом столик и смел с него все предметы, разбежавшиеся по прихожей.

Мы проследовали в кухню, за нами потянулись молчаливые хозяева.

Я включила электрический чайник, достала чашки, порезала торт и пригласила стоящую скульптурную группу к столу.

Тишину кухни нарушала моя возня и «пение» чайника.

Не могу в тонкостях вспомнить, что творила в тот чудесный вечер, но повергла двух человек в нокаут. Не только нескончаемым монологом, как поведением. Импровизации было сверх меры, но опытный в этих делах Андрей быстро реагировал на мои слова и действия. Его свободная от чашки рука была занята изучением моей спины, шеи и затылка. Петька находился на грани жизни и смерти. Чтобы вернуться в живой мир, достал из холодильника бутылку водки и, не предложив никому, налил себе в чашку больше половины и стал пить громкими глотками. Кадык на шее шевелился, а мы все заворожено наблюдали. Когда он захотел повтора, Хомякова решительно вырвала из его рук бутылку и, наконец, задала резонный вопрос.

- Зачем ты пришла?

- Хотела познакомить самых близких людей со своим избранником, - поерничала я.

- Познакомила и что дальше? – спросила она, злобно сощутив глаза.

- Дальше? – удивилась я непониманию. – Дальше мне нужен развод.
- И чем быстрее, тем лучше, - вмешался «жених», - Ксана беременна.
- Его импровизация повергла меня в шок. Не знаю, походила ли моя удивленная физиономия на обалдевший фейс Демидова, но она впечатлила Андрея, который сам завернул ситуацию в тугий узел, сам и решил разруливать. Он не сдержался и с чувством перекрыл мне кислород. Я обвила его руками, отгородилась от хозяев и слегка забылась.
- Во время поцелуя Петр успел вырвать бутылку из рук Регины и приложиться к горлышку. Не выпуская тару из рук, он задумчиво протянул.
- Бе-ре-мен-на. – опомнился и поинтересовался. – От кого?
- Не от тебя же?! – ехидно заметила я, намекнув на последнюю постельную борьбу, случившуюся месяц назад.
- Я себя не имел в виду, - испугался бывший супруг и покосился на Хомякову.
- И как давно вы знакомы? – спросила «любимая» подруга.
- Три месяца, - быстро ответил Андрей и ласково укусил меня за ухо.
- Но я ничего н... не знал, - с легким заиканием произнес Демидов.
- Откуда бы тебе знать, если мы не виделись с тех самых пор, как ты ушел к Регине, - заметила я и испытывающе обзрела притихшую парочку.
- Хомякова заерзала и зыркнула на Петра. Я догадалась, что она была в курсе его визитов ко мне, даже являлась их инициатором, но не догадывалась, чем они иногда заканчивались.
- Значит, я была права... Хомякова решила избавиться от меня и прикарманить мое наследство.
- Мы завтра же идем подавать на развод! – отрубила я.
- Я пойду с вами, - сообщил безопеляционным тоном Андрей.
- Отлично! – поддержала я его порыв. – Жду тебя в три часа! – грозно приказала я Демидову, повернулась к своему «жениху» и проворковала, - пойдём, любимый...
- Но Петр не пришел в назначенный час. Я несколько раз звонила ему, но он не отвечал. Андрей находился рядом и терпеливо ждал.
- Ты, действительно, хочешь развестись с бывшим мужем?
- Я об этом мечтаю!
- Тогда почему тебе обязательно нужно его согласие? Если супруг не дает согласия на развод, то иди сразу в суд, а не в ЗАГС, и пиши исковое заявление о расторжении брака. Вам назначат день суда, если Петр не явится, то на первый раз суд перенесут, на второй - разведут без него. Какие проблемы?! Детей у вас нет... Общего имущества, на которое он претендует, как я догадываюсь, тоже нет... - он в который раз обошел гостиную по периметру, изучая обстановку, словно был лицензированным экспертом оценочной компании.
- Я не хотела приглашать мужчину в дом – полную чашу, но так вышло.
- А ты...юридически подкован, - покачала я головой, будто это обстоятельство выходило за рамки приличия.
- Я учусь на заочном отделении юрфака, - пояснил он, приоткрыв завесу своей жизни.
- А работаешь в фирме «Джентльмен на час». – констатировала я.
- Подрабатываю. Надо платить за учебу. Вообще–то, я работаю помощником судьи.
- С ума сойти! – только и смогла произнести я.
- Не стала больше тревожить безответственного Демидова, без раздумий собрала нужные документы и отправилась подавать исковое заявление о расторжении брака. Андрей подвез меня до здания районного суда, я отказалась от его помощи и уверенной походкой вошла по ступеням.
- Я не боялась угроз со стороны Демидова. Теперь у меня есть платный защитник, он же джентльмен, и просто хороший знакомый, он же слесарь Вячеслав...
- Домой я вернулась без заплечного груза. И сразу в дверь позвонили.

Почему-то мне хотелось, чтобы это был Андрей. Я мечтала о его искреннем сочувствии, заботе и ласке.

Но это был не он. На пороге стояли двое мужчин с грубыми серьезными лицами.

- Ксана Андреевна Загадочная? – спросил один из них, тот, что был пониже ростом и пошире в плечах.

- Да, - робко ответила я, предчувствуя неладное. – А вы кто?

Они представились и показали удостоверения сотрудников полиции.

- Вы подозреваетесь в убийстве Петра Демидова и Регины Хомяковой.

- Что? – не поняла я, отступая назад.

Мужчины прошли в прихожую, осмотрелись и вцепились взглядом в мои перчатки. Вернее, в одну мою перчатку, красного цвета, одиноко лежащую на полочке. Вторая непонятным образом исчезла несколько дней назад. Но я ее сразу не хватилась. К новому пальто не предусматривались красные перчатки. Их я носила с прежним, черного цвета, и дополняла наряд красным длинным шарфом, несколько раз обмотанным вокруг шеи. Именно, сегодня я решила сменить обнову на бывшее в употреблении, но еще приличное пальто, и заметила пропажу.

- Найди понятых, - бросил низкий «шкаф» своему подчиненному, не выпуская меня из вида.

В моей голове роем носились мысли, одна умнее другой. Допустим, Петька успел приложиться к бутылке с зельем до ее переезда в мусорный бак, но с той поры прошло пять дней. Срок действия отравы превышен в несколько раз. Организм у супруга крепок, но не до такой степени, чтобы опомниться на пятые сутки. И как я поняла из слов полицейского, Демидов отправился к праотцам не один, а прихватил с собой Хомякову. Не могло так случиться, что они пришли в квартиру в мое отсутствие и приложились к водке. Однако в жизни бывает всякое. Пришли ко мне для убедительного разговора, и пока я отсутствовала, решили успокоить нервную систему. Успокоили, устали ждать и ушли.

Но почему, почему перед тем, как вылить содержимое из бутылки, я не проверила отметину на этикетке?!

- Я имею право сделать один звонок? – пришла в мою голову одна здравая мысль.

- Имеете, - скривился полицейский.

Я позвонила Семену Яковлевичу Зильбергу. Самостоятельно распутать сети, опутавшие меня не без чужого участия, я не могла.

Второй полицейский привел двух соседей, в их присутствии с превеликой осторожностью изъяли одинокую перчатку, поместив в целлофановый пакет. Осмотрели все помещение, ничего интересного не нашли, и увезли меня с собой.

Долго допрашивали в следственном отделе. Я плохо соображала, но уверенно повторяла одно и то же. Бывшего супруга и подругу видела вчера, когда знакомила их с женихом. Надо было видеть лица мужчин, когда я не ответила ни на один вопрос об этом мужчине. Я не стала раскрывать места, где меня свела с ним судьба, сказала, что познакомилась с ним на улице несколько дней назад и попросила сыграть роль влюбленного мужчины, чтобы Демидов дал мне развод.

- А супруг не хотел с вами разводиться? – уцепились они за необдуманно вырвавшуюся фразу.

- Пока не хотел, но я пыталась его уговаривать при любом удобном случае.

- Он не сдавался, и Вы отравили его, а заодно и любовницу, которая до ухода к ней Демидова числилась у Вас в подругах. – констатировал следователь. Он был так счастлив от своего открытия, что готов был пуститься в пляс.

Мое дело дрянь, - окончательно опечалилась я. Последняя надежда на возвращение в родной дом улетучилась.

- Хорошо, что Вы сами признались, что накануне вечером были в гостях, - похвалил он меня, будто я успела сознаться в преступлении. – И улику забыли. Перчаточку. Такую красненькую, - ехидненько улыбаясь, сказал мужчина. – А вторую принесли домой, и положили на видном месте. Что ж Вы так необдуманно поступили?

- В гости к Хомяковой я отправилась, вообще, без перчаток. На улице было плюс десять. – безэмоциональным голосом синоптика поведала я. И ухватилась за последнюю надежду, - мой знакомый может подтвердить это. И на мне было синее пальто в черный горох, красные перчатки к нему не подходят.

- Я вам не кутюрье какой-нибудь, чтобы гадать, что подходит, а что нет, - злобно окрысился он. - И где мы будем искать Вашего приятеля, если Вы не удосужились спросить его фамилию?

Думаю, про себя он дал мне характеристику, но вслух обсуждать мое поведение не стал.

Ночь я повела в камере предварительно заключения. В компании с пожилой женщиной, которая всю ночь вертелась и поминала грубым словом свою никчемную жизнь и дурака Вальку, из-за которого ей пришлось сесть на нары.

Рано утром меня выпустили под подписку о невыезде. Прилетевший спаситель похлопотал за попавшую в беду дочь близкого друга.

Дядя Сеня отвез меня домой, дал возможность принять ванну, а потом подверг жестокому допросу. Я выложила ему все. И про предательство супруга, и про фирму, предоставляющую женихов, и про поход за грибами. Не забыла даже слесаря, которые сменил замки.

После чего долго плакала на широкой груди пожилого мужчины, который обнимал меня, целовал в лоб и обзывал маленькой дурочкой. Когда водопад пошел на убыль, он заявил.

- Ты занимайся своими делами, а займись своими. И выбрось из головы плохие мысли! – приказал Зильберг и исчез.

В тот день у меня были пары в технологическом колледже, поэтому я привела себя в порядок и пошла на работу...

Семен Яковлевич пришел поздно вечером с багажом новостей и поспешил поделиться ими с заинтересованным лицом, которое уже несколько часов бродило подобно привидению по квартире.

После расставания со мной Зильберг вернулся в следственный комитет и попросил ознакомить его с фактами. Как оказалось, Демидов и Хомякова были отравлены свинцовым сахаром, который подмешали к обычному сахару. Преступник знал о пристрастии хозяев к сладкому. Для меня это тоже не было секретом. В большую чашку чая Петька клал три ложки сахара, а в кофе – четыре. К этому пойлу он прилагал конфеты или пирожные в неограниченном количестве. Не отставала от него и Регина, способная умять пяток заварных пирожных за один присест, припевая сладким чаем. Калории не сказывались на их фигурах.

- Свинцовый сахар? – удивилась я. – Впервые о таком слышу.

- Это ацетат свинца, продукт взаимодействия свинца с уксусной кислотой. – повторил явно с чужих слов мужчина, далекий от различных нечеловеческих взаимодействий. – Берут свинцовую дробь или пластины от аккумулятора и помещают в бутылку с уксусной эссенцией, неплотно закрывают пробкой и оставляют на пару недель. Периодически встряхивают, чтобы свинец быстрее растворялся. Нужны еще какие-то манипуляции... В итоге выпадает осадок, его нужно отфильтровать, высушить и продукт готов. По вкусу и по цвету напоминает обычный сахар, причем легко растворяется в воде.

- Человек сразу умирает?

- Не сразу. Все зависит от дозы и своевременно оказанной медицинской помощи. Как я понял, Петр и Регина не обращались к врачу. Медик, делавший вскрытие, сказал, что их подчевали свинцовым сахаром не менее трех дней. Они подумали, что это обычное

отравление. Все симптомы схожи. Недомогание, схваткообразные боли в животе, ломота в конечностях и пояснице. Потом наступает смерть от токсикологического шока.

- Дядя Сеня, но я приходила к Хомяковой позавчера вечером, прошлое двое суток, - начала оправдываться я.

- А смерть наступила вчера утром. Во вторник. Следовательно, добавку в сахарницу они получили самое позднее в пятницу. Криминалист обнаружил свинцовый сахар не только в сахарнице, стоящей на столе, но и в большой пластиковой банке, которая находилась на одной из полок. Еще была килограммовая упаковка, но там наличие отравляющего вещества не выявили. Это я к тому, что из ближайшего супермаркета сдобренный свинцом сахар не приехал. Кто-то проник в квартиру Хомяковой и смешал обычный сахар со свинцовым.

- Как это проник?

- Следов взлома полиция не обнаружила. Значит, злоумышленник воспользовался ключами.

- Или дубликатом. Регинка хранила запасные ключи у соседки. – вспомнила я.

- Эта соседка и воспользовалась ключами, когда не смогла достучаться. Вошла и обнаружила два трупа.

- А зачем она вошла в чужую квартиру?

- Сказала, что Регина взяла у нее электрическую мясорубку, а вернуть забыла.

- Посторонний не мог позаимствовать ключи от квартиры Хомяковой у этой соседки?

- Она утверждает, что никому их не давала, кроме забывчивой хозяйки и ее... сожителя. – Зильберг споткнулся на слове и покосился на меня. – Ксана, как ты могла от меня скрывать, что этот человек так жестоко обошелся с тобой?!

- Не хотела впутывать тебя.

- Что значит – не хотела впутывать?! Я что? Посторонний с улицы? Я тебе, как отец... Я и есть отец. Андрей мне был не просто другом, он был мне братом.

- Прости, я поступила глупо. И теперь понесу наказание.

- ???

- Почему ты так странно смотришь на меня?

- Тебе двадцать четыре года, а ты остаешься по-детски доверчивой и совершаешь необдуманные поступки, как подросток. Не пойму, как в тебе могут уживаться разные по уму и возрасту люди?! - возмутился он и сам дал объяснение. – Это от большого ума! Все ученые плохо ориентируются в реальной жизни.

- То ли еще будет, когда я защищу кандидатскую диссертацию и перейду к докторской! – «успокоила» я покровителя.

- Может, тебе бросить науку, выйти замуж, нарожать детей и забыть свою математику, как страшный сон?

- Папа мне этого не простит, - вздохнула я.

- Да, это точно, - опечалился Зильберг. – Он мечтал увидеть твой портрет рядом с портретом Ковалевской.

- Я не гонюсь за славой, мне нравится сам процесс.

- Я знаю, ты с детства могла сидеть часами над неразрешимой на первый взгляд задачей.

- Эта задача легко решалась, но мне было неинтересно быстро находить ответ, я шла не напрямую, а в объезд.

- И в решении жизненных задач ты также не прешь напролом, - посмотрел на меня с жалкой улыбкой дядя Сеня, словно уже знал о вынесенном мне приговоре.

- Что? Все так плохо?

- Я иду к концу разговора в объезд, - усмехнулся он, - причем, по причине возраста, двигаюсь неспешно. Параллельно веду воспитательную работу. – В глазах близкого человека мелькнул намек на положительный исход. Я присмотрелась, но намек исчез. То ли мне показалось, то ли актер–воспитатель решил, что еще рано подходить к финалу.

- Давай в объезд, лишь бы прийти к правильному решению. – голосом требовательного преподавателя согласилась я.
- Итак, мы узнали о способе убийства и приблизительной дате проникновения в квартиру Хомяковой. Последнее сыграло в твою пользу. Человек, утверждавший, что ты приходила в воскресенье утром к Регине и устроила скандал, а между делом добавила свинцовый сахар - это уже собственная догадка свидетеля - сыграл на твоей стороне. Он не догадывался о сроке действия отравы. Или рассчитал, но неправильно.
- Но о ком идет речь?
- О той же соседке, у которой хранились ключи.
- А зачем ей было нужно травить Хомякову и Демидова и переводить рельсы на меня?
- Слушай дальше. Будет еще интереснее... Когда подозрение под тобой зашаталось, а свидетелей твоего воскресного посещения не нашлось, кроме той соседки, я решил опровергнуть этот вздор неоспоримым алиби. Недаром я просил точно описать последние дни. Обычно ты сидишь по выходным дням дома, на улицу носа не кажешь. На этом и строился подлог. В этот раз ты повела себя иначе. С утра ты ждала слесаря. Кстати, спасибо, что не избавилась от его номер телефона.
- Больно уж человек хороший попался, - вставила я.
- И впрямь хороший парень. Вячеслав Смирнов согласился съездить со мной в полицию и подтвердил документально, что был у тебя в то время, когда ты якобы скандалила с разлучницей. На акте о приемке работ стоит дата и точное время. Тогда полиция заинтересовалась соседкой, а я поехал в фирму, в которую ты отправилась после ухода слесаря Вячеслава.
- Ты ТАМ был?
- А что в этом необычного?! Я по работе и не такие места посещаю... Но почему ты не попросила об услуге того же Славу. Отличный парень и к тебе, как мне показалось, неравнодушен.
- У меня мелькнула такая мысль, но я не решилась предложить ему сыграть роль жениха.
- Скажи прямо, что хотела сразить бывшего супруга более колоритным персонажем.
Я отвела глаза и ничего не ответила.
- В общем, я поговорил с Андреем Звонковым...
- Его фамилия Звонков? – удивилась я.
- Она тебе знакома?
- Нет, не знакома, - покачала я головой. – Наверное, никогда не узнала его фамилию, если бы не обстоятельства.
- Выбирай спутников не по внешнему виду, а по подсказке сердца! – поучительно заявил Зильберг.
- Это ты к чему клонишь? Что кавалер оказался трусом?
- Еще каким! Когда узнал, в какие... обстоятельства тебя, как в пленку, жизнь завернула, сразу пошел на попятный. Знать, не знаю, никогда не видел, никуда не сопровождал.
- Вот тебе и рыжий, приятный во всех отношениях, - загрустила я.
- Жиголо он! – брякнул дядя Сеня. – Быстро навел о тебе справки, узнал, чья ты дочь, и хотел прилепиться, как пиявка.
- Правда, что ли? – не поверила я скоротечной сообразительности Андрея.
- Можешь не сомневаться.
- Потому он и подсказал, как быстрее расторгнуть брак с Демидовым?.. Но я понимаю, к убийству он руку не прикладывал. В то время он не знал о моем существовании.
- Не прикладывал... Но на вопрос ответил и подписал бумагу, что в понедельник, когда вы ходили в гости к Хомяковой, красных перчаток на тебе не было. Он при встрече тебе руку поцеловал. И потом ты их не надевала. В тот день было непривычно тепло,

несмотря на то, что конец ноября... Испугался твой «женишок», что я сообщу на работу, чем он занимается, вот и согласился...

- Так ты его на испуг взял?

- Пришлось... С такими индивидами иначе нельзя. Со Звонковым все... Помнишь, я спросил, кто к тебе еще приходил в прошедшие выходные, кроме слесаря Вячеслава?

- Помню, кроме него был только Кукушкин. Но дальше прихожей он не заходил.

- А зачем ему идти дальше, если улика против тебя лежала под рукой.

- Перчатка? – задыхнулась я. – Это Лешка ее взял. Но зачем?

- Чтобы подкинуть ее в дом Регины.

- Но как он проник в ее квартиру? Он же не взломщик!

- Воспользовался ключом, который был у его тетки, родной сестры его матери.

- Соседка Хомяковой - тетка Кукушкина?..- с трудом справившись с дыханием, протянула я. - Вот из какого источника он черпал сведения о жизни Регины! Эта тетка сразу доложила, что у его возлюбленной прижился другой мужчина. Леха вычислил, кто это и поделился новостью со мной. И все время был в курсе их отношений, ходил ко мне и докладывал. При этом требовал, чтобы я уговорила Петьку бросить Хомякову и вернуться ко мне. Вернее, к моим деньгам. Но я не стала уговаривать, легко отпустила на все четыре стороны. Кукушкин затаил обиду на весь белый свет. На Регинку, которая так и не ответила на его чувство, на любовника, на меня. Он долго надеялся, что девушка одумается, но она...

- Она вlepила ему пощечину утром в пятницу. Во дворе дома, где ее поджидал неугомонный поклонник. Это видела еще одна соседка с первого этажа. Женщина не удержалась, открыла окно и услышала, как девушка говорит о своей ненависти к нему. И требует оставить ее в покое. Думаю, свинцовый сахар Кукушкин приготовил заранее, но все ждал и надеялся, пока не убедился в непоколебимости Хомяковой. Взял у тетки ключи, зашел и подсыпал сахарный свинец. Надо сказать, что соседка и мать Алексея сыграли не последнюю роль в этом деле. Они сами призывали химика найти способ отомстить возлюбленной. Хотели, чтобы Хомякова умерла и оставила их мальчика в покое. Освободила его от себя.

- С ума сойти! – совсем обалдела я от этой трагической истории. – Но какой хитрец! Мстить мстил, а вину хотел спихнуть на меня. Потому и заявился в субботу, якобы хотел поделиться планом возвращения любимого мужа в семью. Не думал, что я загорюсь идеей. Надеялся прихватить улику против меня и отчалить. Про замок, и про «жениха» мне придумалось спонтанно... Но как странно, что нам обоим пришла мысль об убийстве, только я опомнилась, а Алексей воплотил идею в жизнь... И что теперь?

- А что теперь? Теперь Кукушкина будут судить за преднамеренное убийство двух человек. Его уже арестовали, он во всем признался.

- Дядь Сень, если бы не ты... - продолжить я не смогла. Уткнулась в грудь пожилого мужчины и разревелась...

В тот день, я думала, что все плохое позади. Хватит испытаний. Жизнь должна смилостивиться надо мной, перевести за ручку на белую полосу, привычно повернуть на девяносто градусов и отправить в безоблачное будущее.

Но я ошибалась. Черная полоса не выпустила меня, не дала преодолеть забор. Не предоставила даже несколько выходных светлых дней.

Или жизнь решила, что не закалила мой внутренний стержень до конца...

Однообразие влечет за собой быстроту течения жизни. Я не заметила, как пролетел декабрь.

Накануне Нового года ко мне нагрянул Зильберг и приказал быстро собирать вещи. Это он таким нетривиальным способом пригласил меня к себе в гости, чтобы вместе

проводить полный испытаний старый год и с распростертыми объятиями встретить новый - загадочный. Как я – Ксана Загадочная.

Бабуля утверждала, что я такая же загадочная, как ее подруга Светлана Ивановна – болтушка, каких поискать. Любому незнакомцу она выкладывала всю свою подноготную, не забывая о родственниках в четвертом поколении. Только я молчунья, у которой все отражается на лице.

- Учись прятать эмоции! – призывала меня бабушка.

Легко сказать, да трудно осуществить.

Все мои мысли бегут телеграфной строкой по лбу. Как решить эту проблему? Надеть новогоднюю маску, когда надо отгородиться от неприятного собеседника? Представляю себя в маске русской красавицы с румянцем во всю щеку и с короной на голове.

Я «тренировала» эмоции перед зеркалом. Была молчаливым собеседником телевизора, с экрана которого выливали на зрителей чужие проблемы, желая отгородить их от собственных. Различные ток-шоу мало трогали меня, вызывали притупленное бешенство, что отчетливо отражалось на лице. Тренировка на пользу не пошла.

Потом я нашла способ регуляции внутренних переживаний. Во время разговора я старалась не вступать в диалог и думать о своем. При этом выглядела полной идиоткой. Человек рассказывает о серьезных вещах, а я прислушиваюсь к бурчанию в животе, мечтаю о тарелке борща с куском белого хлеба и глумливо улыбаюсь.

В итоге я перестала бороться с лицевым телеграфом. Пусть все остается по-прежнему...

Новый год я встретила в большой семье Зильбергов. Шумно и весело. И ужасно устала от этого. Я привыкла жить одна. Тихо и спокойно.

Через два дня засобиралась домой. Дядя Сеня и все его семейство меня долго уговаривали, но я была непреклонна. Сослалась на грядущие экзамены, только до экзаменов была целая неделя. Но зачем им об этом знать?

В аэропорту Семен Яковлевич в который раз предложил мне переехать в Москву. Я в который раз отказалась, но желая смягчить отказ, обещала подумать.

Квартира встретила меня тревожной тишиной. Я опять подумала о кошке, связала ее с непроходимым одиночеством, и передумала.

Погостив в большой семье Зильбергов, я мечтала о покое, но он быстро мне наскучил. Через пару дней позвонила Вячеславу Смирнову. Он сразу предложил мне сходить в кино, а я сразу согласилась. Затем отбросила в сторону мобильный телефон, словно он был виновником моей навязчивости, и раскаялась в своем поступке.

Почему меня бросает из стороны в сторону? Будто я нахожусь на палубе корабля, попавшего в шторм. Качнет вправо – меня тянет к людям, и тут же перекидывает на левую сторону – я во всех вижу врагов и желаю одного – закрыться на все замки, лечь в постель и накрыться с головой одеялом.

А если слесарь Смирнов тоже корыстный человек? И ему нужна не я – Ксана Загадочная – будущий кандидат математических наук с грошовой зарплатой, а мое богатое наследство.

Как просчитать вероятность бескорыстной любви? Для этого при знакомстве надо назваться чужим именем и скрыть место жительства. А еще лучше снять убогую квартирку и привести мужчину в гости.

Проверка чувств искусной ложью.

Как в сказке, где один король выдавал себя за простолюдина. Но капризная принцесса влюбилась в него и согласилась выйти замуж.

С Вячеславом этот номер не пройдет. Поезд ушел. Не в том месте нас свела судьба.

Но идея родилась неплохая. Надо при случае применить ее на практике.

Отбросила сомнения и отправилась на свидание со Смирновым...

Мы походили на подростков, впервые пришедших в кинотеатр без родителей. Смущенно улыбались, ели мороженое, пили колу, хрустели попкорном. И прятали глаза. Не знаю,

почему это делал Слава, а я не хотела, чтобы он заметил в моих глазах непроходимую тоску. Губы и глаза не действовали в связке.

Вернувшись домой, я долго стояла в прихожей перед зеркалом и изучала себя. На меня смотрела старая девочка с потухшим взглядом.

Безвозвратно ушла первая любовь. Во мне поселилось недоверие к людям.

Интересно, недоверие лечится? Есть лекарство от этой болезни, накрывшей меня? Думаю, пока не изобрели. Все зависит от самого человека. Если есть желание возродиться заново, освободиться от воспоминаний, то выздоровление наступит. В противном случае подкрадется депрессия и проглотит тебя, как крокодил солнце...

Однажды я нашла в почтовом ящике рекламный листок с напечатанным текстом следующего содержания: «Прорицательница Ефросинья укажет путь заплутавшему по жизни путнику». И указан номер телефона.

Хорошенькое дельце! Заплутал в жизненных дебрях, набрал указанный номерок, попросил о помощи, а тебе говорят:

- Ступай, мил человек, прямо, увидишь развесистый дуб, от него повернешь налево, сделаешь десять шагов, затем направо двенадцать шагов, на юго-запад шестнадцать, заметишь медвежью берлогу, обогнешь ее по радиусу, равному пятидесяти метрам, вернешься на ровную линию и чеши себе, чеши, пока не свалишься с обрыва. Не расслабляйся! Поднимайся, отряхивайся и дуй дальше. Говоришь, впереди река? Ничего, давай вплавь! Плавать не умеешь? Сооруди плот! Инструментов и поручных материалов нет! Ищи мост! Нашел?! Молодец! Это и есть простой выход! Только осторожно, он хлипкий и без перил. Когда переберешься на тот берег, поймешь, что все проблемы позади. Впереди будет ровная дорога без ухабов... С вас четыре миллиона двести тысяч рублей двадцать две копейки!.. Как нет?! В этом случае встречный ветер вернет вас на то место, откуда Вы дозвонились...

Я, конечно, утрирую, но все будет происходить приблизительно так.

Я скомкала рекламку, сунула в карман и забыла о ней.

До той поры, когда одиночество стало душить меня своей уверенной крепкой рукой.

Ласковая весна обошла меня стороной, не тронула теплым солнечным лучом, не растопила внутренний холод. Я была на льдине, плывущей в радостном человеческом потоке.

Неприятности накапливаются, накапливаются, как невыглаженное белье, а потом к стопе прибавляется маленькая льняная салфетка, и все падает вниз. Так произошло со мной, когда проезжавший мимо автомобиль окатил меня грязной талой водой с головы до ног. В другом случае я бы мысленно припечатала водителя витиеватым выражением, и пошла дальше. Теперь это непредусмотренное омовение стало последней каплей.

Я долетела до дома, благо все произошло неподалеку, опустилась на пол и начала выть, как белуга. Обессиленная и изможденная взрывом чувств, с трудом стянула с себя всю одежду и пошла в ванную. Долго лежала в пене и отгоняла мысли о самоубийстве. Но они упорно лезли, расталкивая другие, более радужные. Можно выпить упаковку снотворного, лечь в постель и уснуть вечным сном.... И сколько я так пролежу?.. И в каком виде меня увидят люди, вскрывшие замок? Мне будет уже все равно, но впечатление о себе оставлю гаденькое. Вены вскрывать я тем более не собираюсь. Я девушка стыдливая, голым трупиком предстать не желаю. И крови боюсь. А если удавиться? Бр-р-р, какая я буду страшная!

Ни один способ ухода из жизни меня не устраивал. Я попыталась забыться, закрыла глаза и сразу ясно увидела быструю речку и шаткий мосток, через который я могу выбраться на другой берег, где жизнь будет совершенно иной.

- Прорицательница! – осенило меня.

Я вылетела из ванны и вся в пене поковыляла к шкафу. В нем висела шуба, в кармане которой должен храниться рекламный листок.

Он терпеливо ждал своего часа. Я любовно разгладила измятый лист кулаком, с выражением прочла написанное, словно учила наизусть, а затем взялась за телефон.

И... сначала опешила, услышав обычный женский голос. Без проникновенных ноток, без трагизма и пугающего внушения. Поэтому сразу не откликнулась, решив, что перепутала номер. Сверилась с написанным на бумаге и вкрадчиво поинтересовалась.
- Это прорицательница Ефросинья?

Мне представлялось, что у этой вещуньи должен быть штат помощников, и в данном случае мне отвечает секретарь. Но если это секретарь, то он плохо выполняет свои обязанности. Для начала он должен поздороваться и назвать место, куда я попала, а не гнусавить: «Я Вас слушаю». Кто это «я» и кого этот «я» представляет?

После непродолжительной паузы мне ответил тот же голос.

- Да, это Ефросинья.

Конкуренция на рынке прорицания не дает возможности взять на работу большой штат сотрудников, - подумала я. – И это к лучшему, что у ворожеи прямая связь с народом. Слышишь голос и понимаешь, что это обычная немолодая женщина, не опереточный персонаж, который жеманно тянет гласные.

- Меня зовут Ксана. Э-э-э, мне бы хотелось, - я снова уткнулась в рекламу, - чтобы Вы указали путь... То есть мне надо выбраться из заплутания. – Красноречием математичка не отличалась, но несколько слов искусно связать могла. Но не сегодня.

- У Вас проблемы, - догадалась прорицательница с такой радостью, что я подумала о громаде ее собственных проблем, забыть которые позволяют чужие неприятности.

- Даже не знаю, - призадумалась я, - как охарактеризовать мое теперешнее состояние.

- Давайте не будем обсуждать это по телефону. Как Вам удобнее, чтобы я приехала к Вам или Вы ко мне?

Даже так? – мысленно удивилась я. - Прорицательство на дому! Похоже на вызов представителя сферы услуг. Я загорелась желанием остаться в кругу своих стен, способных протянуть руку помощи в критический момент, но вспомнив недавнюю установку, заявила.

- Лучше я приеду к Вам! Назовите адрес!

Оказалось, что мне нужно пройти всего несколько кварталов. Вещунья принимала на улице Гоголя, дом шесть, квартира двенадцать.

Девятиэтажный дом с двумя подъездами не вызвал интереса, как и подъезд. А чего я хотела, чтобы на входе висели амулеты, а в качестве консьержа сидел черный ворон и пронзительно каркал, настраивая на волну ужаса? Я проигнорировала лифт и дошла пешком до третьего этажа. Нужная квартира находилась справа от лестницы. Никаких табличек возле двери не наблюдалось. Я потопталась, тоскливо обернулась назад, но взяла себя в руки и надавила кнопку звонка.

Дверь распахнулась, и я увидела на пороге пожилую седовласую женщину в обычном сереньком платье, доходящим до щиколоток. Никаких балахонов, вампирского макияжа, черных головных повязок. На морщинистом лице выделялись темные глаза, поражающие своей пронзительностью. Не глаза, а две ракетные установки, поражающие цель. В данном случае целью была я.

- Здравствуйте, - промямлила я, тушуясь под ее взглядом.

- Здравствуйте, Ксана. Проходите, пожалуйста.

Я сняла пальто, повесила его на вешалку и проследовала за Ефросиньей.

В квартире была всего одна комната, и та походила на скудное офисное помещение: у окна стоял стол, причем так, что сидящая лицом к посетителю вещунья оставалась в тени. Свет обволакивал ее фигуру, создавая ореол. Складывалось впечатление, будто она не существует наяву, появилась лишь для того, чтобы указать путь движения, укажет и

мигом исчезнет. Рядом со столом стояли два глубоких кресла, в одно из которых я опустилась. Светлые голые стены, открытая неинтересная панорама за окном, полы из коричневого ламината – все не отвлекло от цели визита.

Я думала, что прорицательница гадает на картах. О картах таро я имела смутное представление. В нашей семье никогда не водились никакие карты.

- Азартные игры отрицательно сказываются на развитии ребенка! – утверждала бабушка.

Что уж говорить о девичьих гаданиях на бубнового короля. В школе я не раз присутствовала при раскладывании карт и удивлялась, как ловко одноклассница рассказывает очевидные истины, а все удивляются, будто впервые слышат. С тех пор у меня сложилось негативное отношение к магии разного рода. Но жизнь заставила поступиться принципами.

- Я...

- Можете ничего не рассказывать. Я сразу все поняла про Вас. – остановила мое робкое вступление прорицательница, не спуская с меня своих необыкновенных глаз.

Ее простой говор путал меня: с одной стороны успокаивало отсутствие эффектной театральности, а с другой отпугивала приземленная натуральность. Тетенька от сохи устала от трудов праведных и надумала маленько подзаработать – выдумала себе дар, возможно не без помощи близкого родственника, под руководством которого освоила азы психологии, и теперь вещует направо и налево, говоря прописные истины, как моя одноклассница – гадалка. Любой женщине нужна любовь, если даже она наличествует, ее все равно не бывает в избытке. Не хватает мужского внимания, раздражает надоевшая работа, злит привычная нехватка денег, бесит однообразие. Когда проблемы накопились до предела, женщина понимает, что нужна помощь извне. Требуется совет постороннего человека, возможно профессионала или самородка. Профессионал будет говорить на непонятном языке и окончательно ее запутает. Лучше обратиться к самородку, он ближе к народу, легче поймет суть вопроса. Она приходит к этому человеку, тот глаголет очевидные вещи, женщина удивляется – как сама не нашла простого ответа! Восхищается проницательностью колдуньи, не догадываясь о зазубренности озвученного вывода.

Но я-то?! Будто бы неглупый человек, а попалась на удочку, как оглодавший карась!

- Вижу в Ваших глазах недоверие, – пропела Ефросинья. – Для человека Вашего склада ума свойственно не верить в предсказания, гадания... Но я не расскажу о грядущем будущем, я подскажу, как изменить жизнь. Если Вы пришли ко мне, значит, что-то в этой жизни Вас не устраивает. – Не дождавшись подтверждения своей догадки, она продолжила. – Один мудрец говорил: «Когда в жизни случаются неприятности, нужно только объяснить себе ее причину – и на душе станет легче».

Мудреца звали Иммануилом Кантом, его высказывание мне было известно, но я не стала умничать. Я пришла выслушать прорицательницу. Просто выслушать, а выводы я сделаю сама. И касательно нее, и ее указаний жизненного пути.

- Все Ваши неприятности кроются в безразличии. Я не берусь утверждать, что Вы холодная и бесчувственная. Но очаг эмоций запрятан так глубоко, что не может выйти наружу. Думаю, у Вас произошла трагедия. Настоящее убийственное горе, от которого Вы никак не оправитесь. Оно погрузило Вас в анабиоз, так легче жить. Вы видите окружающее пространство сквозь пелену, плохо ориентируетесь, возрождаетесь, когда занимаетесь любимым делом. Затем вновь отрешаетесь от жизни. Срабатывает инстинкт самосохранения. Таким образом Вы защищаете себя от новых ударов судьбы. Они не достигают цели... Не так давно Вы пострадали от предательства близкого человека, он понес наказание, а Вы без эмоций восприняли его смерть. Хотя, любили его.

- Своим поведением он выбил из меня любовь к нему. Я сама была готова расправиться с ним, но у меня не хватило смелости. – не выдержала я.

- Вам легче отступить, чем бороться. – пожурела Ефросинья.

- А зачем бороться за человека, который тебя не уважает? Уважение - основа любви.
- Но первоначально Вы думали, что этот мужчина Вас любит?
- Обманывалась.
- Это не так. Вы привыкли к любви близких. Они окружили Вас невероятной любовью. Вы отвечали им взаимностью. И решили: когда один человек любит другого, тот обязан ответить на его чувство. Не имеет права не ответить. Увы, так бывает не всегда, люди превращаются в вампиров и питаются чужой любовью. Но со временем происходит насыщение...
- Она не крестьянка от сохи, - подумала я. – Мудра и умна. А чтобы внедриться в душу человека прибегает к просторечию. Но не в обычном понимании, употребляя специальные грамматические формы, а добавляет к голосовым ноткам доверительную тональность, как бубушка-сказительница.
- Я не мучила супруга признаниями в своей любви, не просила ответных заверений. – вставила я.
- Он устал от вседозволенности. Вы позволяли ему все! Мужчине нравится иногда пошалить, но скрытно, чтобы жена не прознала, впрыснуть в кровь адреналин.
- Я считала, что терпение – основное качество женщины.
- Бог терпел и нам велел, - покачал головой прорицательница. – Но для всякого терпения есть граница, за которой находится запретная зона. Ваш муж перешел эту границу, любовь превратилась в ненависть. Вы сами об этом упомянули.
- Я не хочу вспоминать бывшего супруга! – решительно возразила я.
- Если мы не разберем ошибки прошлого, мы не сможем войти в будущее. Будем топтаться у ворот, не решаясь постучать.
- Я уже поняла, что моя безэмоциональность, мое безразличие, моя нерешительность не позволяют изменить жизнь в лучшую сторону. Но все это общие слова. – скептически заявила я.
- Я могу дать конкретный совет.
- Дайте! – приказала я. – За советом я к Вам и пришла!
- Я рада, что воспоминания заставили Вас приоткрыть дверь бункера, в котором Вы закрылись по собственной воле. Выйдите на улицу, убедитесь, что войны нет. Никто не собирается нападать на Вас. Не все люди лгуны, предатели и притворы. Если однажды повстречался подлец, это не значит, что все ему подобны. Все разные! Надо научиться распознавать людей. Но для этого надо иначе взглянуть на мир, раскрыться, впустить свет, сменить минорный настрой на мажорный. Пугают последствия? Но без ошибок жить нельзя. Надо подниматься и идти дальше. Не идите с оглядкой, не бойтесь огорчить того, кто находится рядом. Согласитесь – Вы привыкли жить под опекой близких людей. Ужасно признать, что их больше нет. И теперь никто не стоит за спиной, никто не даст правильный совет, никто не пожурит. Я не требую их забыть, но не нужно их воскрешать... Неужели у Вас нет подруги, чтобы излить ей душу?.. Вижу, что нет. Я - крайняя инстанция. Вы боитесь насмешки, неискреннего сочувствия, ненужного совета. Поэтому закрылись в блиндаже, вырвали из груди сердце, чтобы в нем не родилось еще одно безответное чувство, способное убить окончательно. Я сейчас скажу прописную истину – без любви жить нельзя!
- Возлюби ближнего своего, как самого себя - «Евангелие от Матфея». – задумчиво сказала я. – А если нет никого рядом?
- А сейчас мы перешли к самому главному. – трагическим шепотом произнесла Ефросинья, отчего меня бросило в жар. – Однажды тебе повстречается человек, которому будет необходимо твое участие. Протяни ему руку помощи, даже если он будет тебе неприятен. Это станет поворотным моментом в твоей жизни.
- Я должна... приютить убогого? – вздрогнула я, не заметив, как прорицательница перешла со мной на «ты».

- Ты сама все поймешь. Со временем. Только не ходи по улицам с видом розыскной собаки. Всему свое время... А теперь иди.

Я с трудом пошла к выходу на затекших ногах.

Уже на улице я опомнилась: А деньги?! Ефросинья не взяла с меня ни копейки! Что это – бескорыстность? Или она уверена в неблагоприятном исходе?..

Некоторые советы прорицательницы я взяла на вооружение. Освободилась от паранджи, под которой пряталась, открыто стала смотреть в глаза прохожих, реагировать на изменения. Училась заново улыбаться, радоваться мелочам. Во многом помог Слава Смирнов – открытый добрый человек, не держащий в уме коварных мыслей. Он не предпринимал попыток сблизиться, сменить статус друга на статус жениха. Он догадывался, что мое сердце находится в анабиозе, а я сама на пути от сна к яви.

В июле Вячеслав собрался в отпуск. Он грезил морем и звал меня с собой. Я пока не готова проводить двадцать четыре часа рядом с посторонним человеком. Да, с посторонним. Если мужчина сразу не стал магнитом, не притянул к себе, он не станет им никогда. Это мое личное мнение. Один брошенный взгляд на незнакомца способен вызвать бурю чувств. Я терпеливо ждала бури. Отвлекалась от неписанных красавцев, сосредотачивалась на обычных мужчинах, ожидая подсказки сердца, которое вмиг оживет и ударит в грудь.

О какой помощи говорила Ефросинья?

Может, это пожилой мужчина, которому потребуется мое участие? Ему станет плохо с сердцем, а я тут как тут с валидолом. Суну таблетку под язык, вызову медиков и стану терпеливо ждать их приезда, сидя на асфальте. Голова больного будет покоиться у меня на коленях, а я, желая успокоить, стану гладить по лысой черепушке с остатками некогда бурной растительности и говорить ласковые слова... Пардон, о каких словах идет речь, если я впервые вижу этого человека в поношенной одежде и запахом немытого старческого тела?! Почему сразу в поношенной и немытого? Может, он вполне еще ого-го: на нем светлые брючки с лезвийными стрелками, удобные туфли из замши, модная сорочка в легкую полоску, расстегнутая на три пуговицы, в прорезе которой видна рельефная мускулатура. И разит от него за версту Диором. Потом окажется, что неподалеку припаркована его крутая тачка, о которой он вспомнит, когда его тело, тьфу, его самого, будут загружать в машину скорой помощи. Посмотрит на меня впечатляющими карими глазами, пусть карими, как у Петьки, проведет своими ослабленными пальцами по тыльной стороне моей ладони, бр-р-р щекотно, и попросит оказать услугу – перегнать его авто к больнице, где он будет восстанавливать здоровье, а заодно поминать меня добрым словом и ругать себя за несообразительность? Почему не спросил мое имя, не поинтересовался номером телефона? Я дам ему пару дней для мучений, затем заявлюсь в палату с букетом цветов... Нет, с авоськой апельсинов... Банально, но ладно... Нет, все-таки, с крохотным букетиков ландышей. А если на ландыши не сезон? Что мне мая ждать? Не столь важно, главное – вот она я – спасительница немолодого и вполне симпатичного мужчины. А он, естественно, холост или вдовец, и уже думал, что находится у последней черты жизни, но тут появляется девушка мечты его молодости, которая эту самую молодость разбудила в увядающем сердце... Что делать с разницей в возрасте? И почему я не рассказываю о своих чувствах к этому человеку? Снова думаю, что его любовь потянет тросом мою собственную? Допустим, после общения он меня заинтересует. Это уже кое-что. День ото дня мужчина все больше будет завоевывать мое внимание, и в конечном итоге завоюет и меня – молодую умную математичку с букетом симпатий. Он сам удобрит почву, тщательно польет, появится росток, быстро достигнет нужных размеров и порадует обилием цветов. Вот тебе и букет симпатий. Сама я расцвести не могу, нужен опытный садовник. А опыт, как известно, приходит с возрастом. Что и требовалось доказать!.. Это я о разнице в

возрасте между мною и избранником. Скорее, между избранницей и рыцарем – мечтателем.

Можно сделать первый вывод – возраст мужчины не имеет значения. Имеет значение внешность и умение ухаживать за этой внешностью, несмотря на шесть десятков прожитых лет. И еще – это немало важно – он должен увлечься мною. Пусть это будет не любовь с первого взгляда. О какой любви может идти речь, когда у человека сердечный приступ? Но даже больное сердце правильно отреагировало на присутствие Женщины. Заметьте, о себе я говорю с большой буквы. Начинаю себя уважать. Именно, поэтому не протяну свое воскресшее сердце к нему на ладонях первой. Толчок к отношениям должен исходить от мужчины. Жаль, что я была слишком молода, когда влюбилась в Петьку и этого не понимала. Пыталась завоевать интерес взятками. Взяточная любовь не принесла счастья ни мне, ни Демидову.

Прорицательница не совсем была права. Я ни жестокий человек, ни безжалостный. Я не нахожусь в анабиозе. Я прячу в сундук обиды, проблемы, горе, и закапываю его глубоко-глубоко. Это слабохарактерность? А мне кажется – особый вид силы воли. Не каждый решится расстаться с горем. Не носиться с ним, вызывая жалость и желая получить порцию успокоения от любого прохожего, а взять и зарыть. Конечно, мой затравленный вид не говорит о ходящем по пятам счастье. Этим видом я отпугиваю мужчин. Но неужели для любви нужно расточать флюиды желаний? Почему молодой человек не может обратить внимание на печальную девушку? Или боится резкого ответа на простой вопрос. Или на два вопроса: «У Вас что-то случилось?» и «Чем я могу Вам помочь?» В голосе должно присутствовать искреннее участие. Неискренность, брошенная на ходу, позволит грубо парировать ответ: «Не твоё дело!» Но не в моем случае. Я не могу быть грубой или резкой. Как не могу сразу раскрыть душу. Может, нужно чаще брать билет на поезд, садиться в вагон и изливать накопившиеся проблемы случайному попугачику?..

Следующий вывод – мужчина должен быть внимательным и искренним. А я в ответ не должна тотчас вешаться ему на шею. Но что подразумевать под вниманием? Отметая неоригинальные вопросы: «Который час?» и «Как пройти в...», я пока не догадываюсь, какие надо услышать слова, комплименты, чтобы сбавить темп быстрой ходьбы и повернуть голову в сторону говорящего. И зачем мне их знать? Все случится спонтанно, без заранее написанного сценария. Ефросинья утверждала, что не надо торопить события. Встреча случится рано или поздно. Лучше рано...

Я оглянулась по сторонам, словно не вышагивала по пешеходной дорожке, а норвила перебежать проезжую часть в неполюженном месте.

Это еще один вариант знакомства. Хочется его проработать. Или просто помечтать.

Например, на проезжей части случится авария, пострадает пешеход, у которого редкая группа крови... Почему-то в голову лезет одна нездоровая тематика, в прямом смысле этого слова. У меня помощь ассоциируется с проблемами со здоровьем, накрывающими посередине улицы. Однако продолжу начатую тему аварии. Я вызовусь быть донором и спасу молодого мужчину (чувствуете разницу!) от смерти. Но у меня обычная кровь третьей группы с положительным резус-фактором.

Ладно, уходим с густонаселенных улиц города и переезжаем на лоно природы. Будний день. Озеро в виде стопы человека, наполненное голубой водой. Вокруг ни души. Вернее, всего две души: я и рыбак... средних лет. (Рассмотрю-ка я все варианты!) Я приехала на автобусе и прочапала два километра пешим ходом. Устала, вспотела, ноги гудят, спина ноет, но при виде распрекрасного водоема, забываю обо всем. Откидываю в сторону рюкзак, за ним летят шорты, футболка и кроссовки, вытягиваюсь во весь свой «гигантский» рост и лечу к воде. Долгожданной, прохладной, ласковой. Ухожу ко дну, чтобы... напугать единственного свидетеля, прогуляюсь там пару минут, вру - пару я не выдержу, всего секунд тридцать – это мой максимум, потом вынырну пробкой из-под шампанского, которая случайно попала в пожарный рукав, расставлю красиво руки, как

девушка – синхронистка, выступающая соло, и... И перейду на обычное неспешное плавание, бороздя водные просторы параллельно берегу, не доходя до камышей, среди которых притаился мужчина в серых потертых джинсах, заправленных в высокие сапоги-затросты, на нем клетчатая рубаха с беспечно подвернутыми рукавами, соломенная ковбойской шляпе, в руках удочка. Недвижимый поплавок его мало интересует, все внимание приковано к плавающей миниатюрной русалке с короткими каштановыми волосами. Тем временем девушка выходит на берег. Из воды показываются ее плечи, затем грудь, облаченная в чешуйчатый блестящий купальник, тонкая талия, упругая упакованная в чешую попа, стройные ноги, тонкие щиколотки, маленькие стопы. Рыбак забыл об удочке, которая решила утопиться. Он провожает русалку замороженным взглядом, проводит языком по обветренным потрескавшимся губам и задумывается. Как привлечь внимание красавицы? Скользит глазами по глади озера и вздрагивает, заметив лежащие на поверхности вызывающе прекрасные кувшинки. Белые острые лепестки, как фарфоровая изысканная чашка с присосшим сбоку зеленым плоским блюдцем овальной формы. Рыбак повторяет мой маневр, выходит на берег, ловко прячется среди камышей, появляется вновь – теперь уже без облачения. Это я погорячилась – он в черных плавках с белыми якорями. Я исподтишка оцениваю его фигуру в целом, ставлю в виртуальной зачетке «отлично», и жду развития событий. Я догадываюсь о цели его заплыва, но делаю беспечный вид, отдаваясь солнечным лучам. А мужчина в это время уже направляется ко мне с одиноким нежным цветком в руке. Его любовь к живой природе достойна уважения. Как и желание порадовать незнакомку. На половине пути он охает, я разворачиваюсь и замечаю гримасу боли на его симпатичном мужественном лице. Сначала уходит под воду рука с зажатой в ней кувшинкой затем и он сам. Не раздумывая, я бросаюсь на помощь. Я запомнила место, где он исчез. Быстро бью олимпийский рекорд на открытой воде, ныряю и сразу вижу мужчину. Он почти на дне, но не сдаётся: одной рукой растирает ножную икру, а из другой не выпускает живой презент, предназначенный мне. Я подплываю сзади, подхватываю его под подмышки и начинаю нелегкий подъем, помогая себе ногами-ластами. Мы уже на поверхности воды. Наконец, чувствую твердое дно, вытаскиваю мужчину на берег и заваливаюсь вместе с ним. Сердце колотится, как сумасшедшее, руки и ноги дрожат, не могу перевести дух от лежащего на мне крупного мужчины в полубессознательном состоянии. Я с трудом скидываю его с себя, при этом переворачиваю на живот, он закашлялся, открывает глаза и произносит.

- Спасибо.

И теряет сознание. То ли от шока, то ли от боли в сведенной судорогой ноге. Но скорее всего, от любви, шаркнувшей его по голове. И не мудрено – он закоренелый холостяк, давший обет безбрачия. Прямо, как монах.

Я с трудом переворачиваю его обратно. Пока мужчина без сознания, я могу внимательно его рассмотреть. Выпуклые надбровные дуги, черные густые ресницы, орлиный нос, мягкие на ощупь губы (я не удержалась и дотронулась до них, а затем до своих губ, словно скрепила наше знакомство передаточным поцелуем), волевой подбородок с едва пробивающейся щетиной. Крепкая шея, торс...

На этом сексуально-романтические мечты закончим.

Чтобы продолжить, надо быть русалкой, волнующей фанатичного рыбака. Иначе кроме возмущенного окрика ничего не получишь.

И как человек честный, хочу признаться - из меня пловец, как из солиста балета краснодеревщик. Могу проплыть метра три, не более. Это в пресной воде, в море в два раза больше. Предпочитаю плескаться у берега. А про погружение со снаряжением и без оного я, вообще, молчу. Боюсь водных глубин, а если ныряю, то глаза зажимаю так, что под носом ничего не увижу, не говоря о притаившихся на дне людях или чудовищах.

Но согласитесь, красивая история получилась. Это намек – мы, женщины, тоже кое-что можем.

Вывод из этой сочиненной истории – мужчина должен быть романтичным и не забывать произносить слова благодарности, а не принимать любое внимание, как должное. Накормили обедом, поблагодари, идешь мимо бабули с ведром пустяшный цветков, остановись, купи букетик и подари его возлюбленной, устрой праздник, за которым последует романтический вечер и...

Я остановилась у светофора в толпе прохожих. Уже загорелся зеленый свет, а я продолжала мечтать.

- Чего встала, как парализованная корова! – услышала я сзади недовольный рык. Повернулась и увидела немолодого взбешенного мужчину. Нормального, ухоженного.

Не думаю, что он спешит на работу, в таком возрасте грех торопиться, надо наслаждаться каждой минутой пенсионной жизни, не разменивать чувства разного характера по мелочам. Беречь себя и уважать окружающих. Тем более грустных и тихих, которые не способны дать сдачи.

- Извините, - вырвалось из меня в тот момент, когда он лавировал вокруг «парализованной коровы».

Мужчина стукнулся о невидимую преграду, заново увидел меня и пробормотал.

- Это... Вы... меня извините, девушка. – и пошел, ссутулившись, дальше.

Пример того, как надо реагировать на хамское поведение. Но лучше...

- Не лучше! – вслух заявила я, стал предметом изучения мечущейся народной массы.

Не лучше, - мысленно повторила я. – Не лучше изолировать себя от людей. Засесть дома над диссертацией и разучиться разговаривать. Употреблять только специфические термины и забыть о простом общении.

Опять на ум пришла снегурочка, которую отпустили к людям.

Печальный конец сказки известен каждому. Но снежная девушка успела познать чувство любви...

Я замерла у большой стеклянной витрины, изучая собственное отражение.

Ничего общего со Снегурочкой я не нашла. Если только некоторая заторможенность в движениях, которая сейчас не выявлялась. Из блестящего стекла на меня смотрела милостивая девушка с большими удивленными глазами. Дикарку выпустили из леса, - подумала я, хмыкнула и зашагала дальше. Мимо прошкандыбал бомж в грязной, некогда коричневой, куртке, вязаной шапке, сбившейся набок, замусоленных штанах и ботинках без шнурков.

А вдруг ко мне в дом придет подобное существо и попросит о ночлеге?.. Допустим, на дворе суровый февраль, метель, стужа. Как я должна поступить?

Я усердно потянула носом, Хотя, упомянутый экземпляр уличной жизни успел отдалиться метров на пять, за собой он оставил шлейф сумасшедших ароматов. Мне показалось, что запах давно немытого тела подобрался ко мне вплотную. В животе произошли обратные действия, и недавно уложенная туда пища потребовала обратного выхода.

На такие жертвы я пойти не могу!

При всей анабиозности жизни, рефлексy действуют безотказно.

Ефросинья просила не заикливаться на встрече с человеком, нуждающимся в моей помощи. Не буду! Сосредоточусь на диссертации. Но стану сочетать умственный труд с праздным шатанием. Прогулка по улицам даст возможность привыкнуть к людям. Почувствовать себя общим с ними организмом...

Но я обманывала себя. Я надеялась на случайное знакомство, которое поможет найти себя...

Однажды во время блужданий по улицам города я повстречала свою сокурсницу – Анну Филимонову. Она окликнула меня из окна классного автомобиля, за рулем которого сидел бритоголовый гамадрил, оказавшийся ручным и безвредным.

- Лаврентий, я поболтаю с подругой, а ты езжай домой! – приказала она, после того, как успела облобызаться со мной и отпустить парочку искренних комплиментов, основой который был мой бараний вес. Сама Анька увеличилась вдвое и необыкновенно расцвела. – Мой муж, - бросила она в сторону удаляющегося авто. – Занимается ресторанным бизнесом.

- А ты? – поинтересовалась я, не выпуская из ладоней ее пухлые ручки.

- А я у него основная движущая сила. Направляю, подсказываю, держу на контроле бухгалтерию. Но главное – воспитываю его детей! – с гордостью заявила Филимонова.

- И много их у тебя?

- Двое! Сейчас отправила к бабушке в Израиль. Я по мужу Кесельман... Санька, как я рада тебя видеть.

- И я.

В университете мы близко не общались. Анну считали случайным попутчиком: все были помешаны на математике, а она не грезила точными науками. Зачем поступила на наш заумный факультет, оставалось загадкой до конца учебы. Втихомолку пописывала стихи, на лекциях стучала под столом спицами, но без труда сдавала сессию. Пусть на тройки, но без пересдачи. Об увлечении Филимоновой поэзией мы узнали случайно. На втором курсе теорию вероятностей у нас вел препротивный хлыщ. Молодой мужчина, внешне вполне приятный, но мы его невзлюбили с первого занятия. Доцент Успелов стоял за кафедрой и бубнил материал, который нам казался ненужным и неинтересным, а он не старался завоевать наше внимание. А за невнимание он мелко мстил. Посередине лекции он прозревал, выкидывался из пучины собственного бреда и оказывался на берегу непослушания, где все занимались чем угодно, только не теорией вероятности. Даже я – студентка–отличница – вяло конспектировала речь преподавателя, а играла с Хомяковой в крестики-нолики – чрезвычайно интеллектуальную игру для будущего ученого-математика. Со стороны казалось, что две девицы усердно конспектируют чужой бред. К середине семестра лекции Успелова посещали особо стойкие, поэтому из пятидесяти списочных присутствовали не более половины. И та откровенно скучала. Скучал и сам Успелов. Он развлекался, когда переставал бубнить и окидывал взором хищной птицы гудящую аудиторию. Надо было поймать момент и сделать умное лицо. Но студенты были так заняты собственными важными делами, что пропускали минуту готовности. Доцент молниеносно выбирал жертву, взлетал по ступеням лекторского амфитеатра и оказывался рядом с нарушителем дисциплины. И тут начиналось представление. Он брал в руки тетрадь жертвы, внимательно изучал написанное, а затем сообщал об увиденном притихшей аудитории. Надо признать, что сцена потеряла талантливого актера, а математика приобрела никудышного ученого, успевшего защитить кандидатскую диссертацию. Успелов был саркастическим комиком. Мы понимали это, но смеялись до слез. Кто-то от скуки, кто-то хотел отыгаться на других за собственное падение, но все каталось со смеху. Однажды жертвой насмешника-доцента стала Филимонова. Она сидела в отдалении от всех и так усердно шевелила губами и закатывала глаза к потолку, что привлекла его внимание. Через несколько секунд преподаватель был рядом с девушкой. Выхватил из рук тетрадь, которая уже съехала с помощью Аньки со стола, но не успела достигнуть недр сумки, полистал ее с задумчивым видом и перешел к декламации. Благодатной почвой для стихоплетства послужила влюбленность Филимоновой в некоего Валерия В., которому были посвящены все стихи. О чем нам поспешил сообщить Успелов. Мы дружно поозирались, выискивая Валерку Варламова. Других кандидатур, соответствующих инициалам, на факультете не нашлось. Пухлощекий и румяный Варламов с узкими глазками сразу отразил наши атаки.

- Что я один Валерий В. на всем белом свете? Может, Анюта влюблена в соседа? Например, Валерия Ватрушкина? Или Васечкина? Или...

Красноречивый взгляд Анны, обращенный на парня, нам все объяснил.

- Никакой это ни Ватрушкин и ни Васечкин, а ясное дело – Варламов! – трагическим голосом заявил доцент и вырвал из длинного стихотворения четыре строки, подтверждающие его слова.

Дословно я не помню, но сразила всех одна фраза: Хоть фигурой ты гиппопотам, я тебя никому не отдам. После этих слов мы почти умерли. Кое-кто нервно икал, а в перерывах стонал, остальные бились лбом о столы, елозили ногами и постукивали кулаками. Когда веселье пошло на убыль, я отдышалась и выпалила:

- Нашей Анны краше нет - это Валерочкин ответ!

Мое высказывание послужило толчком к следующим репликам нескладного содержания.

Подтрунивание над Филимоновой этим не закончилось. Еще неделю мы превратились в сборище непризнанных поэтов и складывали вирши однонаправленного содержания. Анька не обижалась, почесывала затылок и робко улыбалась...

Над теперешней Филимоновой–Кесельман вряд ли кто посмел подтрунивать. Одним ударом внушительного кулака она могла охладить пыл противника.

- Пойдем, посидим в кафешке? - предложила Анна. – Или ты спешишь?

- Нет, я не спешу, - без уверенности произнесла я. Честно говоря, обсуждать прежнюю жизнь мне не хотелось. А вопросы у бывшей однокурсницы обязательно появятся.

Но на мою радость она больше рассказывала о себе, о муже, о детях – Вене и Сене, двух и трех лет. Она вскользь спросила о моем супруге, я ответила, что успела развестись.

- Слушай, Сань, тебе надо поехать в Израиль! – вдохновилась идеей Филимонова. – Отдохнешь, здоровье подправишь, а то выглядишь, как бледная поганка.

При упоминании ядовитого гриба, помещение кафе пришло в движение. Я сунула в рот ложку мороженого, проглотила и сообщила.

- Отдыхать мне, Анечка, некогда. Работаю над диссертацией.

- Слышу в твоём голосе обреченность. Поэтому настаиваю на отдыхе.

- Ни-ни, - отрицательно замахала я головой. – Сейчас я отрываться не могу – в мозгах все упорядочилось, надо все записать, чтобы не забылось.

- Как знаешь. А то родители мужа тебя с удовольствием приняли.

- Спасибо, но нет.

- Я думала, ты в Москву давно перебралась?

- Что я не видела в Москве?! Мне и здесь неплохо.

Анна почувствовала во мне напряжение и перевела разговор на бизнес супруга, в котором она неплохо разбиралась. Я бы так не смогла. По натуре я теоретик, практика любого рода не для меня.

Вот так и с мужчинами. Формулу соответствия вывела, теперь буду искать подходящий вариант. А сама меняться не собираюсь. Позабыла, что надо начать с себя – дорогой и любимой.

Между тем Филимонова перешла с мужа на меня.

- Санька, ты какая-то тусклая и не жизнерадостная. Тебе надо влюбиться! Хочешь, я тебя познакомлю с одним...

- Только не это! – испугалась я, не дав возможности ей закончить фразу.

Не люблю заочного знакомства, переходящего в очное. Представляешь себе одного мужчину, а на свидание является полная противоположность. И какие вокруг Анны и ее супруга могут крутиться люди? Подобные гамадрилы с тупым выражением на гладкой физиономии?

Я представила себя рядом с таким мужчиной и мысленно выдала: Жаба и дюймовочка. Хм, дюймовочка. Пела, летала, а точнее писала диссертацию, а простое женское счастье мимо прошло. Что ж поделаешь, не всем сестрам по серьгам...

- Вижу, ты плывешь по своей волне, - обидчиво произнесла Филимонова.

- Нет, я тебя слушаю! - звонко отрапортовала я. Хорошо, последнюю фразу собеседницы уловила. Как со мной можно вести диалог, если я брожу в тумане собственных мыслей,

плутаю и не могу прибиться к берегу, несмотря на данную прорицательницей ясную установку. Правда, конкретики в ней, как в описании абстрактного творения сбрендившего художника.

- Давай прощаться, дорогая, - вздохнула Анна, – мне пора. – Она черкнула на салфетке номер своего телефона и протянула мне. – Надумаешь, позвони.

- Ань, я обязательно позвоню, - пообещала я. А сама сомневалась в этом.

Наверное, должно пройти достаточно времени, чтобы захотелось вернуться в прошлое. Пусть беспечное, пусть радостное, но прошлое. В моем возрасте думаешь о будущем, которое мерцает подобно северному сиянию – красиво и загадочно.

Филимонова не попросила мой номер телефона, она поняла, что я не стремлюсь к общению и не захотела навязываться. Я продолжаю быть черепахой в панцире. Или сидеть в блиндаже, как выразилась Ефросинья. Со мной неинтересно, со мной скучно. Кто с такой молчуньей, пребывающей в собственных грезах, будет общаться?

Надо встряхнуться, надо проснуться. Надо бы...

Пролетело лето. Диссертация была готова. Близилась защита. Я забыла обо всем и обо всех. И была ли на самом деле Ефросинья? Или это было во сне?.. Я не витала в облаках, я твердо стояла на земле. На всем белом свете были только я и дифференциальные уравнения.

На защиту из Москвы прилетел Семен Зильберг вместе с младшим сыном, которого сватали мне в мужья. Янислав был щуплым скромным парнем. Он работал адвокатом в крупной нефтяной компании, и очень этим гордился. А родители и родственники гордились им. На затею отца со сватовством молодой человек смотрел сквозь пальцы. Думаю, он был осведомлен о количестве денежных знаков в разной валюте на моих счетах, но это его не подталкивало к сближению, что весьма трогало меня. Поэтому общалась с Яниславом легко и непринужденно, изредка кокетничая. Зильберги часто навевались ко мне, будто бы по делам. Я привыкла к их визитам и однажды подумала: а почему бы и не связать себя узами брака с человеком, к которому не испытываю отвращения? Прорицательница указала мне путь, но почему я должна двигаться в указанном направлении? Двигаться и ждать, когда на горизонте замаячит человек, который остро нуждается в моей помощи. Может, этот человек – Янислав Зильберг. Я стану не только его женой, но и советчиком, помощником. Как Анька Филимонова своему супругу, который благодаря ей развивает свой ресторанный бизнес.

Женщина – опора, женщина - тыл. И в этом будет заключаться помощь...

Защита диссертации прошла превосходно. Я чувствовала себя альпинистом, покорившим непобедимую высоту.

После этого состоялся банкет. Рядом со мной за столом примостился Янислав. Он восторгался мною, а я улыбалась в ответ и пила шампанское в умеренных количествах. Но моя голова была светлой и очищенной от исследований дифференциальных уравнений, будто в ней поработала старательная мастерица чистоты. Когда вечер стал обещать много новых развлечений, выходящих за рамки приличия, молодой человек предложил прогуляться по вечернему городу. Я согласилась, но встав на ноги, поняла, что голова живет своей жизнью, а ноги своей. Дело довершали высокие каблуки и узкая юбка. Мне захотелось скинуть туфли и приподнять юбку, но Янислав мне этого сделать не позволил и увел меня на улицу, где было промозгло и дождливо. Я передернула плечами, подняла воротник пальто, преуспевающий адвокат принял это, как призыв к действию и страстно обнял меня. Его лицо оказалось так близко, что черты расплылись, словно я страдала дальновзоркостью.

Я страдала безразличием, в чем успела убедиться, когда молодой человек стал ожесточенно меня целовать, выкручивая мои губы, как выстиранную тряпицу. Я

терпеливо ждала, когда испытание выкручиванием закончится. Янис быстро сообразил, что его призывы не находят отклика, отпрянул и заглянул в мои глаза.

- Тебе неприятно?

- Почему? П...приятно, - пробормотала я, заикаясь. – Только я очень устала и не могу выдавать чувства на гора.

- Ты изъясняешься, как шахтер, а не как кандидат математических наук.

- Когда речь заходит об отношениях мужчины и женщины их профессии и звания уходят на второй план, - заметила я, стараясь говорить уверенно, несмотря на язык, который занял неправильное положение во рту и не желал перемещаться.

Хмель медленно улетучивался благодаря холодному порывистому ветру. Одновременно с превращением в порядочную девушку во мне росла волна недовольства, обещая превратиться в шторм, сметающих всех, невзирая на весовую категорию. Щуплый Янислав будет в числе первых. Ссориться с сыном дяди Сени мне не хотелось. Стараясь избежать стычки, я посеменила по улице, он пошел за мной, засунув руки в карманы своего кашемирового пальто. Так мы и шли, я чуть впереди, он сзади.

- Ксана, может, поедем на такси? – предложил он, жалея свою дорогую верхнюю одежду, на которую небо роняло частые слезы.

- До моего дома рукой подать, - не поворачивая головы, бросила я. Я хотела брякнуть про пальто, про жлобство, но придержала язык, который все еще тянуло нести околесицу благодаря выпитому шампанскому, пары которого не хотели покидать голову.

Мы, молча, дошли до дома, зашли в подъезд. Молча поднялись на лифте, я сконцентрировалась на его выразительном носе с горбинкой, желая, хоть, чем-то себя занять. В прихожей Янислав снял пальто, недовольно оценил нанесенный дождем урон, аккуратно развесил на плечиках. Я догадалась, что уходить мужчина не собирается. И была права.

- Ксана, мне нужно с тобой серьезно поговорить. – вступил он с важным видом, потирая руки, будто хотел не поговорить, а откусать чего-нибудь вкусенького.

- Может, лучше займемся любовью? – теплая в прямом и переносном смысле атмосфера квартиры отрицательно подействовала на мою едва оживающую голову.

- Сексом? – удивлено протянул он. Руки при этом сжались в собственном рукопожатии.

Я свела брови и задумалась о разнице секса и занятия любовью. Секс это постельная баталия, похожая на борьбу двух противоположностей; занятие любовью звучит, как урок, который один из любящих людей преподает другому без вступительной теории, сразу переходя к практическим занятиям. Я вспомнила Демидова, который в любви был животным. Неумение изъясняться на словах, он компенсировал чрезмерной пылкостью. Других сексуальных партнеров у меня не было.

Я покосилась на Зильберга, обалдевшего от моего предложения. Обалдеть обалдел, но глаза чувственно замаслились, словно в них капнули оливкового масла. Кисти рук снова пришли в движение, потираемость увеличилась в скорости и довела меня до паники.

- Янис, я... пошутила, - проскрипела я, ретируясь в гостиную.

Молодой человек поспешил за мной.

- В каждой шутке есть маленькая доля шутки и большой намек. - голосом с хрипотцой заявил он.

Я отгородилась от него стулом, уцепившись за спинку. Надеюсь, воспитание не позволит ему взять меня силой. Это не Демидов, которому в детстве не читали стихотворение Маяковского про кроху сына, пришедшего к отцу за советом.

Преграда между нами была так себе, но Янислав счел лучшим сесть на диван, перекинув ногу на ногу и прихватив одну из них сцепленными в замок руками. Весь его вид выражал обиду, но глаза по-прежнему горели пламенем страсти.

А почему бы не познать второго мужчину за свою жизнь длиною в четверть века? – подумала я, медленно обогнула стул и села рядом с ним...

-... Ксана, ты мне очень нравишься, - пробормотал молодой человек, с интересом разглядывая меня.

Мы лежали на мягкой влажной простыне и чувствовали полную расслабленность после продолжительной любовной игры. Янис оказался чувственным и терпеливым. И честным. Когда не заявил о своей неземной любви ко мне. Нравишься – это начало отношений, завязка, дальше будет интереснее. Если это дальше наступит.

- Ты мне тоже, - прошептала я и повернулась на бок, желая видеть его лицо. Красивый мужественный профиль поразил своей одухотворенностью.

Сейчас начнет читать лирические стихи, - мысленно вздохнула я и вспомнила неудачный опыт Филимоновой.

Но мужчина повел себя странно: он опустил руку и стал шарить по полу.

- Я здесь, - неожиданно напомнила я.

- И надеюсь, что всегда будешь рядом, - с чувством сказал он, шаря в собственных брюках, которые аккуратно валялись возле кровати.

Наконец, его поиски закончились, причем удачно. На ладони появилась бархатная коробочка вызывающе малинового цвета. Он резко повернулся ко мне, прижался всем телом и тихо произнес.

- Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

При этом рука с заветной коробочкой давила мне в спину.

- Вообще-то, надо стать на одно колено, - напомнила я, пряча за этими словами свое беспокойство.

Янис был не глуп, догадывался, что я могу ускользнуть и оставить его без ответа, потому и заключил в крепкие объятия.

Из меня лезла банальная фраза: я хочу подумать.

А что здесь думать? Положительный во всех отношениях мужчина. Я ему нравлюсь, он мне... наверное, нравится. Мне нужны изменения. Янислав увезет меня в Москву, я найду другую работу, потом рожу ему сына или дочь. Или сына и дочь. Закручусь-заверчусь, как квочка –наседка, забуду о переживаниях, гордо пойду по белой полосе жизни.

А любовь?..

Она придет, если есть для нее основа – уважение. И есть уверенность, что тебя не предадут.

- Я согласна, - спокойно сказала я. – Только давай отложим свадьбу до весны. Всего-то четыре месяца осталось до марта.

- Пусть все случится весной, когда вокруг будут петь птицы и цвести подснежники!

Мне вспомнились строки Плещеева о травке, солнышке, ласточке, которая стремится влететь в сени. Я вернулась в детство. И на душе стало тепло и спокойно.

Детское беззаботное счастье...

На выходные Янис приезжал ко мне. Незаметно он ворвался в мою скучную жизнь и разбросал кистью краски: яркие и веселые, несмотря на унылую серую осень, а затем и темную крадущуюся зиму.

На Новый год я снова оказалась в гостях у Зильбергов, но теперь в новом статусе. Со мной так носились, будто я была диковинной вазой работы старинного мастера, которая могла ни с того ни с сего разлететься на мелкие кусочки.

Дядя Сеня и его жена – Миленда Карловна – называли меня доченькой и это единственно, что меня коробило. Называть их родителями я никогда не смогу, перед глазами сразу встают мои дорогие отец и мать. Статный папа с укоризной смотрит на меня, словно в тайне возмущается изменой, а мама закусила губу, чтобы не расплакаться. За их спинами маячит бабуля и ободряюще мне подмигивает.

Я устала от чрезмерного внимания ко мне, жених все подмечал и клятвенно обещал, что жить мы будем отдельно. У него есть некоторая сумма денег на приобретение жилья, недостающую часть он возьмет в кредит.

- Ты забываешь, что я платежеспособна. Пусть этот вклад будет моим приданым.

Сначала Янис отнекивался, а затем согласился.

После сессии я снова оказалась в Москве. Мы пошли в ЗАГС, подали заявление и стали присматривать жилье. Старший Зильберг с радостью заявил, что в их великолепном доме сталинской постройки продается двухкомнатная квартира. Я надавила своей изящной ножкой на ступню жениха.

- Мне не нравится этот район, - сразу констатировал сын.

- Раньше нравился, а сейчас вдруг разонравился, - возмутилась Миленда Карловна и поправила тщательно уложенные волосы цвета воронова крыла. Каждый раз по приезду я выискивала в проборе седину, но каждый раз видела только смоляной цвет.

Странное дело, - задумывалась я над этим обстоятельством, будто меня пытались обмануть. Мой будущий супруг, который был на шесть лет старше, имел в шевелюре тонкие нити седины. В отца пошел? Или мать так дорожит бальзаковским возрастом, из которого выезжает на быстром рысаке, что еженедельно посещает салон красоты?

Ухоженные руки женщины с длинными острыми алыми ногтями меня пугали. Она походила на хищную птицу, которая долго копалась во внутренностях жертвы.

Госпожа Зильберг еще не стала свекровью, а я уже выискиваю в ней недостатки. Представляю, что она думает о женщине, которая уводит у нее любимого сына! Оба родителя рассчитывали, что младшенький не покинет их, как и двое старшеньких, обросших женами и детьми. Но они жестоко ошибались. Догадывались, откуда «ветер дует» и обращение «доченька» стали произносить елейно-издевочно. Или мне так казалось? Скорее «да», чем «нет». Но имея в закромах такое приданое, можно вести себя... непринужденно. Уж кому, как не адвокату отца знать, сколько находится денег на разных счетах у будущей невестки.

Но я держала себя в рамках полученного воспитания. Держала и чувствовала, что внутри меня закаляется стержень. И все благодаря Яниславу, который внимательно прислушивался к моему мнению и старался во всем угодить.

Оказывается, власть закаляет человека.

Ты не ждешь удара, ты расслаблен, душевно спокоен, но характер вырабатывается автоматически, ему ничего не мешает вырабатываться...

По возвращении домой, мне захотелось сообщить кому-нибудь о грядущем радостном событии. На работе я пока скрывала факт подбирающегося семимильными шагами замужества. В любом случае я буду выполнять свои обязанности до конца семестра, но новость лезла из меня, как из гениального ученого идеи.

И я позвонила Славику Смирнову, отношения с которым давно перешли в дружеско-надежные.

На мою новость он отреагировал громким восклицанием.

- Ну, Санька, ты даешь! О женихе ни словом не обмолвилась!

- Ты тоже секретный агент еще тот! Если бы я вас случайно не встретила, ты меня с Дарьей еще долго не познакомил!

Мы, действительно, случайно столкнулись у большого торгового центра, куда я намылилась идти за новогодними подарками для Зильбергов. Это произошло два месяца назад. Славик представил мне свою спутницу и имел при этом весьма растерянный вид, словно я была его любвеобильной мамашей, угодить которой нереально. Девушка была миловидной и несовременно скромной. Я подумала, что она приехала из отдаленного поселка и не ошиблась. Однако это событие случилось четыре года назад, но городская жизнь девушку-студентку не испортила. Вячеслав и Дарья отлично смотрелись вместе, о чем я не преминула им сообщить. Даша зарделась и уткнулась носом в плечо Смирнова,

который привычно предложил всем вместе сходить в кино, и я согласилась. После мы посидели в крохотном кафе, и все чувствовали себя свободно. Они не отдаляли меня своими перешептываниями, не напрягали переглядываниями, в которых легко угадывалось нетерпение остаться наедине. Наверное, я должна была давно уйти, но мне было хорошо в этой маленькой искренней компании с витавшими вокруг нас настоящими чувствами.

Почему я ничего подобного не испытываю с Яниславом? Наедине с ним я контролирую себя, не желая обидеть его словом или взглядом, создаю иллюзию радостного волнения и прикрываюсь им. Но его знаки внимания оставляют меня равнодушной. Я не трепещу при прикосновении, не таю от поцелуя, не улетаю при занятиях любовью. Янис мне просто хороший друг. Хороший друг может стать хорошим мужем, хорошим отцом, но едва ли станет любимым человеком. Это я поняла после месяца тесного знакомства. Он ограничен рамками» друга, несмотря на то, что ему позволено больше, чем закадычному приятелю. Он будет биться о глухую стену безразличия, но никогда ее не прошибет.

Но я благодарна Янису, что почти перешла на белую полосу жизни. По крайней мере, хожу на границе двух цветов. Куда меня качнет, не знаю я сама. Но думаю, что свадьба с Зильбергом окончательно перетянет меня на светлый фон.

Я мысленно перечисляла достоинства Янислава. Он обладал всеми качествами, которые я присовокупила к спутнику жизни после посещения Ефросиньи. Вписывался в формулу соответствия! Он старше меня, пусть не на двадцать лет, но все же. Значит, мудрее. Он сам вывел наши отношения на новый уровень. Он внимательный и искренний, романтичный и благородный. Пусть в душе я считаю его другом, но любой супруг является не только любовником и отцом твоих детей, он соратник, помощник, он - надежное плечо.

Что еще надо кандидату математических наук обычной внешности?

Кандидату любых наук и простому человеку нужны полеты наяву, а не взлеты и падения. Любовь дает крылья, ты паришь над землей и испытываешь невероятное счастье. Но случается, что крылья опалает предательство. Ты падаешь и разбиваешься. Не всякий сможет подняться, чтобы идти дальше.

Однажды я уже поднялась. Не буду утверждать, что высоко парила над землей. Пыталась летать, как едва оперившийся птенец. Но в одночасье рухнула на землю, больно ушиблась и лишилась сердца, которое где-то затерялось. Поэтому любовь бьется и не находит места, где ему должно поселиться...

Общения с одним Смирновым мне было мало. Я решила позвонить Филимоновой, чей номер давно перекочевал с салфетки в память мобильного. Но я им ни разу не воспользовалась.

- Анята, привет! – радостно произнесла я, услышав в трубке голос сокурсницы.

- Загадочная, ты ли это?

- Я!

- Слышу по голосу, ты с радостными известиями?

- Угадала! Анька, я выхожу замуж за хорошего человека!

- За плохим ты уже побывала, - без обиняков напомнила женщина, - набралась опыта, хлебнула лиха и теперь имеешь право насладиться жизнью сполна... Как его зовут? – поинтересовалась она, словно имя имело решающее значение.

- Илларион Плюшкин.

- Гм. Что ж, и такое бывает, - вздохнула бывшая Филимонова, теперь Кесельман. – Ты теперь будешь Плюшкина? Ксана Плюшкина, - посмаковала она, - похоже на домашнюю сдобу, которую достали из печи.

- Да, ладно тебе! Я пошутила! Его зовут Янислав Зильберг.

- Великолепно! – задохнулась от нахлынувших чувств подруга. – Евреи самые лучшие мужья, это Я тебе говорю! – она понизила голос, придав ему намекающие нотки, - и ручные к тому же. Так что будешь жить и радоваться.

- Спасибо на добром слове, - поблагодарила я Анну.

Посчитав тему замужества исчерпанной, женщина перешла на обожаемых детей, разговаривать о которых могла часами. Я не отключилась привычно, а с удовольствием слушала, как Веня одел на голове Сене кастрюлю. Ладно бы пустую, но в ней были щи, слава богу, что едва теплые. В отместку Сеня уколол его вилкой, вообразив, что это рыцарский меч...

Я представляла себя матерью двух сыновей–забияк и безмятежно–мечтательно улыбалась.

Анька опомнилась и перескочила с любимой темы.

- Санька, а когда свадьба?

- В конце марта. Придешь?

- Придем! Я без мужа никуда! Мы, как нитка с иголкой... Поняла, в чем счастье, Загадочная ты моя?

- Кажется, поняла...

Человек предполагает, а небесная канцелярия и ее глава располагает сведениями, о которых мы не догадываемся. Они преподносят нам сюрприз в самый неподходящий момент, когда мы думаем, что все идет по плану.

Это похоже на удар молнии, на мгновенное превращение. Вчера ты был одним человеком, а сегодня совершенно другой, наполненный иными чувствами и позабывший об обязательствах.

Так случилось со мной.

Март звал на улицу, выманивал теплом и кружил головы новым воздухом, не похожим на тот, что был зимой. Люди непроизвольно замедляют бег, начинают глупо улыбаться и оглядываться по сторонам, замечая ежеминутные изменения природы. И не только. Человек по-новому воспринимает бредущих прохожих, освободившихся от тяжелых укутывающих одежд. Все чувствуют себя свободными и легкомысленными. Хочется совершить поступок, о котором после придется сожалеть. Но это будет после. А сейчас весна одурманила нас.

А меня особенно. Не перестававшая биться в меня любовь начала проникать внутрь, причем не одна – она нашла потерянное сердце и теперь волокла его за собой, чтобы поместить на положенное место и вселиться в него. Как весенние птицы, обнаружившие подходящее дупло для жилья.

Мужчины для меня открывались заново. Я видела одухотворенные лица, легкие приветливые улыбки на устах, замечала неприкрытый интерес в их глазах и сердечко отзывчиво шевелилось.

С наступлением весны все живут ожиданием и надеждой. Ждут приятных перемен и надеются на изменения в лучшую сторону.

Даже те, которым надеяться не на что. Но они продолжают противостоять ущербности. Не завидуя полноценным людям, не проклиная судьбу, не ожесточаясь.

Однажды ранним утром я бежала на работу и заметила около соседнего дома молодого мужчину в инвалидной коляске, который никак не мог взобраться на пандус, имевший значительный уклон. Сотворивший это чудо поднятия для инвалидов, скорее всего, посчитал их спортсменами, выступающими в новом виде соревнований, придуманном для параолимпийцев.

Я не смогла пройти мимо – весна призывала к всечеловеческому добру.

- Здравствуйте, - бодро поприветствовала я инвалида. Одной рукой он держался за перила, а другой крутил колесо своей коляски.

Мой голос его отвлек. Он поднял глаза, сконфуженно улыбнулся, несвоевременно подумал о своей внешности, оторвал руку от перил и хотел пригладить волнистые русые волосы, но не успел – коляска с одной жесткой опорой, по радиусу скатилась вниз и перевернулась вместе с владельцем.

Я не поспешила к нему на помощь. Мои ноги парализовало, как и меня саму. Только сердце осталось в моем теле одним живым существом. Сверхживым и бойким.

Надо было видеть глаза этого мужчины. Бездонный омут, а не глаза. Классическая красота меня поразила и сразила одновременно. У земного человека не может быть такого прекрасного лица и такой завораживающей улыбки. Мягкой и гипнотической. Которая не давала возможности сместить взгляд чуть ниже. Туда, где на подставке покоились непослушные ноги.

Что-то бог дает, но что – то берет взамен...

Наконец, я опомнилась и поспешила на помощь инвалиду, лежащему на асфальте. Хотя, назвать его инвалидом не поворачивался язык. Конечности не выглядели неработоспособными. Он был обут в кроссовки, словно только что совершал пробежку, устал и решил отдохнуть на чужой инвалидной коляске, подвернувшейся под руку.

Но тогда почему он лежит и не может встать на ноги? Барахтается, как жук, оказавшийся на спине, который всеми силами старается перевернуться на лапки.

Для начала я поставила на колеса его средство передвижения. Надо признать, что и эта работа мне далась с трудом. Коляска была тяжелой, с высокой спинкой, с массивными подлокотниками и большой подножкой.

Ясно, почему у парня такие накачанные руки. Он постоянно крутит колеса коляски, к весу которой прибавляется вес его тела. Куртка из плащевки серого цвета рельефно обтягивала плечи.

Оценив спортивную фигуру парня, я стала метаться вокруг него, стараясь приподнять.

- Даже не пытайтесь, - охладил мой пыл молодой мужчина.

Но мне было приятно дотрагиваться до его плеч, непроизвольно проводить губами по его растрепавшимся волосам. Просто склоняться над ним и вдыхать запах его тела, к которому добавлялся тонкий аромат туалетной воды. На ум пришли строки Бальмонта: «...Пьянящий мускус. Смыты берега бесстрастия. Любовь здесь будет плата...»

- Но Вы не можете сидеть на холодной земле! – вслух заявила я, стараясь приглушить звук лирического стихосложения, кружащего в ритме вальса в голове.

- Не волнуйтесь, я немного посижу и самостоятельно переберусь на свой трон, - сказал он, кивнув на инвалидное кресло.

- Рада, что Вы сохраняете в подобных обстоятельствах чувство юмора, но я не могу оставаться в стороне. Я обязана Вам помочь.... Я хочу Вам помочь.

- Девушка, я рад, что вызываю в Вашей трепетной душе чувство жалости, но настоятельно рекомендую идти по своим делам и оставить меня в покое. – в голосе молодого человека появилась дребезжащая сталь, похожая на игру на зубчатой пиле.

- Если я Вас обидела, то прошу прощения, - промямлила я, отступая на шаг, и непроизвольно обтирая друг об друга ладони, будто удаляла невидимые частички грязи, перекочевавшие с него на меня. Или заразу, которой сделала его немощным и которая способна перекинуться на меня.

Мужчина заскрипел зубами. Мне показалось, что я услышала страдальческий стон.

- Уходите! – грозно приказал он сквозь зубы.

- Не уйду! – рявкнула я. – Не в Ваших интересах меня прогонять. Сегодня выходной день, все сладко спят, даже собачники, так что помощи Вам долго придется ждать.

Его взгляд немного потеплел.

- А почему Вы так рано встали?

- У меня занятия в институте. У заочников, - добавила я и тем самым дала понять, что давно вышла из студенческого возраста и переметнулась в клан преподавателей.

- Такая молоденькая, а уже...
- Кандидат математических наук, - похвалилась я, не дослушав начатой фразы до конца.
- Ого, - выдал он, покачал головой, как собачка на парпризе, и скосил губы в форме перевернутого месяца.
- Я вела себя, как девчушка, желающая всеми силами понравиться первому красавцу класса. И уже собралась перейти к перечислению следующих достоинств, но вовремя спохватилась – ему мои высокие показатели так же нужны, как мужу-ревнивцу жена, не вылезаящая из продолжительных командировок.
- Я потеряла затекшую шею, уставшую находиться в согнутом состоянии.
- Давайте, я поднимусь к Вам домой за подмогой.
- Вы там никого не найдете. Я живу один. В этом доме поселился две недели назад. Сам выбрал квартиру из нескольких вариантов. Только в этом доме позаботились об инвалидах. Есть пандус и лестницы широкие.
- Пандус какой-то... неправильный.
- Пандус, как пандус, - проворчал он, потом хитро покосился на меня. – Если бы симпатичные девушки не отвлекали, уже был дома, в своей однокомнатной квартирке на первом этаже. – При этом он кивнул в сторону окна, принадлежащего ему.
- На окнах красовались затейливые занавесочки, что дало мне возможность сделать вывод о приходящей заботливой домработнице. Или любимой девушке, которая давно хочет переехать в дом мужчины, невзирая на его физический порок. Последнее предположение мне не понравилось. Путь лучше будет немолодая женщина, нанятая для ухода за инвалидом. Пожилая, но достаточно крепкая.
- Хотя, какое мне дело до того, кто входит к нему в дом? Но трепещущее сердце твердило обратное. Спорить с ним было бесполезно.
- Пока я раздумывала, что предпринять и как помочь мужчине, из-за угла вывернули два старшекласника, соответствующие по внешним данным здоровякам–хоккеистам. Приглядевшись, я заметила у них в руках спортивные сумки и клюшки. Значит, мое сравнение было стопроцентно попадающим.
- Ребята, вы не могли бы помочь...
- Ребята, не дослушав фразу, уже были рядом, дружно приподняли инвалида и усадили его в коляску. Мне показалось, что в сидячем на земле положении он чувствовал себя лучше, чем в непривлекательном инвалидном кресле из кожзаменителя.
- Ну, вот и отлично, - порадовалась я счастливому завершению операции подъема.
- Дальше я сам, - испуганно заявил он, а я решила, что зазноба давно ждет его дома. И не приходящая она, а постоянно прописавшаяся на его квадратных метрах в качестве супруги.
- Тогда почему он скрывает сей факт?
- А может быть, она тоже калека? Встретились два несчастных одиночества, полюбили друг друга и живут счастливо. А некоторые особы на двух ногах уже мечтами себе голову забивают. И позабыли, что студенты – заочники их заждались.
- Тогда я побегу? - полувопросительно поинтересовалась я, ожидая отрицательного ответа.
- Конечно, идите. Я вас и так задержал.
- Тогда до свидания.
- Если он сейчас скажет «прощайте», я выброшу его из сердца. Или сердце вместе с ним.
- До свидания, - ответил он и осторожно улыбнулся. Глаза вмиг ответили яростным сиянием и потянули меня в омут.
- Я старалась не оглядываться, но у поворота со двора бросила взгляд назад, желая убедиться, что мужчина благополучно вскарабкался по пандусу.
- Значит, до свидания, - восторженно повторила я, - так тому и быть...

На ум пришла Ефросинья, указавшая мне путь выхода из тупика. Эту помощь можно назвать настоящей ПОМОЩЬЮ, за которой последуют перемены к лучшему?..

Ничего умней я придумать не могла, как купить букетик нарциссов и торт и пойти в гости к мужчине – инвалиду без приглашения. Я успокаивала себя тем, что хочу убедиться в благополучном переезде до квартиры. Он не зря указал мне свои окна, значит, надеялся, что навязчивая девушка – кандидат не оставит его в покое.

Представляю, что бы сказали родители, не говоря о бабушке, которая воспитывала меня в традициях монастыря.

Но сегодня был особый день – ко мне вернулся мой главный затерявшийся в борьбе с врагами орган.

Цветы предназначались для супруги молодого человека, торт для него. Все мужчины ужасные сладкоежки, хотя, успешно это скрывают, ссылаясь на компенсацию курению.

Дом был новый, его втиснули среди домов – старожилов, и те недовольно поглядывали на выскочку своими тусклыми глазницами окон. Новичок сиял и гордился своей заоблачной высотой.

Вот, черт, я забыла спросить, как его зовут, - мысленно причитала я. – И правильно, что не спросила, - оправдывалась я перед собой, - как бы это выглядело – он меня в шею, а я заискивающе называю себя и прошу его представиться по всей форме, не забыв указать семейное положение.

За собственными спорами я не заметила, как дошла до нужного подъезда и начала карабкаться по крутому пандусу, игнорируя лестницу.

Полный кретинизм, - подумала я и с трудом дотянулась до дверной ручки. Консьержа не наблюдалось, и я облегченно вздохнула: хорошо бы я выглядела, если бы у меня спросили, к кому я лыжи наострила? Ну, к этому, на инвалидной коляске. Он где-то на первом этаже обитает. А где вероятность, что все квартиры на этом этаже мэрия не отвела под жилье для инвалидов? Я осмотрелась. Раз, два, три, четыре, пять, шесть. Всего шесть квартир и все заселены людьми на инвалидных колясках. Недолго раздумывая и полагаясь на удачу и свойственную мне сообразительность, я подошла к одной из дверей и позвонила. Дверь тотчас распахнулась, и моим глазам предстал утренний незнакомец на знакомой инвалидной коляске.

- Добрый вечер, - с нажимом на первом слове произнесла я, словно забежала спросить, добрый ли сегодня вечерок или так себе.

Судя по широкой улыбке хозяина, вечер был прекрасным, удивительным и полон сюрпризов.

- Здравствуйте, - отчетливо выговорил он. – А я видел из окна, как Вы зашли в наш подъезд, но не мог предположить, что Вы идете ко мне... Или Вы ошиблись адресом? – в его голосе было столько переkreщенных нот: и радости, и сладкого ожидания, и... невероятного испуга, что я поспешила его успокоить.

- Я к Вам! – и без приглашения переступила порог. – Будем пить чай и разговаривать! - Торт оказался у него на коленях.

Мне вспомнился другой мой визит. К Хомяковой и Демидову, после чего оба скончались.

Надеясь, что этот поступок не повлечет за собой пагубных последствий.

- Отлично! – обрадовался молодой человек. – Но перед началом чайной церемонии я обязан представиться – Роман Безвольный.

- Ксана Загадочная... - задумчиво протянула я и выдала, - а Вам не кажется, что наши фамилии нам не подходят?

- Не кажется! – сразу опроверг мое предположение Рома. – Вы необыкновенная девушка! И как все необыкновенные создания весьма загадочны. Мона Лиза рядом с Вами

отдыхает. – Про себя он умолчал, дав понять, что свою фамилию считает вполне подходящей – не может победить недуг, следовательно, не имеет должной силы воли.

Меня не покорило его грубоватый комплимент, но в глазах, наверное, что-то промелькнуло, поэтому мужчина покался.

- Армия не научила поражать женщин изысканными комплиментами.

- Вы... кадровый военный? – я хотела добавить «были», но вовремя удержалась. У Безвольного и так жизнь делится на две части: когда было все и когда не осталось ничего, к чему лишний раз напоминать об этом?

- Пойдемте в кухню, - предложил он, оставив без ответа мой вопрос.

Везде чувствовалась женская рука. Сегодня я перестала быть молчуньей. Я рвалась засыпать его вопросами, позабыв, что знакомство, находящееся на начальном этапе, не позволяет мне этого делать.

- У Вас есть жена?

- Нет, - сразу ответил он, будто боялся одного упоминания о супруге.

- А была? - не сдавалась я.

- Была. У меня все было: служба, семья, мечты, много друзей... Теперь я стал получеловеком, у которого есть один друг.

- И как его зовут?

- Книга. В прошлой жизни у меня не было свободного времени, теперь его уйма... А что касается уборки, так это делает женщина из благотворительной организации.

- Молодая? – не унималась я.

- Молодая, - хмыкнул Роман. – Если душа женщины молода, так она и сама молода. А моей покровительнице лет пятьдесят.

Я немного успокоилась и предложила хозяину свою помощь.

- Вы гостя, так что усаживайтесь поудобнее, а я стану за Вами ухаживать. Или за тобой? Так можно?

- Можно, - кивнула я и покосилась на открытый холодильник, перед которым замер Безвольный. Я со страхом ждала, что все его нутро забито водочными бутылками. Мужчина нашел утешение не только в чтении, но и в выпивке. Но в холодильнике не было бутылок со спиртными напитками, стояли аккуратные кастрюльки, пластиковые коробочки, тарелочки.

- А хочешь борща? Ангелина Ивановна такой вкусный борщ варит, пальчики оближешь!

- Хочу борща! - с чувством сказала я.

- А котлет?

- И котлет! И чаю с тортом!

- Отлично! – расплылся в неподражаемой улыбке хозяин.

И я поняла, что никогда не выйду замуж на Янислава Зильберга. При всем уважении к нему и его семейству.

Основной разговор потянулся за чаем, когда мы разомлели от вкусного борща со сметаной, сочных поджаристых котлет и теплоты дружеской атмосферы. Я все выложила о себе. О страшной утрате, о предательстве, о работе. Умолчала о грядущей свадьбе с Янисом. Если она отменяется, так к чему ее вспоминать. Отношения с Зильбергом в прошлом, хотя, он об этом не догадывается. Но я найду в себе силы и сегодня же позвоню ему и все объясню. Если он сможет меня понять. Так не хочется расставаться врагами, пусть он останется моим другом. Я дам ему время остыть и успокоиться.

Когда я все выложила о себе, настал черед Романа. Он был по-мужски краток: капитан ВДВ, получил травму позвоночника при прыжке с парашютом. Врачи пообещали поставить на ноги максимум через девять месяцев. Прошло два года.

- При падении я ударился спиной о здоровый булыжник, повредил спиной мозг и как следствие – паралич ног. – констатировал Безвольный и дал понять, что закрывает разговор на эту тему.

Но он не на ту попал.

- Не может быть, чтобы не было никакого шанса вылечиться?

- Есть, но не про нашу честь, - с горькой усмешкой сказала Рома.

- Поясни, - попросила я.

- Не хочу забивать твою умную голову ненужной информацией.

- Что касается тебя, мне все интересно, - уставившись на гладкую поверхность стола, изрекла я. Потом бросила робкий взгляд на мужчину, проверяя его состояние: ошаршила я его признанием или порадовала.

Лицо Безвольного было непроницаемым, будто он успел надеть противогаз.

- Команду «газы» пока не давали. Так что расслабьтесь и улыбнитесь! – брякнула я. Сегодня из меня лез интерес, граничащий с любовью к мало знакомому мужчине, несвойственный мне юмор и... желание поцеловать его. Впитаться губами в его губы и забыть о времени. А куда, собственно нам спешить? Он свободен, как птица, я практически освободилась от данного Яниславу обещания, но стрелки неумолимо приближаются к двенадцати и напоминают о такте.

- Я рад, что мы познакомились, - сказал Роман после того, как громко посмеялся над моей шуткой. И смех у него был искренний, не выданный из себя.

- Нас свел случай, чтобы мы помогли друг другу.

- Из меня помощник, как из черепахи курьер. – поморщился он. – Но я могу развлекать тебя пересказом прочитанного.

- Мне будет приятно слушать твой голос с легкой хрипотцой. Много куришь?

- Вообще, не курю. Сорвал голос в служивые времена, пытаюсь вдолбить в головы солдат уставные истины. – мужчина только сидел рядом и вдруг перелетел мыслями в родную часть, где он стоял в военной полевой форме и лихо заломленном голубом берете перед взводом «желторотиков».

Я так отчетливо представила его, что дух захватило. Настоящий мужчина. И я постараюсь сделать все, чтобы вернуть его в строй. А я стану боевой женой боевого командира. Все четко распланировалось, разложилось по полочкам.

- Рома, я жду прямого ответа на прямой вопрос! – прилепилась я, как репей.

- Ксана, ну, зачем тебе мои проблемы?!

- Ты просто расскажи все, не скрывая, а я постараюсь тебе помочь.

- Помочь? – скривился он. – Тебе за десять лет таких денег не заработать?

- Значит, надежда на излечение есть, но все упирается в деньги, причем в немалые, - ухватила я за брошенную фразу.

- Есть, - сконфуженно выдохнул он. – Надо ехать в Германию, в Мюнхен, там лучшие специалисты и высококлассное техническое оборудование. Тамашние доктора проведут тщательное обследование и вынесут вердикт - необходимо операционное вмешательство или можно ограничиться перирадикулярной терапией - массажами, процедурами... Но в любом случае успех гарантирован. Операция проходит под местным наркозом, разрез всего полсантиметра, даже рубцов не остается. Процесс реабилитации совсем короткий, не более двух недель... В России делают подобные операции, но нет гарантий, что подвижность ног восстановится.

- И какая потребуется сумма для лечения в Германии?

- Какая разница?

- ???

- Шестьдесят пять тысяч евро. Не хило, правда? – кисло усмехнулся Безвольный.

- Я дам тебе эти деньги! – после недолгого подсчета в уме заявила я. Не важно, что у меня останется на 65000 евро меньше.

- Но я... не могу взять эти деньги, потому что я никогда не смогу их тебе вернуть.
 - А кто сказал, что я даю тебе их взаймы?! Я хочу помочь человеку, попавшему в затруднительное положение.
 - Ты мне даешь ТАКИЕ деньги безвозмездно?
 - То есть даром, - продолжила я со счастливой улыбкой на лице. – Однако гости забыли о приличиях. Уже наступило завтра.
 - Я выброшу на помойку эти часы. - мужчина заметил мой осторожный взгляд, часто бросаемый на этот прибор точной механики.
- Но я пропустила его реплику мимо ушей. В моей голове поселилась еще одна разнузданная мысль, которую выпускать на волю было еще рановато. Когда он потребует сатисфакции, я оглашу свое желание, невзирая на успех или неуспех лечения.
- Да, я хочу выйти замуж за капитана ВДВ. Как сказал один служивый: Бывших ВДВешкинов не бывает. Я уверена, что Роман Безвольный станет в строй.
- И теперь эта настоящая помощь поможет мне наладить жизнь. Я не эгоистка, не думаю только о себе, просто хочу простого женского счастья рядом с любимым мужчиной...
- Спасибо тебе, Ефросинья – прорицательница...

Хорошо, что я топчу землю чуть более четверти века. Теперь я могу распоряжаться собственными деньгами, не спрашивая чужого разрешения. Через несколько дней я перевела нужную сумму на счет клиники в Мюнхене, который мне дал Рома. Вскоре пришел ответ – господина Безвольного готовы принять, хоть, завтра.

Мне хотелось поехать с ним, но я не могла бросить студентов.

- Я не буду тебе звонить. Ты сам мне позвони, когда все будет позади. Но ничего не рассказывай, просто скажи, когда прилетаешь. И все! - попросила я на прощание.
 - Ксана, ты настоящий друг!
- Пока мы были только друзьями, Ромка боялся отношений, боялся, что я увязну в них и не вырвусь. Он не верил, что можно полюбить калеку. Читал в моих глазах признание и отмалчивался. Держал меня на расстоянии вытянутой руки, как я не пыталась сократить расстояние. Лишь однажды он вскользь сказал, что ненавидит жертвоприношения.
- Ты так и не сказала, что хочешь взамен? – в который раз за последнее время спросил он.
 - Про безвозмездность я уже слышал, повторяться не нужно.
 - Я... Я хочу, чтобы... ты женился на мне, - медленное начало резко набрало скорость, и последние слова я выпалила на одном дыхании.
 - Ты...ты в своем уме? – задохнулся он. – А если... я... останусь калекой?
 - Ром, я полюбила тебя таким, какой ты есть.

До чего же дошли современные девицы – сами вешаются на шею мужчинам! Это были не мои слова, так выразалась моя бабуля, когда видела на улицах разнузданные парочки. Сейчас ее возмущение так четко прозвучало, что я с опаской осмотрелась по сторонам. Здание аэропорта не напоминало запруженный муравейник – время отпусков еще не пришло. Людская масса была одноликой, в основном это были деловые мужчины в дорогих пальто и с кейсами в руках, такие же деловые дамочки в супермодных очках и с игрушечными чемоданчиками на колесиках, преданнодвигающиеся за ними.

- Ксана, я не знаю, что тебе ответить... Я не имею права тебе отвечать, пока не вернусь. – поправился он.
- Со щитом или на щите, мне все равно – мое отношение к тебе не изменится. Я буду ждать и верить. - у меня в носу защекотало, слезы пошли в бой на глаза. Желая разрядить опасную обстановку, я сказала, - смотри, не влюбись в медсестру!
- Не волнуйся, не влюблюсь.

Я ждала не этих слов. Я ждала намека, что его сердце уже занято. Но не услышала.

Надеюсь, момент признаний настанет...

Я проводила глазами стальную птицу, скрывающуюся за облаками, поругала себя за отступление от выведенной формулы соответствия, согласно которой толчок к отношениям должен исходить от мужчины, а я взяла инициативу на себя. Устав от самобичеваний, задумалась о Зильберге – младшем, которому невеста не сподобилась доложить о переменах. Янислав звонил каждый вечер и по телефону строил планы на будущее. Я трусливо помалкивала, отговаривалась усталостью.

Если я не уговорю Безвольного жениться на мне, я все равно не смогу выйти замуж за Зильберга. Потому что теперь знаю, что за коварное чувство Любовь, которое одних делает счастливыми, но предателями, а других несчастными и потерянными. Все уговоры про дружбу и уважение к супругу, которые станут заменителем любви, - ничего не стоят, когда внутри тебя появляется горячий камень, похожий на пламенный мотор. Хочется бежать, летать, творить. Светиться от счастья и обжигать своим свечением окружающих...

Я вернулась домой и решительно взялась за телефон. Когда услышала в трубке голос экс-жениха, сразу заявила.

- Янис, я не могу выйти за тебя замуж. Прости.

Не стала пускаться в объяснения и еще глубже ранить его. Бессердечно говорить о страстной любви к другому мужчине, когда первый находится в коме. Как не стала говорить банальности – мол, пыталась полюбить его, но не смогла, а без любви, как известно, невозможно существовать вместе.

Я боялась жестокости по отношению к себе, а сама выступала в роли палача. Втыкала грозное оружие в сердце невинного за две недели до свадьбы.

- Я так и знал. – едва слышно заметил Зильберг и отключился.

У меня могла быть большая семья, но я сама ее отвергла.

Пока я стою на границе белого и черного и жду своего часа...

Чтобы занять себя во внерабочее время, я пошла в автошколу. Мне давно хотелось научиться водить автомобиль. Я искала ускоренный курс обучения и нашла - вместо положенных трех месяцев здесь обучали автограмоте и навыкам вождения за месяц. Но надо было в этой автошколе «дневать и ночевать», как говорила моя бабушка. Так что все свободное от преподавательской деятельности время я проводила в автошколе «Удача».

По моим подсчетам я должна была получить права к возвращению Романа. На дворе уже буйствовал ветреный апрель, заигрывая с обновленными стрижками модниц, причесывая молоденькую травку и теребя клейкие листочки деревьев. В расположенном неподалеку автосалоне я купила себе аккуратный «Фольксваген Пассат». До этого радостного события я несколько дней ходила в салон, как на работу, и изводила менеджеров вопросами. На их профессиональный взгляд - совершенно глупыми, а на мой дилетантский - вполне грамотными.

Самый терпеливый из всех по имени Евгений, был так рад нашему расставанию, что согласился перегнать мой автомобиль на стоянку, лишь бы больше не видеть меня. Водительские права я должна получить завтра, о чем я не преминула ему сообщить. Он странно покосился на меня, многозначительно протянул «ну-ну» и повез меня по указанному адресу.

Весь вечер я выглядывала из окна и любовалась покупкой, выделявшейся среди собратьев лоском и изяществом.

Именно, в этот момент зазвонил мой телефон. Механический голос Безвольного доложил.

- Я прилетаю завтра, рейс...

- К...как дела? – осторожно забросила я удочку. Волнение было таким сильным, что я начала заикаться, а телефон едва не выпал из потной руки.

- Все завтра! – ответил безэмоциональный робот.

Я заново переварила короткий разговор, желая выявить в нем затаенную радость или тщательно скрываемое разочарование. Но ни того, ни другого не обнаружила.

- Ну, и выдержка! – вздохнула я, не зная, к кому обращена реплика: к Ромке или ко мне.

С утра я лихо сдала экзамены, получила заветные права, заехала домой, чтобы причипуриться, затем с важным видом профессионального водителя села за руль новенького Пассата. В салоне руки начали предательски трястись, призывая ноги присоединиться.

- Спокойно, Загадочная! Все пройдет на высшем уровне. Главное – собраться и сосредоточиться. Прошу тебя, Лужок, веди себя хорошо.

Имя автомобиля вырвалось случайно. Наверное, я нарекла его из-за цвета. Не просто зеленого с перламутром, а цвета травы с капельками утренней росы. Такая трава бывает только в мае, потому что не успела опалиться жаркими лучами солнца, а росинки играют под лучами просыпающегося солнца.

Лужок послушно побежал вперед, аккуратно подключившись к веренице собратьев.

- Мама дорогая, я еду! Я еду! - задохнулась я от счастья. Даже на время позабыла о Безвольном. Всего на миг.

Я аккуратно припарковалась на стоянке у аэропорта и на дрожащих ногах поспешила в зал прилета. Я уперлась лбом в холодное стекло и настороженно наблюдала за лавированием самолета. Он, как нарочно, замер неподалеку от здания аэропорта. Вот к нему подали трап. Но самолет долго не желал выпускать полюбившихся за время полета пассажиров. Наконец, открылся люк, появилась стюардесса, стала ко мне боком, лишь после этого засеменяли особо шустрые пассажиры.

Не знаю, сколько жизней я прожила за это короткое и в то же самое нескончаемое время, пока одним из последних появился Роман Безвольный. Постоял на самой верхней ступеньке, прищурился, осматривая спящие самолеты, и быстрым шагом стал спускаться по трапу. На своих собственных ногах! Такой большой, красивый, здоровый, родной. И любимый.

- Ромка-а-а-а! – кричала я, не догадываясь о том, что меня не слышно через толстые двойные стекла.

Самолет стоял так близко, что автобус не понадобился. Пассажиры вереницей шли по направлению к выходу. Стекланные двери разъехались в стороны, поток оттеснил меня, я приподнялась на цыпочки, чтобы не упустить из вида мужчину.

-Здравствуй, Ксана, - неожиданно сказал он совсем рядом и прижал к своей груди. Мы стояли так очень долго. Я слышала биение его сердца, мое сердце подключилось и пошло в унисон. Оба сердца походили на два отлаженных будильника.

Потом он отпрянул от меня и спросил.

- Ты все еще хочешь выйти за меня замуж?

- Надеешься, что передумала? Не надейся!..

Вечером в самый неподходящий момент позвонила Филимонова.

- Я, конечно, обиделась, что нас не пригласили на свадьбу, но хочу узнать, как все прошло?

- Ой, Анька, я совсем забыла тебе позвонить! В команде женихов замена - вместо получившего отставку Зильберга на ковер Дворца Бракосочетания вызывается Роман Безвольный!

- Ну, ты даешь! – протянула опешившая сокурсница.

- На эту свадьбу я тебя, уж, точно приглашу!

Мы быстро распрощались. Я не могла терять время на разговоры, меня ждал единственный мужчина моей жизни. Но в уме я поставила галочку: надо позвонить Славику Смирнову, а то он тоже находится в неведении. Наверное, обижается, что подруга выскочила замуж и забыла о нем.

Утром Роман вернулся в свою квартиру. Как мне не хотелось разлучаться с ним, я прикусила язык, приподнялась на цыпочки, дотронулась губами до его жестких губ и закрыла за ним дверь. Почему-то на душе заскребли кошки. Безвольный совершенно не подходил под мои установки. Но не это меня пугало. Он стал еще более закрытым. И так и не научился выражать эмоции.

Мне так хочется влезть к нему в душу и покопаться в ней. Найти ответы на все мои вопросы.

И так не хочется повторения ситуации...

Я вспомнила о Смирнове и набрала знакомый номер.

- Привет, пропавшая! – радостно поприветствовал он. – Я все понимаю, свадебное путешествие, то, се, но могла бы и позвонить. – Он выговаривал мне, шутя, но в голосе чувствовалась обида.

- Слав, ты извини, столько всего произошло! Во-первых, замуж я выходить передумала. Вернее, снова собралась, но за другого человека.

- Никогда не думал, что ты способна перескакивать с одного романа на другой.

- Если быть правильным – с Янислава на Романа. – усмехнулась я.

- Значит, его зовут Роман?

- Роман Безвольный. Но у него такая сила воли, любой позавидует. Он два года назад получил сильнейшую травму – неудачно приземлился при прыжке с парашютом... - тараторила я. - Он капитан ВДВ... В общем, у него были парализованы ноги. Врачи оказались бессильны. Но он не пал духом. Занимался ограниченным спортом, качался, сам придумал какую-то установку, чтобы ноги тренировать. Я ее не видела, она осталась в той комнатке в общежитии, где он раньше жил, он не успел ее перевезти на новую квартиру. Рома живет в соседнем доме. Мы случайно познакомились.

- Познакомились и полюбили друг друга. Она его за муки, а он за состраданьем к ним.

- Что-то я не пойму, - настороженно произнесла я, - ты ерничаешь или у тебя плохое настроение, и я попала под раздачу?

- Все вместе.

- Давай по порядку!

- Я не хочу, чтобы тебя использовали. Ты наивный и добрый человек. Возможно, что этот Роман Безвольный испытывает к тебе ОСОБЫЕ чувства, - язвительно заявил он, - но я не понимаю, как инвалид позволяет себе садиться на шею молодой слабой женщине.

- Он не садится. Я не сказала тебе самого главного – Ромку поставили на ноги немецкие доктора. Он почти месяц провел в клинике и вернулся совершенно здоровым.

- А деньги на лечение дала ты?!

- Я. Он собирал на операцию, но такими темпами мог сто лет еще копить.

- И все, что ты про него знаешь, слышала с его слов?

- Слава, на что ты намекаешь? – грозным голосом спросила я. – Неужели ты думаешь, что я не могу отличить инвалида от здорового человека? У него конечности были не совсем атрофированы, потому что со дня неудачной посадки прошло не так много времени. К тому же он занимался спортом... И я тебя не узнаю, Смирнов! Всегда был такой доброжелательный, а сейчас стал каким-то... ядовитым.

- Меня ядом опоили.

- Даша? – осторожно поинтересовалась я.

- Даша, - грустно подтвердил он. – Выскочила замуж за какого-то толстосума... Так что я хорошо понимаю, что испытывает твой бывший жених.

- Я ему в любви не клялась. Надеялась, что со временем все стерпится-слюбится. А когда встретила Романа, то меня словно током шарахнуло. И поняла, что не хочу обманывать Яниса.

- А Дарья мне клялась в любви и верности, а сама...

Ну, что мне ему ответить? Жалость лишь разозлит его. Начать рассуждать о превратностях судьбы так же глупо в этой ситуации, как рассказывать тяжело больному человеку, прикованному к постели, о замечательной погоде за окном.

Но я нашла выход.

- Славка, давай накатим по рюмочке чего-нибудь крепенького! Я на радостях, ты с горя. Глядишь, я смогу поделиться своим счастьем и вселить в тебя оптимизм.

- Где встречаемся? – заговорщицким тоном произнес Смирнов.

- На нейтральной территории, чтобы нам никто не помешал.

Он уже собрался отключиться, когда я заорала в трубку.

- Слав, подожди, я тебе еще кое-что не сказала! Я машину купила! Не абы какую, а «Фольксваген – Пассат»!

- Вот это новость, я уже не говорю о поводе! Ну, Санька, ты молодчина!.. И не слушай, что я тебе наболтал! Свет клином на Дарье не сошелся!

- Вот это ты верно сказал!..

Подводя итоги встречи на ресторанном уровне, могу сказать одно - так сильно я никогда не напивалась. Смирнов проводил меня до дома, помог загрузиться в квартиру, и решил остаться, чтобы контролировать.

Наутро я долго изучала разрезанные по ровным линиям световые лучи, над которыми мастерски поработали оконные жалюзи.

Что вчера было? Фонтанировало собственное счастье? Или я печалилась за друга?

Или пыталась с помощью изрядной дозы шампанского заколотить поглубже реплику Вячеслава о лжи? Неужели Роман мог разыграть спектакль?..

Нет-нет, этого не может быть! Мы случайно встретились на улице, я помогла ему подняться. Я сама пришла к нему в тот же день в гости. Не он ко мне, а я к нему. Без приглашения! Он не требовал у меня ничего! Я сама дала ему нужную сумму на лечение...

Неужели я никогда не освобожусь от подозрений?..

Обжегшись на молоке, дуешь на воду?..

Прошел месяц после возвращения Романа из Германии. Приближался мой день рождения. Я родилась в конце мая и поэтому всю жизнь маюсь. Так утверждала моя бабушка, но говорила не мне лично, а моей маме шепотом, чтобы я не слышала. Мать в ответ возмущалась и требовала не давать ребенку установок на будущее. Если человеку заложить в голову, что он несчастен, потому что родился не под той звездой, не в тот месяц, то он будет несчастен и смиренен. Раз такое произошло, то зачем идти против судьбы?

В детстве я не задумывалась о «майском» рождении, но когда на меня посыпались всевозможные беды, я не раз вспоминала слова бабули, но внутренне сопротивлялась нависшему року. Я считаю, что у любого человека жизнь складывается переменчиво. Шел-шел по счастливой прямой линии, потом тебя стукнули по затылку, ты потерял ориентацию в пространстве, свернул не в ту сторону, и началось...

Судьба преподнесла тебе букет неприятностей. Умный отбросит презент в сторону, развернется, дойдет до точки, где его шарахнули, постарается разобраться в ситуации, понять, в чем причина изменений, а разобравшись, пойдет правильной дорогой. Что сделает несообразительный? Примет подачку, порыдает на груди судьбы, надеясь на жалость, та приголубит, но руку помощи не подаст – ты, брат, мало повидал в этой жизни, ступай дорогой испытаний! И подтолкнет за угол проблем.

У прошедшего школу жизни тоже поначалу не все будет складываться гладко: будут затрещины, подножки, без них никак! Но закаленный в испытаниях станет реагировать на них иначе. Не ныть из-за заработанного подзатыльника, а встряхиваться, и смело шагать дальше с улыбкой на лице!

Это я на себя имею в виду. Помаялась, выдержала испытания и довольно! Не желаю вновь получать затрещины! Хочу, чтобы меня понимали, к моему мнению прислушивались, по необходимости гладили по голове и исполняли мои желания, которые я не стану держать в себе, надеясь на догадливость моего окружения.

Я стала прямолинейной, намеками не изъяснялась, поэтому сразу поставила Безвольного перед фактом.

- Рома, у меня завтра день рождения. И я хочу отпраздновать его вдвоем с тобой!

- Вот ты, Ксанка, хитрюга! До последнего тянула! – покачал он головой, прищурился, свои необыкновенные глаза. - Так нельзя, моя дорогая! Я должен был подготовиться, придумать, как провести этот день, чтобы он надолго запомнился. Что-нибудь особенное, а не простые посиделки в ресторане и прогулки при луне.

- На ресторан я не рассчитывала, про прогулки мечтала, но... Мне хотелось провести вечер дома, при свечах. – осторожно добавила я и проследила за реакцией Романа. Его лицо было отстраненным и задумчивым. Но я приобрела не только прямолинейность, но и настойчивость, заходящую за грани рассудка. - После таких посиделок нам вряд ли захочется выйти на улицу. А любоваться звездным небом и серповидной луной можно стоя у окна. - Занудила я, а про себя добавила: или лежа на кровати.

- А до этого ты целый день прстоишь у плиты. Ты же знаешь, из меня повар никудышный. Но посуду я вымыть смогу! – подхватился он, вспомнив о существующих способностях.

- Мы можем не заморачиваться разнообразием блюд, упростить до минимума. Или можно заказать ужин в ресторане, - сообразила я. – Мы вместе накроем на стол, выпьем по бокалу шампанского, перекусим, а потом будем танцевать под тягучую музыку танго.

- План неплохой, но его можно осуществить без повода. Даже сегодня!.. А завтра... - наконец, глаза Ромки загорелись, как у кота, завидевшего подходящую кандидатуру противоположного пола.

- Что будет завтра? – спросила я, устав от ожидания. Театральная пауза явно затянулась.

- Завтра будет... суббота! – с видом трагика изрек он.

- Знаю, что суббота. И могу сказать больше – послезавтра воскресенье, а затем наступит понедельник... Увы, но так бывает, - сочувственно вздохнула я, словно моего мужчину ранила такая последовательность.

- Надеюсь, у тебя завтра выходной?

- И завтра, и послезавтра, и послепослезавтра! – с готовностью доложила я. – Занятия закончились, скоро сессия... Но во вторник я должна быть в технологическом колледже – у меня зачет!

- Из всего вышесказанного следует, что до вторника ты совершенно свободна, - многозначительно протянул Безвольный.

- Ромочка, если я сию минуту начну тебя пытаться, ты не будешь против? – заискивающе произнесла я.

- Боюсь получить увечья несовместимые с жизнью, - на полном серьезе заметил он и почему-то стал изучать свои ладони.

- Руки это не самое важное, главное, чтобы не онемели. А то я так и не услышу признаний в любви, за которыми должно последовать еще одно немаловажное событие.

Я нагло намекала на свадьбу, растеряв в боях чувство собственного достоинства. Влюбленные тупеют - это я точно знаю. У них язык бежит впереди притормаживающей мысли.

Роман лишь однажды произнес слова любви, причем так тихо, будто надеялся, что я не расслышу. Но я отупела, обнаглела, но не оглохла, тем более такие слова могу услышать на расстоянии в километр. Не услышать, так почувствовать.

Я стала заурядной женщиной, которая любит ушами. Мне нужны слова, а ни подтверждение любви на деле. Но капитан Безвольный держал признания при себе и этим распалил меня еще больше.

Что касается женитьбы, то он сразу сказал и сейчас снова повторил:

- Ксаночка, сначала я обязан поехать в Москву и подать раппорт о восстановлении в рядах Воздушно-десантных войск. Я не имею права содержать жену на нищенскую пенсию, скоро и ее не будет. Я теперь не инвалид. Конечно, я могу прижиться на гражданке, но ничего хорошего из этого не получится. Я стану мучить себя и тебя. Я не могу жить без Армии...

- Ром, я все понимаю... Не обращай на меня внимание... И на мои неуместные намеки.

- Как не высокопарно это звучит, но без Армии мне, действительно, жизнь не в радость. И не обижайся, родная! – мужчина чмокнул меня в кончик носа. – Пуговичка ты моя, - с ласковой улыбкой произнес он.

- Крохотулечкой, Дюймовочкой, Маленькой Забиякой я была, теперь добавилось Пуговичка. – в груди разлилась блаженная теплота и покатилась по всему организму, как река в весенний паводок, затопив все окрестности.

- Пуговичка, - повторил Рома и притянул меня к себе.

Уже отрываясь от земли, я вспомнила, что он мне так и не ответил на вопрос.

Но какая разница, какие он выстроил планы на завтрашний день. Мы вместе и это важно...

Рано поутру позвонил Смирнов.

- Санька! С днем рождения! – закричал он в трубку.

- Спасибо, Славик! Я так рада тебя слышать! – искренне сказала я.

- Очень хочу, чтобы все твои желания и задумки исполнялись по мановению волшебной палочки! Заболела голова, а ты – хочу быть здоровой! И здорова! Или хочу написать докторскую диссертацию – и...

- А вот этого одним желанием не осуществить! – рассмеялась я.

- Ладно, опускаем трудовую деятельность, переходим к личной жизни. Хочу выйти замуж за Романа Безвольного и...

- И мечта обязательно исполнится, - подхватила я, второй раз перебив собеседника.

- Когда? – задал резонный вопрос приятель.

- Как только Ромка на службе восстановится. Пройдет медкомиссию, соберет все необходимые документы...

- Какие твои годы! – быстро нашелся Смирнов. – Главное – вы вместе. Ромка – мужик, что надо!..

Не так давно я специально подстроила встречу Вячеслава с Романом. Пригласила приятеля в кафе, не предупредив, что буду не одна. Думала, он не в том настроении, чтобы знакомиться и улыбаться при этом. А Безвольного уговорила поесть мороженого. Ромка не любит «общепит», как он обзывал все кафешки с ресторанами независимо от статуса. Он объяснял это просто - под завязку сыт казенной пищей. Но в тот раз согласился, заметив мои восторженно-детские глаза. Тем более тянулись майские праздники, народ предавался или работе на приусадебном участке, или праздному гулянию.

Мы сидели на открытой веранде кафе в городском парке и елозили ложками по креманкам. В это время появился Смирнов. Я помахала ему рукой, он подошел ближе, заметил мое намекающее лицо с выразительно открытыми глазами, намекающими на случайность, и слащаво протянул:

- Какая встреча! Ксана Андреевна! И не одна!

- Вячеслав Борисович, какая удача, что Вы тоже решили прогуляться по парку... Вы один или с супругой! – я заглянула за его спину, едва не свалившись со стула.

- Супруга занемогла. Ноги отекли, все-таки она на седьмом месяце беременности.

Тут я «вспомнила» и своем спутнике, который недоуменно переводил взгляд с меня на незнакомца в темных отутюженных брюках, белой сорочке и щегольских замшевых туфлях. Жених, да и только.

- Рома, позволь представить тебе мастера золотые руки – Вячеслава Смирнова. А этой мой друг – Роман Безвольный.

Мужчины без симпатии пожали друг другу руки и обменялись «доброжелательными» взглядами, предчувствуя соперничество.

Не знаю, почему я решила так организовать встречу и сразу понести околесицу про супругу? Наверное, хотела устроить смотрины Безвольному и боялась вызвать у него ревность. Не все женихи приветствуют дружбу невесты с посторонним мужчиной. Ревность – удел слабых, Рома к таким не относился, но рисковать я боялась. Я дорожила наступившим миром, развязывать войну и снова прятаться в блиндаже мне не хотелось.

Но в любом случае слово-воробей вылетело из клетки, теперь не поймаешь. Однако Славка – молодец! Быстро соображает!..

Из летнего кафе, мы переместились в шашлычную, которая находилась неподалеку и смущала прохожих восхитительными запахами.

Под вкусное сочное мясо и красное тягучее вино разговор потек бодрее и вскоре мужчины стали лучшими друзьями. Особенно порадовало Безвольного, что сержант Смирнов прошел службу в Российской Армии, выполнил свой долг перед Родиной. А Славику было приятно видеть возле меня настоящего мужика, о чем он не преминул мне шепнуть, вдобавок выставив вверх большой палец. Он повторился, когда настоящий мужик отошел на минутку.

- Санька, он тебя любит! – утвердительно высказался Смирнов. – Я заметил, как он на тебя смотрит.

- Ты уверен? – спросила я.

- На все сто!.. Так что не сомневайся и иди замуж!

- Уже иду! – бодро отрапортовала я, позабыв, что меня никто туда не приглашал.

- Сань, ты извини меня... за ту несдержанность. Совсем с катушек слетел, наболтал тебе черт знает что... Извинишь, а? – он обнял меня за плечи и заглянул в глаза.

- Извиняю, только ты руку убери от греха подальше, - пробормотала я. – Лучше скажи, ты Дарью больше не встречал?

- Как не встречал?! Встречал и имел с ней продолжительный разговор.

- Вы помирились?

- Нет. – резко произнес Смирнов. – Она хотела все вернуть назад, но я отказался. Если она один раз предала, то где вероятность, что это не повторится? Повстречается еще один богатенький Буратино, и слесарь со средней зарплатой по боку?

- Человек может ошибаться, а потом одуматься... Дай ей шанс.

- Не хочу я, Санька, давай ей шанс. Все выгорело внутри! – он постучал по груди увесистым кулаком.

- У меня тоже было все выжжено, никогда не думала, что сад зазеленеет, но как видишь...

- Если суждено встретить вторую половину, то так тому и быть. Рано или поздно счастье постучится в твой дом, надо надеяться и верить, - монотонным голосом резюмировал он, словно вбивал эти истины в свою голову.

- Вот ты надейся и верь! – приказала я...

После той встречи в парке прошло дней десять. Мне позвонил Вячеслав и поделился новостью искусственно бодрым голосом.

- Сань, я с девушкой познакомился. Все произошло, как в детективе... Был я на вызове, всю работу сделал, вышел в подъезд, жду лифт... Слышу где-то ниже возня и странные звуки, похожие на мычание. Я заинтересовался, спустился на два пролета, вижу – два

бугая девчонку зажали у мусоропровода, рот скотчем заклеили, один руки держит, а другой... В общем, я подросел вовремя, не успели они над ней надругаться.

- А тебе не досталось? – испуганно спросила я.

- Синяки мужчине красят.

- И как зовут спасенную девушку?

- Ее зовут Полина. Я хочу тебя с ней познакомиться.

Не было в его голосе придыханья, когда он произносил имя девушки. Я это легко почувствовала, но продолжила беседу на веселой ноте.

- Славка, мы не можем показывать ее Безвольному! У нее нет живота! А если нет живота, и она успела родить, то где ребенок?

- Вот ты, Санечка, лгунья! – пожурил меня приятель. – Одна ложь тянет за собой вагон вранья? Забыла? Или тебя в детстве некачественно воспитывали?

- Качественно! – усмехнулась я, – даже знак качества вешали на грудь по праздничным дням!

- Добывала ты его обманным путем! – констатировал Смирнов и мрачно уточнил: – И что нам теперь делать?

- Не нам, а тебе! Быстренько женись на Полине и заделай ей ребенка.

- Что я слышу от кандидата математических наук, выросшего в интеллигентной семье?! Фи, чо за жаргон!

- А чо я такого сказала? – залихватским тоном разбитной бабенки поинтересовалась я. – Али ты не знаешь, милок, откуда детишки берутся?

- Из ка-пус-ты! – порезал слово на три части Слава.

- Ду-ра-лей! – вторила ему я. – Их аист приносит! Так что скоренько сделай заказ... Ты кого хочешь? Мальчика или девочку?

- Я пока не готов жениться, – вздохнул Смирнов.

- Естественно, с бухты-баракты, семью не создают. Ты разберись в себе, в чувствах. Не соверши глупость.

- Да, разобрался я давно! – в сердцах заявил он. – Я... Я не могу полюбить Полину. Она мне нравится. Но в сердце засела Дашка и уходить не собирается, как я ее оттуда не выгонял.

- Славка, что ты себе и мне голову морочишь? Полину приплел! Вдруг девушка влюбится в тебя, если еще не влюбилась, все-таки защитник слабых! Робингут, хренов! Знаю, как ты умеешь ухаживать и оплетать рассказами о высоких материях!

- Не все поддаются. Ты, к примеру, не поддалась.

- У меня голова была под завязку забита проблемами. Забыл, в какое сложное время мы познакомились?.. И не переводи стрелки на меня! Разберись в себе, пойми, кто тебе нужен: Полина или Даша?

- Ты забыла, как Дарья со мной поступила?

- Забыла, и ты забудь, если любишь. Начните жизнь заново, словно не было прошлого. Жди ее у института, а когда она появится, подойди и спроси: «Девушка, можно с Вами познакомиться?»

- Все очень сложно, – пролепетал он в трубку.

- Жизнь, вообще, весьма не простая штука, – подтвердила я.

- Сань, ты многого не знаешь...

- Я мало знаю, но стремлюсь к тому, чтобы знать больше! Хотя, Байрон утверждал – кто больше знает, тот больше страдает.

- И он был прав...

- Смирнов, если ты сказал «А», то тараторь азбуку дальше, не зависай!

- Это не телефонный разговор.

- Слав, у меня сейчас работы выше крыши, я не могу на этой неделе с тобой встретиться, а до следующей я умру от любопытства, а ты от самоедства. Так что, давай, вываливай на меня все тайны мадридского двора.
- В общем, когда Дарья пришла ко мне мириться, я, не дослушав, выставил ее...
- Благородный поступок, ничего не скажешь! – съязвила я.
- Да, я повел себя некрасиво. Но злость затмила все. Даже не злость – бешенство, когда я присмотрелся к ней.
- И что ты увидел? Рога на голове или хвост сзади? - попыталась я снять заряженность атмосферы.
- Животик. Выпирающий из обтягивающей юбки животик, - обалдевшим голосом доложил мне Смирнов, словно повстречался с женщиной с тремя головами.
- Так бывает, - с умным видом заключила я. – Перебарщиваешь с мучным и сладким...
- Причем, здесь мучное и сладкое!
- Даже без общения по скайпу я догадалась, как в эту минуту выглядит мой приятель – скорчил рожицу отвращения, будто проглотил лягушку. Я не стала разжигать его возмущение и усугублять свое незавидное положение очередным шутивным высказыванием, с трудом выдержала паузу, и выдержка того стоила.
- Дарья... беременна, - наконец, разоткровенничался приятель.
- Опля! – выдала я, не сделав предварительный пируэт на цирковой арене. – И отец этого ребенка... - я замерла, ожидая услышать ошарашивающее признание.
- Она утверждает, что отец – я, - помедлив, хмуро заявил Вячеслав.
- А ты... считать умеешь? - осторожно поинтересовалась я.
- Умею. И поэтому мучаюсь.
- От того, что все сходится?
- А вдруг она крутила с ним любовь параллельно со мной, тогда...
- Перестань гадать на кофейной гуще! Я могу сказать одно – Дашка - человек честный. Хотя, ты ее считаешь предательницей. Прежде чем уйти, она с тобой объяснилась. Не улизнула тайно, а поговорила.. Пусть тебе был неприятен этот разговор, но это дело второе... Она не переехала к богатенькому дядечке, а вернулась в общежитие. Я не берусь утверждать, что между ними ничего не было. Было! И подарки, и секс, и поездки на дорогом авто. Подлец задурил девчонке голову. Каждая девушка хочет пожить в сказке, устав от прозаического быта.
- Но...
- Я ее не оправдываю, - быстро перебила я приятеля, не желая сбиться с мысли. – Но ее тоже надо понять. Двадцать лет всего-то! Что она видела в этой жизни? Поселок городского типа, где жигули «десятка» супермодное авто? Кто в жизни не ошибается? Однако она нашла к себе силы вернуться, когда узнала, что беременна от тебя. Не стала навязывать неродившегося ребенка богатому дяде, а пришла к настоящему отцу.
- Может, этому дяде не нужны дети. Ни свои, ни тем более чужие.
- Любого мужчину можно легко обвести вокруг пальца. При желании.
- Это ты к чему клонишь?
- К кому! К дяде я клоню, к дяде! Дашка могла жить припеваючи и нужды не знать.
- Я тоже не нищий.
- А кто говорит, что ты нищий? Ты честный труженик со средней зарплатой. И неизвестно, каких высот ты достигнешь лет через десять... В любом случае, если ты сомневаешься в отцовстве, то можно после рождения сдать анализ на ДНК. Но это как-то мерзко. Надо верить человеку. Даже оступившемуся.
- Вот ты, Санька! – задохнулся он от нахлынувших чувств, - ну, голова! Сказано кандидат наук! Все разложила, объяснила... Так я... побегу?
- К беременной Дарье?
- А то, к кому же! Надо жениться, пока ребенок не родился....

Вскоре Вячеслав с Дарьей зарегистрировали свои отношения. Через пять месяцев они ждут пополнения в семействе.

Как легко решать чужие проблемы...

Это все произошло до моего дня рождения.

А сегодня я с удовольствием выслушала поздравление Смирнова, после чего трубку взяла Дарья и пожелала мне после свадьбы не затягивать с детьми. Но можно ускорить процесс и родить «недоношенного» ребенка, как у них с Вячеславом – пятимесячного. Мы дружно посмеялись.

Только я отключилась, как телефон зазвонил снова.

- Дорогая! Поздравляю, желаю, люблю, обожаю, жду встречи! – раздался в трубке долгожданный голос.

- Это телеграмма?

- Почти! Не хочу терять время. Через десять минут, ладно через полчаса, - смилостивился он, - жду тебя внизу. Форма одежды спортивная. При себе иметь теплые вещи.

- А сухой паек? – в тон ему спросила я.

- О сухом пайке есть кому позаботиться. Не забудь ключи от машины.

- Лужок поедет с нами?

- Это мы поедем с ним, вернее на нем. Но за руль сяду я!

- Не вопрос, - передернула я плечами.

Дружба с Лужком никак не завязывалась. Я его побаивалась, он меня презирал. К Безвольному он относился лояльнее...

Возле подъезда с ноги на ногу переминался мой жених в черных потертых джинсах, выдавших виды кроссовках и футболке с надписью «Зенит-чемпион!»

- Не знала, что ты фанат «Зенита», - вместо приветствия заявила я.

Он опустил глаза, оттопырив при этом губы, заинтересовался ровными буквами и выдал.

- А-а-а, это так! – и пренебрежительно махнул рукой.

Выражение его лица мне не понравилось, неожиданно я связала это неопределенное «так» с собой. И хотела сказать, что «так» в моей жизни уже было, но выяснять отношения раздумала, не хотелось портить настроение в собственный день рождения.

А мучиться от неведения – лучше, - мысленно задалась я вопросом. - Снова погружаться в анабиоз и делать вид, что ничего не вижу, ничего не слышу, лучше?

Осточертевшая неопределенность меня тяготила. Я снова помянула добрым словом свою заумность в решении чужих проблем и все-таки «прикусила» язык.

И почему меня так задела эта футболка, ума не приложу. Мелочь размером с небоскреб. Подумаешь, ну, есть на ней надпись, совершенно заурядная. Дело не в надписи, а в нежелании ее обладателя найти простой ответ. Меня покорило увиливание и выражение лица мужчины. То ли его раздражает моя назойливость, то ли недовольство собой за случайный выбор, который способен привести меня к определенным умозаключениям.

Мысли запетляли в голове, я начала распутывать клубок постепенно.

Безкольный никогда не упоминал в разговоре, что безумно любит футбол и является фанатом «Зенита». Просто так такие специфические майки не носят. Первый вывод меня раздосадовал, будто я уличила Ромку в ужасной лжи, за которой последуют неприятные открытия.

А хочу ли я становиться ученым-первооткрывателем? Хочу распутывать клубок дальше? Или предпочту вовремя остановиться для своей же пользы.

Футболка была лишь следствием. Начало положили убедительные доводы о необходимости переноса свадьбы. Были они какими-то напыщенными, неискренними. Понятно – мужчина хочет вернуться в строй! Так и скажи, а не вплетай фразы, которые режут слух. Напоминает трибунную речь, а не разговор между двумя любящими людьми, способными понять друг друга с полуслова.

Мысленные переживания выдернули меня из действительности. Но мое обаяние вернуло меня назад. Я принялась, как розыскная собака, уловила неповторимый аромат и увидела перед глазами нежный букет ландышей. Я обожала эти цветы.

- Где ты их достал?! - восторженно протянула я. - Сезон на них прошел...

- Какая разница, - безразлично отмахнулся он.

Мой радостный настрой был прерван на взлете. Меня покоробил снисходительный тон. Наверное, все чувства отложились на выражении лица.

- Не хмурься, появятся морщины. - предупредительно произнес Роман, проводя тыльной стороной ладони по лбу.

Я отодвинулась и сосредоточилась на букете. Безвольный догадался, что встреча может закончиться на пороге моего дома. И вернулся в начало разговора, мысленно отмотав пленку.

- Эту футболку мне подарил один приятель, вот он фанат питерской команды, и хочет всех знакомых завлечь в свои ряды.

- Ты меня ни с кем не знакомил...

- Все мои друзья разъехались по разным городам, мы вместе учились в военном училище в Рязани, жаль редко видимся.

Мне хотелось в который раз спросить о его прошлой жизни, его родителях, но я решила повременить с расспросами. Придет время, он сам расскажет, вытягивать правду клещами я не собираюсь. Сейчас снизошел до объяснений, значит, снизойдет до откровенных воспоминаний. Просто он привык жить так - без оправданий, без натужных рассуждений, без оглядки на человека, который требует постоянных ответов на все «почему?»

- Ты ничего не замечаешь? - оторвал меня от собственных мыслей Роман.

- Замечаю... - я заглянула ему за спину, где на тротуаре стоял внушительных размеров баул и большой рюкзак. - Мы идем в поход на месяц?

- На три дня тоже надо брать немало, но я не это имел в виду... Ну! - призывно спросил он, расправил и без того широченные плечи, при этом вздернул подбородок, слегка повернув голову вправо. И сразу стал похож на воина-десантника, стоящего на Красной площади во время Парада Победы.

- Батюшки святы, - запричитала я, - где наши кудри?.. А я то сразу не обратила внимания... Ром, а тебе короткая стрижка очень идет! Ты похож на военного человека, которому выпал заслуженный выходной.

- И который едет на природу вместе с красавицей женой, - добавил капитан Безвольный и обхватил меня за талию.

Я зарделась, как поджаренный солнечными лучами персик, и забыла о всех волнениях...

Я думала, мы будем долго добираться до нужного места, потом еще несколько часов обустроиваться, а времени на пиршество совсем не останется. Но ошибалась, путь занял не более полутора часов. Лужок ловко съехал с трассы и побежал навстречу зеркальному пруду, переливающемуся вдаль. Наверное, там водятся зеркальные карпы. Огромные и пучеглазые.

В животе заиграла трагическая музыка. С утра я выпила чашку кофе и хотела съесть кусок сыра, но не успела - позвонил мой дорогой друг Славик. Поэтому сыр остался нетронутым, а кофе был выпит без наслаждения, на бегу. Но общение с милым другом и его супругой было важнее.

Я вспомнила сырный кубик, вернувшийся на полку холодильника, представила, как врезаюсь в него зубами, оставляя слепок челюсти, и трагическая музыка в желудке перешла в набат. Хорошо, из приемника лилась задушевная мелодия, которая заглушила голодные звуки, а то я напугала бы не только водителя, но и зеркальных карпов, плавно лавирующих в водных глубинах.

Мысли о крупной рыбине повлекли за собой мечты о большой миске ароматной ухи, на поверхности которой плавают порубленный укропчик.

- Сейчас будем на месте и позавтракаем, - успокоил Безвольный, хитро покосившись на скосив на меня.

- Ромка, с тобой страшно иметь дело, ты читаешь мысли на расстоянии. Тоже мне телепат.

Он промолчал.

Поняла – он не хочет касаться щекотливой темы и говорить о молчаливом взаимопонимании влюбленных. Когда один человек читает мысли другого на расстоянии и старается предугадать все желания. Что уж говорить о непосредственной близости, когда голодные страдания стали заглушать громкую музыку. А если предположить, что... в его роду были бабки – вещуньи... Или ведьмы.

Я непроизвольно вздрогнула.

- Замерзла, милая?

- Не замерзла, в сон потянуло, а когда хочу спать, меня знобит. – врать я научилась легко, не напрягаясь. – Покачивание в автомобиле меня убаюкивает.

- Тебе противопоказано садиться за руль.

- За рулем я нервически бодра, - усмехнулась я, не позабыв присовокупить сладкий зевок.

Между тем Лужок добежал по поляны и замер посередине.

- Мы здесь машину оставим или перегоним к тем деревьям? - спросила я и указала на редкую рожицу, расположенную неподалеку.

- Не волнуйся за свой автомобиль, никто его не бросит на солнцепеке. Давай для начала осмотрим окрестности. – в его голосе чувствовалось раздражение. Или ревность к неодушевленному предмету, названному милым именем Лужок.

- А откуда ты знаешь про это место? – поинтересовалась я, не выказывая недовольство. Вылезла из машины, потянулась и вдохнула чистый свежий воздух. Ветер заигрывал с моими короткими волосами, забрасывая их вперед, словно был модным стилистом, следующим веяниям моды.

Но подозрительность росла и грызла меня, как оголодавшая собака кость – остервенело и азартно.

Безвольный широко расставил руки, будто собрался обнять разом и озеро, и поляну, и птиц, кружащих в вышине, и деревья, под сенью которых найдет пристанище Лужок. Мне показалось, что в эту компанию меня не включили.

- В одной местной газете давно прочел статью об этом озере, а потом передачу по телику видел. – снизошел до очередных объяснений Роман.

Но лучше бы он промолчал. Я во всем чувствовала фальшь: и в неестественных потягиваниях, необходимых для отсрочки простого ответа на простой вопрос, и в напряжении, выдаваемом за усталость, и в ускользающем от меня взгляде, в котором я могу почесть правду-приговор.

- Не иначе страшилками народ запугали, потому здесь никого нет. – напряженным голосом произнесла я и осторожно осмотрелась, ожидая появления из озерных вод чудища, опутанного тиной.

- Скорее не страшилками, а сказками, и не запугали, а решили привлечь внимание зрителей, чтобы собственный рейтинг поднять... Живем в двадцать первом веке, каждый второй с высшим образованием, а верим в небылицы.

- Люди устали от проблем. Послушал небылицы и забыл о том, что завтра начальник устроит нагоняй, а на родительском собрании классный руководитель будет терпеливо перечислять недостатки твоего чада, а ты слушать и краснеть. Забудешь о растущих ценах и скудной зарплате. О новом платье, в котором красуется манекен за стеклом дорогого магазина, мимо которого лежит твой ежедневный путь на работу. И так

далее... - я печально вздохнула, словно все выше перечисленное касалось меня – богатой женщины без особых требований.

Требования были, но они относились к мужчине, который дозированной подачей информации разжигал подозрение.

Мои вздохи оставили Романа безучастным. Он изучал горизонт, пренебрегая моими философскими рассуждениями. Мне захотелось переключить его внимание на себя - запрыгать, заулюлюкать и замахать руками. Но я поступила более цивилизованно.

- И что же это за сказки, в которые все безоговорочно поверили и пренебрегли таким райским уголком? - достаточно громко, но без особого интереса спросила я, будто рассуждала вслух в полном одиночестве.

- Не забивай голову, - посоветовал мужчина, поворачиваясь в мою сторону.

Я обогнула разделяющий нас автомобиль, заметила нетерпеливое ожидание в его глазах и сделала шаг навстречу. Безвольный не стал ждать, приблизился ко мне, крепко обхватил руками, не забыв чмокнуть в висок.

- Ром, ну, расскажи, - занудила я.

- Сейчас не время! Надо устроить лагерь, тебя мою голодную девочку.

Раз меня называли девочкой, я имею право немного покапризничать.

- Время, время, - притопнула я ногой. – Может в этом озере водится Чудо-юдо Рыба-кит?! Оно или она подбирается к берегу, когда видит девушку, и утягивает ее на глубину... - испуганным голосом предположила я. - Слушай, ты меня поэтому сюда привез? Хочешь избавиться?

- Глупышка, - с чувством сказал он и поправил мои сбившиеся волосы. – Неужели ты не читала статью в газете и не видела ток-шоу по телевизору? Собрался целый консилиум ученых мужей, которые «пережевывали» легенду, рассказанную какой-то бабушкой. Больше людям нечем заняться, как вести бессмысленные разговоры!

- Разговоры о чем?

- Ведущий вытаскивал по очереди очевидцев, якобы очевидцев, каждый из которых добавлял к легенде собственный бред. Мне они показались неадекватными людьми с разыгравшимся воображением. Или людьми, которые допились до белой горячки.

- Иногда ученые находят проблему на пустом месте и самоотверженно ее изучают, - подхватила я, нападая на своих собратьев. Но зачем Роману знать, что на самом деле я так не считаю.

Мы дошли до ребристой воды, над поверхностью которой летал проказник ветер. Я не удержалась, присела на корточки и поводила в озере рукой.

- Ромка, а вода теплая-теплая.

- Это на берегу, а на глубине холодная.

- Может, позже искупаемся?

- А Чудо-юдо Рыба-кит?

- Хорошо, что напомнил. Давай, рассказывай легенду о странном озере необыкновенной красоты!

Мы присели на большой камень, непонятно откуда взявшийся, и Безвольный начал рассказ. Уже по началу я догадалась, что ему не терпелось побыть сказителем, но он ломался, надеялся на мои уговоры, которые должны сменить обиду.

- Давным-давно это было. На одном берегу озера расположилась деревушка, на другой – кладбище, где хоронили умерших жителей этой деревни. У одной девушки умерла мать, которую она очень любила. Девушка не могла оправиться от горя и каждый день ходила на кладбище, чтобы по привычке поделиться новостями с матерью. После девушка возвращалась в деревню, огибая озеро. Однажды она присела у воды, увидела свое отражение, стала плакать и жаловаться, как ей тяжело без матери. Чем она горше плакала, тем сильнее билось ее сердце. Так сильно, что выскочило из груди и упало в озеро. Девушка прыгнула в воду, надеясь его найти, но утонула. С тех пор прошло много-

много лет она выходит из воды и бродит по окрестностям в надежде вернуть свое сердце, которое кто-то нашел и забрал себе... Вот такая короткая легенда. Возможно, я что-то упустил, но смысл, думаю, ясен, - заключил Рома и незаметно оглядел окрестности. - Особо впечатлительные граждане подтвердили, что видели девушку с длинными волосами в льняном платье с вышивкой до пят. Она медленно прогуливалась у озера. А недавно на берегу нашли мужчину без сознания. Пока везли в ближайшую больницу, он скончался. После смерти сделали вскрытие и оказалось...

- Что у него не было сердца! – догадалась я и привела аргумент, отрицающий открытие патологоанатома, - но когда его обнаружили на берегу, он был без сознания, значит, сердце было на месте!

- Я же говорю – это все выдумки!

- И что еще рассказывали о девушке без сердца? – недоверчиво поинтересовалась я, не понимая, с какой целью Ромка завел о ней разговор.

- Кажется, были еще «очевидцы» подобных невероятных событий вблизи озера, но я не стал забивать себе голову. Кому хочется, пусть верит... Говорят, это озеро называется Сердечным.

- Может, его форма напоминает сердце. Посмотришь с высоты птичьего полета, и удивишься подобному совпадению, - уверенно предположила я, скосив глаза на поверхность озера. - А кладбище было на том берегу или на этом?

- Какая разница? Неужели ты веришь в эту сказку?

- Ты сам сказал, что это легенда, а легенда - несказочное повествование прозаического фольклора. Несказочное! – подчеркнула я. – Жители деревни передавали легенду из уст в уста, пока она не дожила до наших дней.

- И не обросла новыми подробностями. – резко добавил Рома и дал понять, что тему можно считать исчерпанной.

А зачем, вообще, было упоминать о легенде, которая кажется тебе очередной выдумкой людей, желающих пропиариться по телику?..

После того, как среди деревьев был разбит лагерь, а его обитатели подкрепились бутербродами, каждый занялся своим делом. Безвольный вытащил снасти и пошел к озеру, а я прихватила шезлонг и книгу и потянулась за ним. Поставила так, чтобы видеть рыбака, но чтобы солнце не светило мне в лицо - отгородилась от него высокой спинкой - и взялась за чтение. Через несколько минут мои глаза начали слипаться, я не стала бороться со сном, закуталась в шаль и задремала.

Разбудило меня громкое восклицание Романа, на крючке которого болталась блестящая рыбешка невыдающегося размера. Он повернулся ко мне и сразу скис, заметив мое непонимание от такой сомнительной радости и неудовольствие от незапланированного пробуждения.

- Лиха беда начало, - успокоил он себя.

Я снова закрыла глаза и сразу отключилась. Больше меня восклицания не будили.

Когда я проснулась, солнце клонилось к закату. Я не заметила рядом рыбака и испуганно завертела головой. Со стороны лагеря тянуло костром. К запаху горящих поленьев и дыма примешивался аромат чего-то съестного. Я потянула носом и почувствовала благоухание перца, лаврового листа и вареной рыбы.

Я, как зомби, пошла на запах ухи.

- О, моя девочка проснулась! – расцвел бывший рыбак, превратившийся в повара, который еще вчера утверждал, будто готовка - не его стихия. Он помешивал ложкой в подвешенном над костром котелке и был совершенно счастлив. Набрал в ложку ухи, подул на нее, сложив губы в трубочку, и попросил, - попробуй, Сань, соли достаточно?

Обжигаясь, я взяла ложку, тоже дунула пару раз, осторожно коснулась губами и потянула варево на себя, как та рыба- кит, которая заглатывала все подряд.

- Отпад! – вознесла я до небес кулинарные способности Безвольного и закрыла глаза от удовольствия.

- Тогда к столу, пока уха не остыла! – призвал мужчина и указал, в какую сторону мне двигать.

Только сейчас я заметила аккуратный столик и два раскладных стула. Быстро выполнила указание и стала наблюдать за выверенными движениями Романа.

Перед тем, как снять котелок с огня, мужчина плеснул в него немного водки. От нетерпения я барабанила ногами в кроссовках по высохшей земле, покрытой частыми пучками травы. Роман разлил уху по тарелкам, а стопки наполнил водкой.

- Ой, я крепкие напитки не употребляю, - передернулась я.

- Вообще-то, под уху не пьют шампанское, но если ты настаиваешь...

- Нет-нет, пусть все идет, как положено. – подобострастно заявила я.

Тост мужчины был недолог. Он пожелал мне здоровья, всяческих успехов и опрокинул в себя полную стопку. Я осторожно пригубила и принялась на уху...

Мы сидели на облюбованном утром камне и смотрели на воду.

- Я хочу, чтобы перед свадьбой мы заключили брачный договор. – неожиданно заявил Безвольный таким тоном, словно я успела ознакомиться со списком его движимого и недвижимого имущества и мечтала все это присвоить. Но следующее заявление позволило кое-что понять. Кое-что. – Иначе все мое имущество достанется не тебе, а родственникам... - Со списком родственников меня тоже никто не ознакомил, но я сделала вид, что знаю их давным-давно и, если не люблю, то глубоко уважаю. Хотя, с уважением я поспешила. - Если этих людей можно назвать родственниками, - после раздумий добавил он и недовольно поджал губы.

- А у тебя полно разных богатств?! - с сарказмом поинтересовалась я и сразу пожалела о своей оплошности, - прости, Рома, я не хотела тебя обидеть... Но твое полупризнание заставляет задать резонный вопрос: Если у тебя есть деньги, почему ты ими не воспользовался, когда назрела необходимость?

- Действительно, вопрос резонный, - с кривой ухмылкой согласился он. – Потому, что деньги и недвижимость на Лазурном берегу принадлежат другому человеку, хотя, записаны на мое имя... Этот человек... бросил мою мать, когда она ждала меня. Мать никогда его не осуждала, он был высокопоставленным партийным чиновником, имел семью, а она была всего лишь кухаркой на его даче. Узнав о ее беременности, он дал ей денег и отправил к родителям в деревню. Мне всегда было интересно узнать, кто был мой отец, и мать потчевала байками о космонавте, который не вернулся на землю. Она даже фотку показывала, которая почему-то походила на открытку. Как я после узнал, это была фотография космонавта Комарова. Только погиб он задолго до моего рождения.

- А как ты узнал правду об отце?

- Когда собрался поступать в Рязанское десантное училище, мать достала сберегательную книжку и торжественно мне вручила со словами: «Это алименты, которые присылал тебе настоящий отец. Я не потратила ни копейки, нам хватало моего заработка. Я знала, что они тебе пригодятся»... Я наотрез отказался. А спустя много лет меня нашел адвокат и сказал, что отец оставил мне... кое-что. Я послал подальше этого адвоката и пожелал папаше перевернуться на том свете.

- Ты жесток.

- А он добр! – зло парировал Роман. – Наплодил детей от разных женщин и никого не забыл упомянуть в завещании. Молодец!

- А откуда у него такие несметные богатства?

- Не иначе урвал кусок от золота партии, в начале девяностых стал бизнесменом и успел увеличить капитал в несколько раз.

- Но ты мог воспользоваться завещанными тебе деньгами, сделать операцию и вернуться в строй.

- Не мог. Лучше быть инвалидом, чем передвигаться на своих двоих и благодарить ненавистного тебе человека...

На это утверждение у меня имелись собственные умозаключения, но я смолчала...

Уже почти стемнело, когда на другом берегу озера появилась колоритная фигура – старик в ватнике, светлой кепке на голове и спортивных штанах с лампасами, заправленных в сапоги. Он покосился в нашу сторону, повозился с удочкой и лихо закинул поплавок в воду. Сам уселся прямо на землю и стал медитировать.

- Откуда он здесь взялся? – приглушенно спросила я, не желая, чтобы мой голос разнесся по округе и достиг ушей деда.

- Здесь неподалеку деревня, наверное, оттуда пришел... Вот тебе, Санечка, и ответ на вопрос: Кто сочиняет эти небывлицы?.. Местные жители, чтобы отбить желание горожанам, которые тянутся к природе. Старожилы не хотят, чтобы сюда понаехали автолюбители и загадили весь берег. Новость о красивом озере Сердечное быстро разлетится и начнется нашествие варваров.

- То есть, ты считаешь, что «утку» запустили жители деревни?

- А кто же еще? Надо искать, кому это выгодно? Им и выгодно.

- Да, ты прав. Замусориванием дело бы не закончилось, здесь бы выросли помещичьи усадьбы, как грибы после дождя. Вместе со стройкой пришла цивилизация, которая коснулась позабытой деревни. Странно, что жители не задумались о собственной выгоде – они могли сбывать продукты крестьянского труда, закупать товары в появившихся магазинчиках, где выбор гораздо больше, чем в их сельпо.

- Уверен, местные жители не думали о собственной выгоде. Они привыкли торговать на городском рынке, тем более до него рукой подать. Тишина и первобытность природы для них важнее. На земле и так не осталось таких райских мест.

Появление старика и версия Романа меня успокоили. Наступление сумерек я встретила спокойно, не дрожала от страха, по сторонам головой не вертела, бессердечную девушку не ждала...

Всю ночь над головой «веселилось» комариное зверье. Женская его часть пила кровь, а мужская развлекала противным писком у самого уха. Когда небо на востоке посветлело, комары пропали, но в палатке стало зябко. Я устала от борьбы с насекомыми и противным холодом, покосилась на безмятежно спящего Ромку, позавидовала ему, прихватила плед и спряталась в салоне автомобиля.

Меня разбудил лазерный луч восходящего солнца. Я попыталась отразить атаку и прикрыла ладонью попавший под удар левый глаз, но лазер перескочил на правый. Я села и потрясла головой, после чего оценила себя в зеркале. За ночь на лбу вырос рог, вокруг которого образовалось алое пятно. В образе единорога я выглядела еще «краше», чем обычно. Чтобы не видеть собственного отражения, я отвернулась от зеркала.

В поле зрения сразу попал Безвольный, который сосредоточенно вышагивал по берегу и разговаривал по мобильному телефону. Мне стало смешно – Ромка напоминал землемера, орудием труда которого были собственные длинные ноги. О результатах измерений он сразу докладывал начальству по телефону. Я тихонечко приоткрыла дверь автомобиля, надеясь подслушать разговор. Удивительно, но я впервые видела, как Роман разговаривает по мобильнику. По крайней мере, при мне этого никогда не делал. Складывалось впечатление, что мужчина предупреждал всех знакомых о предстоящей встрече со мной и просил его не беспокоить. Но почему? Жаждал непрерываемых общений с женщиной? Или не хотел, чтобы я подслушивала? Но я хорошо воспитана, чтобы вторгаться в чужую жизнь без особого на то разрешения...

Тогда чем я занимаюсь сейчас?

Я стала противна сама себе, рывком распахнула дверцу и выбралась наружу. Потянулась до хруста костей, разминая затекшие мышцы, но украдкой наблюдала за Безвольным,

который при моем появлении резко свернул разговор. Мне удалось услышать только обреченную фразу - «я постараюсь».

- Проснулась, красавица, - произнес он с натянутой улыбкой, направляясь ко мне. В его глазах притаилась тревога.

Мне показалось, что сейчас он скажет: «Нам пора возвращаться!» И начнет завешивать меня ложью, как новогоднюю елку игрушками.

Я решила его опередить его.

- Ромка, второй такой ночи я не переживу! – страдальчески скривилась я. – Привыкший к устроенному быту не выносит антисанитарии и неудобств.

- Ты хочешь вернуться домой? – с прикрытой радостью поинтересовался он.

- После обеда, - четко отрезала я, дав понять, что не приму уговоров и не сдвинусь с места раньше указанного времени.

- Не стану настаивать, - с готовностью кивнул он. По всему этот расклад его устраивал.

Начавшая падение кривая настроения рухнула до нуля...

Расставание у моего подъезда было фальшиво-наигранным. Я поблагодарила его за чудесный день рождения с неестественной миной радости на лице, а он сожалел о коротком празднике. Про себя я нарекла его искусным лжецом, а он меня – капризной фифой. Это отчетливо читалось на его лице.

Разве такая изнеженная женщина может разделить с ним все тяготы службы в позабытом Богом военном городке?

На меня напал ступор. Больше не хотелось произносить неискренние слова и выслушивать ответы с двойным подтекстом. Я не уловила желаний остаться у меня. Признаться честно, сама мечтала об одиночестве, пенной ванне и удобной кровати.

Мы скрепили расставание долгим страстным поцелуем, который не заставил забыть о бытовых мечтах.

- Я позвоню, - сказал Роман на прощание, проводя горячей рукой по моей руке – от плеча до кисти. Организм не отозвался привычно на отработанный жест мужчины.

Я попрощалась и скрылась в подъезде.

В лифте меня душили слезы, притом в таком количестве бежали по моим щекам, что залили всю одежду. Но после этого мне стало легче. В квартиру я зашла спокойная и обессиленная, обругав себя за мнительность.

Устраиваясь в пенной пучине собственной ванны, я пристроила рядом на полочке свой мобильник. Расслаблялась и мысленно призывала его затрезвонить знакомой мелодией. Александр Серов должен с надрывом запеть: «О, это чудо, ты меня любишь!»

И он запел. Я с удовольствием прослушала страстный голос и ответила.

- Ксана, я люблю тебя. Я чувствую, что ты обиделась, но не пойму причины. Я не могу уехать, не помирившись с тобой.

- Уехать? – прохрипела я и сдула с губы кусок прилипшей пены.

- Сегодня позвонил мой приятель. Он учится в Москве, в Академии. По моей просьбе, он кое-что разузнал. Мне надо срочно ехать в столицу, пока человек, который может мне помочь, не ушел в отпуск. Иначе мое восстановление в армии придется отложить на месяц или два.

- Ты надолго уезжаешь? – дрогнувшим голосом поинтересовалась я.

- На неделю. Может, дней на десять... Я хотел попрощаться с тобой... Я могу прийти?

- Мог бы не спрашивать.

Какая покладистая невеста! Тошнит от ее покладистости! Ее глядят, а она спинку выгибает и мурлычет, и не догадывается, что в любой момент может получить пинок и отлететь в дальний угол.

Что за глупости лезут мне в голову?! Я их выбросить и со счастливой улыбкой встретить Безвольного.

Я должна вылезти из ванны и привести себя в порядок.

Потом я должна приготовить ужин и накормить голодного мужчину.

А почему я все время кому-то должна? И наступит ли счастливый момент перемены мест?..

Когда раздался звонок в дверь, я не успела ничего сделать из вышеперечисленных обязанностей, продолжая наплевательски лежать в пене и впихивать Безвольного в формулу соответствия, выведенную еще до встречи с ним. Он не проходил по всем параметрам, но я не огорчилась – часто теория не подтверждается практикой. Я полюбила его с первого взгляда, не знала его характера, привычек, не покопалась в родословной. Но Ромка - не щенок породистой собаки? Он - человек, к которому я прониклась осторожным чувством. Я думала, что оставила это чувство в несчастливом прошлом, но оно выпрыгнуло оттуда в одно раннее утро выходного дня, когда мне повстречался инвалид на коляске. Я протянула ему руку помощи. Взамен Роман выманил меня из блиндажа, заставил вдохнуть глоток свежего воздуха и заново увидеть мир. Все, как утверждала Ефросинья.

Значит, мы квиты?..

Повторный звонок выманил меня из ванны. Я набросила на себя махровый халат и пошла открывать. С мокрых волос стекала вода и капала на пол. Капли были похожи на слезы. Мокрые ступни смазывали их, словно прятали от меня. Мое тело плакало вместе с моей душой. Грусть не покинула меня полностью, ее остатки поселились в груди и напоминали о себе противным нытьем. Будто там застряла заноза и начала гноиться...

Он ворвался в прихожую и крепко обнял меня. Мокрую и душевно измученную. Он просил прощения за свою суровость и неумение правильно вести себя. Как ученик просит прощение у классного руководителя. Не хватало, чтобы он дал обещание впредь не совершать подобных поступков. На мое счастье он этого не сделал, в противном случае я бы выставила его вон.

Утро не принесло успокоения. Напротив, рана загноилась основательно, хотя, бурная ночь способствовала забывчивости и отрешению от более разного характера.

Роман нежно попрощался со мной и уехал в аэропорт. Перед этим я снабдила его немалой суммой, чтобы он смог прожить в столице несколько дней, ни в чем себе не отказывая. Мне не жаль этих денег. Я сама предложила их ему, зная, что у него их просто нет.

Но у меня родилась неприятная догадка, что именно за этим он и пришел. Не потому, что дорожит мною, не потому, что мы холодно расстались у моего подъезда, не потому, что не хочет уезжать, не объяснившись...

Из меня по-прежнему выкачивали деньги, как насос качает бензин в бак автомобиля.

Я была на грани срыва. Чувствовала фальшь, чувствовала завуалированный холод, исходящий от мужчины, и сама остывала. Потом снова загоралась, как спичка, когда видела его, ловила взгляд неповторимых глаз, ощущала его особый запах и превращалась в безумную дворняжку, вертящую хвостом перед своевольным хозяином. Я была противна сама себе.

Но любовь не может накатывать волнами?! Допустим, я люблю по нечетным дням, а по четным занимаюсь своим делами и забываю о любви, как о ненужном предмете, способном помешать моему занятию. Ты или любишь или нет, другого не дано. И не важно, рядом объект твоего интереса или уехал на неопределенный срок. С глаз долой из сердца вон – это почти про меня. Когда я дышу Романом, я его обожаю, когда его рядом нет – я занимаюсь самокопанием с одной целью: хочу истребить эту любовь. Для чего? Для того, чтобы спокойно перенести расставание. А кто сказал, что оно наступит? Или я считаю, что из меня можно только выкачивать деньги, а влюбиться нельзя? Нельзя потерять голову, нельзя бредить мною, нельзя страдать бессонницей и ждать встречи?

Именно, этого я хочу. Живу мечтой об искренней нежности и настоящем чувстве. Это вторая причина самокопания – я сомневаюсь в любви Безвольного.

А если это не фальшивка? И в его сердце живет обузданная любовь? Он ее приручил, обуздал, чтобы остаться настоящим мужчиной, а не подкаблучником.

Но настоящие мужчины не живут за счет женщин. Тем более, когда они вполне здоровы, перемещаются на двух ногах, имеют две крепкие руки. Я сама себя убеждаю, что это временно, и сама себе не верю.

Я покупаю любовь Безвольного, как когда-то проделывала это с Демидовым. Иду по протоптанной дорожке, потому что другого пути завоевания мужчины не знаю. Но я не рыцарь, чтобы сражаться за сильный пол. Я слабая и нерешительная. Пусть он сражается за меня. Я обязана быть надменной и холодной, лишь изредка выказывая чувства. Пусть это будет наградой за победу. У него на первом месте напористость и мужественность, а у меня – чувство... собственного достоинства.

Научись уважать себя, тогда тебя станут уважать другие, - утверждала моя бабушка, вбивая мне азбучные истины в голову. Истины отскакивали от нее, как теннисный мяч от стены. Его возврат наносил мне синяки и шишки, как напоминание о бабушкином афоризме, которое быстро улетучивалось вместе с исчезновением следов.

Наверное, я не права. И на самом деле все не так: Роман считает меня своей невестой, поэтому принимает от меня материальную помощь. И так будет продолжаться до тех пор, пока его желание о возвращении в строй не сбудется.

Я успокоила себя словами Нострадамуса: Жизнь состоит из рыданий, вздохов и улыбок, причем вздохи преобладают...

Прошло несколько дней. Жизнь не преподносила никаких сюрпризов – ни хороших, ни плохих. Не могу утверждать, что я откровенно скучала по Роману, но без него окружающий мир потускнел и будто замер в ожидании.

Мое существование можно охарактеризовать одним словом – однообразие. Но если бы я знала, что последует за этим однообразием, но наслаждалась каждой минутой тяготной скуки.

Иногда отсутствие новостей лучше получения ужасного известия.

Роман Безвольный находил несколько минут в своем насыщенном графике и звонил мне. Больше мечтал о будущем, в котором мне была отведена не последняя роль, чем делился произошедшими событиями. Однако я была в курсе, что все идет по плану. Именно так выражался Безвольный. Дату возвращения он не озвучивал, я понимала, что скоро ждать Ромку бессмысленно. Восстановление в Воздушно-Десантных войсках - дело долгое и сложное.

Меня спасали поездки на знакомое озеро с милым названием Сердечное, вокруг которого должна бродить девушка в льняном платье до пят. Я побывала на озере несколько раз, даже засиживалась до позднего вечера, пытаюсь справиться с трусостью, но ни разу ее не видела. И знала, что рассказы о ней – выдумки, но сидела и ждала, обхватив колени руками. Как сестрица Алёнушка брата Иванушку. Однажды на противоположном берегу появился знакомый старик, я помахала ему рукой, он снял кепку и услужливо склонил голову в поклоне, чем развеселил меня.

Как-то я сидела на берегу и думала о Роме. Часто он бывает раздражительным и еле сдерживает себя, чтобы не бросить мне в лицо обидное слово. Я не идиотка, я все подмечаю. Такое чувство, что он приходит ко мне не по своей воле, а по принуждению. Похоже на повинность. И эта повинность нервирует мужчину. Я ловлю на себе недовольный взгляд. И это мягко сказано, иногда его глаза горят желанием удавить меня, как таракана. Вот так взять, наступить и покрутить ногой для большей уверенности, что ты расправился с ненавистным насекомым.

Может быть, это не так? Я все придумываю? На самом деле у Романа просто сложный характер, на первом месте у него служба, а раздражение адресовано не мне, а собственному бездействию...

Я вернулась домой поздно. Время подобралось к полуночи, когда Лужок замер на стоянке у дома. Я вылезла из салона и испуганно оглядела пустынный двор, мысленно похихикав: в одиночестве на берегу загадочного озера я никого не боюсь, а в шумном городе тряусь, как перепуганный заяц.

Возле моего подъезда маячила одинокая фигура, показавшаяся мне знакомой. При моем приближении фигура пошла мне навстречу.

- Янислав? – я удивленно вскинула брови.

- Здравствуй, Ксана, - поздоровался он стальным голосом, из чего я заключила, что обида на меня прочно засела в его душе.

- Какими судьбами в нашем городе? – беспечно спросила я, не сбавляя темпа. Еще пара шагов и я оказалась у дверей подъезда.

Мужчина проигнорировал мой вопрос, сосредоточив свое внимание на автомобиле.

- Ты получила водительские права?

Я также не ответила на вопрос и задала встречный, не отличаясь выдумкой.

- Зачем приехал?

- Хотел... увидеть тебя и предупредить. – вяло отозвался он, словно на самом деле цель приезда была другой.

- Янис, я не горю желанием разгадывать твои загадки, – скривилась я, при этом успела проникнуть в подъезд, Зильберг последовал за мной. Я бросила взгляд за спину и с вызовом заявила, - встреча состоялась, твои предупреждения мне не интересны.

- Ты не хочешь узнать, что вокруг тебя происходит? – удивленно протянул он, перекладывая пижонский чемоданчик из одной руки в другую. Поклажа намекала, что ее обладатель не устроился в гостинице и надеется найти приют у меня.

Я оценила взглядом его худощавую фигуру, облаченную в модный костюм серого цвета, стоимостью в три мои зарплаты, белую сорочку с распахнутым воротом и крокодиловые туфли. И несвоевременно подумала, что в Москве прохладно, а Ромка, скорее всего, не взял теплых вещей.

Воспоминание о Безвольном заставило меня быть дерзкой.

- Не хочу! – с вызовом произнесла я. – Это моя жизнь и к тебе ее перипетии не имеют никакого отношения!

- Но у тебя нет никого, кто бы мог помочь в трудную минуту.

- Есть! Такой человек у меня есть! – четко выговорила я, усилив громкость голоса сверх меры. Возмущенное высказывание нарушило тишину подъезда.

Сегодня Янис слышал только то, что хотел слышать. Он потряс головой, будто вытряхивал из нее застрявший конец фразы.

- Отец передает тебе большой привет. Он очень расстроился, когда узнал о нашей размолвке.

Мне захотелось напомнить, что мы не ссорились, а расстались навсегда без взаимных претензий, намекнуть на богатое приданое, которое, увы, уплыло из рук Зильбергов, но смолчала. Наконец, моя резкость была на время укрощена.

- Спасибо. – заявила я со смиренным видом. - Передавай привет родителям и извинись за меня.

Я посчитала миссию Яниса выполненной, и не поняла, по какой надобности он зашел вслед за мной в лифт?

А-а-а, он же должен меня предупредить? – вспомнила я, изучая скорбное лицо Зильберга. – Неужели мне грозит опасность? И Янис бросил все дела и приехал ко мне, чтобы защитить? Нет, предупредить! Это не одно и то же! Но почему нельзя все выложить по телефону?.. По телефону нельзя, потому что он хотел меня увидеть, -

мысленно съязвила я. – Ищет пути примирения и сочиняет на ходу... Про Безвольного он ничего не знает? Или знает? – я снова напряженно всмотрелась в физиономию Янислава. Тусклый желтый свет лифта позволял сделать вывод о большой печени. Сведенные в жесткую линию губы подтверждали мое предположение о физических мучениях. – Так-с, что мы имеем? У него обнаружили неизлечимую болезнь, и он приехал попрощаться. Предупредить о своем скором уходе в мир иной.

Я уже хотела сгладить свою вину осторожным поглаживанием по плечу, но в этот момент лифт замер. Мы гуськом покинули кабину, я пошуровала в замочной скважине, переступила порог квартиры и пригласила жестом мужчину следовать за мной.

Я не могу оставить его на ночь на улице, – мысленно успокоила я себя, позабыв о наличии в нашем городе гостиниц.

- Здесь ничего не изменилось, – с тоской сказал Зильберг, будто не был в моих апартаментах не три месяца, а по меньшей мере лет двадцать.

- Извините, что не подготовилась к Вашему приезду и не сделала ремонт, – в сердцах заявила я, устав от его увиливаний от темы разговора. Про жалость я забыла.

- Ксана, ты стала... склочной. И выглядишь не как кандидат математических наук и дочь певца с мировым именем, а как уставшая от жизни мать шестерых детей, которой все надоело до чертиков.

- А мать шестерых детей не может быть кандидатом наук?

- Не может, у многодетной матери свои цели и интересы, далекие от науки. – развивать тему Янис не стал.

Я поостыла. Быть склочной бабой мне хотелось.

- Ты ужинал? – великосветским тоном спросила я, вызвав улыбку на лице мужчины.

- Аппетита нет, но если ты голодна, то я к тебе присоединюсь.

- Я могу приготовить что-нибудь существенное или сделать бутерброды.

- Мне все равно, – успокоил он меня: затеваться на ночь с готовкой я не горела желанием.

Я видела, что Янису хочется закончить бессмысленную прелюдию и перейти к серьезному разговору, ради которого он бросил все дела и примчался в наш город. Но он почему-то оттягивал.

Зильбер помог мне расставить тарелки, нежно касаясь моей руки. Эти прикосновения тронули меня. Не как женщину, реагирующую на внимание влюбленного мужчины, а как одинокого никому ненужного человека, которого подкупает неожиданный чужой интерес.

Стрелки на часах подтвердили, что время котлет с гарниром давно ушло, единственно, что может себе позволить девушка, следящая за фигурой – это бутерброд с сыром. Для Яниса я приготовила бутерброды с ветчиной. Для кофе было уже поздно. Или еще рано, поэтому я разлила по чашкам ароматный чай с бергамотом.

Мы ужинали и молчали. Я предоставила гостю возможность поразмышлять, надеясь на то, что он передумает вести предупредительные беседы. Мой бутерброд с сыром остался нетронутым. Я придвинула тарелку к Янису, он, молча, взял его. Дело плохо, – мысленно решила я и подлила мужчине чай.

- Наверное, пора спать, – неуверенно пробормотал он, отодвигая от себя пустую чашку.

- Наверное, – согласилась я. Предупреждение не было забыто. Оно было отложено. Может, завтра мужчина встанет с другим настроением и не пожелает обрушивать на меня новость. То, что она будет пренеприятной, я поняла, но по обыкновению ушла в тыл, своевольно покинув поле боя.

После завтрака, прошедшего в неформальной, но натянутой обстановке, я подумала, что Зильберг передумал, сейчас распрощается и уедет домой, но он задал неожиданный вопрос.

- Ксана, у тебя сегодня весь день занят?

- С десяти я принимаю экзамен, и буду свободна к двум. Максимум к трем. – я отодвигала время окончания экзамена, надеясь на занятость юриста.
- Отлично! – повеселел Янислав. – Давай встретимся у памятника Кирову, спустимся к набережной и погуляем.
- Тогда сегодня я оставлю машину на стоянке.
- Но если тебе неудобно...
- Удобно, - отрезала я. – Надо больше ходить пешком, а то обросту жирком.
- Тебе это не грозит. – с чувством сказал Зильберг, поедая меня глазами.

Ночь прошла спокойно. Янис не порывался «обсудить» на моей кровати животрепещущие темы, но мы оба не спали. Я старалась ни о чем не думать, вспоминала счастливое детство, которое всегда приходило мне на выручку. А Зильберг несколько раз вставал и привидением расхаживал по квартире. Один раз замер у двери моей спальни, повздыхал и отправился в обратный путь...

Свое пасмурное настроение я перекинула на студентов, чего раньше не делала. Особо отличившиеся попали под горячую руку и заработали «неуд». Я была требовательна и изводила вопросами. В итоге к двум неудам добавились девять удовлетворительных оценок, десять «хорошо» и всего четыре оценки «отлично». О зверстве всегда лояльного преподавателя уже сегодня будет доложено группе, чей черед наступит завтра.

В пять минут четвертого я подходила к памятнику Кирову. Янис меня ждал. В его руках не было букета, что меня порадовало: сразу видно у нас не свидание. Мы поздоровались, словно увиделись сегодня впервые, и стали спускаться к набережной по улице, по обеим сторонам которой высились постройки начала прошлого века. Городские власти «дорожили» тем временем и не вмешивались в историю, предоставив домам выживать самостоятельно.

Водная прогулка на теплоходе заняла полтора часа. Напряжение достигло небывалых размеров. Если бы оно выражалось в единицах измерения, то я могла с уверенностью сказать, что напряжение равнялось расстоянию между нашим заштатным городом и столицей. Еще чуть-чуть и оно достигнет Северного полюса, потому что движется с ускорением, прямо пропорциональным времени и обратно пропорциональным терпению.

После того, как мы сошли с трапа теплохода, Янис потянул меня к гостинице «Якорь», где находился приличный ресторан, но мне не хотелось сидеть в помещении, несмотря на вечернюю духоту улицы. От воды тянуло успокаивающей свежестью, поэтому мы устроились в летнем кафе за маленьким круглым столиком с видом на реку, по которой медленно тащились важные баржи, сновали вездесущие катера и плавно шествовали прогулочные теплоходы. Зильберг заказал бутылку шампанского, фрукты, шоколад, предварительно заручившись моим согласием, чем подкупил меня. Он отлично знал о моих вкусах, но не стал брать инициативу на себя. У капитана Безвольного была другая тактика ухаживания за женщиной, подкрепляемая увесистым «так надо». Под уху надо пить водку; на набережной, где дым от каждой закуской сплетается с ароматом шашлыка, надо пить красное вино. Или коньяк. Или на худой конец пиво. И его не колышет, употребляю я водку или другие напитки, кроме шампанского. После свадьбы он заставит меня, чего доброго, отжиматься по двадцать пять раз, обливаться ледяной водой посреди двора, перебивать одним ударом ребра ладони пару кирпичей, напиваться до полубморочного состояния второго августа, купаться в фонтане и голосить песни «про десантуру».

Да, мы совершенно разные люди с Романом, но любовь стирает грань. Я выпила, как воду, фужер шампанского, выдохнула и заявила.

- Янис, хватит юлить! Выкладывай все начистоту! – и рубанула ребром ладони тягучий воздух июньского вечера, мысленно вернувшись к кирпичам.
- Хочешь знать правду? – задумчиво молвил он, глядя вдаль, будто на другой стороне реки затаился человек, к которому был обращен вопрос. Я не сдержалась и проследила за

его взглядом. На городском пляже еще оставались люди, наслаждаясь солнечным закатом.

- Хочу! – бухнула я. – И чем быстрее, тем лучше.

- Предлагаю другой вариант – ты просторываешь отношения с человеком, за которого собираешься выйти замуж... – собеседник проследил за моей реакцией. Я «сделала» непроницаемое лицо. Как мне казалось. Но судя по участливому взгляду собеседника, мне это не удалось. – Я не хочу, чтобы ты страдала, – добавил он.

- Нам не впервой, – озадаченно протянула я и подумала: наличие у Зильберга серьезной болезни, вероятно, не найдет подтверждения. И тут же обозвала себя черствым и жестоким человеком. Самобичевание прервал вкрадчивый голос Яниса.

- Тогда слушай... Два дня назад я был в Питере по служебным делам... – от сердца сразу отлегло: где Питер, а где Москва, в которой нынче пребывает Ромка. Просветление на моем лице заставило мужчину ускорить рассказ. Траурная монотонность сменилась бодрым бормотанием. – У меня была назначена встреча в ресторане на Невском, я пришел раньше времени, чтобы перекусить. Трудные переговоры не дают возможности нормально поесть, а я был голоден, – пояснил он. Я согласно кивнула, будто не вылезала из ресторанных переговоров. – Людей было мало, и все расселись отдаленно друг от друга. Я выбрал место в углу, возле раскидистой пальмы. На улице была обычная питерская погода – в окно барабанил дождь, небо висело на зонтах бегущих прохожих. Думаю, это обстоятельство не позволило мужчине, разговаривавшему по телефону, выйти на улицу. Хотя, был еще просторный холл, но, наверное, он не хотел выпускать из поля зрения свою спутницу – вызывающе красивую брюнетку с миндалевидными глазами. Поэтому обогнул пальму, вклинился в угол и продолжил разговор.

- Зачем ты все это мне рассказываешь? Какое мне дело до какой-то Шахерезады с миндалевидными глазами и ее спутника?

- Сейчас все поймешь... Только не подумай, что я сочинил историю, чтобы вернуть тебя. Я понимаю, мой поезд ушел, но я... твой друг и желаю тебе добра.

- Давай, рассказывай, добрый человек, – поторопила я Зильберга.

- Сначала я не прислушивался к разговору, пока не услышал твою фамилию. Не думаю, что в стране Загадочных так же много, как Ивановых, тем более носящих имя Ксана.

- Тебе знаком этот мужчина?

- Я его видел впервые.

- Можешь его описать?

- Он отлично сложен, высок, плечист, с коротко стриженными русыми волосами. Лицо такое волевое...

- В общем, бабам нравится, – пробормотала я, вспомнил фразу из известного фильма. – И что он говорил?

- Он разговаривал с женщиной, потому что называл ее сестрой. Без имени, просто сестра. Сначала больше слушал и поддакивал, а потом взорвался: Я устал от твоей Загадочной Ксаны, как устают от надоевшей ухи, которую тебе дают по три раза в день на протяжении двух месяцев.

- Может, он употребил не фамилию, а прилагательное. Какая Ксана? Загадочная! – я попыталась отшутиться. Но сразу поняла, что речь шла обо мне. Тут виной была не только уха, которую мы ели на берегу озера, потому она и пришла на ум мужчине, и продолжительность нашего общения – два месяца с момента возвращения Романа из Мюнхена.

- Если тебе так удобнее, то пусть будет прилагательное, – быстро согласился Янис.

- Он... еще что-то говорил?

- Когда я услышал твою фамилию, то невольно стал прислушиваться. Они разговаривали о брачном договоре, который ты обязана подписать. Мужчина уверял, что его план – просто блеск, ты никогда не догадаешься, что у него ничего за душой нет, кроме комнаты

в питерской коммуналке и долгов... Будто бы у тебя другие сведения... Ты будешь тронута его доверием и щедростью, и сделаешь ответный жест. Через некоторое время после свадьбы ты... - Янис не решился сказать, что случится с доверчивой до безобразия женой.

- Что я? – глупо палясь на мужчину, спросила я, хотя, знала ответ.

- Ты попадешь в психиатрическую клинику. Не думаю, что ты оттуда выйдешь. Со временем тебя превратят в овощ.

- Лучше бы разбилась в автомобиле, у которого отказали тормоза...

- Почему же лучше?

- Раз, и нет меня...

Наверное, Янис представил картину аварии, и вздрогнул.

- Ксана, так нельзя. Ты сама вправе распоряжаться своей жизнью. А не какой-то чужой человек.

- Он никогда не был капитаном ВДВ, - задумчиво произнесла я, - и не прыгал с парашютом. И не получал травму... А я еще удивлялась, как быстро он прошел реабилитацию в Мюнхене... И шрама на спине нет, как я не присматривалась... - Медленно перечисляла я. – Развлекался в Германии вместе со своей миндалевидной красавицей, а когда деньги закончились, вернулся в бездонной бочке Ксане, набитой деньгами.

- Ты извини, что я вот так... взял и рассказал тебе все.

- Спасибо, что... предупредил... А сейчас я хочу побыть одна...

Я брела по вечернему городу, не замечая никого вокруг. Лишь однажды меня выдернул из размышлений обалдевший взгляд мужчины. Мужчина стоял у дверей ресторана и провожал меня глазами. Он был необыкновенно привлекателен. Как Безвольный. Поэтому вызвал во мне неприязнь, несмотря на нескрываемое удивление в глазах, словно я была не заурядной девушкой, а необыкновенным видением, спустившимся на землю...

Я не была шокирована новостью. Что-то подобное я ожидала услышать, потому все последние месяцы путалась в мыслях.

Однако, кто предупрежден, тот вооружен. Так что спасибо тебе, добрый человек Янислав Зильберг...

Побродив по городу, я вернулась домой. Я не собиралась рыдать и рвать на себе волосы. Надо все осмыслить и сделать правильный вывод. Хотя, какой тут может быть вывод, кроме расставания. Пожил за мой счет, дорогой женишок, и баста!

Жаль денег. Отец всю жизнь работал, как заведенный, а я трачу направо и налево. Направо – Демидову, налево – Безвольному. Прямо пойду, еще кого-нибудь найду...

А еще жалче себя. Ну, почему я такая доверчивая?! Годы прибавляются, а житейского ума не наживаю. И где тот стержень, который должен сделать из меня волевого человека?

Но хватить себя жалеть! Надо пораскинуть мозгами...

Я достала лист бумаги, разложила его на кухонном столе рядом с чашкой крепкого кофе, взяла ручку и написала: 1.Безвольного кто-то снабдить информацией обо мне. Они действуют сообща. Кто этот человек?

Прежде чем вычислить сообщника Романа, я должна понять, кому это нужно? У меня не так много знакомых, тем более врагов, способных разработать план по выкачиванию из меня денег и засадить меня в психиатрическую клинику. И сразу напрашивается разделение по интересам – один человек одержим жаждой мести, а другой сидит на мели и хочет за мой счет улучшить свое материальное благосостояние. Со вторым все ясно. Терпел меня два месяца, потерпит еще столько же или чуть больше, но выдержка того стоит.

Я вспомнила о матери Кукушкина. Она в одночасье лишилась сына и сестры... Сестра... Янис сказал, что Роман так называл своего телефонного визави. Если

Безвольному около тридцати, то его сестре – от двадцати до сорока. Мать Кукушкина в эту возрастную группу не входит. Других детей, кроме Лешки, у нее нет. А у ее сестры, которая получила срок за соучастие в убийстве?

Я вывела под первым пунктом подпункт - двоюродные братья и сестры Алексея Кукушкина. Подумала и поставила жирный вопрос.

Идем далее. Я погрызла конец ручки, затем нарисовала в уголке листа размашистое солнце, подумала и пририсовала под ним маленькую ромашку. Оценила и замазала круговыми завихрениями, сквозь которые рисунок «подглядывал» и отвлекал меня от размышлений. На кону моя жизнь, а я развлекаюсь! Что я за человек?! Не могу заниматься одним делом, шарахаюсь из стороны в сторону. Хотя, математическими вычислениями я могу заниматься круглосуточно, позабыв по сон и еду.

Но я не развлекалась, где-то подспудно представила врага жарким солнцем, которое будто бы согревает меня лучами, а на самом деле испепеляет меня – маленькую ромашку.

- Испепеляет, - вслух повторила я. – Выжигает, сжигает дотла, обращает в пепел, пронзает... Пронзает взглядом... Гипнотизирует... Ефросинья...

Все-таки, какой своеобразный у меня склад ума. Провела параллель и все сложилось. Или не сложилось, но появилась зацепка.

Я вывела на листе бумаги еще один подпункт – прорицательница Ефросинья.

С нее все началось. Это она внушила мне, что якобы я могу выбраться из забвения, если протяну руку помощи совершенно незнакомому человеку.

Я мысленно поставила рядом гадалку и Безвольного, и мне показалось, что они весьма схожи между собой. По крайней мере, глаза у обоих необыкновенно красивые. И взгляд гипнотический, завораживающий. Только у пожилой женщины он с годами потускнел, а у молодого мужчины «сжигает дотла».

Между Ефросиньей и Романом должно быть еще одно звено. Именно, этим звеном является женщина, которую по телефону он называл сестрой.

Я написала третий подпункт – сестра Безвольного. Она же дочь Ефросиньи. Уверенно добавила я, словно родство между Романом и прорицательницей было подтверждено.

Я прочитала первый подпункт, о детях тетки Лешки Кукушкина и в скобках приписала – сомнительная версия, оставить на потом.

Я должна пойти к Ефросинье и задать ей один вопрос: Знаком ли ей Роман Безвольный? Он же сомнительный капитан ВДВ, сомнительный инвалид и настоящий житель Петербурга, где имеет собственные квадратные метры в коммунальной квартире, желающий всеми возможными и невозможными средствами прилепиться к одинокой девушке с богатым приданным?

Я была готова бежать на улицу Гоголя хоть сейчас, но решила отложить поход до утра. Потом вспомнила, что завтра принимаю экзамен у очередной группы студентов и перенесла допрос важного свидетеля на вторую половину дня.

Уже засыпая, я пробормотала.

- Улица Гоголя, дом шесть, квартира двенадцать... Третий этаж направо... Интересно, чем закончилась эта история, если бы случай не привел Янислава в Петербург и не направил в один из ресторанов на Невском проспекте?..

Ответа на свой вопрос я дать не успела, погрузившись в беспокойное забытие.

Сегодняшней группе необыкновенно повезло: преподаватель был рассеян, как невеста накануне свадьбы, и мало прислушивался к ответам. Пробегал глазами листок, исписанный формулами, и ставил хорошие и отличные оценки. Первые полагались тем, кто имел пропуски занятий, вторые предназначались для особо дисциплинированных.

Экзамен прошел в ускоренном темпе. Я сдала ведомость в деканат, оживилась и понеслась к автомобилю.

Улицы были запружены машинами. Лужок привычно выказывал недовольство, нетерпеливо пофыркивал, я поддерживала его нетерпение и елозила на сидении.

На нужную улицу мы въехали спустя час. Я без боязни приблизилась к знакомой подъездной двери и вошла внутрь. Как и в прошлый раз пешком поднялась на третий этаж. Та же дверь, тот же кругляшок звонка. Я решительно надавила на него и стала ждать. Долго никто не открывал, я хотела повторить, но дверь открылась, а я замерла с поднятой рукой.

На пороге стояла молодая темноволосая женщина в легком коротеньком халатике с маленьким ребенком на руках. Я настороженно окинула ее взглядом и подумала, что это и есть сестра Безвольного. Еще накануне я была уверена, что виделась с этой выдуманной или невыдуманной сестрой, которая была источником информации для своего брата. Она же затаила на меня обиду и решила отомстить с его помощью. Сейчас я поняла, что вижу эту женщину первый раз в жизни.

В голове успела родиться еще одна неординарная мысль: Ефросинья - еще одна тетка Кукушкина, а Роман и его сестра – ее дети.

Молодая мама устала меня разглядывать и спросила.

- Вы из детской поликлиники?

- Я? Нет, я не из поликлиники. Я... пришла к Ефросинье... Извините. Не знаю ее отчества.

- Здесь нет никакой Ефросиньи, - уверенно заявила женщина. – Здесь живем мы с Вадиком... Да, Вадичка? – засюсюкала она с сыном и звонко чмокнула его в пухлую щечку.

- Как не живет?! – возмутилась я. - Я была в этой квартире... на приеме у гадалки Ефросиньи...

- Когда Вы здесь были? – задала резонный вопрос хозяйка, мало обращая на меня внимание, она сосредоточилась на малыше.

- Приблизительно год назад. – прикинула я в уме. – Или немного больше.

- Год назад... - задумчиво повторила молодая мама и начала подсчитывать. – Вадику сейчас десять месяцев, три месяца до его рождения я пролежала на сохранении, потом роды... Могу с полной уверенностью сказать, с начала мая по август меня дома не было. Так что Вы, девушка, что-то напутали. Здесь без моего ведома не могла поселиться ни гадалка Ефросинья, ни кто-то другой.

- А ваш супруг?

- У меня нет мужа, - без обиды пояснила женщина.

Я присмотрелась к ней, чтобы прикинуть, сколько ей лет. Возраст играет немаловажное значение для установки родства с Безвольным. Ей лет тридцать, не меньше.

- Может, во время Вашего отсутствия в квартире все же кто-то жил? – продолжала настаивать я.

- Девушка, Вы сами понимаете, что говорите?! Уверяю Вас - здесь никого не было. На выходные меня отпускали домой. Не всегда, но бывало... И когда я возвращалась в квартиру, то никого не замечала, - усмехнулась она.

- Вы оставляли кому-то ключи? – спросила я, удивляясь своей настойчивости, граничащей с наглостью.

- Одному дальнему родственнику. На всякий случай.

- И Вы... можете сказать назвать его имя? – с трепетом поинтересовалась я.

Женщина не стала изводить меня ответными вопросами. Она мечтала отделаться от навязчивой особы, сбрендившей на почве гаданий.

И назвала фамилию и имя дальнего родственника...

Сначала я не могла вспомнить человека с такой фамилией. Но отлично знала, что слышала ее.

Села в автомобиль, склонилась к рулю и стала повторять и повторять, будто вызывала дух обладателя нераспространенной фамилии.

- Пора возвращаться домой, - страдальческим голосом объявила я Лужку. – Дома, как известно, и стены помогают.

Уже через пять минут я выходила из машины, неустанно прокручивая в голове окончание разговора с мамой Вадика.

Этот человек - ее дальний родственник. Я с ним не знакома, но... от кого-то слышала его фамилию. Наверняка и имя...

Растянувшись на диване в гостиной, я стала мысленно прикладывать разные мужские имена к загадочной фамилии. То имя, что назвала хозяйка таинственной квартиры, мне показалось сомнительным и к фамилии не подходило. Будто они были из разных опер. Например, слышишь сочетание Александр Годунов и чувствуешь фальшь, несмотря на то, что эта личность известна любителям мирового балета. Но более естественно воспринимаешь на слух привычное - Борис Годунов – царь и великий князь всея Руси, правивший в шестнадцатом веке.

Я не думала, что женщина ошиблась: как можно перепутать имя родственника, пусть и дальнего?! Но ТО сочетание не вызывало никаких ассоциаций, значит я слышала фамилию с другим именем.

Я запуталась, для чистоты эксперимента постаралась забыть неподходящее имя, и приставила к фамилии первое, что пришло на ум. И начала с Петра. Имя первого возлюбленного впиталось в меня. Затем пошли Алексей и Роман, памятуя Кукушкина и Безвольного. После все подряд - Иваны, Николаи, Александры и так далее. Даже вспомнился старорежимный Нил, он же бог реки с одноименным названием. Все имена подходили фамилии, как корове седло.

- Вот я недотепа! – встрепенулась я, соскочила с дивана и сильно хлопнула себя ладонью по лбу. И тотчас скривилась от боли. Комариный укус до сих пор тревожил меня, не столько припухлостью, сколько внутренней болью, появляющейся при нажатии. Но сейчас было не до нытья. - Эта фамилия созвучна с фамилией Зильберг. Потому что... принадлежит человеку еврейской национальности... Как я Янислава упустила?! Нет, Янис к ней точно не подходит... А имя довольно известное, но в сочетании с фамилией я его не слышала. Сначала было имя, потом фамилия, обороненная между прочим, в виде пояснения. И все произошло в тот период, когда моя голова была занята мыслями о человеке, нуждающемся в моей помощи. Я бродила по улицам в надежде, что встречу с ним. Ходила и рассматривала прохожих. Ходила и разрабатывала разные варианты. Ходила и строила догадки. Ходила и выводила формулу соответствия мужчины обычной девушке без особых претензий. Хотя, список был таким длинным, что претензионностью здесь разит за версту. Ходила и... повстречала свою давнюю знакомую Анну Филимонову!

Я медленно прокручивала картину прошлогодней встречи с однокурсницей.

- Она назвала сидящего за рулем автомобиля... Лаврентием... Точно, Лаврентием. Еще приказала ему ехать по своим делам, а она останется, чтобы поболтать со мной. И добавила, что теперь она не Филимонова, а Кесельман... Лаврентий Кесельман. Вот от кого я ее слышала. Но вместе имя и фамилия не прозвучали...

Со стороны я походила на обитательницу психиатрической клиники, которая ходит по палате и разговаривает сама с собой. Но так мне было легче вспоминать.

- Сначала в моей жизни появилась Ефросинья, потом Анька Филимонова, которую я не видела лет сто, а когда напряжение от ожидания встречи с незнакомцем пошло на убыль, и я решила выйти замуж на младшего Зильберга, в соседнем доме появился инвалид Роман Безвольный. Или Роман Филимонов. Назваться Безвольным ее научила сестра Анна, чтобы его фамилия вызвала доверие. И восхищение несовместимостью: человек не опустил руки, живет надеждой на возвращение в строй, откладывает крохи от своей пенсии, презирая наследство. Отличная разработка. Убийственная своей натуральностью... Но зачем Филимонова все затеяла? Неужели в душе живет давняя

обида за тот нелепый случай с тетрадкой? Но стихи вызвали смех не только у меня. Хотя, новый всплеск веселья вызвала моя корявая фраза, посвященная начинающей поэтессе. Неужели все так, как я себе нарисовала?

Я должна убедиться, что Ефросинья, Анна и Роман связаны не только родственными узами, но и работали в одной команде. Руководила, естественно, Филимонова – этаким серый кардинал, а мать и брат выполняли ее указания. Мать бескорыстно, а брат хотел обогатиться за мой счет.

Но что-то здесь не склеивается. Мужчина показывал мне паспорт, где черным по белому было отпечатано – Роман Евграфович Безвольный...

- Мама дорогая! - не удержалась я от восклицания. – Анька-то тоже Евграфовна. Я отлично это помню. Потому что особые выдумщики окрестили ее Параграфовной. После истории со стихами к ее имени и переделанному отчеству добавилась фамилия объекта страсти – Варламова. Что ж они с отчеством так опростоволосились? А паспорт – подделка. Если уж готовиться к мести, то надо учесть все тонкости.

Мысли перескочили на человека, которому Филимонова посвящала стихи.

Интересно, как поживает мой бывший сокурсник Валерий Варламов? Хомякова рассказывала, что он пошел работать в школу обычным учителем математики.

У меня под рукой интернет, я могу заглянуть в адресную книгу и узнать, где он живет. Хорошо, что мальчики не меняют фамилии, когда женятся, хотя, бывает и такое.

Я включила компьютер и быстро нашла номер домашнего телефона и адрес своего сокурсника. Может, сведения устарели? Я могу убедиться в этом прямо сейчас.

Трубку сняли почти сразу. Мне ответил приятный женский голос. Я поздоровалась и попросила к телефону Валерия. Мне ответили «сейчас» и грохнули трубкой по дереву, отчего в моем ухе чуть не лопнула перепонка.

- Да, я слушаю. – меня порадовало звучание знакомого причмокивающего голоса. Он был таким же, как в недавние студенческие годы.

- Валерка, привет, это Ксана Загадочная.

- Санька, привет! – пробасил он. – Безумно рад тебя слышать! – и сразу сник, как цветок, политый химической гадостью. – Что? Опять кто-то умер?

- В смысле? – опешила я от такого «радостного» начала разговора.

- А разве ты ничего не знаешь? – трагически - поникшим шепотом спросил он.

- Про Хомякову, конечно, знаю... А что? Кто-то еще из наших.. умер?

- Тут целый мор, - «успокоил» меня Валерий и начал перечислять фамилии однокашников, кто успел перебраться в мир иной по независящим от них причинам? Кого-то сбил автомобиль, кто-то умер от остановки сердца, предварительно употребив странный препарат, кто-то выпал из окна. И тому подобное. Во всех случаях чувствовалась чужая рука помощи.

Я представила себе аудиторию, в которой сидели человек двадцать студентов, потешающихся над начинающей поэтессой. Все перечисленные Валеркой люди в тот день не решились прогулять теорию вероятности. Все они подхватили мой стихоплетный порыв, включая Регину Хомякову.

Но к смерти Хомяковой обиженная Филимонова не имеет отношения.... Или имеет? Ответ я получила сразу, как во времена моего детства билет за проезд в автобусе, протянув кондуктору пять копеек.

- Я слышал, что Хомякову и твоего бывшего мужа отравил Леша Кукушкин. – между тем продолжал телефонный разговор Варламов, не заметив моего короткого выпадения.

- Ты знал Кукушкина?

- Представлен не был, но он все время таскался за вами с Региной, поэтому мелькал перед глазами и все знали – это Кукушкин с химического факультета.

- Ужасно все вышло, - вздохнула я. – Жаль их всех – И Регину, и моего Демидова, да и Лешку.

- Лешку жаль вдвойне, потому что он этого убийства не совершал! И теперь мотает срок за другого человека.

Меня всегда удивляла способность интеллигентного Варламова сочетать слова из противоположных лексиконов. Он не изменил самому себе: первое предложение больше подходит к речи адвоката, выступающего на суде в защиту подсудимого, а второе – самому подсудимому, рассказывающему сокамерникам о несправедливости бытия. Постоянство сокурсника грело мне душу, но оброненная фраза вызывала в голове сумбур.

- Как... не совершал? – обалдела я, вспомнив про отравленную водку в собственном холодильнике, к которой все же приложились подруга и супруг.

- Я недавно встретил одного химика (так мы называли студентов с химфака) на конференции учителей средних школ, он учительствует в районном центре... Этот чел рассказал о письме, которое он получил от Кукушкина...

- Оттуда? – с ужасом спросила я, кивнув за окно, где должна располагаться колония для преступников.

- Оттуда. А что здесь такого. Переписка разрешается, только письма подвергаются цензуре. Так вот, Кукушкин не признает себя виновным.

- Как не признает? – вскинулась я. – Мой адвокат уверял, что Лешка написал чистосердечное признание.

- Написал, он не отрицает. Но теперь заявляет, что действовал под гипнозом. На улице его встретила женщина, дала в руки баночку с ядом и сказала: «Ты должен убить Хомякову и ее любовника, иначе тебе самому и твоей матери не жить на этом свете». Вложила ему в голову задание, и он его успешно выполнил. Парень был орудием в чужих руках!

- Там была замешана еще его тетка. Она тоже была под гипнозом? – недоверчиво поинтересовалась я. Рассказ Валерки походил на выдумку сбрендившего заключенного Кукушкина.

- И мать, и тетка хотели, чтобы их мальчик избавился от безответной любви к Регине. И сделали все, чтобы ему помочь... Кстати, тетку уже отпустили, и она наняла адвоката, чтобы дело племянника пересмотрели.

- Это возможно?

- Возможно, но трудно. Ту женщину, что встретила его на улице, он описать не может. Скорее всего, она стерла из памяти воспоминание о ней. Но оно каким-то образом зацепилось. Что женщина была, он помнит, а как выглядела, хоть, убей, забыл.

- Как в той комедии – тут помню, тут не помню, - недоверчиво хмыкнула я.

- Время программирования прошло, вот и припомнил ту встречу, - со знающим видом пояснил Варламов.

- Мне кажется, я смогу помочь Алексею, - ляпнула я, не подумав.

- Хорошо бы, - вздохнул Валерка и добавил, - надо остановить эту череду странных смертей. Где вероятность, что она нас с тобой не коснется?

- Тебя вряд ли, а меня уже коснулась. Но я не сдамся.

- Сань, ты... должна уехать! – запричитал он. – Тебе надо где-то отсидеться, пока все не утихнет. А если нужна помощь, ты всегда можешь на меня рассчитывать.

Я слушала озабоченную речь приятеля и думала: пока я не выйду замуж за Романа, мне ничего не грозит. Значит, надо тянуть время.

- Валерка, скажи, а ты Филимонову давно видел?

- Филимонову? – переспросил он и попытался в трубку. – Видел давно, а по телефону разговаривал недавно. Мы с ней часто перезваниваемся... А ты думаешь, это она? – подобрался однокашник. – Анька мстит за то-о-от случай?

- Пока не знаю. Но я тебя очень прошу – держи в тайне наш разговор. Это в твоих интересах тоже. А если тебе позвонит Филимонова, то разговаривай с ней, как обычно. Не строй из себя всезнайку, из которого прут секреты.

- Но я не могу оставаться в стороне!

- Можешь. Иначе испортишь все дело. А за меня не волнуйся. Я не одна, со мной рядом человек, который не даст меня в обиду.

А вот это уже полное вранье. Вранье в четвертой степени.

- Саня, хорошо, что рядом есть защитник, но тебе нужен профессионал. Ты должна нанять телохранителя. Если у тебя нет денег, то я могу...

- У меня есть деньги! – уверенно заявила я.

- Но ты хотя бы держи меня в курсе.

- Буду держать! – пообещала я. – Валерка, я так рада, что услышала твой голос...

Бывают же в жизни совпадения. Едва я закончила разговор с Варламовым, как голосом Серова запел мой мобильник.

- О, это чудо, ты меня люби-и-шь!

- Уже не люблю! – безопеляционно заявила я и, сменив гнев на милость, в трубку пропела: Здравствуй, дорогой.

Дорогой поздоровался в ответ и стал мне рассказывать, как он соскучился. Такое чувство, что он предчувствовал мое охлаждение и пытался всеми силами вернуть мою любовь, а заодно присвоить мои деньги, не желающие покидать насиженного места без особых на то указаний с моей стороны.

- Можешь не спешить возвращаться, - с грустью молвила я первое, что пришло в голову, когда услышала о завтрашнем прилете моего «жениха».

- Ты не хочешь меня видеть? – зашелся он.

- Хочу, но не могу.

- Как это? - рассердился Роман.

Что я ему должна ответить? Что боюсь его возвращения, как бояться балованные дети ремня отца?

Жаль, что все не так, как я обрисовала Варламову. Я могу рассчитывать только на себя. На свою изворотливость и находчивость.

Включайся, находчивость! – мысленно призвала я. И она включилась и дала подсказку.

- Рома, ты болел в детстве краснухой?

- Н...нет, - с легким заиканием сказал он.

- И я не болела. У взрослых эта болезнь протекает гораздо сложнее, чем у детей.

- Ты... заболела краснухой? – недоверчиво спросил мужчина.

- Представь себе, - тихонечко пискнула я, возликовав внутри. – От одного студента заразилась.

- Ты с ним целовалась? – грозным голосом поинтересовался Безвольный. Или как там его кличут на самом деле.

- Причем здесь это?! – возмутилась я, придав голосу щемящую тоску и страдание одновременно. – Краснуха передается воздушно-капельным путем или прямым контактом, под которым не обязательно подразумевать крепкие объятия. Допустим, ты приедешь ко мне, я открою дверь, и зараза «перелетит» на тебя. Тоже будешь ходить весь в ужасной сыпи, чесаться и мучиться от высокой температуры. Тут главное...

- Подожди, - резко перебил меня мужчина. – Ты правду говоришь или шутишь?

- Какие могут быть шутки, если я испытываю страшные мучения. – торопливо вставила я со скорбью в голосе. – Сижу в изоляции, не хочу заразить близких людей. Думаю, окончательно оправлюсь от болезни не меньше, чем через месяц.

Интересный срок для расследования я себе установила, - подумала я.

- Но тебе нужны лекарства, продукты.

- Лекарства у меня все есть, а продукты приносит проходящая домработница. Я наняла женщину по уходу за больной, то есть за мной. Она в детстве переболела краснухой, так что теперь у нее иммунитет.

- Но я все равно приеду.

- Приезжай, вместе сляжем, - успокоила я его. А когда отключилась, грозным голосом добавила, - подумаешь, пугает он меня – приеду! Приезжай! Добро пожаловать! С экзаменами я покончила, нахожусь в заслуженном отпуске, могу размалевать свое тело красными пятнами и ходить с гордым видом по квартире.

Но с этим занятием я решила повременить. Приедет, тогда и подпорчу свою гладкую, слегка подзагоревшую кожу. А если спросит, где домработница, скажу, вышла в магазин. И как мы будем разговаривать? Перекликаться через дверь? Но он захочет убедиться в моей заразной болезни. Надо держать под рукой красную гуашь или фломастер. Он не будет рассматривать, есть ли на коже сыпь, его испугает «боевая» раскраска и он быстренько ретируется... А если насыпать на руку мелкую соль, а сверху закрасить красной гуашью, то получится настоящая краснуха.

Я радовалась своей сообразительности и выдержке, временно позабыв о череде смертей моих однокашников.

Неужели Лешка Кукушкин сидит на зоне по вине Филимоновой? Она, как и все остальные, знала о привязанности химика Алексея к Регине Хомяковой. О развитии событий после окончания университета могла легко разведать.

Слухами, как известно, земля полнится...

Я долго размышляла, смогу ли справиться с возникшей ситуацией сама, или мне придется обратиться за помощью к Семену Яковлевичу Зильбергу, моему несостоявшемуся свекру? Но не остановилась ни на одном варианте...

Утром меня разбудил тревожный звонок в дверь. Спросонья он всегда звучит неожиданно и пугающе. Сердце гулко забухало, а конечности отказывались идти в прихожую. Наконец, я доковыляла до двери и приложила к глазку.

- Блин, - неинтеллигентно вырвалось из меня.

В подъезде стоял Роман и пялился в глазок, словно пытался меня рассмотреть таким образом. Я заметалась в поисках гуаши, хорошо, что она была в наличии, на соль времени не хватило. Я украсила лицо беспорядочными красными пятнами, помахала на себя руками для быстроты сушки, подула, выпятив нижнюю губу, оценила свою работу в зеркале и приоткрыла дверь.

- Что с тобой? – проигнорировав приветствие, спросил мужчина, искусно пряча отвращение.

- Я же тебе говорила – крас-ну-ха! - отчетливо произнесла я, хотела для пущей убедительности поскрести ногтями по стянутому лицу, но вовремя вспомнила, что кисти рук не подверглись работе художника.

- Я надеялся, что ты меня разыгрываешь, - промямлил Безвольный, стараясь не смотреть в мою сторону.

- Давай будем разговаривать через дверь. Так безопаснее. – заботливым голосом сказала я и без его согласия забаррикадировалась в квартире.

- Ксана, может тебе что-нибудь нужно? - повысил голос Роман.

- Нет, спасибо, скоро придет домработница.

Он задал еще пару ничего не значащих вопросов, попрощался и ушел. Я с облегчением вздохнула и побежала в ванну смывать раскраску. После тщательных умываний лицо осталось красным и слегка опухшим.

- Отлично! – порадовалась я, - в следующий приход Романа мне не потребуется снова доставать гуашь!

Но лицо так жгло, что радость быстро пошла на убыль. Я нанесла питательный крем и переключилась на обдумывание последующих действий.

Звонок к Зильбергу – старшему я решила отложить, хотя, так хотелось взять в руки телефон и набрать знакомый номер «спасения». И сразу все станет на свои места. По мановению волшебной палочки, о которой упоминал Смирнов, когда поздравлял меня с днем рождения. Но время звонка обязательно придет. Не в моих силах найти

подтверждение связки – Ефросинья, Анна Филимонова, Роман Безвольный. Допустим, я найду доказательства, что они сообща действовали против меня. Пойду с заявлением в полицию, а там заявят: Когда Вас убьют или засадят в психушку, вот тогда и обращайтесь! Я им скажу, что Роман аферист, что выманил у меня деньги обманным путем, а они мне: А где свидетели? Документ, подтверждающий передачу денег, у Вас есть? Нет! Вот и дуйте отсюда! А я им снова: В банке могут подтвердить, что такого – то числа была переведена крупная сумма на счет...

Какая-то пустоголовая девица хотела привязать к себе мужика канатом, сотканным из денежных купюр, но он освободился и исчез, прихватив канат.

Умней надо быть, девушка!..

Но кое-что я все же могу.

Я снова обратилась за помощью к интернету. И быстро нашла некую Ефросинью Ивановну Филимонову, причем в единственном экземпляре. Совпадение или меткое попадание?

В любом случае мне надо поехать по указанному адресу и проверить.

Ефросинья Филимонова жила на другом конце города, на улице Королева. Рядом находилась стоматологическая клиника с холодным названием «Грант», вдали виднелась приветливая роща. Я припарковала автомобиль у соседнего дома и стала прикидывать, где могут находиться окна квартиры тезки гадалки или ее самой. Второй вариант меня устраивал больше: когда-нибудь мне должна сопутствовать удача. Девятиэтажный дом был братом – близнецом дома на лице Гоголя, поэтому я легко догадалась, где живет Ефросинья.

Несмотря, на утреннюю прохладу, пока не сменившуюся дневным зноем, окна были наглухо задраены. Висящих на наружной стене сплит-систем не наблюдалось. Какой напрашивается вывод? Простой – дома никого нет! И что мне это дает? А то и дает, что я могу заглянуть к соседям и поинтересоваться Ефросиньей Филимоновой. Скажу, что я из собеса... А если это другая Ефросинья, не прорицательница, а молодая девушка, которая никаких отношений с пенсионными организациями не поддерживает? В адресной книге возраст не указан... Есть еще один способ проверки. Я мысленно нарекла его дерзким, и быстрым шагом направилась к квартире Филимоновой.

Для начала я решила узнать дома ли хозяйка. На мои звуковые призывы никто не откликнулся. Прежде чем стучать к соседям, я прислушалась: за их дверь повисла непрерываемая тишина. На лестничной клетке было еще две квартиры, из одной доносилась громкая мелодия, предшествующая началу тягучего сериала. Не раздумывая, я двинулась на звук.

Мне открыла дверь полная пожилая женщина с седыми короткими волосами, зачесанными назад. На ней было длинное пестрое ситцевое платье, на ногах, несмотря на жаркое время года, виднелись вязаные полуноски, формой напоминающие спортивные чешки из детства. На лице женщины поселилось недовольство от вмешательства в частную жизнь, насыщенную телевизионными перипетиями. Зоркий взгляд дамы мгновенно оценил меня всю в целом, в глазах мелькнул настороженный интерес.

Такую особу наступательным вопросом не прошибешь, необходимо разъясняющее вступление. Если в соседней квартире живет не прорицательница, то скажу – ошиблась, дома перепутала.

- Добрый день, - произнесла я с милой улыбкой на лице, словно всю жизнь мечтала поприветствовать эту седовласую мадам в чешках.

- Здравствуй, - без обиняков сказала она, обладая правом обращения на «ты» ко всем людям, не достигшим пенсионного возраста.

- Извините, что отрываю Вас от важных дел, но мне нужна Ефросинья Ивановна Филимонова. Я давно не была в этом городе, здесь училась в университете, - пояснила я, -

приехала в командировку и хотела повидаться с Анной, ее дочерью, но не нашла ее адрес. По всей вероятности, она вышла замуж и сменила фамилию. Кстати вспомнилась редкое имя ее матери - Ефросинья, вот и обратилась в справочное бюро. Там мне дали этот адрес. Но, увы, мне никто не открыл. – Я перла, как танк, надеясь на везение.

- В командировку, говоришь, приехала? – недоверчиво переспросила женщина, вынула из кармана карамельку и успевала оценить отсутствие тяжелой поклажи в моих руках. Она взялась двумя пальцами за края обертки и с проворством фокусника слегка растянула. Конфета совершила оборот вокруг своей оси, освободилась от красочной бумажки, и отправилась в рот.

- Я в гостинице остановилась, - сообразила я, - мне ночлег не нужен, я с Аней хотела встретиться.

- Анька замужем давно, она фамилию сменила на... - женщина призадумалась. – Потом вспомню, - пообещала она, - у меня случаются провалы в памяти. Вот не поверишь, смотрю старый фильм, вижу известного артиста, в голове вертится его фамилия, а назвать не могу. Так и мучаюсь весь день, пока не устану. А как только переключусь на другое, так нате вам, пожалуйста, фамилия вспомнилась! – обрадовано произнесла она, прихлопнув ладонью по бедру и колыхнув аляповатым ситцем.

И что ж мне теперь стоять здесь до вечера и ждать, когда отключенное от темы сознание даст подсказку? – мысленно возмутилась я, не забывая держать на лице маску понимания и заинтересованности.

- Ты спрашивала про Ефросинью, - напомнила соседка, посчитав мою физиономию не вполне интеллектуальной. – Ее нет и не будет!

- Она... умерла? – поперхнулась я воздухом и закашлялась.

- Типун тебе на язык, - скривилась соседка, гоняя по рту конфету. – Она уехала еще в начале лета в Израиль, у нее там сваты живут. Взяла внуков и укатила... Везет же некоторым, - добавила она с желчью в голосе. – Это же надо – она им седьмая вода на киселе, а они ее привечают. Каждое лето там пропадает... - она резко смолкла, будто у нее отключили звук. Тишина разбавлялась громкими телевизионными диалогами. – Ой, я вспомнила, как фамилия Аньки по мужу! Когда поговорку про кисель сказала, так и вспомнила! У него кисельная фамилия – Кесельман!

У каждого свои ассоциации, - заключила я, порадовавшись недолгому ожиданию.

- А где она живет, не подскажете?

- Где живет, не скажу, а номер домашнего телефона дать могу. Я ей звоню, когда счета за квартиру приходят.

- Скажите, а Ефросинья Ивановна продолжает... помогать людям? – с намекающим пониманием поинтересовалась я и мысленно поругала себя: не надо было задавать этот вопрос. Но сегодня фортуна на моей стороне, поэтому пусть домчит меня до финиша по прямой, без объездов.

Соседка нахохлилась, как курица, защищающая своих птенцов.

Видно, в деятельность прорицательницы посвящен ограниченный круг, решила я. Или на самом деле она обычная женщина, позволяющая своим детям вить из нее веревки. Вспомнив про детей, на ум пришел упущенный из вида Роман. Ведь у Ефросиньи, кроме дочери, должен быть сын! Согласно моей теории невероятности.

Соседка взяла тайм-аут, употребив его на повторное употребление сладкого. Я обязана ее разжалобить.

- Понимаете, у меня муж... загулял, - приглушенным голосом доверилась я. – Хотя, все отрицает. Говорит, на работе устает. А сам... а сам, - со слезой в голосе прогундосила я, - приходит домой за полночь. И от него за версту разит чужими духами.

- Это нам знакомо. У самой зять еще та кобелина. – с отвращением сказала женщина, отчаянно разгрызая конфету. – Я Фроське пожалилась, а она говорит: Как бы мне твоего зятя увидеть? А я отвечаю: Так он сегодня придет ко мне полку вешать! – Вот и отлично, я

тоже загляну, - ответила Ефросинья и посмотрела сквозь меня, словно уже знала, чем это дело закончится и что нас ожидает в будущем.

- И рассказала? О будущем? – заторопилась я, будто меня тревожила чужая судьба.

- Я не спрашивала. А зачем? Лучше жить и не знать будущего, чтобы оно тебя не сломало.

- А что стало с Вашим зятем? Он изменился после встречи с соседкой?

- Когда он полку в ванной повесил и сел ужинать, я незаметно отлучилась к Фросе. Вернулась и сижу, как на иголках. Вскоре и она заявила. Вроде за мукой пришла. Присела в сторонке и с зятя глаз не сводит. Потом муку взяла и ушла. Я поначалу расстроилась и подумала: И чего приходила? Хорошо, хоть, денег не запросила за услуги. А то другие ей по тысяче отваливают. А то и больше!

- Значит, к Ефросинье обращаются люди за помощью? – перебила я. Денежные отношения меня мало интересовали. Но я отлично помнила, что с меня прорицательница не взяла ни копейки.

- Она не за всякую работу берется. И только по рекомендации. – шепотом доложились женщина и покосилась на дверь Филимоновой. А я подумала: значит, раскладывать рекламки по почтовым ящикам ей без надобности. – А дочке моей она помогла. До конца дней буду за нее молиться. С той поры мой зятек исправился.

- А брат Анны так и живет в Питере? – с трудом ворочая во рту сухим языком, спросила я.

- Ромка- то? Будто бы не вернулся, у него там комнатенка в коммуналке, он ее по наследству от отца получил. Тот с Фросей в разводе был. Умер давно.

- Другие семьи склеивает, а свою не уберегла. – вздохнула я, пряча на прозаическим рассуждением бьющий из меня фонтан радости.

И к гадалке не ходи, все узнаешь от соседей, - мысленно пропела я.

- Так у Ефросиньи этот дар открылся не так давно. Лет пять назад она окно мыла и вывалилась наружу. Представляешь, ничего не повредила, ноги-руки не переломала, только долго была без сознания. В коме, - вспомнила соседка заковыристое слово.

- Упала с третьего этажа и осталась жива? – не поверила я.

- Жива и приобрела какие- то способности. Чудное слово, я и не упомяну. Но я не верю, что все произошло с бухты-баракты, значит, они, способности эти, сидели у нее внутри и ждали своего часа. Раз осталась чудом жива, то сама твори чудеса, я так думаю... Еще Фроська научилась гипнотизировать людей, чтобы они могли вспомнить что-то важное... Ох, заболталась я с тобой, сериал прозевала.

Или, напротив, забыть, - подумала я.

Женщина собралась захлопнуть дверь, но я напомнила ей о номере телефона Анны. Она скрылась и вскоре вернулась с обрывком бумаги, где были набросаны семь заветных чисел.

- Жаль Ромка недавно ушел, он бы тебе все сам рассказал, а я бы телевизор спокойно смотрела, - повздыхала она и заставила мое сердце запрыгать в разные стороны.

Представляю себе, что со мной было, когда дверь квартиры Филимоновой открыл один мой знакомый. Почти жених.

- А сын Ефросиньи здесь остановился? – спросила я, кивнув в ту сторону.

- Давненько его не было, а сегодня появился. Но недолго задержался. Наши женщины говорят, что у него богатая зазноба есть, вроде бы скоро свадьбу сыграют. Только я не понимаю ее: зачем ей этот тунеядец?

- А он нигде не работает? – я ругала себя последними словами за мягкотелость. Почему меня так легко обвести вокруг пальца? И ювелирной работы не надо.

- Болтают, будто Ромка... в карты играет, - придушенным шепотом сообщила соседка. – Уж, не знаю, правду люди говорят или врут из зависти?

- А есть чему завидовать?

- Так у него то густо, то пусто. То из Питера на шикарном автомобиле прикатывает, то покупает билет на поезд в плацкартный вагон. Мне об этом в сердцах Фрося

обмолвилась. И вот опять же, чужую беду и руками разведу, а свою... - искренне вздохнула она, помянув в душе добрым словом хранительницу домашнего очага дочери.

- Спасибо Вам большое, - поблагодарила я и уже собралась уходить, как меня остановил вопрос женщины.

- Девонька, извини, не могу удержаться от вопроса: А что это у тебя с лицом?

Я приложила ладони к горящим щекам.

- А что у меня с лицом?

- Оно у тебя все красное.

- Это... это у меня аллергия! - вмиг сообразила я, наливаясь еще большей спелостью.

Я сбежала по ступенькам и скрылась в салоне автомобиля. И сразу на меня накатила ужасная головная боль. Страшная и разрезающая на части. Я сдавила виски руками, откинувшись на сиденье. И не заметила, как отключилась.

Сознание вскоре вернулось, но слабость не ушла. Вялыми руками я завела Лужка и приказала себе и ему двигаться в обратный путь.

Я с трудом доковыляла до квартиры и упала на кровать. Тяжелый беспокойный сон обрушился на меня подобно упавшему камню с обрыва.

Когда проснулась, в окно заглядывала любопытная надкушенная луна, простирая себе дорожку по комнате.

- Я превращаюсь в овощ, ем и сплю, сплю и ем. Иногда думаю, но лучше бы я этого не делала. – вслух заявила я хриплым спросонья голосом. - Хотя, я не права, все мои логические умозаключения сегодня нашли подтверждение... Но почему так раскалывается голова? Будто кто-то барабанит огромной кувалдой по лбу. Наверное, это от перенапряжения. Надо «собрать себя до кучи», как говорила моя бабулечка. Выпить горячий крепкий чай, обязательно сладкий, чтобы запустить мыслительный процесс. А о чем я собираюсь размышлять? Все и так ясно, как божий день. Нужно поставить жирную точку в этом заковыристом деле и выйти победителем. Я почти справилась сама, теперь нуждаюсь в помощи профессионала. Естественно, им будет Семен Яковлевич Зильберг. Очень хотелось стать сыщиком, сидеть в засаде у дома Анны Филимоновой – Кесельман и наблюдать. Выявить связь между нею и братом Романом, сфотографировать и припереть к стенке фактами. Не самой, а с помощью полиции и того же Зильберга. Но как неудобно обращаться к нему за помощью! Одна надежда, что друг моего отца не сильно расстроился: любимый младший сынок остался при родителях...

Я с трудом села на кровати, голова закружилась, вовлекая в хоровод все предметы. Я закрыла глаза, стало еще хуже. Открыла и решительно встала на ноги. Ватные ноги подогнулись, и я упала на колени.

- Может, и впрямь, краснуха, - выдала я вслух, разрезая скрипучим голосом тишину квартиры. – Ерунда, у меня тело чистое, не чешется и температуры, кажется, нет.

Я приложила ладонь ко лбу и почувствовала выпирающий «рог» от комариного укуса.

Затем, недолго думая, встала на четыре конечности и двинулась в сторону кухни. Там заползла на табурет, уцепившись руками за подоконник.

Вот так умрешь, и никто не узнает, - с тоской подумала я. - Одному очень плохо жить на белом свете.

- А в темное время суток еще и страшно, - добавила я плаксивым голосом. – Ксана, не расслабляйся, борись! – приказала я себе, но с места не сдвинулась.

По двору шел одинокий прохожий, неспешно и обреченно.

- Может, у человека нет дома, ему негде спать, - с жалостью произнесла я. – Никто его не ждет. Впрочем, как и меня... Никто его не любит... Как и меня... Сама разрушила хрупкое счастье, своими собственными руками и теперь страдаю... Нет, я не страдаю! – зычным голосом заявила я в пустоту. – Зачем обманывать человека, у которого еще все

может прекрасно сложиться. Янис встретит девушку, которая его искренне полюбит. Не думаю, что он, действительно, любил меня по-настоящему. А откуда я знаю, как любить по-настоящему? И любила ли когда-нибудь? Сначала пыталась завоевать Демидова, скорее купить подарками. И он купился, пока в его свободное сердце не вползла любовь к Регине. После была встреча с человеком, который «нуждался» в моей поддержке. Взамен мне было обещано превращение в другого человека, свободного и счастливого. Я, как оголодавшая рыба в озере, попала на крючок. Оголодавшая от одиночества...

После чашки чая меня снова потянуло в сон.

Наутро я была еще слаба, но нашла в себе силы позвонить Зильбергу.

- Дядя Сеня, здравствуйте, - промямлила я тихим голосом. – Извините, что обращаюсь к Вам с просьбой...

Сами мы не местные. – вертелось в большой голове, которая, как мне казалось, успела увеличиться в объеме.

- Ксана, что у тебя с голосом? – встрепнулся друг отца, - ты не больна?

- Семен Яковлевич, я не больна, мне нужна Ваша помощь...

Телефон выскочил из ослабевшей руки, и я опять отключилась.

Пришла в себя на полу. Я лежала на боку, подогнув под себя ноги, мобильник находился рядом и противно призывал откликнуться.

- Да, - пролепетала я в трубку.

- Ксаночка, девочка, я чувствую, что тебе плохо. Вызови доктора, а я постараюсь уже сегодня прилететь. – забеспокоился Зильберг.

- Хорошо, - согласилась я.

Перебралась на диван и решила оставить просьбу дяди Семена без внимания. С детства не выношу людей в белых халатах. Они вызывают у меня страх. Мне кажется, что у меня обнаружат ужасную болезнь, запрячут в больницу, где неприятно пахнет, где по коридорам бродят люди в грязно-коричневых халатах и шаркают по полу потрескавшимися тапочками из кожзаменителя со стоптанными задниками. Или лежат на кроватях, застеленных серыми простынями, укрываются серыми пододеяльниками и беспрестанно стонут. И если тебе поставлен ошибочный диагноз, ты обязательно заболеешь от внушения и от давящего морального состояния.

- Скажу, что врач приходил и сказал, что у меня нервное перенапряжение. – объявила я вазе-хранительнице, стоящей неподалеку.

Хранительницей она перестала быть давно. Наличные я держала в новом сейфе и на счетах в банке. Но на дне вазы лежала монета. Уже не помню, какого достоинства. Иногда я брала в руки «лампу Алладина» и трясла ее. Шум монеты напоминал мне о прошлом...

Вечером прибыл Семен Яковлевич в сопровождении сына Янислава. Они оба удивленно воззрились на меня, не решаясь обнять.

- Что у тебя с лицом? – спросил отец и обменялся взглядом с сыном, словно вопрос был обращен к нему.

- Аллергия, - откликнулась я, мысленно проклиная красную гуашь.

- Странная аллергия, - протянул Зильберг, намекая на мое чистое тело. На мне был надет короткий сарафанчик, позволяющий сделать этот вывод.

- Это аллергия на крем для лица, - нашла я. Меня не подвергли дальнейшему допросу.

Мужчины прошли в гостиную, где прямо на полу у дивана были разбросаны упаковки с лекарствами. Я создала видимость усиленного лечения, последовавшего после визита врача.

- Что сказал доктор? – не выдержал дядя Сеня, опускаясь в кресло. Мы с Янисом пристроились на диване.

- Нервное переутомление. Рекомендовал... кое-какие лекарства и постельный режим. – доложила я, сбивая подушку и поправляя рукой тонкий плед, разделенный на бежевые и бордовые квадраты.

- Ты ложись, ложись, Ксаночка, - сказал до сих пор молчавший сын.

- Пожалуй, прилягу, - согласилась я, незаметно прикладывая ладонь к гудящей голове.

- Ты не голодна? – поинтересовался Семен Яковлевич.

- Нет, я ела... Кажется... Но больше спала.

- Сон любые болезни лечит, - выдал Янис и нагло погладил меня по ноге, спрятанной под пледом.

Мне захотелось взбрыкнуть, как необъезженной лошадке, но не было сил. Я лишь выразительно хмыкнула. Молодой человек был понятливым и отдернул руку.

Для начала мы обсудили несколько ничего не значащих тем, включая незабвенную Миленду Карловну, передававшую мне пламенный привет, с помощью которого я смогу заживо сгореть. Это мои домыслы.

Затем перешли к основной теме. Я выложила все без утайки. Но выразительному взгляду Янислава я поняла, что его роль в деле разоблачения Безвольного надо скрыть. Скорее всего, его родители не были осведомлены о его визите ко мне.

- Так-с, - протянул Семен Яковлевич, внимательно выслушав рассказ о моих приключениях и расследованиях. – Утро вечера мудренее, - подвел он итог и оторвался от мягкого кресла. – Я... мы завтра же займемся твоим делом. Но прежде ты напишешь от своего имени заявление в полицию.

Он достал из дипломата чистый лист бумаги, помог мне сесть, заботливо поправил подушку за спиной, уложил лист на кожаный чемоданчик, щелкнул шариковой ручкой и протянул мне.

- Пиши... - и стал диктовать.

После чего мужчины отчалили от моего берега. Янис возжелал остаться, предложив себя в качестве сиделки, но отец так на него взглянул, что охота пропала.

- Я утром приду, - шепнул мне младший Зильберг и приложился губами к щеке. Не побрезговал.

Я согласно кивнула. Разговор отнял у меня последние силы. Я закрыла за гостями дверь и прислонилась к стене. Захотелось снова опуститься на четыре ноги и доплестись до кровати. Но я взяла себя в руки, вспомнив про внутренний стержень, успевший закалиться в боях с противником, и по стеночке дошла до спальни...

Янис появился к полудню. Я еще не вставала. В его руке был пакет с продуктами. Мужчина улыбнулся, прижал мое истощенное тело к себе и объявил:

- Не волнуйся, все будет хорошо! Отец уже занимается твоим делом.

Он довел меня до кровати, а сам отправился в кухню. Вскоре оттуда вкусно потянуло яичницей и кофе. Мой желудок вспомнил, что сутки пребывал без пищи и призывно заурчал.

Тут же с подносом появился Янис.

Я с удовольствием умяла его стряпню, а он с умилением смотрел на меня. Перекусив, я почувствовала себя лучше и запросилась на прогулку во двор.

- Может, лучше посидеть на лоджии? - предложил альтернативу Зильберг.

- Может и лучше, - без сожаления согласилась я, вспомнив про Романа Филимонова.

Вдруг он надумает заявиться в гости, и увидит меня в обществе мужчины? Сей факт может его встревожить, и любитель азартных игр пуститься в бег. Останется только сестра Анна, но ее причастность установить весьма сложно. Есть брат Роман, но какие у него жизненные планы, ей неизвестно. Мать отдыхает с внуками в Израиле. Да, в свободное время помогает людям. И мало ли что она наболтала Загадочной! Дочь в ее дела не лезет.

Янисав догадался, что я не склонна к разговорам, и тоже молчал. Затем принес две книги, и мы углубились в чтение, особо не вникая в смысл. Думаю, мужчина переваривал в уме вчерашний разговор и удивлялся моему легкомыслию. И легкости, с которой я сменила надежное пристанище на плавающую льдину.

Я ни о чем не думала, голова напоминала о себе взрывной болью, которая на некоторое время отступала, а потом обрушивалась вновь. Таблетки уже не помогали.

Янис заметил мое страдальческое лицо и силой увел в комнату. Уложил в постель и принес чай с лимоном.

- Выпей и поспи, а я пока займусь обедом.

Засыпая, я слышала шорохи на кухне и представляла себе бабулю, которая готовила любимое лакомство внучки.

- Хорошо, когда ты не одинок. Пусть и временно, - прошептала я.

Поздним вечером вернулся дядя Сеня, и мы сели за стол. Я проспала весь день и плохо соображала, поэтому переспрашивала по несколько раз. Зильберг перешел на короткие фразы, более доступные моему больному недоразвитому восприятию.

Если излагать коротко, то я была права. Фамилия Романа - Филимонов, он брат Анны и сын Ефросиньи. Никогда не был майором ВДВ и, вообще, не проходил службу в рядах Вооруженных Сил. Обычный мошенник: картежный и так, по жизни. Когда бывает на мели, прибегает к богатеньким дамочкам. Филимонова успели задержать на квартире матери, он признался, что обманым путем присвоил деньги гражданки Загадочной, и ему предъявлено обвинение в мошенничестве.

- Роману дадут не больше двух лет? – недовольно протянула я, внимательно выслушав юриста.

- Эта статья большего срока не предусматривает, - развел руками адвокат.

- Интересно, кто та девушка, которая была с Филимоновым в ресторане на Невском проспекте? – неожиданно вырвалось у меня. Я забыла, что наш разговор с Янисом надо держать в секрете. Меня не двигало чувство ревности, элементарное женское любопытство.

По всей видимости, Семен Яковлевич все же был в курсе, кто является передаточной инстанцией, поэтому не уточнил, какую девушку я имею в виду.

- Она его гражданская жена, работает стриптизершей в ночном клубе. Качает из него деньги не хуже пылесоса. Филимонов заявил, что пошел на аферу ради нее. Но думаю, карточные долги сыграли не последнюю роль. – Зильберг исподтишка взглянул на меня.

– Ксана, давай оставим эту тему.

Я догадалась, что мои деньги позволили парочке весело провести время в Германии. Я сама перевела деньги на счет одного из банков Мюнхена, реквизиты мне предоставил Филимонов-Безвольный. Кому принадлежат эти реквизиты – клинике, где мужчина пройдет лечение, или лично этому мужчине, я не удосужилась проверить. Поверила Роману на слово. Никто меня к этому не принуждал.

Но нельзя ко всем людям относиться с подозрением! Людям надо доверять!..

Потом речь зашла о Кукушкине. Я считала, что Лешка осужден ошибочно. И так возмущалась несправедливостью, даже головная боль забылась. Но Семен Яковлевич с умным видом остудил мой пыл.

- В любой ситуации загипнотизированное лицо имело возможность руководить своими действиями в силу сохранения остатков воли.

- А если не сохранились эти... остатки воли? – спросила я, с трудом переварив сказанное.

- Согласно нашему законодательству, – загнусавил опытный юрист, - подобные преступления не относятся к преступлениям, учиненным в состоянии невменяемости. Гипноз парализует волю, но не настолько, чтобы кто-то извне руководил твоими действиями.

- Но загипнотизированный человек становится орудием в руках гипнотизера, он не может осознавать характер совершаемых действий. - уверенно произнесла я. В голове немного просветлело, и я смогла оппонировать Зильбергу.

- Я живу не чувствами, а руководствуюсь действующим Уголовным Кодексом Российской Федерации! – с вызовом констатировал Семен Яковлевич и скептически посмотрел на защитника-дилетанта.

- Значит, Лешка Кукушкин будет досиживать срок, а Ефросинья и Анна «выйдут сухими из воды»? - оторопела я.

- Если Роман Филимонов даст против них показания, то их арестуют за соучастие, но они могут отделаться условным сроком. Это касательно их участия в деле о мошенничестве. Но не думаю, что он пойдет на это. Кто рубит сук, на котором сидит?.. А что касается странных смертей твоих сокурсников, то могу со всей ответственностью сказать, что их дела отправят на дополнительное досудебное расследование. Дело передано опытному следователю. Если все так, как ты излагаешь, то Анне Филимоновой грозит немалый срок за убийство одного или нескольких лиц. Но все очень зыбко. Думаю, эта гражданка пользовалась услугами своей матери.

- Опять гипноз? – нахмурилась я.

- Думаю, да. Человек сам шагнул под колеса мчащегося автомобиля, сам выбросился из окна... Одна надежда на случайных свидетелей.

Больше мы этой темы не касались, пили чай и говорили о погоде, словно Зильберги просто решили нанести мне светский визит.

Янис снова попытался остаться, но отец увел его за руку. Взял, как маленького и увел с собой. Обхохочешься... Или лучше расплакаться?

Я поняла, что обратного пути нет. А хочу ли я вернуть наши отношения назад?..

Время шло, а голова пухла от боли. Я чувствовала, что внутри поселилась опухоль. Она грызла меня. Скоро она двинется дальше. Но до этого моя голова станет раза в два больше, я превращусь в большеголовую уродину и стану медленно покидать этот мир, который был ко мне так жесток! Звучит пафосно и театрально. Мысленно рисовались страшные картинки, одна «лучше» другой.

Мне было очень плохо. Я могла позвонить Славику Смирнову и пожаловаться. Могла, но не имела на это права: зачем втискивать в чужое безоблачное счастье свое гнетущее горе?..

Да, у меня есть деньги на лечение. Но кто сказал, что ТАКУЮ болезнь можно подкупить? От онкологии умерли известные миллиардеры, не мне чета. Надо смириться и ждать.

Или не ждать? А взять и найти в себе силы порвать тоненькую ниточку, связывающую меня с жизнью? К чему терпеть, если конец известен?

Теперь моя измученная болью голова была занята одной мыслью – какой выбрать способ?

И он пришел во сне.

Утром я была относительно бодрой, как больной перед смертью. Я изучила в зеркале свое исхудавшее лицо, поговорила по телефону с Янисом, постаралась убедить его, что пошла на поправку, прихватила ключи от Лужка и вышла на улицу. Летнее утреннее солнце обласкало меня. Я была почти счастлива, словно ехала на свидание с любимым человеком. Или к старой знакомой, с которой могу приятно провести время. Или оказать неоценимую услугу, которая спасет человека.

Услугу-мечту...

И пусть это сказка, а не быль, но я в нее верю. Я хочу кому-то помочь. Помочь по - настоящему, не будучи игрушкой в чужих руках. Мне не нужно взамен ничего. Или... Пусть даст мне силы, чтобы не свернуть с последнего пути...

Я приехала на свое любимое место. Озеро Сердечное сверкало и показывало себя во всей красе. Неожиданно я ухватила взглядом затаившийся среди деревьев большой черный автомобиль. Рядом, прислонившись к стволу, сидел мужчина. Я не могла его разглядеть, да и не хотела. Удивительно, но посторонних я здесь видела впервые. Меня сей факт покорило, словно это место я давно выкупила и считала своей собственностью. Один дед в ватнике имел права приходить сюда на рыбалку.

Я провела рукой по крылу Лужка, будто погладила его на прощание. И пошла к воде. Не сбавляя темпа, я побрела на глубину. Вода ласково заключила меня в объятия. Она была теплой и манящей. Она принимала меня, как долгожданную гостью. Как подругу, способную поделиться последним.

Я могу отдать свое здоровое сердце тому, кому оно нужнее.

Чем глубже я заходила, тем сильнее проваливались ноги в ил. Капкан стягивал их, чтобы не выпустить.

Когда вода дошла до подбородка, меня охватила паника, но я вспомнила родителей и бабушку, с которыми скоро увижусь, и уверенно зашагала дальше...

Эпилог

Вот и встретились два одиночества

На одном пожелтевшем пути,
Неизвестно, судьба иль пророчица
Помогла им друг друга найти...

/ Сергей Архангель /

Когда голова Ксаны исчезла под водой, Нил сначала оторопел, а затем нырнул вслед за ней. Вода в озере, как назло, была мутной, он действовал на ощупь, едва различая окружающие предметы. Вдруг под руку попало что-то мягкое и скользкое. Он схватил это что-то и притянул к себе. Нехватка воздуха сказывалась на сообразительности. Он пошел с ношей по илистому дну, наконец, до него дошло, что можно пробкой вылететь на поверхность и вдохнуть вкусный свежий воздух.

Он так и поступил. Заполнив легкие, Нил Железко, не выпуская бессознательное Видение, лег на спину и поплыл к берегу. На мелководье взял девушку на руки и вышел из воды. Положил ее на траву, заботливо убрал с лица волосы и хотел приступить к оживлению, но глаза Видения открылись, долго оценивали его, и в итоге Оно заявило.

- Красавчик... Ненавижу красавчиков.

Девушка снова потеряла сознание.

Нил покосился на ее автомобиль, который вблизи оказался не совсем крошечным, а представительным зелено-перламутровым «Пассатом», но по сравнению с его «Audi», ему было еще «расти и расти».

- Ты останешься здесь, Лужок, - обратился мужчина к чужому авто. – А почему я назвал тебя Лужком? – спросил он у молчаливого «Пассата», испуганно смотрящего двумя фарами на недвижимую хозяйку. – В общем, не скучай! – сказал он напоследок, подхватил на руки девушку в мокром сарафанчике и двинулся к своей машине, которая предусмотрительно спряталась от солнца под сенью деревьев...

Нил выехал на трассу и помчал «Audi» в сторону города. По дороге он позвонил Мартынову и коротко обрисовал ситуацию, закончив вопросом:

- Потапыч, где ближайшая больница?

Приятель, под рукой которого был интернет, быстро выдал информацию.

- Если все плохо, то сворачивай на поселок Выселки, скоро должен быть указатель, а если время терпит, то гони до города. Так, так, так... Где ж у нас ближайшая... На улице Портовой, двадцать один... Езжай туда, я тебя опережу и все подготовлю.

- Спасибо, Потапыч, - поблагодарил Нил, который не догадывался о состоянии девушки, видел ее бледное лицо, синие губы и умирал от беспокойства. Но решился гнать до города, где врачи более квалифицированные.

- А на что существуют друзья?! Чтобы вовремя протягивать руку помощи!.. – уверенно произнес Мартынов.

Когда Железко свернул к небольшому зданию больницы, их уже ждали.

Он не смог ответить ни на один вопрос: ни как зовут девушку, ни где она живет.

- Она сама все расскажет, когда придет в себя. Она скоро придет в себя! – нисколько не сомневаясь, заявил он и устрашающе посмотрел на врача, который тоже не имел права сомневаться.

Уже через час к ним вышел молоденький жизнерадостный мальчик-доктор, которому при ближайшем рассмотрении оказалось не меньше тридцати пяти лет, и успокоил.

- Ваша подопечная пришла в себя.

- Она на что-то жалуется? - затравленно поинтересовался Нил, словно он привез девушку не в больницу, а в полицию, где она должна дать показания против него.

- Жалуется на постоянные головные боли.

- Это... серьезно? – вмешался Потап Мартынов, который не переставал удивляться заботливости друга.

- Лучше перевезти ее в специализированную клинику на обследование, - порекомендовал улыбчивый доктор.

Нил позавидовал его легкости восприятия окружающего мира.

- Ее можно забрать?

- Можно, если она захочет ехать с незнакомцем, - сощурился он, от уголков глаз при этом пошли лучики. – Вы зайдите к ней в палату и... познакомьтесь для начала.

Нил доковылял до двери, осторожно приоткрыл ее и заглянул внутрь. Девушка лежала на белых простынях и с интересом изучала потолок. В палате была еще одна кровать, но она пустовала.

- Привет, - сказал он, переступая порог. – Как себя чувствуешь?

- А где Лужок? – спросила она, нахмутив лоб.

- Он остался там, у озера, - мужчина кивнул головой в сторону раскрытого настежь окна, за которым веселились неугомонные воробьи.

- Один? – вскинула она брови, удивляясь безответственности мужчины, бросившего у озера ее «ребенка».

- Один, я не мог взять его с собой. – развел он руками, - но сегодня же поеду туда с другом и перегоню твоего Лужка... куда скажешь.

Девушка назвала адрес, подумала и протянула худенькую прозрачную ручку.

- Ксана Загадочная.

- Нил Железко.

- Человек с железным стержнем в груди! – не к месту заявила девушка, погрузившись в свои думы. Но быстро очнулась. – Однажды я тебя уже видела. Ты стоял у ресторана и разговаривал по телефону... Ты заинтересовался мною, - хитро прищурившись, заключила она.

- Почему ты прошла мимо?... А-а- а, я вспомнил, ты не любишь красавчиков! – с усмешкой произнес Нил.

- От... откуда ты знаешь? – поперхнулась Ксана.

- Это первое, что ты успела мне сообщить, когда ненадолго пришла в себя.

- Надо же, - хмыкнула она.

- Доктор сказал, что я могу перевезти тебя в специализированную клинику для обследования.

- Зачем, если диагноз и так известен?

- ???

- У меня опухоль мозга, - спокойно изрекла Загадочная.
- И кто тебе поставил этот нешуточный диагноз? – Нил спросил это с таким удивлением на лице, что Ксана сама усомнилась.
- Никто! Но я это чувствую. – с неосознанным волнением, источником которого не была неизведанная болезнь, сказала девушка.
- А я чувствую, что полюбил тебя в ту минуту, когда впервые увидел летящей над землей мимо меня. – вырвалось у Железко. И он ни капельки не пожалел об этом. – И никому не дам вырвать тебя из моих цепких рук.
- Даже тяжелой болезни? – заинтересовалась девушка.
- И тяжелой, если она есть, и тем более надуманной!..

Уже через три недели Ксана была дома. За это время они с Нилом успели поделиться друг с другом событиями своей короткой, но сложной жизни, которая обещала в будущем быть простой и понятной.

Как оказалось, укус комара привел к осложнениям. От привычного укуса кровопийцы в организме Ксаны поселился паразит, который со временем превратился в червя – белую тонкую нить. У девушки в стрессовом состоянии все шло в ускоренном темпе. Червь стал быстро расти, покрылся капсулой, в результате у Ксаны образовалась опухоль. Но не онкологическое заболевание, а подкожное уплотнение, доставляющее серьезные головные боли. Хирурги обнаружили причину недомогания, провели нехитрую операцию и извлекли капсулу...

- Я благодарю тебя за жизнь, - сказала девушка и положила излеченную голову на плечо мужчины, который уверенно вел автомобиль в сторону облюбованного места.

Вода в озере Сердечном потемнела, август подбирался к сентябрю. На деревьях появились редкие желтые листочки. По небу медленно ползли вытянутые облака, ненадолго закрывая уставшее солнце.

- Как здорово! – задохнулся от счастья Нил и заключил Ксану в объятия. – Как здорово, что жизнь повернула за угол!

Неужели я преодолела границу и теперь нахожусь на белой полосе? – подумала Загадочная, млея в крепких руках мужчины. – Можно шагать по любой, лишь бы вместе.

- Санька! – завопил на всю округу Нил, раскачиваясь вместе с девушкой из стороны в сторону. – Предо мною в сиянии радужном ты предстала святою судьбой, той звездой, что во сне моем сказочном мою душу звала за собой!.. И это не стихи Блока. Это песня моей души!

На другом берегу сидел дед в бессменном ватнике и недовольно косился в сторону громких горожан.

15 января – 3 апреля 2012 года
Отредактировано – декабрь 2012 года